

Н. Г. ИЛЬИНА

КОЛУМБИЯ: ОТ КОЛОНИИ К НЕЗАВИСИМОСТИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Н. Г. ИЛЬИНА

КОЛУМБИЯ: ОТ КОЛОНИИ К НЕЗАВИСИМОСТИ

1781—1819 гг.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1976

Кризис испанского колониального господства в Новой Гранаде, война за независимость и возникновение Колумбийской республики — вот основной круг проблем монографии.

В книге на основе марксистско-ленинской методологии рассматривается социально-экономическое положение страны накануне войны за независимость, восстание комунерос 1781 г., антииспанское движение конца XVIII в., восстание 20 июля 1810 г. в Санта-Фе-де-Богота и провинциях, борьба федералистов против централистов, испанская интервенция. Большое внимание уделено новому подъему освободительного движения, широкому размаху партизанского движения, создавшего необходимые условия для окончательной победы Освободительной армии Боливара и создания независимой Республики Колумбия.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Н. М. ЛАВРОВ

И $\frac{10603-179}{042(02) - 76}$ БЗ — 17—12—76 © Издательство «Наука», 1976 г.

«...как ни мало героично буржуазное общество, для его появления на свет понадобились героизм, самопожертвование, террор, гражданская война и битвы народов»

К. Маркс

ВВЕДЕНИЕ

Война за независимость испанских колоний в Америке 1810—1826 гг. явилась поворотным пунктом в истории народов южноамериканского региона. Она привела к созданию независимых государств, ускорила процесс формирования новых наций. Это выдающееся событие всемирной истории — одна из главных тем латиноамериканской историографии. За прошедшие полтора столетия написаны сотни трудов, изданы многие документы. Тем не менее до сих пор проблемы войны за независимость продолжают оставаться предметом острых дискуссий, касающихся прежде всего трактовки ее характера и целей, оценки участников, а также последствий в социально-экономическом плане. Реакционные историки, рассматривая это событие лишь как составную часть борьбы Испании против нашествия Наполеона, тем самым отрицают, что война за независимость была подготовлена всем ходом исторического развития колоний, поставившим на повестку дня решение ряда социальных вопросов, придавших ей революционный характер. Выдвигая на передний план отдельных героев, от которых якобы и зависел исход борьбы, они представляют массы неспособными на участие в решении судеб нации.

Показать научную несостоятельность подобных концепций — одна из задач первостепенной важности для историков-марксистов. Вот почему изучение этого периода латиноамериканской истории весьма интересно и в теоретическом плане.

Автор настоящей работы избрал предметом своего исследования войну за независимость в Новой Гранаде, положившую начало существованию независимого колум-

бийского государства. В советской историографии эта тема все еще недостаточно разработана — она рассматривалась либо в плане общей борьбы народов всех испанских колоний, либо как один из этапов колумбийской истории. Вместе с тем наличие источников и литературы, нынешнее состояние советской латиноамериканистики позволяют написать специальное исследование, актуальное не только в теоретическом плане.

За последние годы значительно укрепилась дружественные и деловые связи нашей страны с Колумбией, что вызывает потребность в более детальном знании истории колумбийского государства и его народа, в частности войны за независимость. Предлагаемая читателю работа представляет собой попытку подробно осветить важный этап в истории колумбийской нации. Хронологические рамки исследования — от восстания комунерос 1781 г., явившегося по существу прологом к войне за независимость, до создания Республики Колумбия в 1819 г. Это были годы беспримерных подвигов и массового героизма, чем по праву гордится колумбийский народ, годы великих страданий и жертв, принесенных во имя независимости своей родины. В задачу автора входило познакомить советского читателя с этими славными страницами колумбийской истории. Наряду с этим автор пытался исследовать характер социально-экономических отношений в канун войны за независимость, ее исторические предпосылки и движущие силы, решающую роль народных масс, показав при этом научную несостоятельность некоторых «теорий» традиционной и современной колумбийской буржуазной историографии.

В ходе работы над монографией большую помощь оказали документы, содержащие социально-экономическую характеристику страны накануне и в ходе войны за независимость. Среди них важное место занимают «Отчеты вице-королей Новой Гранады. Доклады по экономике»¹, которые завершали срок деятельности любого вице-короля. Эти отчеты дают представление о политике колониальных властей Новой Гранады, содержат сведения по демографии, развитию горного дела, сельского хозяйства, ремесел и мануфактурного производства, а также торгов-

¹ Relaciones del mando de los virreyes de la Nueva Granada. Memorias económicas. Ed. por G. Giraldo Jaramillo. Bogotá, 1954.

ли. Отчет А. Кабальеро-и-Гонгоры (1789 г.) интересен своими предложениями о дальнейшем развитии горного дела и характеристикой группы новогранадцев, образованность которых он подчеркивал своему преемнику. Показательно, что на первом месте упоминалось имя П. Ф. де Варгаса, ставшего в 90-е годы XVIII в. одним из активных борцов с колониальным игом. Отчет вице-короля Ф. де Молтальво, датированный 30 января 1819 г., к сожалению, содержит мало статистических данных, но привлекает внимание некоторыми оценками политического характера.

Ценные сведения о состоянии экономики накануне войны за независимость можно почерпнуть из «Еженедельника королевства Новая Гранада»². Он издавался ученым, а впоследствии активным участником войны Ф. Х. де Кальдасом (1770—1816 гг.). Первый номер «Еженедельника» вышел 3 января 1808 г., последний (№ 46) 1 февраля 1811 г.³ Это был орган креольской верхушки Новой Гранады, заинтересованной в реформах как в сфере экономической деятельности, так и в политической области. Среди его публикаций особый интерес имеют сочинение самого Кальдаса «Географическое положение вице-королевства Сантафэ-де-Боготá с рассказом о ее хозяйстве и торговле», написанное в декабре 1807 г., «Очерк о географии, продукции, промышленности и поселениях провинции Антиокия королевства Новая Гранада» Х. М. Рестрепо, бывшего тогда адвокатом королевской аудиенсии Сантафэ-де-Боготá (очерк относится к началу 1809 г.), а также статьи Х. Камачо о провинции Памплона, Э. Валенсуэлы «О торговле хиной через Картахену с остальной Америкой и Европой». Основной лейтмотив этих очерков и статей — сожаление о неумелом и расточительном использовании природных богатств Новой Гранады.

Корреспонденты «Еженедельника» выступали за отмену монополий и запретов на разведение ряда сельскохозяйственных культур, свободу торговли, как внутренней, так и внешней, развитие ремесел и мануфактурного про-

² *F. J. Caldas. Semanario del Nuevo Reino de Granada, t. 1—3. Bogotá, 1942.*

³ *Ibid., t. 1, p. 11; L. Martínez Delgado, S. Elías Ortíz. El periodismo en la Nueva Granada. 1810—1811. Bogotá, 1960, p. XXXII.*

изводства, строительство дорог. Ярко выраженный патриотический характер этого издания придавал ему определенную политическую направленность. С этой точки зрения весьма интересна редакционная статья «Предложение о просвещении». Отмечая плохую постановку просвещения в стране, она призывала «добрых патриотов» не относиться к этому безразлично и предлагала повсеместное создание школ, которые должны не только обучать грамоте, но и внушать любовь к родине, воспитывая людей, полезных отечеству⁴.

Отмечая значительные природные богатства Новой Гранады, «Еженедельник» пробуждал у читателей чувство гордости за свою родину, выполняя важную роль в деле патриотического воспитания новогранадцев. «Но несмотря на огромные богатства, основная масса населения живет в крайней бедности», — подчеркивали издатели. Так читатели побуждали к размышлениям о причинах нищеты богатой страны и подводили к мысли о необходимости самим новогранадцам распоряжаться своими богатствами.

Не случайно впоследствии издатель этого журнала и весь его авторский коллектив оказались в рядах активных борцов с колониальным режимом.

По характеру материалов и их идейной направленности наиболее близко к «Еженедельнику» стоит сочинение первого новогранадского экономиста, коррехидора г. Сипаккира П. Ф. де Варгаса, о котором упоминал в своем отчете вице-король А. Кабальеро-и-Гонгора. Очерк Варгаса «Политические размышления о сельском хозяйстве, торговле и горном деле вице-королевства Сантафэ-де-Боготá» был написан в конце 80-х годов XVIII в. Он содержал массу разнообразного материала о природных богатствах страны, о степени их использования, о сельском хозяйстве, формах землевладения, характере труда в горном деле и в земледелии, о торговле и препятствиях, мешающих ее развитию, о налоговой системе. Положению населения он посвятил другой очерк — «Памятная записка о населении королевства», написанный в начале 90-х годов. В нем Варгас предлагал освободить индейцев от подушной подати и принудительных работ и дать им землю в собственность, т. е. типично буржуазные меры. Оба очерка Варгаса были опубликованы после его смерти под

⁴ «Semenario», t. 1, p. 70, 71, 84, 87.

общим названием «Политические размышления и памятная записка о населении королевства Новая Гранада»⁵.

Нами использован также целый ряд документов по экономической политике Испании, опубликованных в Венесуэле. Среди них следует упомянуть «Материалы по изучению аграрного вопроса в Венесуэле. 1800—1830 гг.»⁶, которые содержат аграрное законодательство испанской короны в колониях. Представляет интерес сборник документов, составленный венесуэльским историком А. Арельяно Морено под названием «Документы по экономической истории колониальной эпохи»⁷. В последнем содержатся сведения об экономическом развитии Новой Гранады накануне восстания комунерос 1781 г. В него вошли путевые записки М. де Сантиэстебана — коррехидора из Верхнего Перу, которые он делал во время своего путешествия из Лимы в Каракас в 1740—1741 гг. Его наблюдения касаются развития сельского хозяйства, мануфактурного производства, горного дела, рабского и свободного труда, характера внутренней торговли и представляют особый интерес в свете бурных событий, связанных с уже упоминавшимся восстанием комунерос. Помимо записок перуанского путешественника, сборник Арельяно Морено содержит еще два документа, датированных 1761 г. В одном из них (речь идет о «Записке» прокурора⁸ Ф. А. Морено-и-Эскандона) содержатся сведения о количестве индейцев-налогоплательщиков по всей территории Новой Гранады, о размере поступлений в казну от «индейского» налога, который был по сути дела подушной податью, а также данные о количестве негров-рабов в основных золотодобывающих районах и размещении воинских подразделений. Другой документ принадлежит перу доктора Б. В. де Овьедо и называется «Размышления и некото-

⁵ P. F. de Vargas. *Pensamientos políticos y memoria sobre la población del Nuevo Reino de Granada*. Bogotá, 1944.

⁶ *Materiales para el estudio de la cuestión agraria en Venezuela. 1800—1830*. Caracas, 1964.

⁷ A. Arellano Moreno. *Documentos para la historia económica en la época colonial*. Caracas, 1970.

⁸ В испанской терминологии колониального периода прокурором назывался уполномоченный по каким-либо делам. Прокурора имел городской совет — кабильдо. Прокурором назывался также уполномоченный по делам индейцев при королевской аудиенсии (высший судебный и административный орган колонии). В данном случае о нем и идет речь.

рые сведения, предназначенные для священников королевства Новая Гранада». Доктор Овьедо приводит данные о шахтах и населении, о количестве церквей и их роли на больших помещичьих асьендах, о производстве сельскохозяйственной продукции в разных районах Новой Гранады.

К сожалению, приходится отметить, что большинство имеющихся источников по социально-экономическим проблемам касаются отдельных районов или отдельных вопросов, не давая общей картины по стране в целом. Что касается политической истории исследуемого периода, то она представлена гораздо более обширной источниковедческой базой.

Основные документы, относящиеся к восстанию комунерос 1781 г., которое считается прологом войны за независимость, приводятся в приложениях или цитируются в довольно многочисленных монографиях колумбийских историков. С этой точки зрения несомненную ценность представляет 2-томное исследование члена Колумбийской академии истории П. Э. Карденаса Акосты «Движение комунерос 1781 г. в Новой Гранаде». В нем впервые полностью опубликован один из важнейших документов восставших, относящийся к апрелю 1781 г., который они называли «Законом народа», а исследователи «Марсельезой» повстанцев. Автор этого произведения до сих пор окончательно не установлен⁹. В доступной для народа форме в нем рассказывается о причинах восстания, о том, чего добиваются повстанцы. Другой важнейший документ восставших — «Капитуляции», представляющие собой их требования, также приводится в монографии П. Э. Карденаса Акосты. Одновременно он был опубликован Л. Молано Дасой в юбилейном сборнике, посвященном 150-летию независимости Колумбии¹⁰. Остальные источники,

⁹ См. *P. E. Cardenas Acosta. El movimiento comunal de 1781 en el Nuevo Reino de Granada*, t. 1. Bogotá, 1960, p. 121—130.

Документ написан в стихотворной форме и по своему объему напоминает настоящую поэму. Не исключено, что в ее создании принимал участие повогранадский поэт конца XVIII в. Ф. А. Велес Ладрон де Гевара, известный своими стихотворными петициями в адрес генерального ревизора Х. Ф. Гутьерреса де Пиньереса, обнаруженными несколько лет назад колумбийским историком М. Х. Фореро.

¹⁰ *L. Molano Daza. Proceso y sinopsis de la independencia de Colombia (1810—1930)*. Cali, 1960.

касающиеся этого восстания: переписка должностных лиц Новой Гранады с Советом Индий, некоторые материалы Коммуны Сокорро, стихи революционного содержания, приговор руководителям повстанцев — частично опубликованы в работе Карденаса Акосты, а также в монографиях Х. Ф. Гутьерреса «Галап и комунерос», Л. Торреса Алмейды «Восстание Галана — члена коммуны» и Р. Гомеса Ойоса «Гранадская революция 1810 г.»¹¹

Первым издателем документов, непосредственно относящихся к войне за независимость, стал ее участник, «отец колумбийской историографии» Х. М. Рестрепо. Его собрание вышло под названием: «Важнейшие документы Новой Гранады, Венесуэлы и Колумбии»¹². Первый том этого издания охватывал период с 1810 по 1820 г. и содержал переписку вице-королей Новой Гранады с Советом Индий и колониальными учреждениями, прокламации и переписку С. Боливара с Конгрессом и донесения испанских главнокомандующих Такона, Монтеса, Самано и губернатора Санта-Марты различным должностным лицам.

Л. Молано Даса в своем уже упоминавшемся юбилейном сборнике опубликовал несколько основных официальных документов этого периода: акты о независимости провинций Картагена (1811 г.) и Кундинамарки (1813 г.), а также торжественный «Акт» о начале работы в Лейве первого Конгресса Новой Гранады (1812 г.). Собрание содержит также «Основной закон» Республики Колумбия, принятый Ангостурским конгрессом 17 декабря 1819 г.

Э. Ортега Рикаурте, в 60-х годах возглавлявший Национальный архив Колумбии, свой сборник документов посвятил исключительно подготовке событий 20 июля 1810 г. в Сантафе¹³. Это издание не лишено определенной тенденциозности. Э. Ортега Рикаурте — историк консервативного направления — считает «первой и главной причиной революции дело Гутьерреса»¹⁴ — испанского

¹¹ *J. F. Gutiérrez*. Galán y los comuneros. Bucaramanga, 1939; *L. Torres Almeida*. La rebelión de Calán el comunero. Bucaramanga, 1964; *R. Gomez Hoyos*. La revolución granadina de 1810. Ideario de una generación y de una época. 1781—1821, t. 1. Bogotá, 1962.

¹² *J. M. Restrepo*. Documentos importantes de Nueva Granada, Venezuela y Colombia, t. 1—2. Bogotá, 1969—1970.

¹³ Documentos sobre el 20 de julio de 1810 por E. Ortega Ricaurte. Bogotá, 1960.

¹⁴ *Ibid.*, p. XI.

торговца, которого вице-король Амар против воли влиятельной креольской верхушки Сантафе ввел в состав кабильдо. Поэтому и документы подобраны почти исключительно об этом «деле». Заняв центральное место в этом сборнике, на которое оно по своей действительной значимости вряд ли имеет право, «дело Гутьерреса» практически сводит всю революционную ситуацию, предшествующую 20 июля 1810 г., к борьбе за места в кабильдо между креолами и испанцами.

Другой консервативный колумбийский историк, Г. Эрнандес де Альба, назвал свой сборник «Как родилась Республика Колумбия»¹⁵. Его открывает так называемый «Мемориал обид и оскорблений», подписанный членами кабильдо Сантафе 20 ноября 1809 г. Основной смысл документа сводился к тому, что Америка не намерена отделяться, любит Испанию и желает с ней союза, но американцам должны быть открыты все двери к должностям на равных основаниях с испанцами¹⁶. Составленный руководителем умеренного крыла креольской оппозиции Камило Торресом, «Мемориал» даже не вышел за стены здания кабильдо Сантафе. Тем не менее Эрнандес де Альба считает, что он положил начало войне за независимость. Наряду с этим Эрнандес де Альба трактует «Акт о независимости», принятый на чрезвычайном заседании кабильдо Сантафе 20 июля 1810 г., как основной документ революции, хотя в нем ясно сказано: «Следует положить конец... революции, выразившейся в манифестациях, состоявшихся днем и ночью»¹⁷. В сборнике опубликовано также письмо генерального прокурора Х. Асеведо-и-Гомеса своему племяннику от 21 июля 1810 г. и «Воспоминания о нашей революции» Ф. Х. де Кальдаса. Они позволяют судить о роли народа в событиях 20 июля: созыве и ходе чрезвычайного заседания кабильдо, захвате артиллерийского парка, аресте крупнейших испанских чиновников и организации обороны столицы от возможного нападения испанцев.

Обращает на себя внимание публикация Э. Посады «Конгресс Объединенных провинций. Законы, акты и при-

¹⁵ Como nació la República de Colombia, por G. Hernandez de Alba. Bogotá, 1960.

¹⁶ Ibid., p. 26—28.

¹⁷ Ibid., p. 43.

мечания»¹⁸. Это первая попытка собрать воедино многочисленные документы Конгресса, хранящиеся в разных городах страны. Сборник содержит документы за период с 27 ноября 1811 г. до 23 июня 1816 г., т. е. за все время его деятельности. Правда, пользование ими несколько затруднено, так как ни хронологический, ни тематический принцип подбора материалов не соблюден. Но сами документы уникальны. Они отражают сложную внутривнутриполитическую обстановку в Новой Гранаде после событий 20 июля 1810 г., политическую и социально-экономическую стороны деятельности Конгресса, хотя последняя представлена слабее. Издание снабжено также краткими биографиями наиболее выдающихся депутатов Конгресса.

Частично опубликованы документы провинциальных хунт, появившихся на территории Новой Гранады после 20 июля 1810 г. В 1943 г. были изданы материалы, касающиеся событий в долине Кауки в 1811 г.¹⁹ Этот сборник открывается «Актом об учреждении в Кали 1 февраля 1811 г. провинциальной правительственной хунты шести городов долины Кауки, объединившихся в Конфедерацию» по «причине враждебных приготовлений» испанского губернатора Попаяна М. Такона и в связи с необходимостью добиваться освобождения единственного законного суверена, томящегося во французском плену испанского короля Фердинанда VII²⁰. Подобная аргументация борьбы с прежними властями была типичной для умеренного крыла креольской верхушки, пытавшейся на первых порах облечь свое стремление покончить с испанским колониальным игом в форму борьбы с мнимым французским гнетом. Особый интерес для историков представляет документ, свидетельствующий о борьбе негров-рабов против своих угнетателей, имевшей место на территории конфедерации²¹.

В 1963 г. О. Родригес Плата издал документы провинции Сокорро, назвав свою публикацию «Бывшая провинция Сокорро и независимость»²². Это фундаментальное

¹⁸ Congreso de las Provincias Unidas. Leyes, actas y notas recopiladas y publicadas por E. Posada. Bogotá, 1924.

¹⁹ Las ciudades confederadas del Valle del Cauca en 1811. Bogotá, 1943.

²⁰ Ibid., p. 2.

²¹ Ibid., p. 11—12.

²² H. Rodríguez Plata. La antigua provincia del Socorro y la independencia. Bogotá, 1963.

издание содержит массу самых разнообразных источников, относящихся ко всему периоду войны за независимость. В Актах правительственной хунты Сокорро, в различного рода инструкциях должностным лицам нашли свое отражение политические устремления и социально-экономическая платформа креольской оппозиции. Многие страницы этого сборника рассказывают о трагических последствиях испанской интервенции 1819 г. и мужественной борьбе жителей Сокорро за окончательное освобождение от власти Испании.

В 1964—1965 гг. вышли в свет первые два тома «Собрания документов по истории Колумбии», изданных под руководством одного из крупнейших современных исследователей войны за независимость в Новой Гранаде, С. Элиаса Ортиса²³. Первый том полностью, а второй почти полностью содержат испанские источники.

Первый том посвящен Попаяну — оплоту роялистов на юге Новой Гранады. Хронологические рамки — от восстания 10 августа 1809 г. в Кито и до разгрома испанских войск у Бояки 8 августа 1819 г. Том содержит письма, доклады, допесения губернатора Попаяна М. Такона, президента Кито Т. Монтеса, а также других чиновников в связи с важнейшими событиями своего времени — восстаниями, битвами, сменой главнокомандующих и других представителей колониальной администрации. Наибольший интерес представляют «Допесение президента Кито Т. Монтеса министру иностранных дел Испании об экспедиции республиканского генерала А. Нариньо, его поражении и пленении» от 6 июля 1814 г. и рапорт командующего С. де Кальсада вице-королю Х. Самано о положении в Попаяне после поражения испанцев у Бояки.

Второй том посвящен ряду видных деятелей той эпохи. Прежде всего это обширная испанская переписка относительно уже неоднократно упоминавшегося П. Ф. де Варгаса и другие материалы, касающиеся каноника А. Росильо и французского врача Л. де Рье, принимавших активное участие в подготовке антииспанских заговоров накануне войны за независимость, прокурора кабильдо Сантафе И. де Эрреры и командующего испанскими войсками Х. Самано.

²³ Colección de documentos para la historia de Colombia, comp. por S. Elías Ortíz, Ser. I. [Bogotá], 1964; ser. II. [Bogotá], 1965.

В 1969 г. был переиздан «Альбом Бояки» К. Л. Пеньюэлы²⁴, опубликованный в 1919 г. в связи со 100-летней годовщиной решающей битвы. Сборник также содержит испанские документы. Хронологические рамки издания — с начала подготовки испанской карательной экспедиции в 1814 г. вплоть до ее поражения. Среди материалов обращает на себя внимание «Секретная инструкция» министерства по делам Индий главнокомандующему испанским экспедиционным корпусом П. Морильо. В ней определяются цели экспедиции и полномочия главнокомандующего в военной и финансово-экономической сферах. Деятельность экспедиционного корпуса раскрывается в приказах и обращениях П. Морильо.

Важное место в изучении войны за независимость в Новой Гранаде занимают документы крупнейших политических деятелей этого периода: А. Нариньо, Ф. де П. Сантандера и С. Боливара. Ненависть к Нариньо консервативной креольской землевладельческой верхушки, видевшей в нем своего политического противника, привела к тому, что все принадлежащее его перу замалчивалось почти целое столетие. Лишь в начале XX в. колумбийские историки обратились к изучению творческого наследия этого интересного мыслителя и политического деятеля первых лет существования колумбийского государства. В 1903 г. появилось первое издание документов Нариньо, предпринятое Э. Посадой и П. М. Ибаньесом. Оно было продолжено Х. М. Пересом Сармьенто в 1914 и 1928 гг. и Э. Рестрепо Тирадо и Г. Эрнандесом де Альба в 1940 и 1958 гг. Помимо этого, в 1960 г. была переиздана «Багатела» — сатирическая газета А. Нариньо²⁵, издававшаяся с 14 июля 1811 г. по 12 апреля 1812 г. (всего вышло 38 номеров). Газета является ценным источником. Среди других публикаций документов А. Нариньо следует упомянуть также издание его последнего выступления в сенате (14 мая 1823 г.)²⁶, как бы подводящего итог всей деятельности Нариньо и содержащего оценки и характеристики людей, с которыми ему приходилось сталкиваться.

²⁴ C. L. Peñuela. Album de Boyacá. 2 éd. t. 1—2. Tunja, 1969.

²⁵ C. Restrepo Canal. Nariño periodista. Bogotá, 1960.

²⁶ Antonio Nariño, Francisco de Paula Santander y Julio Arboleda. Bogotá, 1936.

Документы Ф. де П. Сантандера изданы почти полностью. Кумир колумбийских господствующих классов, он считается основателем колумбийской государственности. Его консервативные убеждения оказались созвучными настроениям правящих кругов всех времен. Отсюда такое бережное отношение к тому, что вышло из-под его пера. Обширная переписка Сантандера тщательно собрана вплоть до записок буквально в несколько строк и издана в десяти томах²⁷. Первые четыре тома этого издания содержат письма, относящиеся к 1812—1824 гг. В них нашли свое отражение важнейшие события периода войны за независимость. Содержание писем свидетельствует об общности интересов Сантандера с представителями новогранадской земельной аристократии. В 1964 г. вышли первые тома писем в адрес Сантандера²⁸, и мы получили возможность ознакомиться с перепиской Сантандера и Боливара.

Документы С. Боливара, сыгравшего выдающуюся роль в освобождении не только его родины — Венесуэлы, но и всего южноамериканского континента, издавались неоднократно. Основная масса материалов, относящихся к периоду пребывания Боливара в Новой Гранаде, опубликована в каракасском издании «Декретов Освободителя»²⁹. Первый том содержит документы за 1813—1825 гг. Они касаются самых разных сторон деятельности Боливара — военной, административной, политической и социально-экономической.

Для изучения войны за независимость определенный интерес представляют также многочисленные воспоминания современников. В колумбийской историографии чаще всего ссылаются на «Воспоминания священника Хосе Антонио де Торреса-и-Пеньи»³⁰. Их автор — человек консервативных убеждений, и его оценки, на наш взгляд, не всегда верны, но его мемуары, охватывающие период, непосредственно предшествовавший войне за независимость, и антииспанское восстание 20 июля 1810 г. в Сан-

²⁷ *Cartas y mensajes del general Francisco de Paula Santander*, comp. de R. Cortazar, v. 1—10. Bogotá, 1953—1956.

²⁸ *Correspondencia dirigida al general Francisco de Paula Santander*, comp. de R. Cortazar, v. 1—4. Bogotá, 1964.

²⁹ *Decretos del Libertador*, t. 1. Caracas, 1961.

³⁰ *Memorias del presbitero Jose Antonio de Torres y Peña*. Bogotá, 1960.

тафе, представляют определенный интерес для исследователя благодаря обилию фактического материала. В этой книге можно почерпнуть интересные сведения о политике испанских властей, положении в стране после восстания комунерос 1781 г., о роли новогранадской прессы в пробуждении патриотических настроений среди новогранадцев, о политическом положении в Испании после свержения М. Годоя, а также о первых попытках патриотов поднять антииспанское восстание в Новой Гранаде в 1809 г. Особое внимание уделяется событиям 20 июля 1810 г. в Сантафе.

Свидетельствами участников героической обороны Картахены ценен сборник воспоминаний, составленный Э. Леметром³¹. Он содержит воспоминания участников обороны Гарсиа дель Рио и Лино де Помбо, оставивших потомкам рассказы о беспримерном мужестве и стойкости защитников крепости, так и не открывших ворота врагу. Об этом же, не скрывая своего удивления и даже известного преклонения перед героизмом защитников крепости, писал в своих воспоминаниях испанский офицер Р. Севилья. Помимо этих материалов в сборнике помещены документы, касающиеся других важнейших событий истории Картахены: лишения власти испанского губернатора в июне 1810 г., провозглашения независимости от Испании 11 ноября 1811 г. и др. Несомненный интерес представляет также письмо последнего испанского губернатора Картахены Г. Торреса-и-Веласко королю Фердинанду VII, датированное июлем 1819 г. и содержащее критику испанской политики в Новой Гранаде.

Воспоминания генерала Лопеса³², посвятившего свой труд Боливару, отражают военные аспекты борьбы за независимость. Они привлекают исследователя описанием битв и сражений. С особым волнением написаны страницы о битве у Бояки, положившей начало разгрому испанских войск в Новой Гранаде.

Обилием фактического материала и ценными подробностями относительно важнейших событий периода 1810—1819 гг., а также личности многих видных политических

³¹ *E. Lemaitre. Antecedentes y consecuencias del once de noviembre de 1811. Cartagena, 1961.*

³² *M. A. López. Recuerdos históricos de la guerra de la independencia 1812—1826, 2 éd. Bogotá, 1889.*

деятели отличаются воспоминания Х. М. Эспиносы³³. Принадлежа к старинной аристократической креольской семье, связанной с умеренным крылом патриотов, он тем не менее примыкал к радикальному лагерю и до конца дней оставался преданным сторонником А. Нариньо. Вместе с тем, трактуя причины и основные движущие силы войны за независимость, Эспиноса стремился приписать главные заслуги в борьбе за национальное освобождение аристократическим семьям Новой Гранады, находившимся под влиянием Великой французской революции и войны за независимость в Северной Америке.

Именно эта тенденция к возвеличиванию роли богатых креольских семей, которым якобы и принадлежит честь завоевания независимости, характерна для основной массы имевшихся в нашем распоряжении источников. Об участии простых людей, народе упоминается в них лишь вскользь, а то и совсем не упоминается.

О войне за независимость в Испанской Америке существует огромное количество разнообразной литературы. Учитывая, что в недавно вышедших монографиях М. С. Альперовича и А. И. Штрахова³⁴ содержится подробный анализ основных направлений в буржуазной историографии, выполненный на высоком научном уровне, и широко показан вклад историков-марксистов в изучение этого важнейшего периода жизни латиноамериканских народов, мы сосредоточили свое внимание почти исключительно на колумбийской историографии, коснувшись только тех работ зарубежных авторов, которые непосредственно посвящены событиям в Новой Гранаде.

Можно без преувеличения сказать, что война за независимость стала основной темой колумбийской историографии. Ее «отцом» справедливо считается один из активных участников войны, Хосе Мануэль Рестрепо (1781—1863 гг.). Выпускник коллегии «Сан-Бартоломе», в 1808 г. он получил диплом адвоката. С 1809 г. активно сотрудничал в «Ежендельнике», издававшемся Кальдасом. В 1811 г. Рестрепо был избран депутатом в Конгресс от провинции Антиокия. В 1816 г. из-за испанской интервен-

³³ *J. M. Espinosa. Memorias de un abanderado. Bogotá, 1971.*

³⁴ *М. С. Альперович. Революция и диктатура в Парагвае. (1810—1840). М., 1975, стр. 7—22; А. И. Штрахов. Война за независимость Аргентины. М., 1976, стр. 8—43.*

ции эмигрировал на Ямайку и вернулся на родину только в середине 1819 г. Будучи депутатом Конгресса в Кукуте, он входил в состав комиссии, подготовившей проект конституции Республики Колумбия. Впоследствии Рестрепо занимал посты директора Национальной академии и Монашеского двора.

Многосторонняя деятельность открывала Рестрепо доступ к документам и материалам, впоследствии использованным в его монументальном труде «История колумбийской революции»³⁵, впервые опубликованном в Париже в 1827 г. Издание открывалось письмом к Боливару, которому автор посвящал свое сочинение. Второе издание вышло в Безансоне в 1858 г. Это многотомное исследование, охватывающее события от восстания комунерос в 1781 г. вплоть до окончательного изгнания испанцев с территории Новой Гранады в 1823 г., базируется на большом числе разнообразных источников экономического, политического и военного характера как испанских, так и новогранадских. Уникальные материалы, которыми располагал автор, наряду с личными наблюдениями, позволили ему написать фундаментальное исследование, не потерявшее своей ценности и поныне. Обилие фактического материала сделало работу Рестрепо своеобразной энциклопедией.

Рестрепо стал основателем целой исторической школы, известной под названием «классической», или «традиционалистской». Ее отличительной чертой было постоянное расширение источниковедческой базы. Но как основатель этой школы, так и его последователи были далеки от понимания законов развития человеческого общества. Они недооценивали значение экономических факторов, игнорировали борьбу классов. Не видя в народных массах творца истории, они превозносили роль отдельных личностей в историческом процессе.

Интересно остановиться на том, как основатель «классической» школы понимал причины войны за независимость. Он видел их в помехах, чинимых Испанией развитию колониальной промышленности, в торговой монополии, во влиянии войны за независимость и образовании США, в недопущении креолов на ответственные посты,

J. M. Restrepo. Historia de la revolución de la República de Colombia en la América Meridional, t. I—VII, Bogotá, 1942.

в запрещении изучать в учебных заведениях новейшую философию, математику и политические науки³⁶.

Экономическое положение основной массы населения Новой Гранады не интересовало автора, потому что с его точки зрения оно не влияло на развитие событий. По-видимому, не случайно автор обошел молчанием Великую французскую революцию. Господствующие классы Новой Гранады всегда боялись возможности повторения французских событий у себя на родине. Их настроения разделял и Рестрепо. К тому же книга была написана в годы торжества легитимизма в Европе. Кумиром Рестрепо, тесно связанного с умеренным крылом республиканцев, был его лидер К. Торрес. В связи с этим к некоторым оценкам автора следует относиться осторожно.

Так, политические симпатии Рестрепо совсем лишили его объективности в оценке вождя повогранадских радикалов А. Нариньо. Без должных на то оснований Рестрепо обвиняет его и в незаконном захвате власти в 1811 г., и в развязывании гражданской войны, и в отсутствии военного опыта, приведшего к поражению республиканских сил на юге страны в мае 1814 г. А вместе с тем Рестрепо было известно, что президентом Кундинамарки Нариньо стал по воле народа, что в развязывании междоусобиц были в равной степени, если не в большей, виноваты противники радикальной программы Нариньо, испугавшиеся поддержки, которой он пользовался у простых людей, что поражение на юге было вызвано не отсутствием военных талантов у Нариньо, а явилось следствием внутривнутриполитических междоусобиц. Такой сугубо субъективный подход к оценке деятельности Нариньо, за немногими исключениями, к сожалению, сохранялся на протяжении всего XIX в.

Последователем Рестрепо и другим типичным представителем «классической» школы являлся Хосе Мануэль де Гроот (1800—1878 гг.), выходец из богатой голландской семьи, члены которой занимали высокие посты в вице-королевстве, а затем были активными участниками войны за независимость. После окончания войны Х. М. Гроот примкнул к консервативно-клерикальной оппозиции либеральному режиму, объявившему войну церкви и пытавшемуся завершить то, что не смогла довести до конца вой-

³⁶ *J. M. Restrepo. Op. cit., t. I, p. XLVII.*

на за независимость в социально-экономической области. Острая внутривосточная борьба в стране в послевоенный период наложила на исторические исследования Гроота свой отпечаток. Пытаясь возвеличить роль церкви в истории колумбийской нации, он назвал свой пятитомный труд, вышедший в свет в Боготе в 1869 г., «Церковной и светской историей Новой Гранады»³⁷. Ее хронологические рамки — с момента завоевания испанцами в первой трети XVI в. вплоть до 30-х годов XIX в., когда со смертью Боливара распалась Великая Колумбия.

Так же, как и труд Рестрепо, исследование Гроота опирается на огромное число архивных материалов колониального периода и документов первых лет независимости. В трактовке причин войны за независимость Гроот не шел дальше Рестрепо, разве что еще более конкретизировал их, обогащая новыми подробностями. Что касается оценки некоторых ее деятелей, то у Гроота она не всегда совпадает с мнением Рестрепо. Так, в отличие от последнего Гроот высоко ценил А. Нариньо, верным сторонником которого был один из членов его семьи, Педро Гроот. «Нариньо всегда был реалистически мыслящим человеком, и хотя были люди, превосходившие его в некоторых областях знания, но они были только теоретиками, книжными политиками, тогда как Нариньо свои теоретические познания умел связывать с практикой. Он был человеком действия с тонким политическим чутьем»³⁸, — писал Х. М. Гроот.

Хосе Мария Сампер (1828—1888 гг.) стал крупнейшим представителем либерального направления в историографии. Юрист по образованию, он был политическим деятелем, публицистом, историком, географом, поэтом и новеллистом, профессором политического права и основателем и редактором более 20 периодических изданий. Он много путешествовал. Бывал в Аргентине и Чили, долго жил в Европе.

В отличие от Гроота, идеолога консервативно-клерикальной реакции, отражавшей интересы крупных землевладельцев, Сампер был идеологом зарождающейся колумбийской буржуазии и одним из основателей Либераль-

³⁷ См. *J. M. Groot. Historia eclesiástica y civil de la Nueva Granada*, t. I—V. Bogotá, 1953.

³⁸ *J. M. Groot. Op. cit.*, t. III, p. 154.

ной партии. В 1849 г. он написал ее программу, направленную против засилья помещиков-латифундистов и церкви в экономике и подрыв их политического влияния. Среди многих проблем, волновавших страну в послевоенные годы, была и проблема взаимоотношений с Испанией, прерванных в ходе войны. Поэтому споры об оценке войны за независимость, ее предпосылках и последствиях становились все более злободневными. Сампер ответил на них «Очерками о политических революциях и социальном характере колумбийских республик»³⁹. Они были впервые опубликованы в Париже в 1861 г. Сампер утверждал, что Испания несет всю полноту ответственности за революцию в Новой Гранаде. В отличие от своих «классических» предшественников Рестрепо и Гроота, Сампер уделял большее внимание социально-экономическим факторам, приведшим к войне за независимость, в которой он видел явление скорее социального порядка, чем политического. В противовес Рестрепо он оценивал влияние США как очень слабое по сравнению со значительным влиянием Великой французской революции⁴⁰.

Обращение Сампера к изучению социально-экономических сторон войны за независимость снискало ему в консервативных кругах его соотечественников славу «революционера» и «социалиста», каковым он в действительности никогда не был. Когда Либеральная партия пришла к власти, не кто иной, как Сампер выступил против превращения в жизнь наиболее радикальных пунктов им же самим написанной программы.

Обострение борьбы между либералами и консерваторами по вопросам отношений с Испанией, с церковью, представлявшее собой одну из форм проявления противоречий между помещиками-латифундистами, цеплявшимися за сохранение феодальных пережитков в стране, и сторонниками буржуазного прогресса, неизбежно должно было сказаться и в сфере идеологии, в частности в историографии. Неудобные правящим кругам исторические факты стали искажаться или замалчиваться. Сторонники либерального направления и даже последователи «классической» школы в историографии с их тягой к собиранию

³⁹ См. *J. M. Samper. Ensayos sobre las revoluciones políticas y la condición social de las Repúblicas colombianas.* Bogotá, 1942.

⁴⁰ *Ibid.*, p. 43, 138, 140, 141.

фактов оказались в новой обстановке ненужными. Они подверглись откровенной критике справа. То, что ранее казалось ясным и бесспорным, теперь опровергалось. Началась ревизия, казалось, уже устоявшихся взглядов и точек зрения. В историографии начало складываться новое направление — исторического ревизионизма, политически связанного с консервативно-клерикальной реакцией. Это обстоятельство объясняет живучесть этого направления, несмотря на его научную несостоятельность. Оно существует в колумбийской историографии и по сей день, объединяя под своим реакционным знаменем «испанистов», неоконсерваторов и даже неофашистов.

Духовным отцом исторического ревизионизма можно считать Мигеля Антонио Каро (1843—1909 гг.). Воспитанник иезуитского колледжа, он на всю жизнь остался воинственным клерикалом, яростно боровшимся против всякого прогресса, как в сфере идеологии, так и в своей практической деятельности на посту президента Колумбии. М. А. Каро стал идеологом тех, кто в восстановлении связей с реакционной Испанией видел средство помешать торжеству либеральных сил в Новой Гранаде. Вместе с Х. М. Гроотом Каро примкнул к оппозиции либеральному правительству, добиваясь его падения. Вскоре он стал вождем оппозиции. Когда либералы были свергнуты, М. А. Каро возглавил комиссию по составлению проекта новой конституции. Она была принята в 1886 г. Новая конституция закрепила торжество консервативно-клерикальной реакции, восстановив прежние права католической церкви — верного стража интересов землевладельческой верхушки. Воцарилась реакция и в сфере идеологии.

М. А. Каро — один из самых влиятельных политиков консервативной партии — стал идеологом реакции, изложив свои взгляды в опубликованных в 1888 г. «Статьях и речах»⁴¹. Если ранее участники войны за независимость и ее историографы не называли ее иначе, как революцией, то Каро отказался от этого термина, заменив его даже не «войной», а «движением». «Движение 1810 г. было великим и разносторонним, но оно развивалось в рамках законности и было по существу своему монархическим. Это не было движение за республику и незави-

⁴¹ См. *M. A. Caro. Artículos y discursos. Bogotá, 1941.*

симось», — писал Каро. Он утверждал, что его участники ставили своей целью лишь превращение Новой Гранады в полноправную провинцию испанской монархии. Духовные связи с родиной-матерью, Испанией, по Каро, настолько прочны, что никакие события не могут разорвать их ⁴².

Таким образом, налицо был не только отказ от слова «революция», но и откровенная фальсификация собственной истории, самого значительного явления в жизни колумбийцев, которым истинные патриоты привыкли гордиться. Из концепции Каро вытекало, что достижением независимости и установлением Республики они обязаны не героическим подвигам дедов и отцов, проливавших свою кровь в битвах, а милости Испании, даровавшей им свободу. Это была откровенная реабилитация Испании. Взгляды Каро были подхвачены и на протяжении почти целого столетия развивались ультраправыми историками Латинской Америки (Х. Васконселос, Х. Эльгерро, Р. Левене, Г. Фурлонг), Испании (А. Мансанарес и др.) и США (А. Уайтекер, Ч. Арнаде).

Колумбийская реакция взяла на вооружение «исторические концепции» Каро. Ярким примером может служить книга сына диктатора Л. Гомеса А. Гомеса Уртадо «Революция в Америке» ⁴³, опубликованная в 1958 г. в Испании. Ее автор откровенно заявляет, что события 1810 г. в Новой Гранаде не были ни революцией, ни началом войны за независимость, а явились частью борьбы, которую вел испанский народ против Наполеона.

Длительная фальсификация национальной истории консервативно-клерикальными кругами, превратившими ее в оружие борьбы со своими политическими противниками, неизбежно должна была вызвать протест даже в среде буржуазных ученых. Чувствительный удар историческому ревизионизму нанес выпускник иезуитского колледжа Индалесио Льевано Агирре ⁴⁴, ставший основателем «неолиберального» направления в историографии. В 1962 г. в журналах «Семана» и «Ла Нуэва Пренса» он опубликовал большую работу по истории восстания

⁴² См. *M. A. Caro*. Op. cit., p. 180.

⁴³ *A. Gomez Hurtado*. La revolución en América. Barcelona, 1958.

⁴⁴ С 1973 г. министр иностранных дел в правительстве А. Лопеса Микельсена.

комунерос и войны за независимость в Новой Гранаде «Великие социальные и экономические конфликты в нашей истории»⁴⁵. Огромный фактический материал, частично преданный забвению, а во многих случаях вообще никогда не вводившийся в научный оборот, полемический задор и хорошее владение пером обеспечили сочинению Льевано Агирре шумный успех. Благодаря публикации в журналах с исследованием сразу же познакомился довольно широкий круг читателей. Оно было совершенно не похоже на то, о чем с детства твердили многим поколениям колумбийцев, и о нем заговорили. Спрос на труд Льевано Агирре был настолько велик, что вскоре он был издан четырьмя отдельными брошюрами, а в 1969 г. переиздан. В 1972 г. Льевано Агирре опубликовал на основе почти тех же материалов еще одну книгу «Испания и социальная борьба в Новом Свете»⁴⁶, также посвященную Новой Гранаде колониального периода и войне за независимость.

Историческую концепцию Льевано Агирре отличает прежде всего признание классовой борьбы как важного фактора в развитии общества. В отличие от своих «классических» и ревизионистских предшественников Льевано Агирре с большим вниманием относится к судьбе индейцев. Чтобы «заставить их работать на помещиков», — отмечает автор, — новогранадские латифундисты проводили политику разорения индейцев. Концентрация земель в руках немногих, начавшаяся с разграбления индейских общинных земель и распродажи королевских земель в 1680 г., к концу XVIII в. привела к «земельному голоду». Остроту аграрной проблемы Льевано Агирре и считает причиной восстания комунерос 1781 г.⁴⁷ Войну за независимость он рассматривает как социальную революцию. Весьма интересна его характеристика различных политических группировок того времени. Он утверждает, что лагерь «креольской олигархии», куда он включал представителей богатейших креольских семей Новой Гранады вроде Х. М. Пэя, К. Торреса и др., называя их «патрициями», не желал независимости, а мечтал только «раз-

⁴⁵ См. *I. Lievano Agirre. Los grandes conflictos sociales y económicos de nuestra historia*, v. I—IV. Bogotá, [1962].

⁴⁶ *I. Lievano Agirre. España y las luchas sociales del Nuevo Mundo*. Madrid, 1972.

⁴⁷ *I. Lievano Agirre. Los grandes conflictos sociales...*, v. II, p. 210, 216.

делить власть с вице-королем». В противоположность ему радикально настроенное крыло патриотов во главе с А. Нариньо «предприняло попытку развязать народную революцию в Сокорро и Сипакире и восстание рабов в Салданье и Месе», но многие из его участников были арестованы и «поле деятельности осталось за «креольской олигархией». Она надеялась получить власть через кабильдо, дабы предотвратить народные восстания и сохранить свои богатства»⁴⁸.

Подобные утверждения вызвали настоящий переворот в представлениях многих колумбийцев о своем прошлом. События 1810—1816 гг., заполненные, как принято было считать в колумбийской буржуазной историографии, глубины междоусобицами, завершившимися испанской интервенцией и временной реставрацией колониального режима, Льевано Агирре определил как «конфликт между олигархией и народом». Во временном поражении патриотов автор винит богатую креольскую верхушку. «Народные массы были разочарованы политикой креолов. Чего ждать от индейцев, если креолы разграбили «ресгвардос» (индейские общинные земли.— *Н. И.*), отменив законы, защищавшие их прежде от произвола помещиков? Чего ждать от негров, которым Нариньо на юге дал свободу, а К. Торрес отказался утвердить его решение? Испанцы использовали недовольство народа креольской олигархией и именно поэтому проявили заботу об индейцах и неграх, бывших на 95% собственностью креольских магнатов»⁴⁹. В недовольстве народных масс помещиками, пришедшими к власти после изгнания вице-короля, автор и видел причины временных успехов испанцев. «У народов восстание против Испании,— писал Льевано Агирре,— отождествлялось с защитой интересов креольской знати, а этого он делать не хотел. Бороться за Испанию для него значило бороться против креольского гнета»⁵⁰.

Такая трактовка событий также была необычна для колумбийской буржуазной историографии. Причину окончательного поражения испанцев в Новой Гранаде Льевано Агирре видит не в их военной слабости и ошибках

⁴⁸ *I. Lievano Agirre. Los grandes conflictos sociales...*, v. III, p. 155, 125.

⁴⁹ *Ibid.*, p. 191, 217.

⁵⁰ *Ibid.*, p. 217, 136.

военачальников, а в том, что испанцы не смогли предотвратить революцию. «Захватив власть, они забыли о своих обещаниях народу и не смогли устоять перед социальной революцией»⁵¹. Автор совершил своего рода переворот и в оценках некоторых руководителей войны за независимость. Так, К. Торреса он считает выразителем интересов «креольской олигархии», которая постоянно пыталась использовать события в своих узкокорыстных целях, преследуя тех, кто выражал общенациональные интересы⁵².

Однако эта «ценная работа с блестящим объяснением отечественной истории, основанной на борьбе классов»⁵³, по отзыву известного колумбийского историка-марксиста Н. Буэнавентуры, к сожалению, грешит «испанизмом». Как только речь заходит об Испании, И. Льевано Агирре неизменно превращается в идеалиста. Испанский король в его работе выступает не иначе, как покровитель и защитник индейцев, а церковь является его верным союзником в этом. Причем автор совершенно упускает из виду корыстолюбие, которым и объяснялись их «заботы» об индейцах. Идеализм автора в оценке политики испанской короны в индейском вопросе приводит к тому, что основной конфликт колониальной эпохи между индейскими массами и завоевателями и их потомками подменяется конфликтом между короной и завоевателями. По сути своей идеалистична и оценка причин восстания комунерос и войны за независимость. Автор видит весь корень зла в смене королевской династии. Новая династия Бурбонов якобы принесла с собой методы французской колониальной политики, изменив режим торговли, реформировав налоговую систему и вызвав аграрный кризис. Все это привело сначала к восстанию комунерос, а затем к войне за независимость. Но, как метко заметил Н. Буэнавентура, «с Бурбонами или без них история испанской империи все равно проделала бы этот путь»⁵⁴.

Несмотря на явный «испанизм» автора и идеалистический подход к оценке некоторых явлений отечественной истории, его книга вызвала резкую критику со сторо-

⁵¹ I. Lievano Agirre. Los grandes conflictos sociales..., v. IV, p. 235.

⁵² Ibid., p. 217.

⁵³ N. Buenaventura. Cuatro ensayos de interpretación de nuestra historia. Cali, 1969, p. 11—12.

⁵⁴ Ibid., p. 5.

ны клерикально-консервативных кругов, испугавшихся признания роли классовой борьбы в развитии общества, даже не всегда последовательного. Задачу разбить идейные позиции И. Льевано Агирре взял на себя монсеньор Р. Гомес Ойос. В 1962 г. он опубликовал двухтомное исследование «Гранадская революция 1810 года. Идейная направленность поколения и эпохи. 1781—1821 гг.»⁵⁵ Р. Гомес Ойос (род. 1913 г.) — видный колумбийский историк весьма правых взглядов. Начав свою деятельность в качестве духовного лица в провинции Антиокия, он занимался впоследствии преподавательской деятельностью в Национальном университете. Гомес Ойос — автор многочисленных трудов, в основном по колониальной истории Южной Америки⁵⁶. Он является членом Колумбийской академии истории и юриспруденции, Испанской королевской академии истории, Института истории и географии Уругвая и других научных учреждений. По-видимому, не случайно диктатор Колумбии Лауреано Гомес (1949—1953 гг.), основавший Колумбийский институт испанской культуры, назначил его генеральным секретарем института.

Взяв на себя труд опровергнуть взгляды И. Льевано Агирре, которые «существенно затрагивают традиционные концепции» войны за независимость, Р. Гомес Ойос не скрывает, что он намерен указать на ошибки Льевано Агирре потому, что его книга оказывает «влияние на сознание многих социальных слоев»⁵⁷. И Гомес Ойос выполняет свою задачу как в историографическом предисловии, так и на протяжении всего своего двухтомного труда. Любопытно отметить, что, предисловив двухтомнику историографический очерк, что только начинают практиковать колумбийские историки, Гомес Ойос отвел критике книги Льевано Агирре целых девять страниц (почти четверть всего обзора), в то время как десятки крупных имен и работ по войне за независимость удостоились

⁵⁵ *R. Gomez Hoyos. La revolución granadina de 1810. Ideario de una generación y de una época. 1781—1821, t. 1—2. Bogotá, 1962.*

⁵⁶ *R. Gomez Hoyos. Las leyes de Indias y el derecho eclesiástico en la América Española e islas Filipinas. Medellín, 1945; idem. La iglesia en Colombia. Bogotá, 1955; idem. La iglesia de América en las Leyes de Indias. Bogotá, 1961; idem. Creadores de cultura en América Hispana. Bogotá, 1967; idem. La vida heroica del general Córdoba. Bogotá, 1969.*

⁵⁷ *R. Gomez Hoyos. Op. cit., t. 1, p. 40.*

лишь упоминания или формальных характеристик. Это приводит к мысли, что и сам-то обзор понадобился автору лишь затем, чтобы открыто разгромить историческую концепцию Льевано Агирре.

Все в работе Льевано Агирре вызывает недовольство автора. Даже то, что она написана «с огнем и страстью», которые якобы мешают объективности. Он обвиняет Льевано Агирре в том, что «он превращает свою работу в оружие в политической борьбе». Гомес Ойос предъявляет Льевано Агирре обвинение в следовании принципам исторического материализма на том основании, что он везде ищет экономические и социальные мотивы и «хочет показать нам, что наша история есть не что иное, как история борьбы классов»⁵⁸. Но ведь никому не приходило в голову обвинять на том же основании французских реакционных историков Гизо и Тьерри! Гомеса Ойоса раздражает, что во всем Льевано Агирре видит глубокий экономический конфликт — между завоевателями и короной, между аудиенцией и энкомендерос, между иезуитами и короной, между креолами и испанцами, между самими победившими креолами, между креольской олигархией и народными массами. «Это пессимистическая концепция нашей истории, где все мрачно и несправедливо, мелко и злобно»⁵⁹, — возмущается Гомес Ойос.

Подвергается также критике взгляд Льевано Агирре на характер событий 20 июля 1810 г. в Саптафе, которые он считал «скромным государственным переворотом, осуществленным олигархией из кабильдо», а Гомес Ойос называет революционным восстанием⁶⁰. Гомеса Ойоса оскорбляют постоянные нападки Льевано Агирре на представителей богатейших креольских семей Новой Гранады — Кальдаса, Кайседо-и-Флореса, Кастильо-и-Рада и особенно Сантандера. Он также не согласен с мнением Льевано Агирре относительно того, что «настоящий герой 20 июля» Хосе Мария Карбонель — руководитель народных манифестаций, оказался «жертвой олигархии и официальной истории». Он возражает против трактовки борьбы между федералистами и централистами как «простой борьбы между креольской олигархией в лице К. Торреса

⁵⁸ Ibid., p. 41.

⁵⁹ Ibid., p. 42.

⁶⁰ Ibid., p. 44.

и народными классами под руководством А. Нариньо». Он сомневается в научной добросовестности Льевано Агирре, обвиняя его в тенденциозном отборе материалов. В довершение всего Гомес Ойос объявляет книгу Льевано Агирре «новой черной легендой», которую невозможно принять⁶¹.

Подробное знакомство с двухтомной работой Гомеса Ойоса не оставляет сомнений в том, что ее автор является в известной мере продолжателем традиций школы исторического ревизионизма в новых условиях, представителем «неоконсервативного» направления в историографии. Правда, он называет войну за независимость революцией, но видит ее причины не в сфере материальной, а выводит ее из развития идей, духа, являясь последователем Г. Фурлонга. Как типичный «испанист» он видит источник идейного формирования руководителей движения за национальное освобождение в схоластической испанской философии XVI в., в доктринах Суареса и Фомы Аквинского. Он, правда, упоминает впоследствии и имена Т. Гоббса, Д. Локка и Ж. Ж. Руссо (опустив французских энциклопедистов), но как новых толкователей идей общественного договора. Последний, оказывается, принадлежит вовсе не Руссо, который является лишь простым последователем испанских философов XVI в.

Переходя к новогранадским делам, Гомес Ойос и здесь первоисточником всего считает идеи Суареса и его испанских последователей. Так, посвятив целую главу восстанию комунерос 1781 г., он в документах повстанцев усмотрел влияние доктрин Суареса. С его точки зрения статьи Капитуляций о положении и правах индейцев, о необходимости политического равенства между креолами и испанцами, о борьбе против тирании и права на вооруженное сопротивление насилию были продиктованы не жизненными обстоятельствами, а навеяны влиянием идей Суареса и Фомы Аквинского⁶².

Восстание комунерос оказало большое влияние на формирование идей одного из идеологов войны за независимость, А. Нариньо, но это влияние Гомес Ойос опять-таки видит не в сфере реального (учет уроков поражения), а в сфере идеального. Нариньо, которого даже такой

⁶¹ *R. Gomez Hoyos. Op. cit., t. 1, p. 44, 45, 47, 49.*

⁶² *Ibid., p. 183, 185, 189—193.*

реакционный историк, как Гроот, считал человеком действия, Гомес Ойос превратил в абстрактного носителя и последователя идей схоластической философии XVI в. Он совершенно отрицает всякое влияние на Нариньо революционных идей, как североамериканских, так тем более французских. В переводе Нариньо французской «Декларации прав человека и гражданина» Гомес Ойос усмотрел всего лишь влияние испанской католической и юридической традиции и ничего более. В доказательство он ссылаясь на речь Нариньо во время суда. Нариньо — действительно большой знаток Суареса и Фомы Аквинского, приводил выдержки из трактатов этих философов в свою защиту, используя их чисто формальное сходство с некоторыми пунктами «Декларации». В подтверждение своей мысли Гомес Ойос буквально притягивает и «План по управлению Новой Гранадой», представленный Нариньо вице-королю в 1797 г., являющийся, с точки зрения Гомеса Ойоса, лишь воплощением идей Суареса, и его взгляды относительно государственного устройства Новой Гранады, и даже понимание свободы и всеобщего благоденствия тоже преподносятся как развитие идей Фомы Аквинского⁶³.

Таким образом, Нариньо, у которого практические дела сочетались с вполне революционными взглядами на характер переустройства новогранадского общества, предстает перед читателем всего лишь последователем испанской схоластической философии XVI в. и совершенно непонятным становится, за что же испанский король держал его 16 лет в тюрьмах.

Другой характерной чертой концепции Гомеса Ойоса является стремление представить революцию как результат деятельности небольшого круга лиц — представителей богатейших креольских семей Новой Гранады. Эта концепция революции без народных масс, революции без революционных идей довершается мыслью о революции без революционных действий, революции в рамках законности. И здесь стоит остановиться на оценке Гомесом Ойосом роли кабильдо в войне за независимость. Кабильдо, всегда состоявшие из представителей имущих классов и поэтому естественно защищавшие интересы богатых торговцев, шахтовладельцев и латифундистов, автор стремится

⁶³ Ibid., p. 227, 239, 248, 252, 255—256, 261.

ся представить защитником интересов народа. Проводя мысль о том, что даже институт «открытого заседания кабильдо» был предусмотрен в испанском законодательстве (ссылается на «Законы Индии»), Гомес Ойос тем самым втискивает действительно революционные действия жителей Картахены, Памплоны, Сокорро, Сантафе, Кали и других городов Новой Гранады в рамки испанской законности, превращая кабильдо в главный инструмент революции⁶⁴. В действительности же кабильдо накануне войны за независимость, как правило, занимали весьма консервативные позиции, опасаясь революционных перемен больше, чем сохранения прежнего положения вещей.

Гомес Ойос фактически не только ревизовал взгляды старой «классической» школы по проблемам войны за независимость. Его книга направлена на борьбу с революцией. Она является попыткой исказить само понятие революции. Называя войну за независимость революцией, он вместе с тем лишил ее всего того, что делает революцию революцией. У «революции» Гомеса Ойоса нет ни классовой борьбы, ни массовой базы, ни революционных идей. Есть только эволюция доктрин испанской схоластической философии XVI в., которая и выдается за первооснову всех перемен в сфере идеологии и политики. Экономические факторы при этом практически совсем не учитываются.

Итак, проблемы войны за независимость оказались тесно связанными с острой идеологической борьбой на современном этапе. И если прогрессивные силы видят в ней возможности революционного воспитания масс, то реакция, напротив, фальсифицируя события, выхолащивая их революционное содержание, проводит тем самым своеобразную идеологическую диверсию, конечной целью которой является борьба с революцией на современном этапе.

Острая идеологическая борьба, характерная для общих работ по истории войны за независимость, в той или иной степени сказывается и в трудах по отдельным, частным проблемам этого периода. Взять хотя бы литературу по экономическим вопросам. Здесь также можно найти представителей разных направлений — от последователей

⁶⁴ R. Gomez Hoyos. Op. cit., t. 2, p. 375, 386, 392, 398—400, 403.

«классической» школы до исторических ревизионистов разных оттенков и разновидностей.

Работу Л. Ospina Васкеса «Промышленность и протекционистская политика в Колумбии. 1810—1930»⁶⁵ в части, касающейся колониального периода и войны за независимость, отличает солидная источниковедческая база. Автор обильно цитирует интереснейшие архивные материалы, впервые вводя их в научный оборот. Проблематика исследования значительно шире той, которая значится в названии книги. Л. Ospina Васкес, опираясь на поистине уникальные материалы национальных архивов, достаточно глубоко осветил такие вопросы, как процесс закрепощения индейского населения, развитие внутренней и внешней торговли и политику Испании в этой области. Зарождение колумбийской промышленности прослеживается на протяжении всего колониального периода. При этом отмечается роль принудительного труда индейцев и негров-рабов. Огромный фактический материал, использованный автором, позволил ему довольно подробно отобразить экономическую жизнь Новой Гранады накануне войны за независимость. Он дал экономическое районирование страны, положив в его основу род занятий населения и его расовый состав, характер труда (принудительный или свободный), степень изолированности от других районов и размеры и формы экономических связей с остальными частями Новой Гранады и внешним миром. Все это делает исследование Л. Ospina Васкеса заметным явлением в колумбийской историографии.

А. Крусa Сантоса — автора книги «Экономика и финансы»⁶⁶ скорее всего можно отнести к числу последователей Х. М. Сампера. Его роднит с ним оценка причин войны за независимость. «Революционное движение, окончательно оформившееся в Испанской Америке к 1810 г., — пишет А. Крус, — несомненно, назревало задолго до этого. Вспышки недовольства и мятежи имели место в эпоху завоевания и тем более в колониальный период, когда завоеватели сгоняли аборигенов с земли, истребляли их, душили зарождающуюся промышленность, не вы-

⁶⁵ *L. Ospina Vasquez. Industria y protección en Colombia. 1810—1930. Medellín, 1955.*

⁶⁶ *A. Cruz Santos. Economía y hacienda pública, t. I.— «Historia extensa de Colombia», v. XV. Bogotá, 1965.*

пускали из рук монополию торговли, взимали непомерные налоги, дискриминировали креолов. Не сбрасывая со счетов и другие политические факторы, выявившиеся в последний момент и приблизившие революцию, мы склоняемся к мысли, что самым решающим в освободительной борьбе был экономический фактор»⁶⁷.

Работу А. Круса также отличает солидная источниковедческая база. Это прежде всего интересные материалы о социально-экономическом развитии Новой Гранады накануне войны за независимость и политике последних вице-королей в области экономики. Автор уделяет большое внимание экономической программе сторонников независимости, анализируя ряд интереснейших документов патриотов. А. Крус принадлежит к числу тех редких авторов, которых интересовала политика испанских интервентов в области экономики и финансов в 1816—1819 гг. Он показывает, что провал интервенции был вызван не только героической борьбой патриотов Новой Гранады, но и крахом экономической политики интервентов. Значительно большее внимание, чем другие авторы, А. Крус уделяет социально-экономическим итогам войны за независимость. Анализируя республиканское законодательство и другие документы первых послевоенных лет, он показывает острую борьбу в правящих кругах по вопросу о рабстве, политику правительства по отношению к индейцам и их землям, политику Республики в области торговли и финансов.

Автор «Очерков по социальной истории Колумбии»⁶⁸ Х. Харамильо Урибе, в отличие от А. Круса, в оценке причин войны за независимость придерживается весьма консервативных убеждений, очень схожих со взглядами Гомеса Ойоса. Х. Харамильо приходит к выводу, что идейным источником формирования взглядов поколения, завоевавшего независимость, было испанское право, схоластическая философия XVI в.⁶⁹, на том основании, что

⁶⁷ *A. Cruz Santos. Op. cit., t. I, p. 196—197 (цит. по: С. А. Гонионский. Колумбия. Историко-этнографические очерки. М., 1973, стр. 92).*

⁶⁸ *J. Jaramillo Uribe. Ensayos sobre historia social colombiana. Bogotá, 1968.*

⁶⁹ *J. Jaramillo Uribe. Influencias del pensamiento español escolástico en la educación política de la generación precursora de la Independencia en la Nueva Granada.— «El movimiento emancipador de Hispanoamérica», t. IV. Caracas, 1961, p. 393.*

все руководители освободительной борьбы получили образование в испанских высших учебных заведениях, где эти предметы занимали центральное место в преподавании. В подтверждение своей точки зрения автор приводит выдержки из документов комунерос, из речи Нариньо на суде и других источников, якобы свидетельствующих о его правоте. Но в одних случаях речь идет лишь о казуистике, в других — об их весьма сомнительном толковании.

Взять хотя бы случай с Нариньо, который приводил на суде выдержки из доктрин Фомы Аквинского. Нариньо судили за перевод и распространение одного из главных документов Великой французской революции — «Декларации прав человека и гражданина». Ему грозило длительное тюремное заключение, и Нариньо построил свою защиту на чистой казуистике. Он пытался доказать судьям, что французский документ не противоречит догмам испанского права, приводя в доказательство те самые цитаты из Фомы Аквинского, за которые теперь ухватились Харамильо, Гомес Ойос и другие консервативные авторы. Но ведь даже судьи XVIII в. не поверили Нариньо. Как же могут современные историки всерьез относиться к этому?

Что же касается фактического материала, использованного Х. Харамильо в «Очерках по социальной истории Колумбии», то он представляет большую ценность. Автор использовал источники по вопросам, которые прежде почти не интересовали колумбийских историков, — положения и борьбы рабов, их роли в экономике Новой Гранады накануне войны за независимость, политики испанского короля, пытавшегося смягчить положение рабов, чтобы не допустить обострения социальных конфликтов, и стремления шахтовладельцев и плантаторов любыми путями обойти королевское законодательство, касающееся рабов.

Многие колумбийские историки занимались отдельными периодами политической истории Новой Гранады. Так, довольно значительное число работ посвящено 90-м годам XVIII в., времени активной антииспанской деятельности новогранадских патриотов. Среди них выделяются книги двух буржуазных авторов либерального направления Р. М. Тиснеса «Великоколумбийские движения накануне независимости» и М. Агилеры «Законодательство и право

в Колумбии»⁷⁰. Обе они написаны на основе архивных документов и содержат много интересного фактического материала, впервые введенного в научный оборот. В книге Тиснеса затрагивается также вопрос об отношении Англии к освободительному движению в Новой Гранаде. Документы, приведенные автором, свидетельствуют о том, что английское правительство не оказывало какой-либо конкретной помощи новогранадским патриотам в деле подготовки антииспанского восстания. М. Агилера в своей работе приводит новые материалы относительно попыток испанского двора помешать распространению влияния Великой французской революции на свои колониальные владения в Америке. Оба автора придерживаются мнения, что к войне за независимость Новую Гранаду побудили исключительно внутренние причины.

Среди историков, занимающихся периодом испанской интервенции в Новую Гранаду в 1815 г. и окончательного изгнания испанцев с новогранадской территории, особое место занимает член Колумбийской академии истории О. Диас-Диас. Автор двухтомного исследования «Испанская реконкиста» и монографии «Семья Алмейда. Эпизоды сопротивления патриотов армии по умиротворению «Твердой земли»⁷¹ является одним из самых крупных историков современной Колумбии. Его работы написаны в традициях старой «классической» школы. Они построены на использовании ценнейших архивных документов и содержат огромное количество фактического материала. Правда, характерные для «классической» школы черты, такие как недооценка роли экономического фактора, игнорирование роли народных масс и классовой борьбы, наложили свой отпечаток на труды академика О. Диаса-Диаса. Тем не менее его работы интересны с точки зрения разоблачения истинной сущности испанской политики в период интервенции 1815—1819 гг.

Отмечая бессмысленную жестокость испанских карателей, заливших кровью страну, принесших горе и страдания почти в каждую новогранадскую семью, он приво-

⁷⁰ R. M. Tisnés. Movimientos pre-independientes grancolombianos. Bogotá, 1962; M. Aguilera. La legislación y el derecho en Colombia.— «Historia extensa de Colombia», v. XIV. Bogotá, 1965.

⁷¹ O. Díaz Díaz. La reconquista española, t. 1—2. Bogotá, 1964—1967; *idem*. Los Almeydas. Episodios de la resistencia patriota contra el ejército pacificador de Tierra Firme. Bogotá, 1962.

дит десятки неопровержимых документов. Интересны материалы, относящиеся к возникновению и развитию партизанского движения. Правда, здесь историческая позиция О. Диаса-Диаса не может быть принята безоговорочно. Человек консервативных убеждений, он отводит аристократии ведущую роль в историческом процессе. Так, о начале партизанского движения против испанских интервентов О. Диас-Диас пишет буквально следующее: «Семья Алмейда, Гутьеррес, Моралес, Барайя, Родригес и Рикаурте положили начало герилье»⁷².

Правда, в самом исследовании у автора проскальзывают материалы, свидетельствующие о том, что сопротивление испанцам началось снизу. Простые люди чаще, чем представители богатых классов, оказывались жертвами карателей, и это толкало их на протест против угнетателей. Документы, использованные автором, свидетельствуют о том, что и первым партизанским отрядом в Новой Гранаде руководил солдат. Однако в целом о роли народа в партизанском движении можно судить лишь по косвенным данным. Так, сообщая о жестокости военных трибуналов, О. Диас-Диас называет имена расстрелянных. И это в своем большинстве простые люди — солдаты, содержатели мелких лавочек и кабачков, портные и сапожники. Тем не менее автор все свое внимание сосредоточивает на богатых креольских семьях, которые, с его точки зрения, и решали судьбы Новой Гранады.

Истории одной такой семьи Алмейда он посвятил даже целое исследование⁷³. Показав ее участие в партизанском движении, О. Диас-Диас проводит мысль о том, что эта богатейшая помещичья семья сыграла чуть ли не решающую роль в окончательном завоевании независимости Новой Гранады. В связи с историей семьи Алмейда О. Диас-Диас приводит много интересных фактов о партизанском движении и отдельных его участниках. Эти материалы представляют для историков подлинный интерес. Они раскрывают роль той массовой базы, на которую опирались богатейшие креольские семьи и без которой они были бы бессильны, несмотря на их деньги. В связи с арестом братьев Алмейда О. Диас-Диас довольно подробно останавливается на роли Поликарпы Салавариэты,

⁷² О. *Díaz Díaz*. *La reconquista española*, t. 1, p. 182.

⁷³ О. *Díaz Díaz*. *Los Almeydas*.

девушки из народа, активно участвовавшей в подготовке восстания в Сантафе в августе 1817 г. Расстрелянная испанцами, Поликарпа стала национальной героиней колумбийского народа.

Множество работ буржуазных авторов прошлого и нынешнего века посвящены военной кампании патриотов на заключительном этапе войны за независимость. Все они более или менее подробно освещают ход военных действий, приведших к окончательному изгнанию испанских завоевателей с новогранадской земли. Наиболее интересными из них мы считаем книги полковников А. Лосано Клевеса («Так была завоевана независимость») и К. Рианьо («Освободительная кампания 1819 г.»), а также работу Ф. Лосано-и-Лосано «Ансоатеги»⁷⁴. Они содержат большой фактический материал, касающийся как чисто военной стороны дела, так и некоторых вопросов гражданской истории.

А. Лосано Клевес, к примеру, много пишет об отношениях между Пасто и Попаяном в 1811—1812 гг., во многом определивших неблагоприятную для республиканцев обстановку на юге Новой Гранады, а также сообщает интересные данные о ходе борьбы между центральными провинциями и Картахеной накануне прибытия испанской карательной экспедиции.

Полковник Рианьо — наиболее крупный военный историк Колумбии наших дней, почти постоянный автор журнала «Вооруженные силы», член Колумбийской академии истории. Его работа затрагивает ряд интересных вопросов, связанных с освободительной кампанией Боливара 1819 г., например характер военной организации, созданной Сантадером в льяносах Касанаре, стратегические замыслы Боливара и испанского главнокомандующего Морильо, помощь народа Новой Гранады освободительной армии Боливара, политические последствия поражения испанцев у Бояки в августе 1819 г.

Книга Ф. Лосано-и-Лосано, посвященная венесуэльскому полководцу Ансоатеги, также в значительной своей части касается хода освободительной кампании в Новой Гранаде 1819 г. Она хорошо документирована. В частно-

⁷⁴ *A. Lozano Cleves. Así se hizo la independencia. t. I—II. Bogotá, 1959—1961; C. Riaño. La campaña libertadora de 1819. Bogotá, 1969; F. Lozano y Lozano. Anzoategui. Bogotá, 1963.*

сти, большой интерес представляет цитируемая автором переписка испанского полковника Бореиро, командовавшего экспедиционным корпусом в Новой Гранаде, с П. Морильо, находившимся в тот период в Венесуэле, и Морильо с испанским военным министром относительно последствий победы Боливера у Бояки.

Труд Ф. Лосано-и-Лосано не является исключением. Биографии деятелей войны за независимость, как правило, содержат интересные материалы. Имеется множество биографий Боливера, принадлежащих перу историков многих стран. Одно их перечисление заняло бы несколько страниц. В связи с тем, что большинство из них использовалось И. Лаврецким в его работе «Боливар»⁷⁵ и что тема Боливера — предмет специального исследования, а нами затрагивалась только в той мере, в какой это было необходимо, чтобы не нарушать канву повествования, мы сочли возможным не анализировать их. Отметим лишь, что по нашим наблюдениям о Боливаре — освободителе Новой Гранады — на протяжении полутора столетий сами колумбийцы писали сравнительно немного. Это объясняется тем, что Боливар в последние годы своей жизни стал противником Сантандера — одного из влиятельнейших политиков Новой Гранады периода становления независимой колумбийской республики. В последние полтора-два десятилетия положение начало меняться, и в Колумбии стали чаще появляться статьи и книги, посвященные Боливару.

По тем же политическим мотивам ни один из крупнейших колумбийских историков долгое время не брался за написание биографии Нариньо. Первая научная биография Нариньо, получившая в 1936 г. национальную премию и в течение нескольких лет выдержавшая два издания, принадлежит писателю и историку Р. Ривасу⁷⁶. Это одна из самых известных биографий Нариньо. Она написана на основе источников, впервые использованных в исторической литературе. Автор собрал массу подробностей, раскрывающих характер, политические идеалы и практическую деятельность человека, с именем которого связано провозглашение независимости страны в 1813 г.

⁷⁵ И. Лаврецкий. Боливар, 2-е изд. М., 1966.

⁷⁶ R. Rivas. El andante caballero don Antonio Nariño: La juventud (1765—1803), 2 ed. Bogotá, 1938.

Р. Ривас, опираясь на документы, показал, что Нариньо и его сторонники испытывали известное влияние Великой французской революции. К сожалению, работа над последним периодом жизни Нариньо не была продолжена автором.

Другая наиболее популярная биография Нариньо принадлежит А. Мирамону⁷⁷. Она также написана на основе широкого круга источников. Нариньо показан на фоне сложной политической борьбы в Новой Гранаде в конце XVIII — начале XIX в. По своим политическим симпатиям автор принадлежит к числу небольшого круга историков, которые весьма критически относятся к оценке деятельности такого консервативного политика, как кумир колумбийской реакции Сантандер. Поэтому Мирамон впервые предал гласности документы, ранее упорно замалчивавшиеся официальными кругами. Эти документы свидетельствуют о беспрецедентной травле Нариньо после его возвращения на родину из последней испанской тюрьмы. Вдохновителем этой кампании был Сантандер.

Большой фактический материал о войне за независимость содержится также в биографиях лидера умеренного крыла патриотов К. Торреса и других деятелей: П. Ф. де Варгаса, Х. Ф. де Рестрепо, Ф. Х. де Кальдаса, А. Росильо и А. Сантос Платы⁷⁸.

Проблемы колониальной истории и войны за независимость занимают заметное место в работах колумбийских историков-марксистов. Они пока не создали много томных трудов, но в тех небольших по объему работах, которые вышли на протяжении последних двух десятилетий, они сумели дать марксистскую интерпретацию узловых моментов этого периода национальной истории. С этой точки зрения представляет интерес статья старейшего колумбийского коммуниста А. Кимбайя «Первые крупные события нашей революции комунерос»⁷⁹. Она направлена

⁷⁷ А. *Miramon*. Nariño. Una conciencia criolla contra la tiranía. Bogotá, 1960.

⁷⁸ *J. M. Forero*. Camilo Torres. Bogotá, 1950; *J. R. M. Tisnés*. Un precursor don Pedro Fermín de Vargas. Bogotá, 1969; *M. Ospina*. El dr. Jose Félix de Restrepo y su época, 3 ed. Bogotá, [s. a.]; *Pombo Lino de*. Francisco Jose de Caldas. Bogotá, 1958; *H. Rodríguez Plata*. Andrés María Rosillo y Meruelo. Bogotá, 1944; *idem*. Antonia Santos Plata. Bogotá, 1969.

⁷⁹ А. *Quimbaya*. Primeras grandes jornadas de nuestra revolución comunera.— «Documentos políticos», 1965, N 48, p. 37—55.

против концепции Х. Арсиньегаса — историка праволиберального толка, пытавшегося изобразить восстание комунерос случайным явлением, вызванным введением новых налогов⁸⁰. А. Кимбайя показал историческую неизбежность того социального взрыва, которым явилось восстание комунерос, его массовую базу и революционный характер, его место в ходе развития социально-экономических и политических процессов, происходивших в стране.

После выхода в свет книги И. Льевано Агирре, о которой уже упоминалось, и того широкого резонанса, который она получила в кругах прогрессивной колумбийской интеллигенции, у историков-марксистов возникла необходимость проанализировать не только ее положительные стороны, но и отметить некоторые отрицательные моменты, которые могли оказать вредное влияние, особенно на молодежь. С этой задачей блестяще справился Н. Буэнавентура, в 1969 г. проводивший специальный семинар в университете Сантьяго-де-Кали, посвященный проблемам истории, на котором, в частности, рассматривалась и работа И. Льевано Агирре. Материалы, с которыми выступил на нем Н. Буэнавентура, впоследствии были опубликованы и составили два очерка из четырех, вошедших в его брошюру «Четыре очерка по истолкованию нашей истории»⁸¹.

Отдав должное ценности книги Льевано Агирре с ее классовым подходом к объяснению социальных процессов, Н. Буэнавентура сосредоточил свое внимание на раскрытии того идеологического вреда, который она может нанести. И прежде всего обратил внимание на «испанизм» исторической концепции Льевано Агирре. Н. Буэнавентура очень тонко подметил весь механизм формирования этой реакционной по своей сути идеологии, а отличное владение историческими фактами помогло ему аргументированно показать ее псевдонаучность. Очень убедительно раскритикована Буэнавентурой концепция одного героя — творца истории, которая красной нитью проходит во всех работах И. Льевано Агирре и, в частности, в той, о которой идет речь. Н. Буэнавентура показал, что, превознося отдельную личность, даже такую, как Галан — вождь

⁸⁰ Ibid., p. 37, 41, 50.

⁸¹ N. Buenaventura. Cuatro ensayos de interpretación de nuestra historia. [Cali, 1969].

комунерос, автор тем самым забывает о народных массах, которые всегда были и остаются подлинными творцами истории.

Наряду с показом слабых сторон в работе Льевано Агирре Н. Буэнавентура ответил на ряд коренных вопросов истории колониального периода, которые либо никогда не ставились буржуазными авторами, либо не находили должного ответа. Он четко сформулировал социально-экономические предпосылки войны за независимость. Отметив борьбу двух укладов — рабовладельческого и феодального, на фоне которой происходило восстание комунерос, Н. Буэнавентура дал марксистскую интерпретацию причин его поражения, на убедительных примерах показав неотвратимость прогресса в историческом развитии. Получили оценку роль испанской короны и церкви в эксплуатации индейского населения, роль кабильдо как инструмента власти креольской верхушки, сущность энкомьенды — колониального института рабского происхождения. Характеризуя предпосылки войны за независимость, Н. Буэнавентура дал блестящую интерпретацию социально-экономической и финансовой политики испанского короля Карла III, объективно способствовавшей созреванию необходимых условий для разрыва колониальных уз с Испанией.

Война за независимость является также темой специальной статьи Н. Буэнавентуры⁸². Она была опубликована в теоретическом органе компартии — журнале «Документос политикос», что свидетельствует о том, насколько важна марксистская трактовка основных проблем войны за независимость в сегодняшней идеологической борьбе. Н. Буэнавентура отмечает прежде всего народный характер войны. «Война за независимость была народной борьбой с первого дня, но только после многих лет страшных поражений и жертв ее руководители, принадлежавшие к высшим классам общества, поняли необходимость участия народа в борьбе за свободу и процветание. И именно тогда, когда народ смог в полной мере принять участие в освободительной войне, это придало ей революционный характер и решило ее исход в нашу

⁸² N. Buenaventura. Sesquicentenario y de nuevo la guerra de independencia.— «Documentos políticos» (Bogotá), 1960, N 19, p. 20—30.

пользу»⁸³. Он считает войну за независимость революцией. «Независимость не была только переменной хозяина и кнута, а системы труда и жизни. Никто тогда не умел говорить слов «феодализм» или «капитализм», но дело от этого не менялось»⁸⁴.

Отмечая социальный характер войны за независимость, Н. Буэнавентура писал: «В нашей войне за независимость слились разные силы, вплоть до антагонистических. Колон хотел свободы в обработке земли, чтобы не платить налог хозяину, а хозяин хотел свободы для дезамортизации земель духовенства и ресгуардос и изгнания колона»⁸⁵. Обострение классовой борьбы пугало богатых креолов. «Когда испанское правительство было низложено, и креолы укрепились у власти,— пишет Н. Буэнавентура,— они начали отступать назад, считая самым благоразумным сохранять старое положение вещей — монополии, налоги, грабеж земель, рабство, крепостное право»⁸⁶. Это в свою очередь вызвало «недовольство крестьян и людей из народа, а испанцы, будучи ловкими политиками, стимулировали и использовали в своих целях это недовольство. Монтеверде и Бовесу в льяносах, а Такону в Кауке удалось привлечь к себе наших людей и противопоставить их революции»⁸⁷. В этих условиях Морильо сумел одержать временную победу над патриотами. «Но когда Морильо наводнил страну своими войсками, разбил армию патриотов, восстановил колониальный режим в Боготе и установил царство террора, убив почти всех лучших людей, боровшихся за республику, когда все это произошло, революция независимости не умерла, потому что в Сокорро, в Кауке, в Толиме, в льяносах крестьяне и партизаны сохранили революционное пламя»⁸⁸. С. Боливар, «проявивший себя самым великим из вождей патриотов», дал свободу рабам и землю солдатам. «Когда льянерос, пастухи-пеоны, свободные колонны, негры, получившие свободу, ремесленники и крестьяне Венесуэлы и Колумбии приняли участие в войне и во главе с Паэсом, Сантандером, Сукре и Боливаром создали силь-

⁸³ Ibid., p. 20.

⁸⁴ Ibid., p. 22.

⁸⁵ Ibid., p. 24.

⁸⁶ Ibid., p. 23.

⁸⁷ Ibidem.

⁸⁸ Ibidem.

ную армию, прошедшую почти всю Южную Америку, это решило конфликт в нашу пользу»⁸⁹.

Проблемы колониального периода и основные этапы войны за независимость исследованы также в первой колумбийской марксистской монографии, специально посвященной этому периоду и принадлежащей коммунисту А. Дельгадо⁹⁰. Хорошее знание источников и литературы позволило автору написать серьезный научный труд, подобно которому еще не было в колумбийской историографии. В нем нашли свое отражение достижения колумбийских марксистов в разработке проблем национальной истории. В книге дается четкая марксистская интерпретация основных проблем колониальной истории. Выводы и оценки автора солидно аргументированы и представляются очень убедительными. Взять хотя бы вопросы о роли испанской короны и церкви в колониальный период, бывшие на протяжении длительного времени благодатной почвой для процветания реакционных концепций «испанизма». А. Дельгадо, отлично владеющий конкретными историческими фактами, доказал, что идеализация Испании и католической церкви, характерная для многих поколений колумбийских историков, служила классовым интересам реакции, использовавшей «испанизм» в борьбе с прогрессивной идеологией.

А. Дельгадо уделил большое внимание социально-экономической истории колониального периода и, в частности, вопросу формирования социально-экономической формации. Его характеристика укладов, сосуществовавших в Новой Гранаде конца колониального периода, и анализ процесса закрепощения основной массы крестьянского населения — индейцев построены на серьезной источниковедческой базе. Большой фактический материал привлекается автором для аргументации исторической неизбежности разрыва колониальных уз с Испанией, которые мешали дальнейшему развитию производительных сил. Анализируя восстание комунерос, А. Дельгадо показал сильные экономические позиции иезуитов, а также их огромную роль в сфере образования. Их влияние было в корне подорвано в результате изгнания Карлом III па-

⁸⁹ N. Buenaventura. Sesquicentenario..., p. 24.

⁹⁰ A. Delgado. La colonia. Temas de historia de Colombia. Bogotá, 1974.

кануне восстания. До Дельгадо никто из историков не задавался этими вопросами. Не исключено, что тщательные поиски в колумбийских архивах могут открыть новые страницы в истории этого церковного ордена.

Война за независимость показана автором как логический конец колониальной зависимости. Никакие силы не могли предотвратить войну, подготовленную всем ходом исторического развития Новой Гранады. Испанский колониальный режим к концу XVIII в. был обречен не только экономически, но и политически, вызывая всеобщее недовольство. Но исход борьбы решили народные массы, поднявшиеся на борьбу против испанского господства⁹¹.

Автор осветил главные моменты в войне за независимость, дающие четкое представление о ее основных этапах и итогах.

Монография А. Дельгадо содержит яркие характеристики ведущих политических деятелей как колониального периода, так и войны за независимость. Все это делает ее заметным явлением в колумбийской историографии.

Среди зарубежных исследователей войны за независимость в Новой Гранаде прежде всего следует отметить испанских историков. Их работы, как правило, базируются на документах, хранящихся в Архиве Индий в Севилье. Наиболее интересной нам показалась книга консервативного историка Х. М. Отс-и-Капдеки, посвятившего свое исследование политическим и социальным институтам Новой Гранады накануне войны за независимость⁹². Оправдывая политику Испании, он пишет, что в первые годы войны за независимость эта политика была направлена на то, чтобы мирным путем, по-справедливости разрешить имеющиеся недоразумения между Испанией и колониями (в доказательство приводится испанское законодательство 1810—1813 гг.). По его утверждению, недальновидная позиция руководителей войны за независимость помешала их мирному урегулированию, и кровопролитная война была продолжена. Отсюда вытекает мысль, что и ответственность за ее жертвы должны нести сами новогранадцы, а не испанское правительство.

⁹¹ Ibid., p. 264.

⁹² J. M. Ots-y-Capdequi. Los instituciones del Nuevo Reino de Granada al tiempo de la independencia. Madrid, 1958.

Вместе с тем знакомство с материалами колумбийских национальных архивов, отличное знание колониальных архивов в самой Испании делает работу Отса-и-Капдеки чрезвычайно ценной для исследователей. Используемые им материалы о захвате помещиками индейских общинных земель, о борьбе индейцев за их сохранение поистине уникальны. Они свидетельствуют о подлинно драматической борьбе, которая продолжалась в Новой Гранаде в области аграрных отношений практически на протяжении всего колониального периода и особенно накалилась к началу войны за независимость. Помимо этих ценных материалов о положении и борьбе индейцев за землю, работа Отса-и-Капдеки содержит интересные данные о развитии внешней и, что особенно ценно, внутренней торговли Новой Гранады накануне войны за независимость, о налоговой политике испанской колониальной администрации и политической системе управления.

Американская историография добилась определенных успехов в жанре биографий главнейших политических деятелей Новой Гранады в годы войны за независимость. Мы имеем в виду широко известное фундаментальное исследование Х. Месера, посвященное Боливару, биографию Ф. де П. Сантандера, принадлежащую перу Д. Башелла и, наконец, монографию Т. Блоссом об А. Нариньо⁹³. Поскольку труд Месера неоднократно использовался советскими историками, а книга Башелла касается в основном послевоенного периода деятельности Сантандера, мы остановимся подробнее лишь на биографии Нариньо.

По заданию Панамериканского союза и университета во Флориде профессор Т. Блоссом в 1962—1964 гг. работал в Национальном архиве в Мадриде и Архиве Индий в Севилье, собирая документы, касающиеся деятельности Нариньо. Результатом его трудов явилась опубликованная в 1967 г. книга «Нариньо — герой колумбийской независимости». Это обширное исследование посвящено практически очень широкому кругу вопросов, связанных с войной за независимость. Довольно подробно представлена картина довоенной Новой Гранады, в условиях которой происходило формирование Нариньо как политиче-

⁹³ G. Masur. Simon Bolivar. Albuquerque, 1948; D. Bushell. The liberator. New York, 1970; T. Blossom. Narino. Hero of Colombian Independence. Tucson, 1967.

ского деятеля. Начав с общей характеристики испанской колониальной политики в Новой Гранаде, он довольно подробно останавливается на восстании комунерос 1781 г., затем переходит к возникновению революционной ситуации 90-х годов, уже непосредственно связывая ее с деятельностью Нариньо. Для исторической концепции Т. Блоссом характерно непонимание причин возникновения освободительного движения. Восхищаясь реформами Карла III, он считает, что они делали бессмысленными выступления против испанского господства. Блоссом пишет буквально следующее: «Со всех сторон происходили изменения, как в сфере деловой деятельности, так и в системе управления, и это подтверждает парадоксальность того, что восстание комунерос в 1781 г. и последующая борьба за независимость происходили в эпоху, когда были начаты все убыстряющиеся перемены к лучшему»⁹⁴.

Таким образом, Блоссом отрицает экономические и политические мотивы, послужившие толчком к войне за независимость. Сообщая массу подробностей о деятельности Нариньо, обильно цитируя редкие документы, автор вместе с тем пытается изобразить его простым последователем Франклина. Блоссом имел перед собой и еще одну политическую цель — показать корыстолюбие Англии, ее нежелание помочь колумбийским патриотам в их борьбе за освобождение от испанского ига, в противоположность США, которые якобы хотели помочь справедливому делу Новой Гранады, но не имели возможности. В связи с этим автором собраны весьма любопытные факты и цитируются интересные документы, характеризующие английскую политику в отношении испанских колоний и Новой Гранады, в частности. Очень подробно описаны автором последние годы жизни Нариньо. Блоссом представил на суд своих читателей многие обстоятельства, связанные с конфликтом между Нариньо и Сантандером, в основе которого лежали противоречия между различными политическими группировками.

Среди английских историков, занимающихся проблемами войны за независимость в Испанской Америке, следует прежде всего назвать профессора Лондонского университета Дж. Линча. Его книги, основанные на большом

⁹⁴ Ibid., p. 5.

круге источников и новейших исследований, заметно выделяются в том большом потоке литературы, который характерен для данной тематики. Мы имели возможность ознакомиться с двумя его трудами: «Испанская колониальная администрация. 1782—1810. Интендантская система в вице-королевстве Рио-де-ла-Плата» (1969 г.) и «Испано-американские революции 1808—1826 гг.» (1973 г.)⁹⁵.

Первый из них интересен подробной характеристикой реформ Карла III, приведших к усилению колониального гнета Испании в Америке, а также английской политики по отношению к испанским колониям в этом регионе. Второй содержит специальный раздел, посвященный новогранадской революции. Не касаясь общих оценок и выводов профессора Линча относительно предпосылок, характера и итогов войны за независимость в целом, которые уже подробно рассмотрены в большой рецензии советского специалиста по этим проблемам М. С. Альперовича⁹⁶, целесообразно остановиться лишь на той части книги, которая посвящена Новой Гранаде.

Интересная социально-экономическая характеристика вице-королевства кануна войны за независимость, признание роли классовой борьбы, анализ расстановки политических сил в ходе войны отражают знакомство Дж. Линча с последними колумбийскими и зарубежными работами, марксистскими в том числе, и свидетельствуют об определенном влиянии, которое они на него оказали. Большинство выводов Дж. Линча не вызывают возражений. Вместе с тем нельзя не отметить трех наиболее важных моментов, которые представляются спорными.

Во-первых, профессор Линч утверждает, что принудительный труд индейцев к концу колониального периода не получил большого развития в сельском хозяйстве Новой Гранады и земли обрабатывались в основном за счет свободного труда и труда рабов, которых было немного⁹⁷. Вместе с тем материалы колумбийских архивов,

⁹⁵ *J. Lynch. Spanish Colonial Administration. 1782—1810. The Intendant System in the Viceroyalty of the Rio de la Plata. New York, 1969; idem. The Spanish American Revolutions 1808—1826. London, 1973.*

⁹⁶ *М. С. Альперович. John Lynch. The Spanish American Revolutions 1808—1826. London, 1973, 433 p.—«Латинская Америка», 1975, № 6, стр. 203—206.*

⁹⁷ *J. Lynch. The Spanish American Revolutions 1808—1826, p. 227.*

приведенные в работе колумбийского историка Л. Осипа Васкеса, на которую Дж. Линч неоднократно ссылается, свидетельствуют о том, что степень феодальной эксплуатации в Новой Гранаде была значительно более высокой, чем считает Линч. Широкое распространение такой категории зависимого населения, как «консертадос», служит доказательством того, что в Новой Гранаде в XVIII в. шел активный процесс закрепощения сельского населения, и индейцев в первую очередь.

Во-вторых, кажется недостаточно убедительным определение Линчем природы противоречий между федералистами и централистами. Сама идея о том, что в основе этих противоречий лежали социально-экономические мотивы, а не только чисто политические, представляется бесспорной. В то же время нельзя, как это делает Линч, сводить эти противоречия к экономическому соперничеству между побережьем, контролировавшим импорт и экспорт, и внутренними районами⁹⁸. Ведь главным оплотом федералистов была не Картахена, а Тууха, расположенная почти в самом центре страны. На наш взгляд, объяснение кроется в господстве крупного землевладения, ставшего оплотом сепаратизма.

И, наконец, третий момент, вызывающий возражения, касается роли народных масс в войне за независимость. Общеизвестно, что партизанская борьба на втором этапе войны за независимость сыграла решающую роль в победе патриотов. Профессор же Линч считает, что «герилья» не была народным движением, ибо крестьянство и индейцы оставались индифферентными⁹⁹. По существу, Дж. Линч разделяет точку зрения О. Диас-Диаса, о научной несостоятельности которой уже говорилось.

Советские историки сравнительно недавно занялись разработкой проблем войны за независимость на латиноамериканском континенте. Первая монография, посвященная предпосылкам войны за независимость в Испанской Америке, была написана накануне Великой Отечественной войны В. М. Мирошевским¹⁰⁰. В ней впервые, наря-

⁹⁸ Ibid., p. 239.

⁹⁹ Ibid., p. 242—243.

¹⁰⁰ См. В. М. Мирошевский. Освободительные движения в американских колониях Испании от их завоевания до войны за независимость (1492—1810 гг.). М.—Л., 1946.

ду с другими крупнейшими странами Латинской Америки, была освещена предвоенная история Новой Гранады. Несмотря на ряд серьезных недостатков, отмеченных в советской историографии, книга В. М. Мирошевского сыграла свою позитивную роль, положив начало глубокому изучению проблем войны за независимость. В дальнейшем большое значение в постановке коренных проблем этого периода имели статьи ведущих советских латиноамериканистов Альперовича М. С., Ермолаева В. И., Лаврецкого И. Р., Семенова С. И. «Об освободительной войне испанских колоний в Америке (1810—1826)»¹⁰¹, Альперовича М. С. «О характере и формах эксплуатации индейцев в американских колониях Испании (XVI—XVIII века)»¹⁰², Губера А. А. и Лаврова Н. М. «К 150-летию войны за независимость Латинской Америки»¹⁰³, а также сборник статей «Война за независимость в Латинской Америке (1810—1826)», изданный Институтом истории АН СССР под редакцией Лаврова Н. М. в 1964 г. В них рассмотрены предпосылки и характер войны за независимость, определены ее движущие силы и этапы, заложены основы в изучении социально-экономической истории того периода, показана научная несостоятельность реакционных теорий, получивших хождение в буржуазной историографии. В последние десятилетия советская латиноамериканистика, наряду с разработкой общих проблем войны за независимость на всем латиноамериканском континенте (имеются в виду работы М. С. Альперовича и Л. Ю. Слэзкина «Новая история стран Латинской Америки» (1970 г.) и М. С. Альперовича «Испанская Америка в борьбе за независимость» (1971 г.), перешла к глубокой разработке истории войны в отдельных странах. Уже вышли фундаментальные работы М. С. Альперовича, посвященные Мексике и Парагваю, и А. И. Штрахова по Аргентине¹⁰⁴. Начинают разрабатываться и проблемы войны за независимость в Колумбии. Кроме В. М. Мирошевского, М. С. Альперовича и Л. Ю. Слэзкина, эти

¹⁰¹ См. «Вопросы истории», 1956, № 11.

¹⁰² «Новая и новейшая история», 1957, № 2.

¹⁰³ «Новая и новейшая история», 1960, № 4.

¹⁰⁴ М. С. Альперович. Война за независимость Мексики. (1810—1824). М., 1964; *оп же*. Революция и диктатура в Парагвае. (1810—1840). М., 1975; А. И. Штрахов. Война за независимость Аргентины. М., 1976.

проблемы затрагивались С. А. Гоционским, опубликовавшим в 1971 г. статью «Восстание комунерос в Новой Гранаде (1781 г.)»¹⁰⁵, а в 1973 г. книгу «Колумбия. Историко-этнографические очерки», в которой войне за независимость была посвящена специальная глава¹⁰⁶. Достижения советских латиноамериканистов в области изучения основных проблем войны за независимость как всего континента, так и отдельных стран помогли автору настоящей монографии при разработке главных направлений исследования и его структуры.

¹⁰⁵ «Новая и новейшая история», 1971, № 1, стр. 149—157.

¹⁰⁶ Рецензия П. Г. Ильиной на книгу С. А. Гоционского опубликована: «Советская этнография», 1975, № 1.

ИСПАНСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ В XVI—XVII ВВ.

Завоевание испанцами северо-западной части Южной Америки, где в настоящее время расположена Республика Колумбия, началось с 1525 г., когда Родриго Бастидас основал город Санта-Марту на Атлантическом побережье. Его преемник, губернатор Санта-Марты Педро де Эрредиа, продвигаясь на запад, в 1533 г. заложил крепость Картахену. Укрепившись на побережье, испанцы стали готовиться к завоеванию внутренних районов. Их манили рассказы о сказочно богатой стране Эльдорадо. Никто не знал, где именно она находилась, но легенда о ее несметных сокровищах не давала покоя конкистадорам. В 1538 г. отряд в составе 600—700 солдат под командованием Гонсало Хименеса де Кесады покинул Санта-Марту и двинулся вверх по течению реки Магдалены. Достигнув Боготинского плато, конкистадоры столкнулись с индейцами чибча, или муисками. Это было многочисленное земледельческое племя, находившееся на стадии формирования первых государственных объединений. Воспользовавшись внутривозрастной рознью, испанцы сумели покорить чибча.

Тем временем еще один испанский отряд под командованием губернатора Кито Себастьяна де Белалькасара, исследуя верховья Магдалены, вышел в долину реки Кауки и, двигаясь вниз по ее течению, вторгся в земли чибча-муисков с юга. В апреле 1539 г. здесь появился третий отряд конкистадоров, пришедший из Венесуэлы. Им командовал Николас Федерманн — немецкий наемник, служивший банкирскому дому Вельзеров, которому испанский король Карл V предоставил право колонизации Венесуэлы. В результате целых переговоров всех трех руководителей конкистадоров было решено, что на

вновь завоеванных землях остается отряд Х. де Кесады. Белалькасар возвратился в Кито, а Федерманн — в Вене-суэду¹.

Страна чибча была названа Новой Гранадой в честь Х. де Кесада — уроженца Гранады. 6 августа 1539 г. на развалинах индейской столицы Баката испанцы заложили город Сантафе-де-Богота, ставший впоследствии резиденцией вице-королей Новой Гранады. Земли чибча-муисков послужили основой будущего вице-королевства². По мере покорения других индейских племен (гуахино, бонда, тайрон, мотилон, караре, паэсе, путумайо, пихао, колима, мусо и др.) их земли присоединялись к Новой Гранаде. Из-за упорной борьбы индейцев этот процесс растянулся более чем на два с половиной столетия. Так, еще в 1802 г. некий Х. М. Васкес обращался к вице-королю Новой Гранады с просьбой о вознаграждении за завоевание Сьерра-Невады и Касанаре (на юго-востоке страны)³.

Первое время «конкистадоры только тем и занимались, что спорили из-за дележа богатой военной добычи. Они разграбили сокровища, хранившиеся в храмах и дворцах; они поделили между собой земли и людей, даже не подумав об их будущем использовании как рабочей силы и средств производства»⁴.

Со временем конкистадора, единственной целью которого были разбой и грабеж⁵, сменил колонизатор. Открытие золотоносных земель в долинах рек Магдалены, Кауки и ее притока Нечи привело к возникновению ряда испанских поселений. Возле золотых приисков и серебряных рудников, которые пачали разрабатываться с середины XVI в., возникли города Попаян, Калото, Кали, Картаго,

¹ Подробнее об испанской колонизации см.: С. А. Созина. Муиски — еще одна цивилизация древней Америки. М., 1969; С. А. Гонимонский. Колумбия. Историко-этнографические очерки. М., 1973, стр. 45—50.

² К концу колониального периода в состав вице-королевства Новая Гранада входили теперешние республики Панама, Колумбия и Эквадор.

³ J. M. Ots-y-Capdequi. Las instituciones del Nuevo Reino de Granada al tiempo de independencia. Madrid, 1958, p. 273; A. Delgado. La colonia. Bogotá, 1974, p. 40—43.

⁴ Х. К. Мариатеги. Семь очерков истолкования перуанской действительности. М., 1963, стр. 56.

⁵ Архив Маркса и Энгельса, т. VII. [М.], 1940, стр. 100.

Ансерма, Арма, Ибаге, Ремедиос, Марикита, Буга, Пасто, Памплона, Санта-Ана, Тимана ⁶.

Наличие драгоценных металлов и камней (изумрудные копи в Мусо) в значительной мере определило характер развития колонии. «Ненасытная жажда драгоценных металлов привела к тому, что испанцы почти исключительно стали заниматься горнодобывающей промышленностью» ⁷.

Поскольку, по словам Х. К. Мариатеги, «Испания после эпопеи конкисты послала нам лишь аристократов, монахов да деклассированные элементы» ⁸, главной производительной силой на шахтах стал индеец. Для индейца, испокон веков трудившегося на земле, которая обеспечивала его всем необходимым, труд на шахте был настоящей трагедией. Он был не только физически тяжел. Он и морально угнетал индейца, потому что был связан с ломкой всего образа его жизни. Поэтому превращение индейца-земледельца в индейца-шахтера могло происходить только насильственным путем. «Так возникла необходимость в превращении индейца в раба» ⁹.

Испанский колонизатор хищнически эксплуатировал индейский труд. Слепленный блеском золота, он несколько не заботился о сохранении жизни индейца. Согнанные в рудники, индейцы десятками тысяч гибли от непривычно тяжелого труда. Коренное население резко сокращалось. Так, 40-тысячное племя кимбайя, жившее в 1540 г. в районе Ансермы и Картаго, через 85 лет насчитывало всего около 300 человек. Индейское население в районе Тунхи за тот же период уменьшилось еще более — со 100 тыс. до 20 тыс. человек. Катастрофическое сокращение индейского населения происходило и в районе Марикиты (с 18 тыс. человек в 1550 г. до 600 в 1610 г.), и в Попаяне (с 50 тыс. человек до 10 тыс. всего за 30 лет испанского господства), и в долине Магдалены (с 1,5 млн. человек до 500 в 1622 г.) ¹⁰.

Индейцам грозило полное вымирание. Это начали понимать даже некоторые испанцы. Среди них особое ме-

⁶ *M. Bargalló. La minería y la metalurgia en la América española durante la época colonial. México — Buenos Aires, 1955, p. 70.*

⁷ *Х. К. Мариатеги. Указ. соч., стр. 96.*

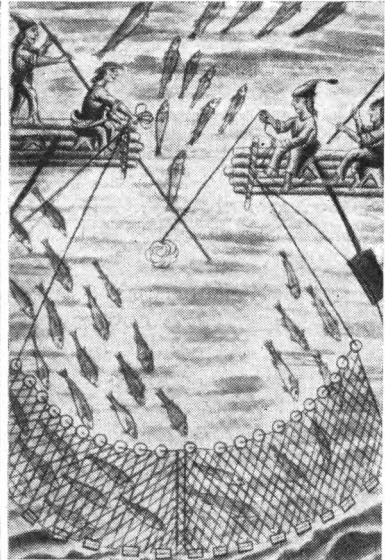
⁸ Там же, стр. 100.

⁹ Там же, стр. 96.

¹⁰ *A. Delgado. Op. cit., p. 6, 7.*

Жатва на индейском поле

Ловля рыбы индейцами

сто занимал монах-доминиканец Б. де Лас Касас, который неоднократно писал самому королю, обращая его внимание на вымирание индейцев. Опасаясь лишиться налогоплательщиков и стремясь избежать чрезмерного усиления колониальной аристократии, король в 1531 г. издал первый указ о запрещении рабства индейцев. Однако в колониях этот указ практически не соблюдался. Через 10 лет «Законы Индий, или Новые законы» подтвердили свободу индейцев, вызвав ожесточенное сопротивление колонизаторов.

«Преследование и порабощение индейского населения со стороны испанских колонизаторов, — писал Х. К. Мариатеги, — нанесли непоправимый ущерб самому важному из капиталов страны — человеку. Испанцы с каждым днем испытывали все большую нужду в рабочих руках для освоения захваченных богатств. И тогда они прибегли к самому антиобщественному и примитивному методу колонизации — ввозу рабов»¹¹. Первые рабы-негры из Аф-

¹¹ Х. К. Мариатеги. Указ. соч., стр. 96.

рики появились в Новой Гранаде в середине XVI в. и их ввоз постоянно увеличивался¹². Негры-рабы заменяли в шахтах вымирающих индейцев. Добыча золота росла, а это в свою очередь стимулировало увеличение ввоза все новых и новых рабов.

Таким образом, в погоне за золотом испанские колонизаторы принесли на вновь завоеванные земли самый отсталый социально-экономический уклад — рабство. Вместе с тем эксплуатация ресурсов завоеванных земель оказала большое влияние на характер социально-экономических процессов, происходивших в Европе. «Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках» — по словам К. Маркса, послужили утренней зарей капиталистической эры производства. «Эти идиллические процессы суть главные моменты первоначального накопления»¹³.

Активизация экономической жизни в колонии пробудила интерес колонизаторов к земле. Испания была далеко и не могла прокормить население своих заморских территорий. Необходимо было позаботиться о хлебе насущном: сеять пшеницу, выращивать кукурузу и виноградную лозу, сахарный тростник и табак, разводить скот и сеять хлопок. Земель, пригодных для посевов, в Новой Гранаде оказалось не так уж много: это были в основном долины рек. Остальную площадь занимали горы и непроходимые тропические леса. Это увеличивало ценность имеющихся земель.

Все завоеванные земли объявлялись королевской собственностью. Но испанский король мог быть лишь номинальным собственником. Первой формой землевладения на территории Новой Гранады были пожалования и дарения, представлявшие собой своего рода награду короля участникам завоевания новых земель. Эта форма землевладения получила широкое распространение в первые десятилетия, когда процесс завоевания Новой Гранады еще только начинался. С конца XVI в. стало практиковаться приобретение земель путем «композиции» (договора, соглашения). Р. Арисменди охарактеризовал эту форму землевладения следующим образом: «За известную

¹² J. M. Arboleda Florente. El indio en la colonia. Bogotá, 1948, p. 68.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 760.

сумму денег монарх передавал в полную собственность или на определенных условиях какую-то площадь. Обычно это были огромные поместья в тысячи квадратных километров, передаваемые за ничтожно малую сумму. В этом случае имела место не купля-продажа капиталистического типа, а сделка феодального характера между монархом и вассалом»¹⁴. Колумбийский историк Х. Фриде считает, что введение «композиции» преследовало не только финансовые цели. Эта мера должна была покончить с анархией, царившей в земельных отношениях в связи с тем, что индейцы и испанцы не знали точных границ своих владений и не имели никаких удостоверяющих документов¹⁵.

Приобретение земли путем «композиции» юридически не означало передачу ее в наследственное владение. Земля по-прежнему считалась королевской, и ее можно было эксплуатировать только при условии выплаты налога. Объективно учреждение «композиции» способствовало формированию крупных поместий — латифундий, создававшихся за счет захвата земель индейцев, которых отесняли в горы и леса. Испанской короне пришлось принять меры, чтобы этот процесс поглощения индейских земель не принял катастрофических размеров. С этой целью были учреждены так называемые земли «ресгуардос» (от испанского *resguardar* — охранять). Они предоставлялись индейским общинам в коллективное пользование. Их права охранялись короной.

Учреждение «ресгуардос» преследовало целью помешать созданию крупного землевладения, всегда связанного с сепаратистскими тенденциями. Вместе с тем оно лишало крупных землевладельцев власти над значительной частью индейцев, которые оказались экономически независимыми от них. В то же время система «ресгуардос» поставила индейцев в зависимое положение от короны, в пользу которой они платили подушную подать (так называемый «индейский налог»), отработывали определенные сроки в королевских шахтах, на плантациях и строительстве дорог, а также в качестве гребцов и носильщиков.

¹⁴ *Р. Арисменди*. Проблемы латиноамериканской революции. М., 1964, стр. 456.

¹⁵ *Х. Фриде*. Из истории аграрных отношений в колониальной Колумбии.— «Новая и новейшая история», 1968, № 2, стр. 49.

Таким образом, с помощью системы «ресгуардос» корона фактически закрепощала индейцев, превращая их в государственных крестьян. Помещики встретили королевское нововведение в штыки. Они продолжали сгонять индейцев с их земель. Об этом свидетельствовали указы, неоднократно подтверждавшие неотчуждаемость земель «ресгуардос» (1646 и 1661 гг.). В них говорилось, что при заключении «композиции» индейские земли должны оставаться в неприкосновенности¹⁶.

Огромные поместья оставались в значительной части необработанными. Это объяснялось как недостатком рабочих рук, так и незаинтересованностью их владельцев, получавших свой основной доход от эксплуатации шахт (крупные землевладельцы, как правило, были и шахтовладельцами). На полях, так же как и в шахтах, господствовал принудительный труд. Ф. Энгельс в письме к К. Марксу от 22 декабря 1882 г. отмечал, что крепостное право и зависимость можно встретить «всюду или почти всюду, где завоеватель заставляет коренных жителей обрабатывать для него землю...»¹⁷

Большую роль в закрепощении коренного населения сыграла церковь. Католицизм со свойственной ему способностью приспособливаться к любой исторической обстановке обеспечил церкви сильные позиции в экономике Новой Гранады. Монашеские ордены францисканцев, доминиканцев и особенно иезуитов создали при монастырях крупные хозяйства, которые обрабатывались индейцами. Они получали за счет их эксплуатации значительные доходы. Монастыри захватывали индейские земли, не отставая от помещиков. Они вкладывали средства не только в развитие земледелия. Им принадлежали золотые прииски и серебряные рудники. И здесь они получали большие доходы. Церковные хозяйства велись, в основном, за счет труда рабов на шахтах и крепостных в сельском хозяйстве¹⁸. Так что в формах эксплуатации духовные отцы ничем не отличались от светских лиц, но степень

¹⁶ Colección de documentos para la historia de la formación social de Hispano-américa. Ed. R. Konetzke, v. II, t. 1, p. 402; t. 2, p. 487—488. Madrid, 1958.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 112.

¹⁸ J. Jaramillo Uribe. Ensayos sobre historia social colombiana. Bogotá, 1968, p. 21.

Богота.
Церковь колониальных времен

эксплуатации в хозяйствах монастырей нередко была выше, чем у помещиков.

Как видим, характер социально-экономических отношений, складывавшихся на территории Новой Гранады на протяжении XVI—XVII вв., определялся прежде всего господством рабского и крепостнического труда в двух основных отраслях колониальной экономики — горном деле и сельском хозяйстве.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КОЛОНИИ В XVIII В.

В XVIII в. основной отраслью хозяйства Новой Гранады по-прежнему оставалось горное дело. Ключевые позиции в нем принадлежали золотодобыче, ставшей королевской монополией. Золотые прииски разрабатывались государством или сдавались в аренду. Те, кто получал разрешение короны на эксплуатацию месторождений, обязаны были сдавать в королевскую казну $\frac{1}{5}$ часть добычи. В 1777 г. Карл III, в целях стимулирования дальнейшего увеличения золотодобычи и борьбы с контрабандой, сократил налог на золото до 3%, рассчитывая, что королевские доходы при этом не пострадают. Добыча золота действительно сильно увеличилась (с 23,56 т в 1771—1780 гг. до 31,38 т и 37,68 т за последующие два десятилетия). Возросли и доходы короля. С одного только Попаяна всего за три года (с 1778 по 1780) казна получила в качестве налога 83 кг золота¹⁹.

Основные золотодобывающие районы находились в Антиокии, Чоко, Попаяне и Барбакоасе. Здесь располагались сотни золотых приисков. Мыли золото также по берегам Магдалены и в Дариене (Панама). С 1700 по 1750 г. в Чокó и Барбакоасе было намыто золотого песка на 22,5 млн. песо. В Антиокии на протяжении XVIII столетия добыча золота достигла 64 млн. песо (50 млн. песо в XVII в.). Самые богатые золотые прииски находились в Чокó. Этот район к концу XVIII в. довел ежегодную добычу до 1 млн. песо, в то время как в целом по Новой Гранаде она составляла 2 млн. песо. По подсчетам А. Гумбольдта, в Новой Гранаде с момента завоевания до 1803 г. было добыто золота на 275 млн. песо. Колумбийский эконо-

¹⁹ V. Restrepo. Estudio sobre las minas de oro y plata de Colombia. Bogotá, 1952, p. 249, 251, 197, 89.

номист XIX в. В. Рестрепо считает эти данные неполными и называет цифру в 440 млн. песо²⁰. Но золото в буквальном смысле слова уплывало в Испанию, оставляя в нищете страну, природа которой была столь щедра.

Главным производителем на золотых приисках по-прежнему оставался негр-раб. Поэтому в основных золотодобывающих районах страны процент рабов по отношению ко всему населению был выше, чем в остальных. Так, по данным на 1778 г., рабы составляли 18% населения Антиокии, 19,2 — в Попаяне и 38,7 в Чокó (8791, 12 444 и 5916 человек соответственно) — при 5% рабов в среднем по стране²¹. Основная масса рабов была занята на шахтах. Характерно, что с ростом золотодобычи увеличивалось и число негров-рабов. Так, в Антиокии, например, с 1770 по 1778 г. число рабов возросло с 1462 до 4896, что совпало с подъемом золотодобычи²².

Рабскому труду соответствовала примитивная техника добычи золота. Она сводилась к простому промыванию огромных масс золотосырого неска или длительной механической обработке золотосырой руды. Последний способ описан французским путешественником Г. А. Д'Орбиньи, побывавшим в Новой Гранаде в 1826 г. «Чтобы отделить золото от колчедана, его обрабатывают в порошок и промывают. В Мармото и в Вега-де-Супиа мастерская находится на склоне горы. Она состоит из сарая, в котором могут поместиться около 12 работников. Круглое отверстие, проделанное в почве, обложено плитами порфира наподобие сточного желоба, и на них-то растирается колчедан, выпутый кусками из рудника. Когда разотрут и растолкут золотой минерал, смешанный с рудой, его начинают промывать. Тесто этого минерала кладут на деревянное блюдо, называемое батеа, на котором негритянки, весьма искусные в этой работе, разложив колчедан руками, начинают с такой скоростью трясти батею, что часть колчедана, самая тяжелая и наиболее напитанная золотом, мало-помалу падает на дно сосуда. Нужно несколько раз повторить промывания, чтобы добыть все золото, находя-

²⁰ P. F. de Vargas. Pensamientos políticos y memoria sobre la población del Nuevo Reino de Granada. Bogotá, 1944, p. 62; V. Restrepo. Op. cit., p. 71, 89, 192, 193; M. Bargalló. Op. cit., p. 220, 304.

²¹ Вычислено по данным: J. Jaramillo Uribe. Op. cit., p. 11, 170.

²² V. Restrepo. Op. cit., p. 49.

щееся в неочищенной руде, — почти только одни женщины исправляют это дело, требующее более ловкости, нежели силы»²³. Д'Орбиньи описал типичный прииск для тех мест.

Численность работников на приисках колебалась в зависимости от богатства хозяина и размаха, с которым велись работы. Так, по данным на 1759 г., негры-рабы на 56 шахтах Чокó распределялись следующим образом: всего 3 шахты имели от 5 до 10 рабов; 23 — от 10 до 50 рабов; 14 шахт — от 50 до 100 рабов; 13 — от 100 до 200 рабов; 2 — от 200 до 300 рабов и только 1 — свыше 500²⁴. Таким образом, самым типичным прииском для Чокó того времени был прииск с числом рабочих от 10 до 50, т. е. именно такой, каким его описал Д'Орбиньи, посетивший Новую Гранаду на 67 лет позже и оставший почти ту же самую картину.

Обычно шахтовладельцы использовали своих собственных негров-рабов, а также нанимали тех рабов, хозяева которых по каким-либо причинам не использовали их сами в своем хозяйстве, а отдавали в наем. О наличии этой категории негров-рабов сообщал коррехидор из Верхнего Перу М. де Сантиэстебан, совершивший путешествие из Лимы в Каракас через Новую Гранаду в 1740—1741 гг. Из его сообщения следует, что в Попаяне в тот период насчитывалось до 8 тыс. негров-рабов, многие из которых были отданы в наем на шахты в Ситарá, Барбакоас и Чокó. Шаговладельцы выплачивали хозяевам рабов по 1/2 онсы золотом в день с человека (примерно 14,4 г)²⁵.

Рабы-шахтеры ценились очень высоко. В Чоко за них платили по 400—500 песо. О дороговизне рабов свидетельствовал такой характерный пример. В 1766 г. в Антиокии продавалась одна из лучших шахт провинции, «Ла Мьель», принадлежавшая иезуитам. Сама шахта оценивалась в 2 тыс. песо, а 48 рабов-шахтеров в 6226 песо²⁶.

²³ Г. А. Д'Орбиньи. Живописное путешествие в Южную и Северную Америку, пер. с франц., ч. I. СПб., 1839, стр. 104.

²⁴ J. Jaramillo Uribe. Op. cit., p. 79—82.

²⁵ A. Arellano Moreno. Documentos para la historia económica en la época colonial. Caracas, 1970, p. 83.

²⁶ V. Restrepo. Op. cit., p. 87; A. Arellano Moreno. Op. cit., p. 121; J. Jaramillo Uribe. Op. cit., p. 21.

Поскольку рабы были дороги, со второй половины XVIII в. их малопроизводительный труд стал заменяться вольнонаемным. Об этом говорит сокращение числа негров-рабов в Антиокии на протяжении 10 лет — с 1778 по 1788 г. (с 4896 до 4296) при одновременном росте золотодобычи²⁷. Процесс вытеснения принудительного труда рабов шел медленно, но все же шел.

Золотодобыча была главной отраслью горного дела, но не единственной. С 1748 г. в Чоко и Барбакоасе стали добывать платину, которую первоначально считали просто нечистым золотом. Поняв цепность этого редкого металла, испанская корона в 1778 г. приказала всю добываемую платину сдавать в королевскую казну.

Помимо золота и платины, Новая Гранада располагала большими запасами серебра. Испанский металлург А. Диас, посланный королем для инспекции серебряных рудников в 1808 г., отмечал изобилие богатых серебряных жил, которые, по его мнению, превосходили перуанские и новоиспанские²⁸. Однако метрополия была заинтересована только в новогранадском золоте и не уделяла должного внимания добыче серебра, довольствуясь тем, что она получала из Перу и Новой Испании. Поэтому серебряные рудники в Мариките, Памплоне, Сулиа разрабатывались далеко не на полную мощность.

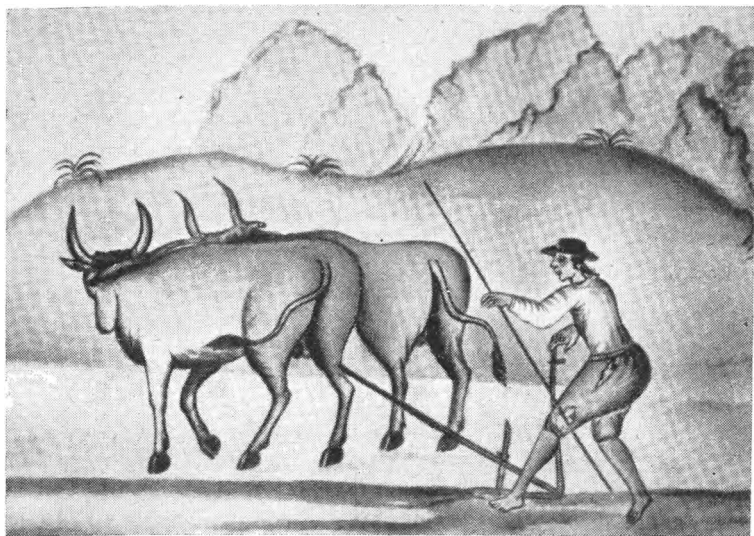
Зато усиленно эксплуатировались изумрудные копи в Сусе и Тимапе, обогащая королевскую казну. Залежи медных руд в Мошикире, в районе Велеса, железных руд — в районе Ибаге, смолы — в Чапаррале (Ибаге), в Риосеко около Онды, в Барранкабермехе, ртути — в Мариките и в Ибаге использовались только для местных нужд²⁹.

Сельское хозяйство в стране было развито слабо. Его товарность была низкой, а продукция не всегда удовлетворяла даже потребности местного населения. Один из крупнейших новогранадских купцов, Х. И. Помбо, торговавший с Кадисом, Новой Испанией, Антильскими о-вами, Кито, Гуаякилем и Лимой, писал в этой связи в докладе вице-королю от 18 апреля 1807 г. буквально следующее: «Нынешнее положение в сельском хозяйстве ужасно, и это единственная причина нашей отсталости и

²⁷ *V. Restrepo. Op. cit., p. 49.*

²⁸ *Ibid., p. 114, 168, 86.*

²⁹ *P. Fermin de Vargas. Op. cit., p. 53—54, 72—73, 75, 77.*

Индец, вспахивающий поле на быках

нищеты населения. На каждого жителя Новой Гранады ежегодно приходится всего 1,75 песо товарной продукции сельского хозяйства, в то время как в Каракасе — 6,25 песо, в США — 8,5 песо, а во французском Санто-Доминго — 13,5 песо»³⁰.

Низкая товарность сельского хозяйства объяснялась характером развития производительных сил. В индейском хозяйстве продолжал господствовать патриархальный, или мелконатуральный уклад. Техника обработки земли была самая примитивная и практически все, что производилось индейцем, им же и потреблялось. Патриархальный уклад имел распространение в зонах сохранившегося индейского населения, которого к концу колониального периода насчитывалось 82 племени численностью 136,7 тыс. человек³¹.

³⁰ R. Gomez Hoyos. La revolución granadina de 1810, t. 2. Bogotá, 1962, p. 270.

³¹ J. Jaramillo Uribe. Op. cit., p. 170.

В хозяйствах свободных крестьян, которые имели небольшие участки земли или арендовали землю у помещиков, господствовал мелкотоварный уклад. Он был довольно широко распространен в северо-восточной части страны. Здесь сеяли пшеницу, ячмень, кукурузу, разводили овощи, имелись небольшие посевы табака и хлопка. Небольшой прибавочный продукт продавался на местных рынках, основная же часть производимой продукции потреблялась в хозяйствах самих производителей. Но хозяйств свободных крестьян было немного.

К концу XVIII в. в сельском хозяйстве Новой Гранады преобладали феодальные производственные отношения, которые складывались на основе таких форм эксплуатации коренного населения, как энкомьенда и мита. Энкомьенда (в буквальном переводе с испанского — «покровительство») появилась еще в процессе конкисты. Формально королевская власть поручала энкомендеро взимание налогов, а также наблюдение за порядком и обращением своих подопечных в христианскую веру. К 1580 г. в Новой Гранаде было роздано 300 энкомьенд и насчитывалось 350 тыс. энкомендированных индейцев³². Не только их имущество, но их жизнь зависели от власти энкомендеро. Энкомьенда означала для индейцев фактическое рабство³³. Испанские завоеватели — выходцы из феодальной Европы, приспособили ее к своим нуждам.

В этой связи нельзя не вспомнить весьма ценное высказывание К. Маркса о том, что «в феодальном обществе приобрели феодальный облик даже и такие отношения, которые весьма далеки от существа феодализма...»³⁴ Эти слова, на наш взгляд, вполне можно отнести к институту энкомьенды. Рабский по своему происхождению, он сыграл важную роль в формировании различных форм крепостной зависимости. Хотя формально «энкомендеро не обладал атрибутами феодального сеньора: он не имел права юрисдикции, не мог чеканить монету, не имел права на землю, не мог возводить жилища и даже ночевать на территории энкомьенды более 1 ночи», — но на деле

³² А. *Tirado Mejía*. Introducción a la historia económica de Colombia. Bogotá, 1972, p. 24.

³³ М. С. *Альперович*. О характере и формах эксплуатации индейцев в американских колониях Испании (XVI—XVIII вв.). — «Новая и новейшая история», 1957, № 2, стр. 53.

³⁴ К. *Маркс* и Ф. *Энгельс*. Соч., т. 26, ч. I, стр. 417.

существовала и личная зависимость, и другие феодальные атрибуты³⁵.

Энкомьенда стала тем инструментом, с помощью которого началась экспроприация земельной собственности индейцев³⁶. Энкомьенда получила особенно большое распространение в Кауке, Кундинамарке и Бояке³⁷.

Наряду с энкомьендой в Новой Гранаде широко применялась мита. Это была система принудительного труда индейцев на полях и на шахтах, на строительстве дорог и укреплений, в качестве гребцов и носильщиков. Мита ограничивала власть энкомендеро над индейцами, так как вынуждала его выделять энкомендированных индейцев для общественных работ, а также для работы на плантациях и шахтах, принадлежащих непосредственно королю. Закон обязывал энкомендеро поставлять индейцев и для работы в помещичьих хозяйствах — асьендах. Индеец, отбывающий миту — митайо, — направлялся на работу на определенный срок — от нескольких дней до нескольких месяцев. Но в течение этого времени он находился в полной зависимости от нового хозяина или надсмотрщика. Особенно тяжелой была «горная» мита. Она длилась 9 месяцев, и за это время индеец-митайо, выполняя непривычную для него работу в шахте, либо становился инвалидом в результате тяжелого труда, плохого питания и грубого обращения надсмотрщика, либо умирал тут же в шахте, не дождавшись окончания миты.

Путем сельскохозяйственной миты энкомендированные индейцы распределялись среди помещиков во временное пользование при условии выплаты последними налога энкомендеро и определенного содержания индейцу-митайо. Сельскохозяйственную миту обязано было выполнять каждое индейское поселение, поставляя $\frac{1}{4}$ часть проживающих в нем индейцев для работы на полях помещиков. Продолжительность сельскохозяйственной миты была различной — от нескольких месяцев до нескольких лет³⁸.

³⁵ *A. Tirado Mejía*. Op. cit., p. 23—24.

³⁶ *М. С. Альперович*. Указ. соч., стр. 53.

³⁷ *A. Tirado Mejía*. Op. cit., p. 25.

³⁸ *N. Buenaventura*. La revolución de los comuneros.— «Documentos políticos» (Bogotá), 1962, N 27, p. 3.

В своих «Секретных сведениях об Америке» испанские офицеры Хорхе Хуан и Антонио Ульоа, посетившие Кито в 40-х годах XVIII в., следующим образом обрисовали положение индейцев-митайос: «В зависимости от места, где жил индеец, он ежегодно зарабатывал от 14 до 18 песо. Хозяин асьенды выделял ему для огорода земельный участок в 20—30 вар (от 16 до 25 м длиной.— *Н. И.*). Митайо должен был работать 300 дней в году, ежедневно выполняя определенную норму. Из заработанных денег у каждого индейца вычитались 8 песо для уплаты хозяином налога энкомендеро. Из максимально возможного заработка оставалось не более 10 песо. Из них 2 песо и 2 реала расходовались на приобретение 3 вар ткани (2,5 м.— *Н. И.*) по 6 реалов для одежды. В результате у индейца оставалось не более 7 песо 6 реалов на содержание жены и детей и уплату налогов церкви»³⁹.

По мере укрепления помещичьего хозяйства и экспроприации земель индейцев энкомендеро становится лишним звеном между помещиком и индейцем⁴⁰. Помещики требовали у короны ликвидации энкомьенды, потому что лишенный своей земли индеец и без принуждения энкомендеро вынужден был соглашаться работать на помещика. Энкомьенда экономически изжила себя. В 1718 г. корона упразднила этот институт, но фактически он отмирал очень медленно на протяжении всего XVIII столетия. Так, в 1802 г. вице-король Амар получил из Мадрида предписание вытребовать от наследников 6 энкомьенд, срок которых уже истек. Существование этого института подтверждается также тем фактом, что вплоть до самой войны за независимость в Новой Гранаде существовала должность главного администратора по энкомьендам, которую занимал маркиз Сан-Хорхе. Об этом же свидетельствовало и обнаруженное в архивах вице-королевства прошение некоего Х. М. Васкеса от 21 июля 1802 г.

³⁹ *J. Juan y A. Ulloa. Noticias secretas de América. London, 1826, p. 53.*

⁴⁰ *N. Buenaventura. Op. cit., p. 3.* Хотя многие энкомендеро с течением времени сами стали владельцами асьенд, основная масса помещиков не являлась одновременно энкомендеро, которых даже в период расцвета энкомьенды, во второй половине XVI в., насчитывалось не более 300.

с просьбой о предоставлении энкомьенды в награду за завоевание Сьерра-Невады и Касапаре⁴¹.

Отмена энкомьенды пошла на пользу помещикам и короне, которая теперь могла опереться на них в борьбе с извечным сепаратизмом энкомьендеро. Индеец не стал свободным крестьянином, потому что к моменту отмены энкомьенды он оказался крепко привязанным к помещику посредством так называемого «консьерто агрикола» (буквально — «аграрный договор»), вызванного к жизни быстро шедшим процессом обезземеливания индейцев в результате «композиций». К тому же, чтобы выплатить подушную подать королю, индейцы вынуждены были сдавать свои земли в аренду, а с начала XVIII в. продавать⁴².

Формально индеец был лицом свободным при заключении договора с помещиком о найме на работу, но на деле он не мог диктовать ему своих условий и оказывался в полной от него зависимости. Как и митайо, индейцу-консьертадо, или просто консьерто, устанавливался минимум содержания за его труд на полях помещика. Так, в 1727 г. в районе Сабаны минимум жалованья взрослого консьертадо составлял 14 песо деньгами, 1100 кг кукурузы и 300 кг мяса в год. Это было совсем немного, учитывая многодетность индейских семей. Часто жалованья индейца не хватало на содержание семьи, и тогда консьертадос становились женщины и дети. Им платили значительно меньше.

С каждым десятилетием положение консьертадос ухудшалось. Через 40 лет в том же районе Сабаны их заработок сократился почти наполовину (600 кг кукурузы, 150 кг мяса, правда денег на 4 песо больше, но это не имело особого значения в связи с ростом цен)⁴³. На необходимость повысить жалованье консьертадос указывал даже вице-король Мендинуэта в своем отчете в 1803 г.⁴⁴ Лишенный земли индеец, однако, вынужден был мириться с нищетой и не мог сменить хозяина, потому что попа-

⁴¹ J. M. Arboleda Llorente. Op. cit., p. 85; J. M. Ots-y-Capdequi. Op. cit., p. 273.

⁴² N. Buenaventura. Op. cit., p. 3; A. Tirado Mejía. Op. cit., p. 31—32.

⁴³ L. Ospina Vasquez. Industria y protección en Colombia. 1810—1930. Medellín, 1955, p. 15, 17.

⁴⁴ Relaciones de mando de los virreyes de la Nueva Granada. Memorias económicas. Ed. por G. Giraldo Jaramillo. Bogotá, 1954, p. 476.

дал к нему в неоплатный долг. Постепенно индеец-консертадо становился крепостным⁴⁵.

Упрочение системы «консьерто агрикола» наряду с отменой энкомьенды повлекло за собой и отмену миты (1729 г.)⁴⁶. Но, как и в случае с энкомьендой, эта отмена в некоторых районах еще долго носила формальный характер. Принудительное распределение индейцев для работы на полях продолжало иметь место там, где сохранялась энкомьенда. В некоторых районах мита существовала вплоть до конца колониального периода⁴⁷. Окончательно исчезнувшая в районах Бояки и Кундинамарки к 1740 г., в Попаяне она применялась и в 90-х годах XVIII в. В доказательство можно привести «Инструкцию о лучшем управлении индейскими поселками» от 27 июня 1793 г. Провозгласив, что «индейцы свободны и им покровительствует закон», инструкция в то же время устанавливала, что индейцев из ресгурдос можно использовать не более 90 дней в году. Устанавливался и минимум содержания для таких индейцев, причем денежное вознаграждение не превышало 6 песо в год. Последнее свидетельствовало об определенной трансформации миты, которая приблизила положение индейца-митайо к положению индейца-консертадо.

Далее в «Инструкции» говорилось, что женщины и детей до 12 лет нельзя принуждать работать, но если они сами изъявят желание, то им обязаны платить, как взрослым мужчинам. Индеец не располагал личной свободой, т. е. фактически был крепостным. Об этом свидетельствовал специальный пункт «Инструкции», гласивший, что индейцы, взятые в наем, не могут быть переданы другому лицу⁴⁸. Одновременно в провинции Чоко также наблюдалось принудительное распределение индейцев для обработки банановых рощ и для переноски продовольствия по горным тропам⁴⁹. По существу, мита являлась одной новогранадской разновидностью крепостничества, другой становилась «консьерто агрикола»⁵⁰.

⁴⁵ N. Buenaventura. Op. cit., p. 3.

⁴⁶ J. Lievano Aguirre. Los grandes conflictos sociales y economicos de nuestra historia, v. IV. Bogotá, [1962], p. 82.

⁴⁷ L. Ospina Vasquez. Op. cit., p. 16.

⁴⁸ J. M. Arboleda Llorente. Op. cit., p. 160, 170, 178.

⁴⁹ L. Ospina Vasquez. Op. cit., p. 16—17.

⁵⁰ N. Buenaventura. Op. cit., p. 3.

Индейцы — консертадос и митайос являлись не единственными категориями зависимого крестьянства. По своему положению к ним были близки арендаторы-издольщики — апарсерос и террасерас, получавшие от помещика участок земли, за который они расплачивались частью урожая, а также «агрегадо», обязанные за пользование участком строить загоны для помещичьего скота и ухаживать за ним⁵¹.

Это свидетельствовало о существовании на территории Новой Гранады двух видов феодальной ренты — отработочной и натуральной.

Земля привязывала индейца к помещику, закрепощала его. Креольские помещики сумели правильно понять и использовать психологию индейца, о которой образно писал Х. К. Мариатеги: «В земле счастье индейца. Он лелеет ее, как молодую супругу. Он убежден, что «жизнь начинается в земле» и кончается в ней. Поэтому индеец безразличен ко всему, но только не к владению землей, которую он с религиозным трепетом обрабатывает и оплодотворяет своими руками и дыханием»⁵².

Таким образом, индейское население Новой Гранады, за исключением отдельных племен в труднодоступных районах, можно почти полностью причислить к категории зависимого населения.

Помимо индейцев, в сельском хозяйстве использовался труд негров-рабов, особенно в районах Велеса, Хирона, Пьедекуэсты, Сан-Хиля и Букараманги, а также в районах Момпоса, Картахены, Санта-Марты и Пасто, где имелись плантации сахарного тростника и примитивные установки (трапиче и инхениос) для его переработки. Рабы использовались также в скотоводческих хозяйствах. В районе Картахены, например, в середине XVIII в. насчитывалось 18 трапиче с 857 рабами, 8 земледельческих асьенд с посевами других сельскохозяйственных культур с 97 рабами и 4 скотоводческие асьенды с 52 рабами. В Пасакабальос 9 трапиче, 3 скотоводческие асьенды и 3 земледельческие обслуживались 486 рабами и всего 10 свободными рабочими. На асьенде «Сан-Бартоломе» в районе Момпоса, с ее плантациями сахарного тростника, трапи-

⁵¹ А. *Tirado Mejía*. Op. cit., p. 30, 33; L. *Ospina Vasques*. Op. cit., p. 18.

⁵² Х. К. *Мариатеги*. Указ. соч., стр. 77.

че и стадами скота, работал 101 раб⁵³. По подсчетам некоторых исследователей, в сельском хозяйстве использовалась половина всех негров-рабов Новой Гранады, т. е. около 25 тыс. человек. Плантации, обрабатывавшиеся значительным числом рабов, давали больше товарной продукции, чем хозяйства индейцев, и это объясняет живучесть рабства.

Несмотря на использование труда рабов, плантационные хозяйства свидетельствовали о зарождении капиталистического уклада в сельском хозяйстве Новой Гранады. При этом можно сослаться на следующее высказывание К. Маркса относительно характера плантационного рабства: «В колониях второго типа — плантациях, — которые с самого же начала рассчитаны на торговлю, на производство для мирового рынка, — существует капиталистическое производство, хотя только формально, так как рабство негров исключает свободный наемный труд, т. е. самую основу капиталистического производства. Но здесь перед нами *капиталисты*, строящие свое хозяйство на рабском труде негров. Способ производства, вводимый ими, не возник из рабства, а привносится ему. В этом случае капиталист и земельный собственник — одно лицо»⁵⁴. Маркс характеризовал рабство, возникшее в раннекапиталистическую эпоху, как «промышленное»⁵⁵.

Наибольшей товарностью отличались хозяйства, принадлежавшие иезуитам. Они располагали огромными земельными владениями, особенно в льяносах Касанаре. Их границы даже не всегда фиксировались в документах. К примеру, о размерах реквизированного после изгнания иезуитов поместья «Карибабаре», измерявшегося, видимо, десятками тысяч га, испанский чиновник смог записать только следующее: «Земли по обеим берегам реки Касанаре». В хозяйстве работало 127 рабов. Другое поместье «Трапиче» (в районе Памплоны) имело плантации какао, насчитывавшие 40 тыс. деревьев. Всего иезуитам в Новой Гранаде (вместе с Кито) принадлежало более 140 поместий. Они вели плантационное хозяйство, поставлявшее на рынок какао, фрукты, ваниль. Принадле-

⁵³ J. Jaramillo Uribe. Op. cit., p. 12, 24; A. Arellano Moreno. Op. cit., p. 73.

⁵⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. II, стр. 329.

⁵⁵ «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. IV. М., 1935, стр. 225.

жавшие им асьенды насчитывали десятки тысяч голов скота⁵⁶. Помимо рабов, иезуиты использовали труд крепостных индейцев. По неполным данным, к середине XVIII в. «под опекой» иезуитов в Новой Гранаде находилось 6597 индейцев⁵⁷.

Хотя метрополия всячески старалась помешать промышленному развитию Новой Гранады, жизнь постоянно нарушала эти планы. Отдаленность от Испании, а также ее недостаточное развитие вынуждали производить самую необходимую продукцию на месте. Испанской администрации приходилось мириться с этим.

На основе местного сырья (шерсть и хлопок) в Новой Гранаде развивалась текстильная мануфактура. Несмотря на то, что корона запрещала «обрахес» — мануфактуры с применением принудительного труда индейцев, это запрещение часто оказывалось формальным. В XVIII в. они процветали на юге страны, в районе Пасто и Попаяна, являвшихся по сути продолжением текстильного района Кито, а также в льяносах Касанаре. Пасто и Попаян производили шляпы и сукна. Льяносы Касанаре (Моркоте, Тамаре и Манаре) были районом активной деятельности иезуитов. Здесь производились полотна высокого качества, пользовавшиеся спросом на всем континенте и даже в Испании⁵⁸.

В отличие от юга и льяносов Касанаре, север Кундинамарки, Бояка и теперешний Сантандер, были центром так называемой «рассеянной» мануфактуры. Крестьяне этих мест сеяли хлопок на своих небольших участках и сами же его и обрабатывали. Почти каждая семья имела в своем доме один или даже несколько ткацких станков. Они сами пряли и ткали. Этой работой занимались женщины и дети⁵⁹. Готовая продукция сдавалась скупщикам, снабжавшим хлопок тех, у кого его было недостаточно.

Главными центрами района «рассеянной» мануфактуры были Сокорро и Сан-Хиль. В 1776 г. вице-король Гириор в своем отчете отмечал его процветание. Новогра-

⁵⁶ *G. Colmenares. Las haciendas de los jesuitas en el Nuevo Reino de Granada. Bogotá, 1969, p. 64, 66, 68, 79, 96, 108, 109.*

⁵⁷ *И. Р. Григулевич. Крушение иезуитского ордена в колониальной Америке. — «Новая и новейшая история», 1973, № 5, стр. 91.*

⁵⁸ *L. Ospina Vasquez. Op. cit., p. 58—62; A. Tirado Mejía. Op. cit., p. 206.*

⁵⁹ *P. Fermin de Vargas. Op. cit., p. 103.*

надский экономист П. Ф. де Варгас писал об этом районе следующее: «Отдаленность от метрополии, налоги, которые платят иностранные торговцы, и плачевное состояние наших дорог настолько удорожают их товары, что жители Сокорро и Сан-Хиля вынуждены одевать всех бедных людей вице-королевства»⁶⁰. Таким образом, район Сокорро и Сан-Хиля с его «рассеянной» мануфактурой стал центром зарождающегося капиталистического уклада.

Помимо сукошных и прядильно-ткацких мануфактур, в Новой Гранаде имелись мануфактура по производству пороха на окраине Сантафе-де-Богота и мастерские по производству селитры в Согамосо и Тунхе. В Картахене и Сантафе-де-Богота изготовлялось стекло, а в Пасто и Момпосе — водка из сахарного тростника⁶¹.

Большое место в изготовлении необходимых населению товаров по-прежнему занимали цехи. Так, все кожаные изделия производились цехами. Они имели дубильни для кож, а также многочисленные мастерские по их переработке. Согамосо стал центром сапожного производства. Здесь также изготавливали различную сбрую для лошадей, в Чоконте — седла и портупеи, кожаные мешки и тюки для перевозки товаров⁶².

Цехи сосредоточивались в крупных городах страны — Сантафе-де-Богота, Картахене, Попаяне, Пасто и Медельине. Даже простой перечень имеющихся в них цехов свидетельствует о разнообразии производимой ими продукции и о важности их роли в экономике Новой Гранады. Только в одной Картахене в 1780 г. числились цеха токарей, табачников, пекарей, медников, конопатчиков и шильщиков; в Пасто на тот же период времени — цеха шорников, портных, каменотесов, литейщиков и мебельщиков. В Медельине в начале XIX в. были зарегистрированы цехи ювелиров, чулочников, портных, сапожников, кузнецов, литейщиков и каменщиков. Цеховая регламентация сдерживала развитие производства и поэтому активно поддерживалась Испанией. Развитие мануфактур всячески ограничивалось. Для их основания требовалось специальное разрешение властей помимо выплаты больших налогов. А разрешения давались далеко не всегда⁶³.

⁶⁰ *Ibidem*.

⁶¹ *A. Tirado Mejía. Op. cit., p. 206; L. Ospina Vasquez. Op. cit., p. 72.*

⁶² *L. Ospina Vasquez. Op. cit., p. 56, 71.*

⁶³ *A. Tirado Mejía. Op. cit., p. 209; L. Ospina Vasquez. Op. cit., p. 60.*

Внутренняя торговля также подвергалась всяческим ограничениям. Чтобы продать что-либо на рынке, требовалось специальное разрешение властей, которые устанавливали цену на товар и даже часы его продажи⁶⁴. Складывание внутреннего рынка затруднялось отсутствием дорог. Индеец-носильщик был во многих местах единственной тягловой силой не только для грузов, но и для людей. Наличие феодальных прав на мосты и переправы через реки и ущелья было еще одним фактором, препятствующим развитию торговли.

Уже упоминавшийся перуанский чиновник М. де Сантиэстебан писал в 1740—1741 гг., что в районе Попаяна ему пришлось заплатить одному энкомендеро за переход через две реки по 2 реала с каждой карги⁶⁵ груза. Этот энкомендеро, по сообщению Сантиэстебана, получал таким путем в год до 300 песо⁶⁶.

В ходе исторического развития в Новой Гранаде сложилось несколько географо-экономических районов, значительно отличавшихся друг от друга⁶⁷. Восточная часть страны, или андский район, составлял самую населенную и развитую ее часть. Здесь располагались города Сантафед-Богота, Онда, Тунха, Марикита, Сокорро, Сан-Хиль, Велес. По переписи 1778 г., в этом районе проживало 60% всего населения Новой Гранады (485 тыс. из 800 тыс.). В расовом отношении большинство из них были метисами. Французский путешественник Д'Орбиньи писал: «Эти цветные люди, которых называют метисами, или самбосами, и встречаются во всех почти колумбийских городах, суть большею частью народ смышленный, искусный в ремеслах...»⁶⁸

Отличительной чертой андского района было большое число текстильных мануфактур. Сельскохозяйственную продукцию района составляли какао, культивировавшееся главным образом в долинах Кукуты, в районах Тимана и Нейва, а также по берегам Магдалены от Онды до Наре, индиго, а также зерновые. Основные посевы зерновых производились на плоскогорье Боготы. На севере Кундинамарки еще с доколумбовых времен существо-

⁶⁴ J. M. Ots-y-Capdequi. Op. cit., p. 197.

⁶⁵ Новогранадская карга (мера веса) равна 115 кг.

⁶⁶ A. Arellano Moreno. Op. cit., p. 86.

⁶⁷ L. Ospina Vasquez. Op. cit., p. 31.

⁶⁸ Г. А. Д'Орбиньи. Указ. соч., ч. I, стр. 12.

вали индейские солеварни. Скотоводством занимались в верхнем течении Магдалены и на востоке Кордильеры. Большая часть производимой продукции потреблялась в пределах самого андского района, но ткани и одежда, а также соль, скот и в незначительных количествах мука и какао поставлялись в Картахену, Чоко и Попаян. Через андский район, или «восточный пояс», как его еще называли, поддерживались связи с Аргентиной и Чили.

Провинции Попаян и Чоко составляли «западный пояс» страны. Несмотря на значительно большую площадь, здесь проживало только около 100 тыс. жителей (13% населения), из них 25—30 тыс. шахтеров, многие из которых являлись рабами. Основную часть населения составляли индейцы⁶⁹. В социально-экономическом отношении этот район был довольно неоднороден. В окрестностях Попаяна господствовали скотоводческие асьенды, для внутреннего потребления выращивались сахарный тростник, какао, овощи и фрукты. Хлебом этот район снабжался из Пасто, где преобладали ранчо, производившие пшеницу, кукурузу, ячмень и другие зерновые культуры. Сахарный тростник выращивался в небольших количествах из-за отсутствия рынков сбыта⁷⁰.

Лицо «западного пояса» определялось Чокó — районом интенсивной золотодобычи. Его население состояло в основном из шахтеров, торговцев и владельцев складов. Продовольствие и другие предметы первой необходимости доставлялись по труднейшим горным тропам индейцами-носильщиками. Навигация по рекам Аtrato и Сан-Хуан была запрещена, а морское сообщение с Гуаякилем и Лимой ограничивалось властями. Это удерживало Чокó в зоне влияния Попаяна, хотя географически ему была более близка Картахена⁷¹. Так испанцы искусственно поддерживали изоляцию Чокó, опасаясь «утечки» золота контрабандным путем.

О несметных богатствах Чоко писал А. Гумбольдт, который считал его «одним из самых богатых районов на новом континенте». Но он же отмечал крайнюю нищету шахтеров, которые постоянно страдали от голода⁷². Вла-

⁶⁹ *L. Ospina Vasquez. Op. cit., p. 21—23, 34, 29.*

⁷⁰ *A. Arellano Moreno. Op. cit., p. 74, 82.*

⁷¹ *L. Ospina Vasquez. Op. cit., p. 24.*

⁷² *V. Restrepo. Op. cit., p. 104.*

дельцами почти всех шахт Чоко были именитые граждане Попаяна — крупные торговцы и рабовладельцы, владельцы огромных земельных угодий. Именно их прежде всего обогащало золото Чоко. Поэтому Попаян был самым богатым городом юга Новой Гранады. Это сказалось и на его архитектурном облике. Дворец архиепископа, многочисленные церкви, монетный двор превосходной архитектуры, сохранившиеся поныне, поражают своим величием⁷³.

В Попаяне была создана первая в Новой Гранаде компания по добыче золота и серебра. Ей покровительствовал вице-король А. Кабальеро-и-Гонгора. Капитал компании первоначально исчислялся 25 тыс. песо, а позже возрос до 40 тыс. Компании принадлежали золотые прииски в Альмагере, а затем и в Вега-де-Супиа⁷⁴. В 1787 г. вице-король Х. де Эспелета предоставил ей кредит в 8 тыс. песо и прислал двух горняков-немцев для обучения современным методам организации дела. В Альмагере на серебряных рудниках работал также один горняк-мексиканец. Компания просуществовала вплоть до войны за независимость⁷⁵. Экономическое могущество Попаяна зиждилось также на том, что он держал в своих руках торговые пути на Кито и далее в Перу. Через Попаян шли грузы для Антиокии, составлявшей еще один экономический район, известный под названием «кауканской группы».

Антиокия — второй после Чоко по количеству добываемого золота район Новой Гранады. Он начал осваиваться испанцами с середины XVI в. Многочисленные индейские племена, населявшие плодородные долины рек Кауки, Порсе, Аtrato и Магдалены, были быстро истреблены прибывшими в погоне за золотом испанцами, основавшими многочисленные шахтерские поселки.

В 1778 г. в Антиокии насчитывалось 50 тыс. жителей, или 6% населения страны⁷⁶. К началу XIX в. благодаря росту золотодобычи население этого района увели-

⁷³ V. Restrepo. Op. cit., p. 89.

⁷⁴ L. Ospina Vasquez. Op. cit., p. 35.

⁷⁵ V. Restrepo. Op. cit., p. 86.

⁷⁶ M. Bargalló. Op. cit., p. 70; L. Ospina Vasquez. Op. cit., p. 25—26, 28.

чилося почти вдвое. Его основную массу составляли мулаты и метисы, негры-рабы — 12%, а индейцы всего 4%⁷⁷.

Из-за слабого развития сельского хозяйства Антиокия ввозила значительную часть того, что потребляла. Поэтому цены на продовольствие здесь были выше, чем в других районах. Одна карга муки, например, в начале XIX в. стоила 50 песо, что было баснословно дорого. Мясо тоже было очень дорогим, потому что район со 100-тысячным населением имел всего 15—18 тыс. голов крупного рогатого скота и 2 тыс. овец и коз⁷⁸.

Недостаток собственных сельскохозяйственных продуктов и других предметов первой необходимости обусловил высокую степень зависимости этого района от торговли с Попаяном, монополизированной двумя торговыми домами: Х. Ф. де Рестрепо в Попаяне и М. Марии Урибе в Медельине. Из Попаяна шли мулы, груженные какао и руанами, мукой и сухарями, окороками и сыром, сахаром и тканями. Из Медельина возвращались караваны с золотом и испанскими товарами, следовавшими транзитом по рекам из портов Картахены и Санта-Марты. Любопытно отметить, что вплоть до 1789 г. в Антиокии не пользовались чеканной монетой — расплачивались чистым золотом⁷⁹.

И, наконец, своей особой жизнью жил прибрежный район (провинции Картахена, Санта-Марта, Риоача и Верагуас). Здесь находились крупнейшие порты Новой Гранады: — Картахена и Санта-Марта — на Атлантическом побережье — и Момпос на реке Магдалене, служивший перевалочной базой для товаров, направлявшихся вверх по ее течению. Эти города выросли на торговле с Испанией. Раньше всех освоенный, прибрежный район к 1778 г. насчитывал 160 тыс. жителей, или 20% всего населения Новой Гранады. Самой населенной провинцией была Картахена. По данным королевской аудиенсии на 1770 г., здесь проживало 59 тыс. белых, 14 тыс. — индейцев и 7700 — негров-рабов, не считая метисов и мулатов, кото-

⁷⁷ J. M. Restrepo. Ensayos sobre la geografía, producción, industria y población de la provincia de Antioquia en el Nuevo Reino de Granada.—F. J. Caldas. Semanario del Nuevo Reino de Granada, t. 1. Bogotá, 1942, p. 259.

⁷⁸ Ibid., p. 261.

⁷⁹ L. Ospina Vasquez. Op. cit., p. 27.

рые составляли основную массу населения. Санта-Марта была менее населенной. В этой провинции преобладало индейское население (10 племен)⁸⁰.

Помимо торговли, в Картахене, Санта-Марте и Момпосе получили развитие ремесла. В Картахене и Санта-Марте занимались также промыслом морских черепах, панцирь которых высоко ценился в Европе. Сельское хозяйство было развито слабо. Здесь выращивался хлопок, небольшое количество какао и индиго, шедшие на экспорт. Мясом Картахена снабжалась из Момпоса и Вальедупара, но его не хватало, и солонина была важной статьей импорта. Хлеб также импортировался. Это было дешевле, чем везти его с плоскогорья Боготы. Только Санта-Марта сама обеспечивала себя хлебом и мясом. Основными статьями экспорта прибрежного района были какао, хлопок, индиго, черепахи и вашильное дерево⁸¹.

Таким образом, сложившиеся к концу XVIII в. экономические районы Новой Гранады значительно отличались друг от друга. Их обособленность сознательно поддерживалась метрополией, видевшей в этом залог экономической слабости колонии и прочности своего политического господства, которое подкреплялось всей системой организации жизни колонии. Важную роль играл налоговый аппарат. Его целью было не только выжимать как можно больше денег для казны, но и сдерживать развитие колониальной экономики и торговли.

Так, владельцы мануфактур вносили $\frac{1}{10}$ своих доходов в королевскую казну, а владельцы шахт — $\frac{1}{5}$. Приходилось платить особые налоги за право владения мельницами, трактирами, бакалейными лавками, постоянными дворами⁸². Платили даже за содержание бойцовых петухов. Время от времени взимался налог под названием «*armada de barlovento*», введенный в 1635 г. на содержание флота для защиты побережья от нападений пиратов. В народе его называли «налогом на ветер». Для торговцев особенно обременительной была так называемая «алькабала» — налог на торговые сделки. Без уплаты «алькабалы» нельзя было продать даже пару альпаргат⁸³.

⁸⁰ *L. Ospina Vasquez. Op. cit., p. 24, 25.*

⁸¹ *Ibidem.*

⁸² *Las Capitulaciones, § 36 (цит. по: R. Gomez Hoyos. La revolución granadina de 1810, t. 1. Bogotá, 1962, p. 187).*

⁸³ Обувь из пеньки или сыромятной кожи.

Если «алькабалу» платил продавец товаров, то с их покупателя вычиталась «сиса» — специальный налог, поступавший в королевские кассы. Товары, вывозившиеся в Испанию, облагались пошлиной под названием «альмохарифасго». Купцы, привозившие товары из Испании, платили налог на импорт.

Королевская казна пополнялась в значительной степени также за счет монополий на соль, табак, водку, игральные карты, порох. Немалую статью доходов составляли налоги, получаемые от продажи гербовой бумаги, оформления прав наследования, продажи должностей, а также от налогов на доходы служащих и церкви⁸⁴.

К концу XVIII в. новогранадцы вынуждены были платить 29 налогов. Они составляли в среднем в год около 3 млн. песо. Это почти равнялось доходам королевской казны от эксплуатации шахт и соляных копей, и было на 1 млн. песо меньше доходов от экспорта сельскохозяйственной продукции⁸⁵.

Колониальная система управления опиралась на огромный штат королевских чиновников. Ее верховным органом был Совет по делам Индий, который обладал законодательной, исполнительной и судебной властью. Ему принадлежало право назначения на высшие гражданские и церковные должности в колониях. Совет по делам Индий являлся также высшей судебной инстанцией. Главными представителями колониальной администрации были вице-короли, утверждавшиеся Советом по делам Индий. Вице-король назначался на 4 года. Он был верховным главнокомандующим испанских вооруженных сил в колониях. Власть вице-короля ограничивалась наличием королевской аудиенсии — специального органа колониального управления с весьма разнообразными функциями. Ее юрисдикция распространялась на территорию только одной аудиенсии — административной единицы того же названия. Аудиенсия была высшим судебным органом в колонии и имела право сношения непосредственно с королем. В случае болезни, смерти или временного отсутствия вице-короля она становилась верховным правящим органом колонии.

⁸⁴ J. M. Restrepo. Historia de la revolución de la República de Colombia, t. I. Bogotá, 1942, p. XXXI.

⁸⁵ J. F. Gutierrez. Galán y los comuneros. Bucaramanga, 1939, p. 88, 144.

С 1718 г. территория современной Республики Колумбия, наряду с Венесуэлой, Панамой и Эквадором, входила в состав вице-королевства Новая Гранада в качестве особой административной единицы — аудиенсии Сантафе. Председателем аудиенсии был вице-король, в ее состав входили также пять судей-оидоров и два уполномоченных по делам, которых называли прокурорами⁸⁶. Столицей аудиенсии и всей Новой Гранады был город Сантафэ-де Богота⁸⁷ (20 тыс. жителей к концу XVIII в.). Помимо столицы, значительное по тому времени население проживало в Тунхе (около 20 тыс.) и Сокорро (15 тыс.) — центрах различного рода ремесел и торговли, а также в Картахене — третьем по величине порте Испанской Америки. Кроме них в Новой Гранаде имелось множество небольших городов и поселков. Согласно переписи 1778 г., их насчитывалось 558⁸⁸. Недаром в колониальные времена Новую Гранаду называли страной городов. Это объяснялось прежде всего открытием золотопосных земель, вызвавшим большой приток испанцев.

Для удобства управления территория аудиенсии дробилась на провинции и коррехиментос. В провинциях главным представителем колониальной администрации был губернатор, в коррехименто — коррехидор. К концу XVIII в. аудиенсия Сантафе насчитывала семь провинций (Сантафе, Картахена, Санта-Марта, Верагуас, Попаян, Антиокия и Чоко) и шесть коррехиментос (Тунха, Сокорро, Памплона, Касанаре, Марикита и Нейва)⁸⁹.

Все важные дела для окончательного решения направлялись в Совет по делам Индий, а некоторые непосредственно королю. Это делало все систему управления страшно громоздкой и бюрократической. Некоторые дела годами ждали своего решения. Испанские чиновники чув-

⁸⁶ *J. M. Restrepo. Historia de la revolución de la República de Colombia, t. I, p. XXIX, XXXII.*

⁸⁷ Так столица именовалась в официальных документах. В обиходе ее называли просто Сантафе. С момента провозглашения Республики Колумбия в 1819 г. вернулись к названию города, более близкому к индейскому — Богота. Нам представляется целесообразным впредь именовать столицу Новой Гранады просто Сантафе в тех случаях, когда речь идет о событиях до 1819 г.

⁸⁸ *F. Silvestre. Descripción del Reino de Santafe de Bogotá.— A. Delgado. La colonia. Bogotá, 1974, p. 137.*

⁸⁹ *J. M. Restrepo. Historia de la revolución de la República de Colombia, t. I, p. XXVII.*

ствовали себя высшей кастой по отношению к креолам. Они рассматривали свое временное пребывание в колонии лишь как источник обогащения, и поэтому вовсе не были заинтересованы в быстром и добросовестном решении каких-либо проблем. Церковные дела также находились в ведении короля. Ему принадлежало право назначения на высшие церковные должности — архиепископа и епископов. Ими могли стать только испанцы. Все высшие чиновники колониальной администрации также были испанцами. Представители местного населения к управлению делами колонии почти не привлекались. Эта дискриминация облегчалась тем, что в расовом отношении население колонии было довольно пестрым.

Согласно переписи 1778 г., из 826 550 жителей Новой Гранады 277 068 были белыми. Это были потомки испанских завоевателей и первых колонистов (их называли креолами) и вновь прибывающие колонисты, потому что в связи с продолжающейся колонизацией приток белого населения из Испании на всем протяжении колониального периода практически не прекращался. Самую многочисленную расовую категорию составляло так называемое «цветное» население — метисы и мулаты — потомки смешанных браков белых с индейцами и неграми. Их насчитывалось 368 093. Вместе с белыми они составляли 80% населения. Количество коренного населения сократилось с 1 млн. к моменту завоевания до 136 753 человек, что составляло всего 15% населения. С середины XVI в. в Новую Гранаду начали ввозить негров-рабов из Африки для работы в шахтах. К моменту переписи 1778 г. их насчитывалось 44 636, или 5% населения⁹⁰.

Из среды местного населения только богатые креолы могли избираться в органы местного самоуправления — кабильдо (городской совет). Избирательными правами пользовались лишь владельцы собственности. Кабильдо состоял из нескольких советников — рехидоров (в зависимости от величины города их число колебалось от 6 до 12), избиравших из своей среды городского голову, нескольких судей — алькальдов, казначея и начальника полиции — альгуасила. Для подачи апелляций в высшие органы города имели специальных уполномоченных — прокуроров. Они не были членами кабильдо, хотя имели

⁹⁰ F. Silvestre. Op. cit., p. 137.

право присутствовать на его заседаниях, происходивших два раза в неделю. В функции кабильдо, помимо судебной власти, входил надзор над школами и больницами, контроль над ценами и качеством товаров на рынке, наблюдение за правильностью мер и весов, сбор налогов.

Такой круг деятельности, естественно, не мог удовлетворить креольскую верхушку, экономическое могущество которой возрастало все больше и больше, как ни стремилась помешать этому испанская корона. Архиепископ Кабальеро-и-Гонгора утверждал, что в канун восстания комунерос 1781 г. в Новой Гранаде было 60 богатых креольских семейств⁹¹. О богатстве одной из них красноречиво свидетельствует такой факт. В 1718 г. семья Прието де Саласар Рикаурте для получения права на чеканку монеты заплатила королевской казне огромную по тем временам сумму — 220 тыс. песо⁹².

Коренное население — индейцы к концу XVIII в. никакими гражданскими правами не пользовалось, ибо в своей основной массе они были крепостными. Индейцы, жившие в «ресгуардос», могли выбрать из своей среды касика (старосту). В возрасте от 18 до 50 лет они обязаны были платить подать королю. Индейцы не подвергались суду инквизиции, но в уголовных процессах свидетельство шести индейцев засчитывалось за свидетельство одного белого. Им было запрещено иметь оружие и даже ездить на лошади⁹³. В экономическом отношении это была самая нищая часть населения. Однако социальное расслоение коснулось и их. Среди касиков были люди довольно богатые. Были богатые торговцы-индейцы. Например, некий Амбросио Писко из Гуапсы вел торговлю сахаром. Он владел складом товаров, асьендами с коровами и мулами, лавками в Моникире и Сантафе. Его имущество оценивалось в 10 тыс. песо⁹⁴. Негры-рабы, естественно, никаких прав не имели. Многочисленное «цветное» население, составлявшее подавляющую часть самодеятельного населения колонии, в гражданском отношении также было практически бесправно, но в отличие от индейцев подлежало суду инквизиции.

⁹¹ I. *Lievano Aguirre*. Los grandes conflictos sociales y económicos de nuestra historia, v. III. Bogotá, [1962], p. 16.

⁹² *Ibidem*.

⁹³ M. *Lallement*. Histoire de la Colombie. Paris, 1827, p. 67.

⁹⁴ J. F. *Gutierrez*. Op. cit., p. 220.

РЕФОРМЫ КАРЛА III И ИХ ВЛИЯНИЕ
НА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В КОЛОНИИ

По мере развития капиталистических отношений в Европе в XVIII в. возрастала потребность в сельскохозяйственном сырье для промышленности. Колонии, сыгравшие важную роль в первоначальном накоплении капиталов, теперь стали интересовать европейских предпринимателей как поставщики хлопка, шерсти, индиго, какао, ванильного дерева, табака и другой сельскохозяйственной продукции, которой не было в Старом свете. Заинтересованность Испании в колониях возросла, что привело к существенным переменам в ее колониальной политике. Переменам способствовала и обстановка в самой метрополии.

Многолетние войны совсем разорили страну. 12-летняя война «за испанское наследство» (1702—1714 гг.), связанная с воцарением новой династии Бурбонов, привела метрополию в состояние экономической разрухи. В поисках выхода правительство усилило колониальный гнет. Самые крупные изменения в колониальной политике были связаны с деятельностью Карла III (1759—1788 гг.). Представитель «просвещенного абсолютизма», он провел ряд реформ, коснувшихся основных сторон жизни заморских территорий. Имея своей целью укрепление власти Испании в колониях, они в конечном итоге не смогли предотвратить отделения Испанской Америки от метрополии.

Карл III пересмотрел торговую политику Испании. Ему пришлось отказаться от системы жестких ограничений и запретов, ставших бессмысленными. Дело в том,

что ко второй половине XVIII в. Испания имела всего 40 торговых кораблей против 300 английских и французских. И что особенно важно — она значительно отставала в промышленном развитии от главных стран Европы, которые вели активную контрабандную торговлю с испанскими колониями в Америке. Чтобы пресечь это, Карл III в 1774 г. включил Новую Гранаду в число немногих колоний, которым была разрешена торговля с Испанией. Через 4 года, в 1778 г., испанское правительство приняло «Регламент и королевские тарифы свободной торговли Испании и Индий». В этом «Регламенте» устанавливались правила так называемой «свободной торговли» между 13 портами метрополии и 24 портами Испанской Америки¹. При этом экспорт и импорт по-прежнему оставались в руках испанских купцов-монополистов. Новые правила давали испанской казне возможность, установив высокие пошлины, получать доход от торговли европейскими товарами, к производству которых метрополия не имела никакого отношения. Искусная в изобретении налогов, испанская бюрократическая машина установила их такое множество, что торговцы вынуждены были выплачивать в королевскую казну от 25 до 40% стоимости товаров². Тем не менее за период с 1778 по 1788 г. объем внешней торговли с Испанской Америкой увеличился на 700%. Доходы королевской казны резко возросли.

Поток европейских товаров почти совсем вытеснил испанские с колониальных рынков. Так, 90% товаров, поступивших в Новую Гранаду накануне восстания коммунерос 1781 г., были английского, французского или голландского производства³. Это оказалось губительным прежде всего для новогранадской текстильной мануфактуры. После введения «свободы торговли» текстильные мануфактуры Кито, например, по сведениям Кабальеро-и-Гонгоры на 1789 г., сократили свое производство с 1,5 млн. песо до 600 тыс. песо⁴. Ткачи Сокорро и Сан-Хилия были

¹ J. Lynch. Spanish Colonial Administration. 1782—1810. New York, 1969, p. 18, 19.

² J. M. Ots-y-Capdequi. Los institucionales del Nuevo Reino de Granada al tiempo de la independencia. Madrid, 1958, p. 176.

³ N. Buenaventura. Cuatro ensayos de interpretación de nuestra historia. Cali, 1969, p. 4, 5.

⁴ L. Ospina Vasquez. Industria y protección en Colombia. 1810—1930. Medellín, 1955, p. 47.

совсем разорены, их продукция не выдерживала конкуренции с дешевыми европейскими тканями машинного производства.

Вместе с тем «свобода торговли» не могла покончить с контрабандой, которая всегда была своеобразным протестом колоний против налоговой политики метрополии. По подсчетам испанского чиновника Ф. Сильвестре, накануне восстания комуперес оборот контрабандной торговли составлял 4—6 млн. песо ежегодно⁵.

Несмотря на «свободу торговли» новогранадским торговцам постоянно приходилось сталкиваться то с одним запретом, то с другим. В частности, нельзя было покупать муку у англичан, а вино — у французов, хотя эти продукты были дешевле испанских. Недовольство торговцев вызывала и постоянная торговая дискриминация в отношении отдельных провинций⁶.

В феврале 1767 г. Карл III издал указ об изгнании из своих владений иезуитов. Их собственность, оценивавшаяся в 866 430 песо и включавшая крупные земельные владения, колехио, монастыри и «обрахес», перешла в собственность королевской казны⁷. «Обрахес» в Тамаре, Моркоте и Манаре (район Касанаре) были закрыты, а индейцы, работавшие на них, остались без средств к существованию, пополнив ряды разоренных ткачей Сокоро и Сан-Хиля.

В аграрном вопросе политика Карла III объективно была направлена на укрепление помещичьего землевладения. Стремясь завладеть недрами тех земель, которые принадлежали индейцам, он разрешил, если эти земли понадобятся казне или если попросят миссионеры в целях облегчения ведения религиозной пропаганды, переселять индейцев из «ресгуардос» на другие участки, сливать несколько «ресгуардос» в одно и даже продавать их⁸.

Выполняя королевское распоряжение, аудиенсия по рекомендации прокурора Морсно-и-Эскандона 5 мая 1777 г. приняла решение о выселении индейцев из Сипакиры и Таусы в Немокон и о переходе соляных копей

⁵ Ibid., p. 38.

⁶ J. M. Ots-y-Capdequi. Op. cit., p. 186.

⁷ G. Colmenares. Las haciendas de los jesuitas en el Nuevo Reino de Granada. Bogotá, 1969, p. 18.

⁸ M. Gonzalez. El resguardo en el Nuevo Reino de Granada. Bogotá, 1970, p. 72, 76—77.

Сипакиры в собственность королевской казны. Индейцы сопротивлялись, но против них были применены войска.

Однако основная масса выселений происходила не в интересах казны, а в угоду помещикам, использовавшим королевское распоряжение в целях грабежа индейских земель. Именно поэтому переселения индейцев приняли особенно большой размах на плоскогорье Боготы, в плодородной долине Кауки, в Тунхе и Антиоккии, т. е. там, где крепили помещичьи хозяйства, а удобные земли уже были заняты. В одной Бояке всего за год — с 1777 по 1778 — было ликвидировано 12 «рестуардос» полностью и 5 частично, а их земли пущены в продажу⁹.

Потерявшие свои земли индейцы жаловались властям, наивно полагая найти у них защиту. Известно, например, что индейцы Бетейтива 12 июля 1779 г. обратились к вице-королю с жалобой на коррехидора Тунхи Х. Кампусано, который переселил их в Дуитама, где не было свободной земли. Их скот погиб или был съеден за время переселения, и им грозила голодная смерть¹⁰.

В этой ситуации издание Карлом III указа от 2 августа 1780 г. о сохранении статус-кво в системе землепользования означало закрепление уже сложившегося положения. Разграбление земель коренного населения продолжалось, вызывая растущее недовольство индейцев.

Политика Карла III в отношении ремесленников также вызывала недовольство. В 1777 г. появилась «Всеобщая инструкция для ремесленных цехов», в которой насчитывалось более 60 статей. И хотя в инструкции говорилось, что она издана с целью поставить ремесла в «лучшее положение», в действительности она еще более сковывала их развитие. Инструкция запрещала объединение цехов, лишала их права вносить какие-либо изменения в их устав без разрешения королевской власти, а «цветное» население — индейцев, метисов, мулатов и негров — права на создание своих цехов¹¹. Все это сковывало дальнейшее развитие производства. Изделия ремесленников не выдерживали конкуренции с дешевыми

⁹ A. Tirado Mejía. Introducción a la historia económica de Colombia. Bogotá, 1972, p. 63.

¹⁰ J. Lievano Aguirre. Los grandes conflictos sociales y económicos de nuestra historia, v. II. Bogotá, [1962], p. 207—209.

¹¹ Ibid., p. 92—94.

товарами, поступавшими из Европы. Ремесленники разорялись.

В 1777 г., стремясь упрочить позиции Испании в колониях, Карл III провел ряд административных реформ. Венесуэла была выделена из состава вице-королевства Новая Гранада в отдельное генерал-капитанство. Это привело к установлению границы, нарушившей исторически сложившуюся экономическую общность района Касанаре с Венесуэлой. Экономическая жизнь целой области, еще не наладившей жизнь после изгнания иезуитов, была совсем дезорганизована, усугубив атмосферу недовольства Испанией. Решение Карла III об учреждении должности генеральных ревизоров при вице-королях с целью большего усиления контроля Испании в колониях и увеличение налогового бремени сделали недовольство всеобщим.

Генеральным ревизором Новой Гранады был назначен Х. Ф. Гутьеррес де Пиньерес, который прибыл в Сантафе в январе 1778 г.¹² В 1779 г. началась война с Англией. Вице-король М. А. Флорес отправился в Картахену, чтобы проследить за подготовкой крепости к возможной осаде со стороны англичан¹³. Война требовала много денег как для отправки в Испанию, так и для обороны самой Новой Гранады. Начавшаяся осада Картахены обходилась ежемесячно в 50 тыс. песо¹⁴. В поисках средств Гутьеррес де Пиньерес увеличил размеры налогов и ввел новые. Он повысил плату за разбор дел в судах, дорожные и мостовые сборы, налог на ткачей и владельцев мелочных лавочек, ввел налог в связи с войной против Англии (два песо для белых и одно песо для остальных свободных), увеличил «алькабалу» с 2 до 8% и приказал собирать «налог на ветер»¹⁵, давно не платившийся населением колоний.

¹² P. E. Cardenas Acosta. El movimiento comunal de 1781 en el Nuevo Reino de Granada, t. 2. Bogotá, 1960, p. 313, 317, 319.

¹³ J. M. Restrepo. Historia de la revolución de la República de Colombia en la América Meridional, t. I. Bogotá, 1942, p. 19.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Ibid., p. 17, 18; P. E. Cardenas Acosta. Op. cit., t. 2, p. 320; I. Lievano Aguirre. Op. cit., v. II, p. 218—220; T. Blossom. Narino. Hero of Colombian Independence. Tucson, 1967, p. XVIII.

Два последних налога были особенно ненавистны новогражданцам, и на этом сто́ит особо остановиться. «Алькабала», введенная в колониях в 1591 г. в размере 2% от стоимости товара (I. Lievano Aguirre. Op. cit., t. I. Bogotá, [1962], p. 188—189), уже

Увеличение налогов привело к росту цен на продукты питания, что прежде всего ударило по интересам широких народных масс. Дороговизна особенно задела районы, пострадавшие от введения в 1766 г. табачной монополии. Сокращение посевов табачного листа лишило тысячи людей источника доходов. Специально созданная полиция строго следила за соблюдением запрета. Если у кого-либо обнаруживали посевы табака, то виновный подлежал тюремному заключению сроком на 1—2 месяца, а урожай немедленно уничтожался (конфискация не имела смысла, потому что дороги были плохие, а казенные предприятия по переработке указанного сырья малочисленны)¹⁶. Пагубные последствия табачной монополии отмечал даже Гутьеррес де Пиньерес. В письме вице-королю Флоресу он сообщал, что запреты на разведение табака приносят разорение людям и вызывают недовольство. Целые караваны обездоленных уходят в леса, а королевская казна за короткое время потеряла 600 тыс. песо в результате неуплаты налогов¹⁷.

Больше всего пострадавших от табачной монополии было в окрестностях Сокорро, Сан-Хиля, Симакоты, Ларобады, Чаралы, Эль-Валье и Баричары, где находились основные посевы табака. Чтобы получить средства к существованию, жителям этих мест пришлось перейти на

в следующем, 1592 г. послужила причиной восстания в Тунхе, причем кабильдо встал на сторону восставших и отказался признать этот налог законным. В 1635 г. впервые в Новой Гранаде стал взиматься «налог на ветер». И снова восстала Тунха (1641 г.). Кабильдо отказался утверждать новый королевский налог (*R. Gomez Hoyos. La revolución granadina de 1810, t. 1. Bogotá, 1962, p. 155—158; L. Molano Daza. Proceso y sinopsis de la independencia de Colombia (1810—1930). Cali, 1960, p. 80*). В 1740 г. в Велесе (провинция Тунха) произошло новое восстание против королевских налогов. Движение возглавили королевский знаменосец Альваро Чако́н де Луна и алькальды. С тех пор «алькабала» собиралась не повсеместно, а «налог на ветер» вводился время от времени. Поэтому, когда Гутьеррес де Пиньерес увеличил алькабалу в 4 раза и вновь ввел давно не собиравшийся «налог на ветер», строго приказав собирать их повсеместно, это вызвало недовольство среди населения.

¹⁶ *P. E. Cardenas Acosta. Op. cit., t. 2, p. 90, 198, 320; A. Delgado. La colonia. Bogotá, 1974, p. 140; J. F. Gutierrez. Galán y los comuneros. Bucaramanga, 1939, p. 142; I. Lievano Aguirre. Op. cit., v. III, p. 219, 221.*

¹⁷ *L. Torres Almeida. La rebelión de Galán el comunero. Bucaramanga, 1961, p. 78.*

выращивание хлопчатника. Прядение и ткачество стали для них основным занятием, особенно в Сокорро и Сан-Хиле¹⁸. «Свобода торговли», введенная в 1778 г., разорила ткачей. Не посчитавшись с этим, Гутьеррес де Пиньерес повысил им налог, вызвав новую волну недовольства испанской администрацией. Чтобы выплатить «алькабалу», «палог на ветер» и другие налоги, каждая ткачиха должна была обработать в день полтора фунта хлопка в то время, как физически возможно было обработать лишь полфунта¹⁹. Помимо экономических причин недовольства, появились и политические. К числу последних относится недовольство креольской верхушки, которая восприняла деятельность генерального ревизора как усугубление своего зависимого положения. Обстановкой всеобщего возмущения умело пользовались агенты изгнанных иезуитов, подогревавшие антииспанские настроения.

Революционизирующее влияние на новогранадцев оказывала и пачавшаяся в 1776 г. война за независимость английских колоний в Северной Америке. Брожение в Новой Гранаде усилилось, когда сюда дошли вести о восстании в Перу под руководством Туака Амару (сентябрь 1780 г.). Первым актом повстанцев было освобождение индейцев-митайос, работавших в «обрахес». Слухи о восстании довольно широко распространились по Новой Гранаде. Известно, например, что в Сокорро священник-креол рассказывал о нем своим прихожанам²⁰. Однако дальнейшее развитие событий в Новой Гранаде определялось не внешним влиянием, а всем ходом ее внутреннего развития, чреватого социальным и политическим взрывом.

НАЧАЛО ВОССТАНИЯ КОМУНЕРОС

Первыми признаками обострения обстановки в стране были волнения конца 1780 г. 22 октября крестьяне Симакоты оказали сопротивление полиции, пытавшейся конфисковать табак, а через неделю в Моготесе, недалеко от Симакоты, произошло настоящее восстание против коррехидора, пытавшегося принять меры против контрабанд-

¹⁸ *P. Fermin de Vargas. Pensamientos políticos y memoria sobre la población del Nuevo Reino de Granada. Bogotá, 1944, p. 14, 103; P. E. Cardenas Acosta. Op. cit., t. 2, p. 89.*

¹⁹ *P. E. Cardenas Acosta. Op. cit., t. 2, p. 90.*

²⁰ *P. E. Cardenas Acosta. Op. cit., t. 1. Bogotá, 1960, p. 89.*

ной торговли табаком. В нем приняли участие около 400 человек.

Прошло еще три недели, и вспыхнули волнения в Чаралé. Поводом послужила попытка властей сместить креола с должности судьи и заменить его испанцем²¹.

События в Симаоте, Моготесе и Чаралé оказались своеобразной прелюдией мощного движения, охватившего различные районы Новой Гранады. Его центром стал Сокорро — город ткачей, разоренных конкуренцией дешевых европейских товаров и новыми налогами. Здесь также было много пострадавших от введения табачной монополии²². 16 марта 1781 г. в Сокорро началось восстание, поводом к которому послужили указы о введении новых налогов. В нем приняли участие не менее 2 тыс. человек. Во главе восставших оказались Исидро Молина, портной, его отец Антонио Молина, Хосе Дельгадильо — тоже портной, мясники Игнасио Ардила, Роке Кристианчо и Пабло Ардила, Лоренсо Алькантус — шорник, Мануэль Ортис — старший привратник кабильдо. Женщин возглавляла Мануэла Бельтран — сигарница²³. Выкрикивая угрозы в адрес ненавистного генерального ревизора Гутьерреса де Пиньереса и прокурора Морено-и-Эскандона, негодующая толпа собралась у здания кабильдо. На его балкон вышел богатый креол Сальвадор Плата и пытался успокоить возмущенных людей. Он сказал, что только «миром и заявлениями о верности испанскому королю можно добиться отмены ненавистных налогов». «Какой может быть мир с голодом! Смерть ревизору!» — отвечала ему площадь. Мануэла Бельтран сорвала с дверей кабильдо указ о налогах и на глазах всех собравшихся разорвала его на мелкие клочки. Толпа закричала: «Да здравствует король Испании и долой его плохих чиновников! Да здравствует король, но мы не принимаем «налога на ветер»!» Восставшие захватили город. Испанские чиновники попрятались. Кабильдо заявил, что приостанавливает сбор новых налогов.

²¹ P. E. Cardenas Acosta. Op. cit., t. 1, p. 91; t. 2, p. 205; L. Torres Almeida. Op. cit., p. 90, 92; L. Molano Daza. Op. cit., p. 82, 84—85.

²² J. A. de Torres y Peña. Memorias del presbitero José Antonio de Torres y Peña. Bogotá, 1960, p. 66; P. E. Cardenas Acosta. Op. cit., t. 1, p. 89; L. Torres Almeida. Op. cit., p. 97—98.

²³ L. Torres Almeida. Op. cit., p. 107; R. Gomez Hoyos. Op. cit., t. 1, p. 164; J. F. Gutierrez. Op. cit., p. 152.

На следующий день, 17 марта восстали жители Симакоты под руководством Л. Алькантуса. 1,5 тыс. человек, собравшиеся на площади, кричали в присутствии сборщика налога на табак: «Да здравствует король и долой его плохие распоряжения! Да здравствует король и долой его приказы и разбойников, которые здесь находятся! Спасайтесь, собаки-разбойники, конфисковавшие наш табак!» Судья и сборщик налога стреляли в народ.

24 марта восстал Сан-Хиль, а 1 апреля — Баричара²⁴. Лозунги восставших были те же.

Кабиљдо мятежных городов заняли выжидательную позицию, не проявляя враждебности к повстанцам, а кое-где даже поддерживая их. Кабиљдо Сокорро направил королевской аудиенсии Сантафе сообщение, в котором правдиво излагались причины восстания «самых бедных людей королевства»²⁵. Слухи об этих событиях быстро распространились по всей Новой Гранаде и везде вызывали сочувствие народных масс. В Сантафе распространялись стихи, открыто призывавшие к восстанию. Их находили на самых многолюдных улицах столицы. Одно стихотворение было такого содержания: «Граждане Сантафе! Сколько же можно терпеть! Не зря нас называют увальнями! Еще бы! Ведь блохи, тараканы и вши не дают нам восстать!» Другое призывало: «Пусть Индии восстанут! Ревизор пусть умрет, а пожар пусть продолжается!»

Появилась даже целая поэма, которую народ любовно называл «Нанц указ», «Закоп народа», а власти — паскви́лем. Она была обнаружена 7 апреля 1781 г. и в тот же день доставлена самому Гутьерресу де Пиньересу, которому и была формально адресована, начинаясь со слов: «Привет, сеньор ревизор»²⁶. По своей политической значимости этот документ заслуживает подробного анализа. Он не только отражал недовольство основной массы новогранадского населения, вскрывая причины постигших его бедствий, но и содержал определенную программу действий²⁷. Все это, наряду с доступностью и образностью языка поэмы, обусловило ее необычайную попу-

²⁴ *L. Torres Almeida. Op. cit., p. 107, 108—110; R. Gomez Hoyos. Op. cit., t. 1, p. 164—166.*

²⁵ *L. Torres Almeida. Op. cit., p. 127.*

²⁶ *P. E. Cardenas Acosta. Op. cit., t. 1, p. 130—131.*

²⁷ Текст поэмы полностью опубликован в кн.: *P. E. Cardenas Acosta. Op. cit., t. 1, p. 121—131.*

лярность в пародии. Некоторые историки называли ее «Марсельезой» повстанцев²⁸.

Автор поэмы точно не установлен. Предполагают, что это монах-доминиканец из Сантафе С. де Арчила — духовник маркиза Сан-Хорхе²⁹. Первые же строки поэмы ставили под сомнение законность политики генерального ревизора и содержали обвинения в его адрес. «Стараясь выручить казну ценой несправедливого нововведения, — говорилось в поэме, — на которое у вас нет законного права, вы потворствуете жестокости, корысти и амбиций. Но каким образом, не будучи уроженцем этой страны, — возмущался автор, переходя на ты, — ты пытаешься ее разорить, если тебя не было ни среди ее основателей, ни даже среди их потомков?.. От тебя страдает все королевство... Ты, неблагодарная, презренная креатура, хочешь свергнуть нас во всеобщее кровопролитие...»³⁰

Автор поэмы не скупится на эпитеты и по отношению к прокурору Морено-и-Эскандону, санкционировавшему высылку индейцев из «ресгуардос». Автор называл его «злым демоном, нарушителем мира и спокойствия народа». Вместо того, чтобы быть покровителем индейцев, к чему его обязывает должность, — говорилось в поэме, — он покрывает вероломную жестокость, с которой они уничтожаются. Какие обиды, какие унижения испытывают эти несчастные!.. Они умирают от голода и нищеты»³¹.

«Чтобы восстановить агонизирующую жизнь», поэма призывала покончить с прокурором и ревизором, «предав их смерти за беспорядки, которые они вызвали». А далее следовал весьма любопытный вывод автора: «Какой смысл в том, чтобы нами управляли приезжие, если наши владения имеют собственных хозяев, природных сеньоров? Именно от этого происходят все наши несчастия. Итак, чтобы избежать фатального конца, объединимся ради бога и пусть наше королевство принадлежит тому, кому оно должно принадлежать»³².

Многие исследователи восстания 1781 г. расценивают

²⁸ *L. Torres Almeida*. Op. cit., p. 111.

²⁹ После подавления восстания власти приписали авторство самому маркизу, используя это в качестве повода для его ареста.

³⁰ *P. E. Cardenas Acosta*. Op. cit., t. 1, p. 121.

³¹ *Ibid.*, p. 125.

³² *Ibid.*, p. 127.

это место поэмы, как свидетельство того, что среди коммунерос были люди, понимавшие необходимость национального освобождения. Об этом же свидетельствовало и отсутствие в поэме лозунга «Да здравствует король!» Вместо него несколько раз повторялось: «Да здравствует Сокорро и долой плохое правительство!»³³ Поэма призывала повстанцев к походу на Сантафе, убеждая их в том, что у них много сторонников в столице, которые помогут им.

В заключение поэмы говорилось: «Здесь капуцины успокаивают нас с помощью проповедей, что непогрешим порядок, установленный свыше. Цель этих проповедей — убедить нас смиренным голосом в том, что это справедливо, когда с нас снимают последнюю рубашку. Не ходите на проповеди и не позволяйте устанавливать алькабалу, монополии, пенсии... Тебя хотели убедить, что, отказавшись платить налоги, ты воруеть у короля и тем совершаешь смертный грех, за который король имеет право карать смертной казнью. Не давай обмануть себя. Одно дело — кража, а другое — твое дело. Оно свято, справедливо и является естественным правом»³⁴. Так утверждением законности сопротивления угнетению заканчивался этот необыкновенный документ.

Экземпляр поэмы, переданный генеральному ревизору, не был единственным. Один из них был послан неким Хосе де Альба из Сантафе в Симакоту. Там он был размножен и разослан в разные районы страны. Несколько экземпляров были посланы кабиљдо Сокорро. И. Молина прочитал поэму на площади 16 апреля в присутствии нескольких тысяч человек, которые бурно выражали свое одобрение, потому что мысли автора были близки и понятны простым людям³⁵.

По-другому реагировали на документ богатые креолы. Сальвадор Плата возмущался стихами, в которых не было выражений верности королю, содержались выпады против Гутьерреса де Пиньереса и даже угрозы его жизни, а также призывы к восстанию народа. Сеньор Плата негодовал, что поэма получила широкое распространение³⁶.

³³ Ibid., p. 122—123.

³⁴ Ibid., p. 125, 129—130.

³⁵ Ibid., p. 120; *L. Torres Almeida. Op. cit., p. 113.*

³⁶ *L. Torres Almeida. Op. cit., p. 112; R. Gomez Hoyos. Op. cit., t. 1, p. 169.*

Чтение поэмы в Сокорро 16 апреля послужило поводом к новым волнениям в городе. Богатые креолы Сокорро, напуганные размахом восстания, начали понимать, что они не могут более оставаться в стороне от событий, предоставив действовать одним беднякам. Креольская знать вынуждена была принять участие в движении, чтобы локализовать его. 18 апреля в Сокорро был создан руководящий орган восстания — коммуна во главе с богатым торговцем Хуаном Франсиско Бербео. В ее состав вошли самые богатые люди Сокорро, купцы-работорговцы. И лишь один прокурор А. Молина был человеком бедным³⁷. Такой состав коммуны позволил креольской знати использовать ее для того, чтобы поставить повстанческое движение под свой контроль.

После создания коммуны в Сокорро участники восстания стали именоваться комунерос, т. е. сторонники дела коммуны. Под именем восстания комунерос оно и вошло в историю Колумбии.

Создание коммуны в Сокорро ускорило взрыв недовольства в других городах страны. 21 апреля в Велесе, 25-го — в Сапатоке, 29-го — в Текиа (Малага) произошли волнения. В Текиа распространялись листовки, по своему содержанию близкие к поэме. В них весьма недвусмысленно говорилось о необходимости освобождения: «Что нам нужно, чтобы освободиться? Объединиться, как один! Настал момент позаботиться о том, чтобы выйти из состояния постыдного рабства. Индии охвачены восстаниями и, если мы теперь не добьемся свободы, мы никогда ее не получим и навсегда останемся презренными рабами»³⁸.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО КРЕОЛЬСКОЙ ВЕРХУШКИ

В охваченных восстанием городах повстанцы отменяли монополии, «алькабалу» и другие налоги. 2 мая в Сокорро был создан Верховный военный совет во главе с Бербео, провозглашенным генералиссимусом. В него вошли все капитаны³⁹, за исключением Сальвадора Плата,

³⁷ *J. F. Gutierrez*. Op. cit., p. 171—172; *L. Torres Almeida*. Op. cit., p. 118.

³⁸ *R. Gomez Hoyos*. Op. cit., t. 1, p. 166.

³⁹ Капитан — член коммуны. Он не имел воипского звания.

который отказался от должности, прикинувшись больным. Верховный военный совет, уступая настойчивым требованиям комунерос, принял решение о походе на Сантафе. Тем временем к Сокорро продолжали стекаться повстанцы со всех сторон. Их вооружали, чем могли — копьями, алебардами, саблями. Ружей было совсем мало. Была создана кавалерия. Простой народ проявлял большой интерес к тому, что происходило в Сокорро, и особенно к деятельности коммуны и Верховного военного совета. Поэтому коммуна начала издавать ежедневный рукописный бюллетень, в котором излагались последние новости. Его читали на площадях и рассылали по другим городам. Повсюду только и говорили о предстоящем походе на Сантафе ⁴⁰.

Попытки колониальных властей разгромить повстанцев успеха не имели. Коррехидор Тунхи Х. М. Кампусано с ополчением не решился атаковать повстанцев ввиду их многочисленности. Тогда Гутьеррес де Пиньерес послал против комунерос 80 солдат из гарнизона Сантафе во главе с капитаном королевской гвардии Х. де ла Баррерой и оидором Х. де Осорио. 26 апреля карательная экспедиция достигла Пуэнте-Реаля, недалеко от Велеса, куда вскоре подошел 4-тысячный повстанческий отряд во главе с И. Молиной. Две недели повстанцы не решались атаковать, надеясь обойтись без кровопролития. В испанском лагере распространялись прокламации с призывом присоединиться к комунерос. Осорио, со своей стороны, посылал к И. Молине парламентаров для переговоров. Успеха они не имели. 7 мая повстанцы решили действовать. После двухдневных стычек солдаты обратились в бегство. Баррера и Осорио были захвачены в плен, а с ними три ящика денег, предназначавшихся для подкупа комунерос ⁴¹.

И после разгрома карательной экспедиции повстанцы по-прежнему были настроены миролюбиво. Они освободили руководителей экспедиции Барреру и Осорио, возвратив им даже захваченные ящики с деньгами.

Известие о разгроме карательной экспедиции вызвало постоянную панику среди испанской администрации и

⁴⁰ *R. Gomez Hoyos. Op. cit., t. 1, p. 174—175; L. Torres Almeida. Op. cit., p. 128.*

⁴¹ *L. Torres Almeida. Op. cit., p. 133—140, 142—144.*

происпански настроенных креолов. Даже те из богатых креолов, кто сначала с симпатией отнеслись к событиям в Сокорро, теперь испугались размаха движения, опасаясь, что повстанцы захватят столицу. А для паники были все основания. Вице-король с войсками находился в Картахене. В Сантафе насчитывалось всего 50 испанских солдат⁴². Для организации обороны города была срочно создана хунта во главе с Гутьерресом де Пиньересом. Хунта заседала каждый день. В помощь гарнизону была создана конная милиция из состоятельных граждан. Богатые креолы жертвовали деньги, продовольствие, лошадей, оружие, вооружали своих слуг, чтобы помочь властям в обороне столицы. Так, маркиз Сан-Хорхе, несмотря на старые счеты с испанскими властями⁴³, предоставил в их распоряжение 400 лошадей и столько же работников из своего поместья.

Власти понимали, что, несмотря на принятые меры, дела их плохи. Нужно было выиграть время. С этой целью 13 мая к повстанцам было отправлено посольство в составе оидора Х. Васко-и-Варгаса, главного алькальда Э. Галависа и архиепископа Антонио Кабальеро-и-Гонгоры. Не надеясь на успех миссии, Гутьеррес де Пиньерес в тот же день покинул столицу, бежав в Онду. Чтобы предотвратить выступление столичной бедноты, которая могла активизироваться в связи с начавшимся походом на Сантафе, кабильдо заявил о снижении цен на табак, об отмене «налога на ветер» и снижении «алькабалы» до прежнего уровня — 2%, об отмене налогов на перевозку грузов и почты, а также приостановил сбор налога на войну с Англией⁴⁴.

Силы повстанцев к этому времени были разделены на три части. После победы у Пуэнте-Реаля Бербео приказал И. Молине отправить часть войск во главе с Хосе Галаном к Чикинкире, Убате и Немокону, а самому с другой частью идти на Лейву и Тунху. Сам Бербео с основной массой повстанцев в середине мая начал поход на

⁴² P. E. Cardenas Acosta. Op. cit., t. 1, p. 211, 212.

⁴³ В 1777 г. королевская аудиенсия лишила его титула за то, что он отказался уплатить за него большой налог; кроме того, у него были постоянные конфликты с испанцами, чинившими ему препятствия в торговле мясом.

⁴⁴ L. Torres Almeida. Op. cit., p. 159, 162—163; J. M. Restrepo. Op. cit., t. I, p. 30.

столицу. Цель такого разделения, по разъяснениям главы Верховного военного совета, состояла в том, чтобы поднять на борьбу все районы вице-королевства. Не исключено, что истинная цель сводилась к тому, чтобы ослабить войско повстанцев, удалив из него сторонников решительных действий во главе с И. Молиной и Х. Галаном. 20—25-тысячная повстанческая армия (в том числе 6 тыс. индейцев), не встречая сопротивления, медленно продвигалась к Сантафе. Население приветствовало ее.

Тем временем Галан без боя занял Немокон. Здесь собралось много индейцев. Был среди них и Амбросио Писко — богатый торговец, потомок последних индейских правителей Бакаты. Он решил присоединиться к повстанцам. Галан предложил провозгласить его королем индейцев. «Этот индеец больший хозяин над нами, чем Карл III и его вице-короли», — сказал о нем Галан. Предложение Галана было принято, и это увеличило приток индейцев в ряды комунерос. После Немокона отряд Галана захватил Хирон, а 25 мая — Факатативу — ключевой пункт на пути между Картахеной и Сантафе. Испанские власти были свергнуты, налоги отменены, в городе была провозглашена власть коммуны. Отряд пополнился за счет жителей города ⁴⁵.

В течение последующих пяти дней Галан трижды успешно атаковал испанские отряды. 30 мая он захватил Вийету, а 4 июня без боя вступил в Гуадуас. Отсюда Галан направился в Оиду, где скрывался Гутьеррес де Пиньерес и собралось около 400 роялистов, бежавших из районов, охваченных восстанием. Генеральный ревизор пытался организовать оборону, но с 2 пушками и 100 фунтами пороха это было не легко сделать. Он обратился к вице-королю, находившемуся в Картахене, и аудиенсии Сантафе, умоляя о помощи ⁴⁶.

В то время как Галан развивал успешные военные действия против правительственных войск, захватывая один город за другим, главнокомандующий Бербео приказал войскам комунерос прекратить движение на Сантафе и стать лагерем в Мартиныо, на пути между Немоконом и Сипакирой. «Вся местность между Сипакирой и Немоконом на протяжении 3 часов пути открылась па-

⁴⁵ *L. Torres Almeida*. Op. cit., p. 154—156, 158, 168—170.

⁴⁶ *Ibid.*, p. 180—182.

латками повстанцев. Их насчитывалось не менее 20 тыс. (4 тыс. всадников, остальные — пешие). Никогда Новая Гранада не видела такого огромного скопления войск»⁴⁷, — писал испанскому министру Х. Галвесу архиепископ А. Кабальеро-и-Гонгора.

Гарнизон столицы в это время насчитывал всего 678 человек⁴⁸. Повстанцы, как видим, имели колоссальный численный перевес, но руководители комунерос — богатые торговцы и землевладельцы, — испугавшись размаха движения, пошли на попятную, согласившись вести переговоры с властями Сантафе. В Сипакиру прибыл архиепископ Кабальеро-и-Гонгора. Он убедил Бербео отказаться от захвата Сантафе. 31 мая появился приказ, который гласил: «Я, Хуан Франсиско Бербео, генерал-капитан, командующий экспедицией коммун, довожу до сведения всех командиров моей армии о том, что мною поручено Амбросио Писко, касику Боготы, прибыть во главе своих людей к пригородам Сантафе-де-Богота и решительно преградить путь всем, кто попытается вступить в город с целью оскорблять и грабить его жителей. В случае необходимости Писко уполномочен установить виселицы — одну у ворот Сан-Диего и вторую у ворот Сан-Викторино для наказания виновных в нарушении приказа»⁴⁹.

Руководство повстанцев само приняло на себя заботу об охране столицы. Чтобы успокоить комунерос, Бербео в тот же день подписал другой приказ — о конфискации соляных копей, принадлежавших королю, и возвращении их индейцам⁵⁰.

Поскольку у властей не было реальной силы, которую можно было бы противопоставить комунерос, архиепископ стремился расколоть повстанческий лагерь путем интриг⁵¹. Ему удалось уговорить капитанов Тунхи отвести свою 6-тысячную армию из лагеря Мартины в Каксику⁵², что значительно ослабило силы повстанцев. Бербео

⁴⁷ Цит. по: *P. E. Cardenas Acosta*. Op. cit., t. 2, p. 61.

⁴⁸ *R. Gomez Hoyos*. Op. cit., t. 1, p. 180, 211—212.

⁴⁹ Цит. по: *С. А. Гонимонский*. Восстание «комунерос» в Новой Гранаде (1781 г.). — «Новая и новейшая история», 1971, № 1, стр. 154.

⁵⁰ *L. Torres Almeida*. Op. cit., p. 239.

⁵¹ *Ibid.*, p. 244.

⁵² *Ibid.*, p. 247—248.

А. КАБАЛЬЕРО-
И-ГОНГОРА.

мог теперь открыто пойти на переговоры с архиепископом, ссылаясь на измену тунханцев.

Переговоры начались в первых числах июня в Сипакире. В них приняли участие Бербео и капитаны коммуны, с одной стороны, и архиепископ, маркиз Сан-Хорхе и официальные лица Сантафе — с другой. Речь шла об условиях, на которых руководители повстанцев соглашались распустить войско комунерос. И хотя Бербео знал, что большинство повстанцев против подписания какого-либо соглашения с властями до захвата Сантафе, он принял участие в создании комиссии, которая должна была подготовить проект «Договора», или «Капитуляций», как его тогда называли. Таким образом Бербео стремился избежать дальнейшего развития повстанческого движения в стране. Архиепископ полностью разделял опасения Бербео и поэтому торопил с составлением «Договора». При этом Кабальеро-и-Гонгора даже не особенно заботил его текст. Он считал, что в создавшейся ситуации важно как можно скорее принять любой, чтобы не допустить дальнейшего развития восстания. Поэтому текст «Капитуляций» был составлен всего за несколько дней.

5 июня состоялась торжественная церемония чтения и подписания документа. В тот же день Бербео провозгласил Ф. Вергару и маркиза Сан-Хорхе капитанами коммуны Сантафе⁵³. Этим шагом создавалась иллюзия, будто Сантафе на стороне повстанцев. Текст «Капитуляций» был немедленно отправлен в столицу членам аудиенсии, хунте и кабильдо. Но они отказались принять его. Узнав об этом, повстанцы потребовали от Бербео продолжить поход на Сантафе. Бербео и архиепископ обещали, несколько изменив текст «Договора», добиться от властей его одобрения. Архиепископ направил письмо аудиенсии, сообщая о волнениях в Сипакире и убеждая принять «Договор», чтобы избежать новых потрясений⁵⁴.

Ознакомившись с новым текстом, испанские власти в Сантафе приняли два документа: «Об одобрении «Капитуляций» и «Секретный акт против «Капитуляций»»⁵⁵. В последнем недвусмысленно заявлялось, что «Договор» не только унижает королевскую власть, но и является отказом от всякого подчинения и непризнанием зависимости от монарха». А далее говорилось: «Но мы признаем этот документ, так как иначе нельзя восстановить общественное спокойствие»⁵⁶.

Утром 8 июня в Сипакиру прибыл гонец из Сантафе, который привез весть о принятии «Капитуляций» властями столицы. Обрадованный архиепископ отслужил торжественную мессу в соборе Сипакиры. Повстанческий лагерь ликовал. Основная масса комунерос считала, что они добились всего, к чему стремились, и пора возвращаться по домам. Бербео и его советники всячески поддерживали эти настроения, ибо то тут, то там происходили все новые и новые волнения и 20 тыс. вооруженных комунерос, собранные в одном лагере, представляли большую опасность. Воспользовавшись тем, что у рядовой массы повстанцев после принятия «Капитуляций» создалась иллюзия, будто борьба уже закончена, Бербео

⁵³ R. Gomez Hoyos. Op. cit., t. 1, p. 180.

⁵⁴ L. Torres Almeida. Op. cit., p. 269—272.

⁵⁵ Aprobacion y Juramento de las Capitulaciones por el Real Acuerdo y Junta de Tribunales.— L. Molano Daza. Op. cit., p. 122; Acta secreta del Real Acuerdo contra las Capitulaciones.— Ibid., p. 120—121.

⁵⁶ Acta secreta del Real Acuerdo contra las Capitulaciones, p. 120—121.

поспешил распустил войско. По всей стране звонили колокола, служились торжественные молебны, зачитывался текст «Договора», а повстанцы из лагеря Мартиньо расходились по домам.

Что же представляли собой знаменитые «Капитуляции», сыгравшие такую важную роль в судьбе движения комунерос? Чьи интересы они отражали? Чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к тексту самого документа. Его первый параграф гласил, что отныне и навечно отменяется «налог на ветер» («барловенто»), второй объявлял отмену налога на перевозку грузов, а в последующих пунктах провозглашалась отмена остальных налогов, и в том числе «алькабалы» и налога на войну с англичанами. Аннулировались королевские монополии на табак, водку, соль, порох. Эти меры были выгодны всему населению Новой Гранады. Интересы индейцев отражал пункт об охране земель «ресгвандос» и возвращении им соляных копей⁵⁷. Пункт 16 требовал изгнания генерального ревизора, «который хотел высосать все соки и все разрушить своим деспотическим поведением. И хотя в этом королевстве люди настолько покорны и послушны, что уже не имеет значения увеличение их нужды и вымогательств, они не потерпят больше такого деспотического управления»⁵⁸.

«Капитуляции» этим не ограничивались. Они требовали вообще ликвидировать должность генерального ревизора и провозглашали право на сопротивление любому гнету. Гарантировать это право должна была народная милиция. «Назначенные в нее каждое воскресенье вечером должны собираться для военных упражнений, чтобы быть готовыми в случае нужды проявить свою верность на службе нашего католического монарха»⁵⁹. В последнем параграфе вновь говорилось о верности королю, а также о том, что «никто не перестанет быть бдительным в защите нашего общего дела и все мы будем защищать всех от мала до велика»⁶⁰.

Таким образом, главной заботой народной милиции выступала защита общего дела, а король упоминался для приличия. Эти параграфы «Капитуляций» также отражали

⁵⁷ *Capitulaciones*.— *L. Molano Daza*. Op. cit., p. 180—184.

⁵⁸ *Ibid.*, p. 185.

⁵⁹ *Ibid.*, p. 186.

⁶⁰ *Ibid.*, p. 188.

интересы всего населения Новой Гранады в целом. Но были пункты явно антифеодальной направленности. Взять хотя бы параграф 26, который обязывал землевладельцев освободить под постоянные дворы и пастбища для мулов земли вдоль путей сообщения. Если владелец земли не выполнит этого правила, путешественник может разрушить изгороди, которыми эти земли огорожены.

Эту же цель преследовала и 28-я статья документа, гласившая: «Так как существует много переправ и мостов, за переход по которым путешествующие вынуждены платить частным лицам, просим, чтобы путешественники освобождались от этих платежей и только платили бы то, что причитается населенным пунктам и городам»⁶¹. В первом варианте «Капитуляций», который был составлен в более простых выражениях, эта же мысль выражалась следующим образом: «Так как торговцы терпят много убытков от поборов на мостах и переходах, принадлежащих частным лицам, и эти поборы абсолютно разоряют их, необходимо поборы эти отменить и оставить только те, которые идут для коммун и собственно городов»⁶².

Статья 36 была направлена на защиту интересов мелких торговцев против монополистов: «Размышляя о нищете многих мужчин и женщин, которые не заинтересованы в уплате налогов за мелочные лавочки, просим, чтобы ни одна из них не облагалась налогом»⁶³. В первом варианте смысл требования формулировался яснее: «Так как приказано резко сократить число мелочных лавочек, в которых продаются съестные припасы, что привело к недостатку самых необходимых продуктов, просим, чтобы в целях всеобщего блага предоставили на усмотрение самих жителей королевства вопрос о количестве мелочных лавок»⁶⁴. Эта статья по сути дела защищала интересы бедного люда, страдавшего от дороговизны продуктов питания, возникшей в результате сокращения числа лавок.

И, наконец, документ содержал статью, явно инспирированную креольской знатью. Она откровенно выражала недовольство дискриминацией по отношению к уроженцам Новой Гранады при замещении высших администра-

⁶¹ *Capitulaciones*, p. 187.

⁶² *R. Gomez Hoyos*. Op. cit., t. 1, p. 187.

⁶³ *Capitulaciones*, p. 188.

⁶⁴ *R. Gomez Hoyos*. Op. cit., t. 1, p. 187.

тивных и военных должностей. Речь идет о 22-й статье, которая гласила: «Пусть в должностях первой, второй и третьей степени важности уроженцы Америки предпочитают европейцам. Чтобы покончить со взаимной антипатией американцев и европейцев, недостаточно одного решения, потому что европейцы по своему невежеству полагают, будто они хозяева, а все без различия американцы их слуги. Чтобы не продолжалась вечно эта бессмыслица, европейцы могут быть наравне с американцами заняты только в случае необходимости и при наличии у них способностей, доброй воли и родства с американцами, ибо все, кто являются подданными одного короля и сеньора, должны жить по-братски, а те, кто стремятся властвовать и выделяться, пусть будут удалены из нашего сообщества»⁶⁵.

Таким образом, «Капитуляции» требовали не только равенства, но и предпочтения креолам при замещении административных должностей. И хотя здесь нет ни слова о независимости, чувство национального достоинства и сознание общности интересов всех новогранадцев перед пришельцами-европейцами присутствуют в полной мере.

Оценивая «Капитуляции» в целом, можно прийти к заключению, что в случае их осуществления они освободили бы торговлю от пут, мешавших ее развитию, создали бы более благоприятные условия для развития ремесел, мануфактур и сельского хозяйства, улучшили бы положение индейцев и уравнили в правах уроженцев колонии и метрополии. В этом документе в той или иной степени нашли свое отражение чаяния всех классов и социальных слоев новогранадского общества. Вместе с тем в нем не было ничего, что ущемляло бы интересы помещиков, работорговцев и владельцев шахт. В нем не было ни слова о наделении земель безземельных и не затрагивался вопрос об отмене рабства. Это объяснялось тем, что возглавили движение комунерос, в котором участвовали самые бедные и обездоленные слои населения Новой Гранады, представители нарождающейся торговой буржуазии и помещики. Они-то и постарались включить в документ прежде всего свои требования, а из требований бедноты только те, что не затрагивали интересов господствующих классов.

⁶⁵ Capitulaciones, p. 185—186.

В то время как Бербео был занят переговорами с архиепископом и другими представителями Сантафе, Галан поднимал на вооруженную борьбу все новые и новые города. Подписание «Капитуляций» застало его у Онды, где находился Гутьеррес де Пиньерес. Во избежание кровопролития, Галан потребовал выдачи Гутьерреса, но получил отказ. И в этот момент Бербео приказал войскам Галана отойти в Немокон. Галан отказался выполнить приказ и двинулся на Марикиту, надеясь пополнить свой отряд за счет шахтеров. Между тем Гутьеррес де Пиньерес, бросив Онду, бежал в Картахену⁶⁶. Захватив Марикиту, Галан объявил не только об отмене королевских налогов и монополий и создании коммуны, но и об освобождении рабов.

Освобождение рабов имело большие последствия для судьбы движения комунерос. В момент, когда руководители восстания сознательно шли на его свертывание, это вовлекало в борьбу самые угнетенные слои новогранадцев. Как только стало известно об освобождении рабов в Мариките, восстали негры-рабы в асьенде «Мальпасо», недалеко от Марикиты. Их примеру последовали негры-рабы в поместье «Вильявьеха», около Нейвы⁶⁷. Большинство рабов присоединились к Галану. Слухи об освобождении рабов распространились быстро. В плодородных долинах Магдалены и Кауки было много плантаций, обрабатывавшихся рабами. Они с нетерпением ждали прихода Галана. Повсеместно говорили о королевском указе, который якобы даровал рабам свободу, но плантаторы скрыли его от народа. В ряде мест готовились восстания рабов. Наряду с рабами в движение комунерос начали активно включаться индейцы. В Тумако, Кагуане, Айпе, Чапаррале, Вильянуэве, Форталесильясе и Эль-Волкане произошли индейские восстания.

Важно отметить, что именно в это время среди повстанцев появились новые лозунги. Так, комунерос Кокуя послали письмо в города восточных льяносов, призывая их население признать королем Индий вождя перуанских

⁶⁶ P. E. Cardenas Acosta. Op. cit., t. 2, p. 85—86.

⁶⁷ L. Torres Almeida. Op. cit., p. 205—207.

индейцев Тупака Амару и не платить налогов испанскому королю⁶⁸. Член коммуны Памплоны Л. Кирос 14 июня предложил коммуне Силоса собрать весь народ на площади и провозгласить: «Да здравствует король Инка, смерть королю Испании и всем тем, кто его защищает». В Силосе так и поступили. Тупака Амару торжественно провозгласили королем. На площади был зачитан его указ, где он называл себя королем Перу, Сантафе, Кито, Чили и Буэнос-Айреса⁶⁹.

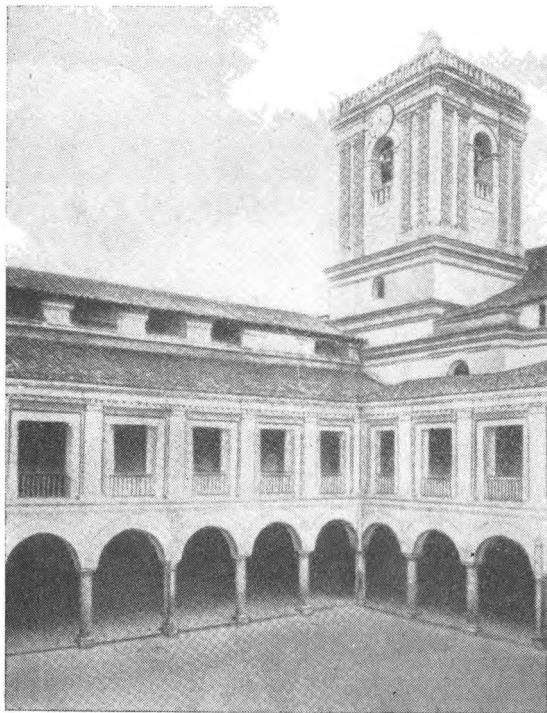
Все это свидетельствовало о том, что вопреки богатым креолам, оказавшимся у руководства движением и стремившимся ограничиться отменой некоторых налогов и монополий и изгнанием отдельных испанских чиновников, оно шло дальше как по линии углубления своего социального характера, так и в политическом плане.

Подлинным вождем радикального крыла комунерос стал Х. А. Галан. Он единственный из руководителей движения открыто осуждал рабство и повсюду на пути следования своего отряда освобождал рабов. Он рассылал своих людей по городам с призывом к действиям. Восстанием в Токайме, например, руководил его посланец Х. де Артеага. Вопреки остальным руководителям комунерос Галан стремился вовлечь в движение все новые и новые районы. Что же представлял из себя этот человек? Сведения о нем весьма противоречивы. Власти старались уничтожить документы, относящиеся к его политической деятельности (для них он был вор и бандит). У колумбийских историков нет единого мнения даже о дате его рождения. По версии Л. Торреса Алмейды, Галан был сыном мелкого испанского торговца, эмигрировавшего в Новую Гранаду, женатого на метиске и имевшего большую семью. Хосе Антонио был пятым ребенком в семье. Отец его разводил табак, а мать от зари до зари трудилась за ткацким станком. Средств на учение не было, и мальчик научился читать с помощью отца, который привез несколько книг из Испании⁷⁰.

⁶⁸ *J. F. Gutierrez*. Op. cit., p. 254; *L. Torres Almeida*. Op. cit., p. 199, 200, 208.

⁶⁹ *P. E. Cardenas Acosta*. Op. cit., t. 2, p. 92; *L. Torres Almeida*. Op. cit., p. 201.

⁷⁰ *L. Torres Almeida*. Op. cit., p. 202.

Колехио «Сан-Бартоломе»

По версии Ф. Гутьерреса, Хосе Антонио Галан с 1760 по 1762 г. обучался в колехио «Сан-Бартоломе»⁷¹. В таком случае отец его был человеком со средствами; к тому же он должен был представить свидетельство о чистоте крови своего сына, иначе его не приняли бы в колехио. Происхождение Галана представляет определенный научный интерес, поскольку от этого зависит ответ на вопрос, представитель каких социальных слоев оказался вождем угнетенных масс Новой Гранады? К сожалению, колумбийская историография пока не располагает данными об этом.

⁷¹ J. F. Gutierrez. Op. cit., p. 228, 229.

Имя Галана впервые упоминается в документах, относящихся к сражению у Пуэнте-Реаля 7—8 мая 1781 г. А уже 25 мая Бербео назначил его капитаном⁷². Это было признанием заслуг человека, пользовавшегося популярностью у народа. После подписания «Капитуляций» и решения руководителей комунерос о роспуске войск Галан продолжал борьбу.

15 июня произошло народное восстание в Онде. Повстанцы открыли ворота Галану. Изгнание роялистов из Онды позволило ему в короткий срок овладеть средним и верхним течением реки Магдалены. Он перенес свой штаб в Амбалему, откуда были посланы отряды для захвата Эспиналя, Токаймы, Коэльо, Коаймы, Пьедраса, Натагаймы и Пурификасьона. Сам Галан с отрядом направился к главному городу Толимы — Ибаге. Овладев Ибаге, он вернулся в Амбалему, дожидаясь возвращения разосланных отрядов.

Впоследствии архиепископ Кабальеро-и-Гонгора утверждал, что Галан готовился к походу на Кито⁷³.

Продолжалась борьба и в северных районах страны, по нижнему течению Магдалены и в восточных льяносах, почти у границ с Венесуэлой. Здесь восстали пастухи против хозяев больших асьенд, среди которых многие принадлежали монахам-августинцам. Первыми поднялись на борьбу Моркоте, Тамаре, Тен и Манаре, бывшие ранее оплотом иезуитов. 2 тыс. вооруженных индейцев напали на дома губернатора и священника в главном городе восточных льяносов — Поре. Возглавил повстанцев креол К. де Мендоса, который и был провозглашен новым губернатором. Роялисты укрепились в пограничном с Венесуэлой городе Кукута. Комунерос Памплоны направили туда отряд в составе 800 человек. По дороге к нему присоединялись все новые и новые добровольцы, так что его численность возросла до 2 тыс. Тем временем в Кукуте произошло восстание. Роялисты были изгнаны. Комунерос не собирались ограничиваться захватом Кукуты. Они послали двух делегатов (один — от Памплоны, другой — от Сокорро) в Венесуэлу. Посланцы везли письмо, призывающее венесуэльцев присоединиться к восставшим новогранадцам⁷⁴.

⁷² R. Gomez Hoyos. Op. cit., t. 1, p. 175.

⁷³ L. Torres Almeida. Op. cit., p. 188—189, 218—219.

⁷⁴ Ibid., p. 215—216.

Добившись от Бербео приказа о роспуске войска комунерос, архиепископ Кабальеро-и-Гонгора предпринял длительную поездку по городам новогранадского севера — основного оплота восстания. Были пущены в ход молитвы и уговоры.

В письме к королевскому министру Х. де Гальвесу от 20 июня 1781 г. архиепископ писал: «Мы начали умиротворять народ с именем бога на устах, но мы не сможем закончить эту работу за один год»⁷⁵. Вице-король Флорес и генеральный ревизор Гутьеррес де Пиньерес с самого начала рассчитывали только на вооруженное подавление восстания. Флорес попытался получить военную помощь с Кубы. Он отправил гонца в Гавану с просьбой прислать ему 500 тыс. песо и два полка пехоты. 6 июня из Картахены выступила карательная экспедиция под командованием полковника Х. Бернета. Она была хорошо вооружена и имела пушки⁷⁶.

Генерал-капитан Венесуэлы также принял деятельное участие в подавлении новогранадского восстания. Он послал две карательные экспедиции. Одна действовала в районе Кукуты. Вторая в составе 600 человек была направлена в восточные льяносы. Каратели не встретили организованного вооруженного сопротивления. К этому времени ситуация в Новой Гранаде коренным образом изменилась. 43 города севера, кроме Сокорро и Сан-Хиля, участвовавшие в восстании, заявили, что борьба окончена и армия больше не нужна⁷⁷. Даже Галан под воздействием воцарившихся повсюду настроений самоуспокоенности вынужден был распустить свой отряд.

В такой обстановке каратели на первых порах почти везде могли действовать с полной безнаказанностью. Скоро население убедилось, что «Капитуляции» оказались простой бумажкой, с которой не считаются не только испанские власти, но и местная знать, богатые кушцы и торговцы, помещики и шахтовладельцы. Бербео, ставший коррехидором Сокорро, начал свою деятельность с восстановления «алькабалы» и монополий, продемонстрировав тем самым измену делу комунерос. Бывшие капитаны

⁷⁵ P. E. Cardenas Acosta. Op. cit., t. 2, p. 64.

⁷⁶ J. M. Restrepo. Op. cit., t. I, p. 37.

⁷⁷ J. F. Gutierrez. Op. cit., p. 270.

Сальвадор Плата, Франсиско Росильо и другие руководители вели себя не лучше.

Народ перестал верить людям, к которым он относился раньше с уважением и с которыми были связаны его надежды на будущее.

Иллюзии развеялись, наступила апатия. Многим казалось, что все потеряно и надеяться не на что и не на кого. Все богатые — будь то испанцы или новогранадцы — заодно, и им нельзя верить. Они все предатели. Значительно меньшая часть считала, что нужно продолжать борьбу. Начались стихийные выступления в отдельных местах, вызывавшиеся, как правило, произволом местных властей и явным нарушением «Капитуляций». В столице тем временем зрел антииспанский заговор, но он был раскрыт и 70 человек арестованы⁷⁸.

Когда в Немоконе, недалеко от столицы, появились каратели Х. Бернета, они отобрали у индейцев соляные копи, возвращенные им повстанцами. Индейцы поднялись на борьбу, но каратели жестоко расправились с ними. Пятерых индейцев, руководивших восстанием, казнили. Их отрубленные головы выставили на пиках у въезда в столицу в назидание всем непокорным. Хотя «король индейцев» Амбросио Писко не принимал непосредственного участия в событиях в Немоконе, он был арестован и заключен в тюрьму вместе со своей женой и 14-летним племянником.

1 сентября королевская аудиенсия отдала письменный приказ об аресте Галана, пытавшегося сплотить вокруг себя бывших сподвижников для продолжения борьбы. 23 сентября под руководством Галана восстало население Моготеса. Отсюда он обратился с письмом ко всем бывшим комунерос с призывом присоединиться к восстанию. Ему последовали Чарала, Малага, Консепсьон, Санта-Ана и другие города. Галан объявил себя главнокомандующим и пытался организовать новое войско. Лозунгом повстанцев стали слова: «Смерть Бербео-изменнику!»⁷⁹

Новое восстание, во главе которого встал Галан, напугало крупных землевладельцев, шахтовладельцев, торговцев. Они почувствовали угрозу своим непосредственным интересам, и это заставило их примириться с мет-

⁷⁸ *L. Torres Almeida. Op. cit., p. 313—314.*

⁷⁹ *J. F. Gutierrez. Op. cit., p. 271—272; L. Torres Almeida. Op. cit., p. 325, 333.*

рополией. Против Галана началась яростная кампания клеветы. В его отряд были посланы шпионы и провокаторы. Они распространяли ложные слухи, клеветали на Галана и его друзей, делали все, чтобы морально разложить повстанцев⁸⁰. И надо сказать, что действовали они не без успеха, чему способствовала и изменившаяся ситуация в стране. Народ больше не верил в возможность перемен к лучшему и не хотел браться за оружие.

Колониальные власти поняли, что сложилась благоприятная обстановка для окончательного подавления антииспанского движения. Когда 18 сентября в Сокорро был получен приказ об аресте Галана, бывший капитан коммуны Сокорро Сальвадор Плата предложил властям свои услуги. На собственные средства он снарядил отряд для преследования Галана⁸¹. Карательный отряд, в котором помимо Платы находились еще два бывших капитана — Ф. Росильо и П. А. де ла Прада, выступил из Сокорро 9 октября, а в ночь с 13 на 14 октября в Чагуанете, недалеко от Онсаги, произошел последний бой. Галан был ранен и захвачен в плен⁸².

20 октября обрадованный вице-король Флорес издал указ о прощении вины всем причастным к восстанию, если они добровольно вернутся к своим очагам⁸³. Эта мера должна была поколебать тех, кто еще готов был продолжать вооруженную борьбу.

Галана и его сподвижников предали суду. Одним из главных пунктов обвинения против них было освобождение рабов. 30 января 1782 г. королевская аудиенсия вынесла Галану и его товарищам смертный приговор. Галана должны были повесить, а его труп четвертовать, отрубленную голову выставить в Гуадуасе, правую руку — на площади Сокорро, левую — в Сан-Хиле, правую ногу — в Чарале, а левую — в Моготесе. Его имущество подлежало конфискации, дом — разрушению. Место, где он стоял, должны были посыпать солью, чтобы впредь там ничего не росло. Исидро Молина, Лоренсо Алькантус и Мануэль Ортис тоже были приговорены к виселице. Их головы должны были быть выставлены на площадях в Сантафе, Сан-Хиле и Сокорро. 70 человек были присужде-

⁸⁰ *A. Delgado*. Op. cit., p. 155.

⁸¹ *J. F. Gutierrez*. Op. cit., p. 273.

⁸² *Ibid.*, p. 285—286; *L. Torres Almeida*. Op. cit., p. 347—349.

⁸³ *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. I, p. 38.

ны к тюремному заключению в Африке, из них 17 — к пожизненному⁸⁴.

1 февраля 1782 г. в 8 часов утра приговор был приведен в исполнение. Солдаты патрулировали улицы столицы и оцепили место казни. Здесь находилась испанская администрация во главе с Гутьерресом де Пипьересом, а также креольская знать. Галан и его три товарища держались мужественно и с достоинством. 4 февраля алькальд Гуадуаса сообщил в Сантафе, что голова Галана, согласно приговору, выставлена в этот день на городской площади для устрашения народа⁸⁵.

Совсем по-другому поступили власти с остальными руководителями комунерос. Бербео был всего лишь смещен с поста коррехидора Сокорро. Остальные капитаны не понесли никакого наказания. Архиепископ Кабальеро-и-Гонгора в письме королю от 15 октября 1782 г. объяснял это их знатностью и высоким положением, которое они занимали в Новой Гранаде⁸⁶. Пострадал лишь один маркиз Сан-Хорхе, у которого еще до восстания были счеты с королем и которому приписали, без особых на то оснований, авторство знаменитой поэмы. Он был приговорен к пожизненному заключению в крепости Картахена, которое в 1789 г. было заменено домашним заключением, а еще через несколько лет его вообще освободили⁸⁷.

С индейцами и простыми людьми не церемонились. Умер в испанской тюрьме осужденный на пожизненное заключение «индейский король» Амбросио Писко. Многие рядовые участники движения, несмотря на амнистию, были высланы в отдаленные районы. Так, население Сокорро после восстания сократилось почти на 10%⁸⁸. Зато все, кто способствовал быстрейшему поражению движения комунерос, получили вознаграждение.

Сальвадор Плата за свои заслуги в поимке Галана был назначен главным сборщиком всех королевских налогов в Сокорро, Сан-Хиле и Текиа. Архиепископ Кабальеро-и-Гонгора, склонивший к предательству Бербео и капитанов Тунхи, был награжден орденом и стал вице-королем.

⁸⁴ P. E. Cardenas Acosta. Op. cit., t. 2, p. 175—180.

⁸⁵ L. Torres Almeida. Op. cit., p. 378—379, 381.

⁸⁶ R. Gomez Hoyos. Op. cit., t. 1, p. 197.

⁸⁷ J. F. Gutierrez. Op. cit., p. 332.

⁸⁸ Ibid., p. 329; M. Lallement. Histoire de la Colombie. Paris, 1827, p. 82.

Кабальеро-и-Гонгора начал свою деятельность на посту вице-короля с отмены «Капитуляций» (18 марта 1782 г.) и восстановления прежних налогов. В отдельных местах это вызвало новые возмущения⁸⁹. Поэтому почти весь 1782 год знаменовался волнениями то в одном, то в другом районе страны. В Нейве и Пасто произошли настоящие восстания. В Нейве повстанцы убили губернатора, а в Пасто — помощника губернатора Попаяна⁹⁰. Но это были последние отзвуки массового стихийного движения.

Восстание комунерос явилось важным событием в истории Новой Гранады. Начавшись с выступления бедного люда против колониальных налогов и с лозунга «Да здравствует король Испании!», оно в момент своего апогея провозгласило: «Смерть королю Испании!» Х. Галан освобождал рабов на плантациях и шахтах, поднимал на борьбу индейцев, т. е. действовал как настоящий революционер. Но кризис колониального режима еще не созрел окончательно. Испания была еще сильна. Вместе с тем класс, который должен был сыграть решающую роль в крестьянской войне, — класс свободных колонов и ремесленников, был еще слабым и нестабильным. Он не мог стать твердой базой для Галана. К тому же еще не было предпосылок для его союза с самыми угнетенными слоями новогранадского общества — индейцами и рабами⁹¹.

Восстание комунерос потерпело поражение. Однако оно нанесло сильный удар по испанской колониальной системе в Новой Гранаде, показав, что в стране существовали силы, потенциально способные покончить с испанским господством. Вместе с тем в нем нашло отражение обострение социальных противоречий в колонии. И как только конфликт начал принимать классовый характер, представители господствующих классов, оказавшиеся у руководства движением, пошли на стовор с метрополией. Это дискредитировало их в глазах народных масс, что сказалось в годы войны за независимость.

⁸⁹ *C. Alcazar Molina*. Los virreinos en el siglo XVIII. Barcelona — Buenos Aires, 1945, p. 276.

⁹⁰ *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. I, p. 40, 42; *P. E. Cardenas Acosta*. Op. cit., t. 2, p. 202; *J. F. Gutierrez*. Op. cit., p. 313; *R. M. Tisnés*. Movimientos pre-independientes grancolombianos. Bogotá, 1962, p. 69—70.

⁹¹ *N. Buenaventura*. La revolución de los comuneros.— «Cuatro ensayos de interpretación de nuestra historia». Cali, [1969], p. 11.

⁹² *Ibidem*.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КОЛОНИИ
ПОСЛЕ ВОССТАНИЯ КОМУНЕРОС

Экономическая жизнь страны после восстания комунерос была в значительной степени дезорганизована.

Многие шахты и прииски сократили добычу или вовсе были заброшены, поля оставались невозделанными, а мануфактуры и ремесленные мастерские недосчитывались многих работников, которые были арестованы, высланы в отдаленные районы страны или бежали, спасаясь от преследований. Бедствия основной массы населения усугубились разразившейся в 1783 г. эпидемией оспы, которая только в столице унесла более 4 тыс. жизней, и сильным землетрясением 1785 г., причинившим немало разрушений¹.

Новая Гранада, бывшая до недавнего времени надежным источником пополнения королевской казны, сильно сократила свои взносы. А. Кабальеро-и-Гонгора направил свои усилия прежде всего на восстановление золотых приисков и серебряных рудников. Он лично занялся изучением состояния горного дела. Результатом его трудов был обширный доклад Совету Индий о причинах упадка этой отрасли экономики Новой Гранады. Кабальеро-и-Гонгора видел их не только в нехватке рабочих рук, но и в недостаточной квалификации людей, руководивших работой в шахтах. Он вернул беглых рабов их владельцам. Золотые прииски и серебряные рудники в Памплоне и Мариките возобновили добычу. По его приказу послали мастеров в Германию для ознакомления с новыми методами органи-

¹ *P. F. de Vargas. Pensamientos politicos y memoria sobre la poblacion del Nuevo Reino de Granada. Bogotá, 1944, p. 108; J. M. Henao y G. Arrubla. Historia de Colombia. Bogotá, 1967, p. 295.*

зации работ, открыли школы горного дела в самой Новой Гранаде.

В результате принятых мер добыча золота постепенно возрастала, увеличившись за десятилетие после восстания на 30% по сравнению с десятилетием, предшествовавшим ему². Чтобы обеспечить шахтовладельцев необходимым числом рабочих, испанская корона в 1791 г. разрешила импорт негров-рабов из Африки через порты Риоача (Панама) и Картахепа, предлагая финансировать его за счет экспорта золота и сельскохозяйственных продуктов. Однако эта мера не имела особого эффекта. Великая французская революция, восстание негров-рабов на Гаити и беспокойная обстановка в самой Новой Гранаде создавали атмосферу неуверенности, и рабовладельцы не спешили тратить деньги на покупку новых рабов. С 1791 по 1794 г. через указанные порты было ввезено всего 262 раба³.

На развитии сельского хозяйства по-прежнему пагубно сказывалась система землевладения. Процессы, происходившие в этой области накануне восстания кумперос, развивались в том же направлении. Продажа королевских земель продолжалась. Чтобы еще более увеличить доходы королевской казны от этих операций, оидору Сантафе Х. А. Мону было поручено ознакомиться с положением дел. В ноябре 1786 г. он представил аудиенции подробный отчет, свидетельствующий о безрадостной картине. Мон отмечал большие злоупотребления, связанные с продажей королевских земель. В большинстве случаев даже не устанавливаются точных границ проданных участков, а цены назначаются совершенно произвольно. Одни покупатели быстро «делают купленные земли доходными, а другие, посадив на них семьи бедных земледельцев... превращают их в настоящих крепостных». Подавляющая часть проданных королевских земель не обрабатывается⁴.

Продажа королевской земельной собственности способствовала дальнейшей концентрации земель. Семьи Кай-

² P. F. de Vargas. Op. cit., p. 62, 64, 66—67; V. Restrepo. Estudio sobre las minas de oro y plata de Colombia. Bogotá, 1952, p. 197; A. Cruz Santos. Economía y hacienda pública, t. 1. Bogotá, 1965, p. 140.

³ A. Cruz Santos. Op. cit., p. 147; J. Jaramillo Uribe. Ensayos sobre historia social colombiana. Bogotá, 1968, p. 11, 29.

⁴ Доклад Х. А. Мона см.: S. Bagú. Estructura social de la colonia. Buenos Aires, 1952, p. 100, 126.

седо, Рикаурте, Алмейда и др. сосредоточили в своих руках огромный земельный фонд. Так, Алмейда владели поместьями площадью в 140 тыс. га в долинах Кукуты⁵.

Что касается торговли, то она, как и ранее, находилась под строгим контролем испанской администрации. Правда, ее объем продолжал увеличиваться, о чем свидетельствовали возросшие доходы королевской казны. Так, одни поступления от «алькабалы» в Картахене в 1795 г. выражались в 75 708 песо, а в целом по стране накануне войны за независимость они составили 184 880 песо. Внешняя торговля осуществлялась только через Картахену. Об ее объеме можно судить по данным отчета вице-короля Эспелеты (в песо)⁶:

	1784—1788 гг.	1789—1793 гг.
Импорт	11 292 779	8 263 747
Экспорт	10 817 110	10 235 482

Сокращение как импорта, так и экспорта вице-король объяснял увеличением контрабандной торговли, которая вследствие многочисленных ограничений и налогов стала настоящим бичом для королевской таможни в Картахене⁷. В Новой Гранаде складывалась группа богатых торговцев-экспортеров, заметной фигурой среди которых был Антонио Нариньо. После его ареста в 1794 г. были конфискованы большие грузы сахара, какао, хины в Кукуте, Картахене, Гаване и Кадисе.

Другим типичным представителем нарождающейся креольской торговой буржуазии был некий Х. И. де Помбо из Попаяна. В 1784 г. он основал в Картахене Торговый дом. Его связи с Кадисом, Мехико, Аптильскими островами, Кито, Гуаякилем и Лимой с очевидностью показывают широкий размах торговых операций. Сталкиваясь на практике с торговыми ограничениями, установленными метрополией, он стал убежденным сторонником свободы торговли⁸.

⁵ O. Díaz Díaz. Los Almeydas. Bogotá, 1962, p. 17—18.

⁶ C. Alcázar Molina. Los virreynatos en el siglo XVIII, p. 288; Relaciones de mando de los virreyes de la Nueva Granada. Ed. por G. Jaramillo. Bogotá, 1954, p. 173—174, 198.

⁷ Relaciones de mando de los virreyes de la Nueva Granada, p. 173—174, 198.

⁸ A. Nariño, F. de Paula Santander y J. Arboleda. [Bogotá], 1936, p. 33; A. Cruz Santos. Op. cit., p. 244—245.

Креольская верхушка, обогащавшаяся на торговых операциях, добивалась создания защищающих ее интересы специальных органов, которые в Новой Гранаде, как и в остальных колониях, именовались «консуладо». В их функции входило развитие торговли, сельского хозяйства и горного дела. До 1804 г. в Новой Гранаде существовало только одно «консуладо» в Картахене, созданное в 1794 г. Но в 1804 г.— 1805 г. креолы Сантафе и Антиокии обратились к вице-королю с просьбой разрешить подобные учреждения в своих провинциях⁹.

Торговцы-экспортеры особенно болезненно реагировали на постоянные ограничения торговли, к которым столь часто прибегала метрополия. Так, несмотря на установление в 1778 г. «свободы торговли» с Америкой, разные порты имели неодинаковые права на импорт в соответствии с королевским указом 1798 г. Находясь в состоянии войны с Англией, Испания в 1797 г. разрешила своим колониям торговать с нейтральными странами, но уже в 1799 г. снова запретила это. Однако такое положение не могло продолжаться долго. Вице-короли, губернаторы и отдельные богатые торговцы атаковали Совет Индий и короля просьбами о смягчении торгового режима, ссылаясь на недостаток продуктов питания и промышленных товаров.

В 1804 г. губернатору Риоачи удалось добиться разрешения на торговлю с другими колониями и нейтральными странами. В 1806 г. губернатору Панамы разрешили торговую сделку в Нью-Йорке с целью покупки продовольствия и оружия¹⁰. Установив в 1807 г. «алмирантасго» — новый налог на торговлю, который стал собираться наряду с прежним налогом «альмохарифасго», метрополия временно смягчила торговые ограничения. В 1808 г. новогранадский торговец Ф. М. Сальседо де Бустаманте получил разрешение на торговлю с Ямайкой и Англией через Картахену и Санта-Марту, но уже в следующем году оно было ликвидировано. Получили отказ и другие торговцы, за которых хлопотали губернаторы Сан-

⁹ *J. M. Ots-y-Capdequi*. Los instituciones del Nuevo Reino de Granada al tiempo de la independencia. Madrid, 1958, p. 215.

¹⁰ *L. Ospina Vasquez*. Industria y protección en Colombia. 1810—1930. Medellín, 1955, p. 48—50; *J. M. Ots-y-Capdequi*. Op. cit., p. 178, 180.

та-Марты, Картахены и Риоачи. Испанию напугал поток хлынувших в Новую Гранаду английских товаров¹¹.

Однако, несмотря на постоянные ограничения, объем торговли постепенно увеличивался. В Новой Гранаде появился собственный торговый флот. За период с 1787 по 1791 г. картахенские торговцы купили у голландцев, датчан и англичан 20 торговых судов. В 1796 г. в США было куплено одно из самых больших картахенских судов водоизмещением в 125 т. Судовладельцами стали члены богатейших креольских семей: Родригес Торисес, Гарсия дель Рио и Э. Амадор. Появились торговые суда и в Санта-Марте, и Риоаче, правда в меньшем количестве. Вышедший 17 марта 1809 г. королевский указ о запрещении всякой торговли с Англией и ее колониями (имелась в виду оживленная торговля с Ямайкой и Кюрасао) нанес тяжелый удар новогранадским портам. В одной только Картахене стали на прикол суда общим водоизмещением в 2 тыс. т¹².

Недостаточное развитие сельского хозяйства и торговли при продолжающемся росте населения (с 1788 г. до начала войны за независимость оно увеличилось с 1 492 680 до 2 млн. человек) вело к дороговизне продуктов питания. По данным П. Фермина де Варгаса, за пятьдесят лет (с 1739 по 1791 г.) цены на муку возросли в 1,5 раза, а на мясо — в 3 раза. В 1801 г. мясо в Сантафе стоило уже в 4 раза дороже, чем в 1739 г.¹³

Положение самой эксплуатируемой части населения (индейцев и негров) продолжало ухудшаться. Конец XVIII и начало XIX в. были заполнены поистине драматической борьбой индейцев за сохранение своих земель, на которые неуклонно наступали помещики и церковь. Колумбийские архивы сохранили многочисленные жалобы индейцев на произвол помещиков. Так, в 1801 г. индейцы Плато и Сарате, выселенные из своих «ресгуардос» в Тетон губернатором Картахены, обращались к генеральному прокурору с жалобой на то, что у них отобрали землю и отдали ее помещику, а взамен обещали выде-

¹¹ *J. M. Ots-y-Capdequi*. Op. cit., p. 178—180.

¹² *L. Ospina Vasquez*. Op. cit., p. 46—47.

¹³ «Memorial de Agravios» de Camilo Torres. Nov. 20 de 1809.—*Cómo nació la República de Colombia*. Bogotá, 1960, p. 18; *P. F. de Vargas*. Op. cit., p. 90; *J. M. Ots-y-Capdequi*. Op. cit., p. 149.

лить другую еще в 1796 г., но до сих пор они ничего не получили. К тому же времени относится и жалоба индейцев Ямбало (провинция Попаян) вице-королю, в которой они просили его заступничества от произвола касика и местного священника, отобравших у них землю¹⁴.

В 1802 г. индейцы Коайма (р-н Ибаге), Табио, Амбалемы и Читы жаловались на помещиков, захвативших их «ресгуардос», и коррехидоров и священников, которые их поддерживали. 1803 г. отмечен тяжбами индейцев Оратаве (р-н Оканьи) с землевладельцами Эстапсиавьеха, отобравшими у них земельные участки; индейцев Сан-Сальвадора и Белойеса в льяносах Касанаре против владельца одной из крупнейших асьенд этого района — «Карибабаре»; между индейцами Каньясгордаса и помещиком Г. Флоресом. Индейцы Онсаги просили вице-короля восстановить их «ресгуардос», разграбленный белыми гражданами при покровительстве местного священника. Индейцы Пайшы, Тота и Мотавиты жаловались аудиенсии, что коррехидоры без их ведома сдали в аренду их земли под предлогом выплаты индейского налога. Эта последняя форма фактического лишения индейцев земли стала приобретать все более распространенный характер. Подобные же жалобы имели место и в 1805—1809 гг. от индейцев Силоса (р-н Памплоны), Ойкаты (провинция Тунха), Факатативы и Мачеты.

В 1808 г. аудиенсия вынуждена была принять решение о том, что местные власти имеют право сдавать в аренду для выплаты индейского налога только часть «ресгуардос», оставляя индейцам участки для посевов и пастбищ¹⁵. Но на практике эта мера оказалась только узаконением беззаконий, потому что нигде не было указано, сколько земли обязаны были оставлять индейцам. Сданная в аренду земля редко возвращалась прежним владельцам. В 1806 г. индейцы Факатативы потребовали от властей возвращения их земель, сданных в аренду местным священником более 20 лет тому назад. После смерти священника арендатор стал платить за аренду не индейцам, а коррехидору, и они фактически лишились права на собственные земли. Бывали случаи, когда местные власти под разными предлогами задерживали оформ-

¹⁴ J. M. Ots-y-Capdequi. Op. cit., p. 241, 248.

¹⁵ Ibid., p. 255—258.

ление аренды на «ресгуардос» в надежде, что неграмотные индейцы вовремя не востребуют их и тем самым лишатся своих земель¹⁶.

Экспроприация индейской земельной собственности, производившаяся самыми разнообразными путями, вызвала протест со стороны индейцев. Но, потерпев поражение в ходе восстания комунерос, индейцы теперь чаще склонялись к пассивному выражению своего протеста в форме петиций и жалоб в адрес высших чиновников колониальной администрации. Вместе с тем ненависть к помещикам, к местным властям, покровительствовавшим им, прочно укоренялась в сознании индейцев. Носившая по сути своей классовый характер, она принимала формы расовой ненависти индейцев к креолам, что сказалось в ходе войны за независимость.

Поражение комунерос лишило негров-рабов перспектив на законное освобождение. Единственным путем к свободе по-прежнему оставалось бегство. Существовавшие с начала XVII в. «паленке» — поселения беглых рабов — стали снова пополняться. Возникали и новые «паленке». В 1785 г. в Картаго властями было раскрыто широкое движение рабов за создание «паленке» на берегах реки Отун (провинция Чоко). Организатором движения стал негр Пруденсио. Он пытался установить связи с индейцами, что строжайше запрещалось колониальными властями. (Неграм не разрешалось даже жить в одних поселках с индейцами.) Планировалось также привлечь к созданию «паленке» негров Попаяна и Кауки. План бегства начал осуществляться, но беглецы были пойманы и строго наказаны. Неграм, бежавшим из Момпоса, удалось достичь своей цели. В 1799 г. они сумели создать «паленке»¹⁷. Другими формами протеста рабов были убийства хозяев, самоубийства и даже убийства собственных детей. Виночных вешали, били палками, морили голодом.

Королевская власть пыталась смягчить все обостряющийся конфликт между рабами и рабовладельцами путем некоторого ограничения власти последних. Королевский указ от 31 мая 1789 г. обязывал рабовладельцев обеспечивать негров-рабов жилищами, питанием и одеждой, нанимать для них священников, содержать всех нетрудоспо-

¹⁶ Ibid., p. 244, 251.

¹⁷ J. Jaramillo Uribe. Op. cit., p. 67—69.

собных рабов — стариков, больных, калек и детей. Он запрещал калечить негров, установив, что наказание для них не должно превышать 25 ударов розгами. В случае нарушения указа рабовладельцы подлежали штрафу в размере 200 песо.

Однако рабовладельцы всячески саботировали претворение указа в жизнь. С целью проверки его исполнения кабильдо Сантафе назначил инспекцию в составе Л. Кайседо и Х. Айяла, которая должна была посетить асьенды Кундинамарки. Рабовладельцы возмутились и в конце концов сорвали намеченную поездку. В некоторых местах они заявляли, что даже не знакомы с новыми королевскими распоряжениями в отношении рабов. Кабильдо Токаймы, к примеру, заявил 5 декабря 1793 г. аудиенсии, что он не получил королевского указа 1789 г. и потому не мог сообщить его помещикам¹⁸.

Жестокое обращение с неграми продолжалось. Опасаясь, что это вызовет восстание рабов, колониальная администрация выпущдена была в отдельных случаях применять королевский указ 1789 г. Так, прокурор Морено-и-Эскандон возбудил дело против одного помещика из Велеса, который клеймил своих рабов, выжигая на их лицах цифры. В 1801 г. предметом судебного разбирательства стало «плохое обращение» помощника губернатора Новиты И. де Москера со своими рабами¹⁹. Правда, эти попытки королевской власти предотвратить дальнейшее ухудшение положения негров-рабов успеха не имели. Рабовладельцы в своей массе продолжали относиться к рабам, как к рабочему скоту. Это накаляло классовый конфликт между рабами и креолами-рабовладельцами.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

Испанский абсолютизм, несмотря на все старания изолировать свои колонии в Америке от влияния перемен, происходивших в Европе в XVIII в., не мог добиться желаемого. Новые течения в философии, выражавшие интересы нарождающейся буржуазии и обуржуазившегося дворянства и получившие развитие в работах блестящей

¹⁸ *J. Jaramillo Uribe. Op. cit., p. 33—34.*

¹⁹ *Ibid., p. 35, 52.*

плеяды английских, французских и немецких ученых и философов XVII—XVIII вв.— Бэкона, Декарта, Гоббса, Локка, Лейбница, Монтескье, Вольтера, Руссо и Дидро, нашли здесь благоприятную почву, хотя и доходили с некоторым опозданием.

В силу особенностей колониального режима наиболее благоприятные возможности для ознакомления с духовной жизнью Европы имели лица духовного звания. Знакомство с европейской философией того времени наряду с хорошей осведомленностью о положении в Испанской Америке делало самых передовых из них сторонниками весьма радикальных воззрений. Еще в 1725 г. мексиканский монах Хуан Антонио Аумада заговорил о разнице между испанцами и американцами и о естественном праве последних заниматься своими собственными общественными делами. В середине XVIII в. монах-бенедиктинец Х. Фэйхоо, ознакомившись с европейской философией, написал работу «Критический театр», оказавшую большое влияние на развитие общественной мысли в колониях и пробудившую интерес к изучению философии. В Мексике иезуиты Клавихеро, Кастро, Алегре, Каво, Гевара и францисканец Бустаманте не только сами изучили труды Бэкона, Декарта, Гассенди, Ньютона, Лейбница, но и перевели некоторые из них на испанский язык²⁰. Они обратились к изучению прошлого Мексики. А. Каво создал фундаментальный труд «Три века Мексики», в котором осудил испанских колонизаторов, воздав должное борцам за независимость, в частности вождю индейцев Куаутемоку. Другой иезуит, Гевара, писал о «постыдном иге рабства» в Испанской Америке.

Идеи просвещения получили довольно широкое распространение в колониальных владениях Испании. Вольтер с его теорией постоянного прогресса человеческого общества, Дидро, разоблачивший вымыслы о божественном происхождении королевской власти, и, наконец, Руссо, провозгласивший право народов на восстание против угнетателей, стали здесь объектом пристального изучения. Их идеи нашли отражение у Х. Б. Диаса де Гамарры, который в 1774 г. опубликовал свое исследование «Элементы современной философии», а в 1781 г.— «Ошибки

²⁰ R. C. Reyes. Los filosofos modernos en la Independencia Latinoamericana. México, 1964, p. 25—26.

человеческого сознания». А. Альсате, ученик Клавихеро, использовал периодическую печать для популяризации научных знаний.

Наряду с переводами трудов европейских философов работы Диаса де Гамарры распространялись не только в Мексике, но и в других районах Испанской Америки, где появились свои просветители. В Перу, например, пользовались известностью последователь Ньютона Ф. Ботони, основоположник перуанской национальной культуры Инка Гарсиласо де ла Вега и иезуит Пабло Вискардо-и-Гусман, прославившийся своим «Письмом к американским испанцам», в котором открыто осуждалась существовавшая форма правления. В Кито идеи просвещения распространялись группой иезуитов, среди которых известны имена Маньи́на, Торреса Ларраина и Х. Баутисты Агирре — последователей Декарта, Гассенди, Ньютона и Коперника²¹.

Особое место в распространении идей просвещения занимал великий эквадорский просветитель и революционер Франсиско Ксавьер Эухенио де Санта Крус-и-Эспехо.

В Новой Гранаде, как и в других районах Испанской Америки того времени, наметилась тенденция к переоценке своего прошлого, к изучению своих природных богатств, к осмыслению той роли, которую играла Новая Гранада в судьбе Испании, и своей роли в собственных делах. Процесс вызревания идей обособленности от Испании ускорила «Ботаническая экспедиция». Она была учреждена вице-королем Кабальеро-и-Гонгорой с целью открытия новых ценных пород растений и минералов. Он поставил во главе экспедиции известного ученого, священника Хосе Селестипо Мутиса. Мутис родился и получил медицинское образование в Испании. В Новую Гранаду прибыл в середине XVIII в. в качестве личного врача вице-короля Мессия де ла Серды. Все свободное время он отдавал изучению ботаники, зоологии, медицины. Увлекался также математикой и астрономией. Мутис состоял в переписке и был лично знаком с крупнейшими учеными своего времени — К. Линнеем, А. Гумбольдтом, Э. Бонпланом, был членом Стокгольмской Академии наук, переписывался с Екатериной II.

²¹ R. C. Reyes. Op. cit., p. 28—29; L. Martínez Delgado y S. Elías Ortiz. El periodismo en la Nueva Granada. 1810—1811. Bogotá, 1960, p. XXXVI.

С момента основания «Ботанической экспедиции» в 1783 г. и до самой смерти (11 сентября 1808 г.) Мутис оставался ее бессменным руководителем²². Он был не только крупным ученым с широким диапазоном научных интересов, но и прекрасным организатором, педагогом, популяризатором научных знаний. Человек душевно щедрый, Мутис имел бесчисленное множество учеников. Практически все сколько-нибудь известные ученые, писатели, политические деятели Новой Гранады того времени являлись либо его учениками, либо учениками его учеников. Сам Мутис не дожид до начала войны за независимость и считал себя далеким от политики, но многие его ученики оказались в самом центре бурных политических событий начала XIX в., став руководителями движения за национальное освобождение. «Ботаническая экспедиция» растила не только ботаников, зоологов, геологов, геогра-

²² A. Martínez Zulaica. La medicina del siglo XVIII en el Nuevo Reino de Granada. Tunja, 1973, p. 259; J. M. Henao y G. Arrubla. Op. cit., p. 302.

фов, экономистов, астрономов, математиков, а прежде всего — патриотов.

Изучение природных богатств, новые открытия в этой области пробуждали чувство национальной гордости. Открытия «Ботанической экспедиции» заинтересовали таких известных европейских ученых, как А. Гумбольдт и Э. Бошплан, которые в 1801 г. побывали в Сантафе, Картахене и проплыли по Магдалене, не переставая восхищаться увиденным²³. Богатства Новой Гранады, ее неисчерпаемые возможности были признаны европейскими авторитетами. Их визит неожиданно приобрел политическую окраску, придав креольской интеллигенции вес в ее собственных глазах.

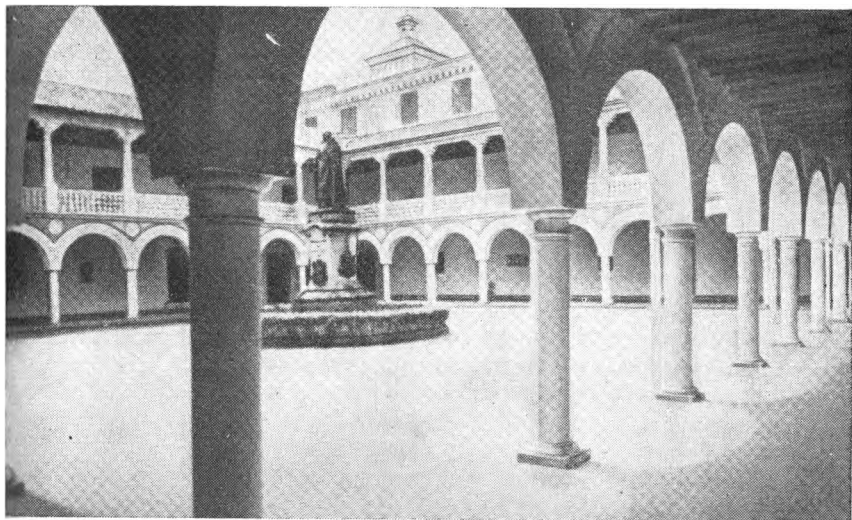
Большую роль в патриотическом воспитании новогранадцев и подготовке кадров национальной интеллигенции играли два колехио, пользовавшихся правами университетов, — «Главный колехио богоматери из Росарио», который в дальнейшем будет называться просто колехио «Росарио», и колехио «Сан-Бартоломе», а также Университет в Сантафе и семинария в Попаяне²⁴. Преподавали здесь в основном ученики Мутиса, проработавшие какое-то время в «Ботанической экспедиции».

Из стен этих учебных заведений вышли известный новогранадский экономист и борец за независимость Педро Фермин де Варгас, которого Мутис называл самым способным своим учеником²⁵; знаменитый математик, астроном, ботаник и видный политический деятель первых лет войны за независимость Франсиско Хосе де Кальдас; автор «Мемориала обид» 1809 г. — своеобразного манифеста креольской аристократии кануна войны за независимость, и президент Соединенных провинций Новой Гранады Камило Торрес; президент Кундинамарки и вице-президент Великой Колумбии Антонио Нариньо; герой восстания 20 июля 1810 г. Хосе Мария Карбонель; сподвижник С. Боливара, сыгравший выдающуюся роль в освобождении Новой Гранады от власти Испании Франсиско де Паула Сантандер. Самым популярным препода-

²³ R. M. Tisnés. Movimientos pre-independientes grancolombianos. Bogotá, 1962, p. 35; J. M. Henao y G. Arrubla. Op. cit., p. 314.

²⁴ M. J. Forero. Camilo Torres. Bogotá, 1950, p. 14; A. Martínez Zulai-ca. Op. cit., p. 176, 178, 181, 197.

²⁵ R. M. Tisnés. Op. cit., p. 30.

Колехио «Росарио»

вателем семинарии в Попаяне был ученик Мутиса Хосе Феликс де Рестрепо — математик и юрист, в будущем один из авторов законопроекта об освобождении рабов²⁶.

Толчок, который «Ботаническая экспедиция» дала развитию знаний в самых различных областях, привел к созданию литературных кружков, куда входили представители креольской интеллигенции. Наряду с обсуждением новинок литературы, здесь говорили о новейших достижениях в медицине, естествознании, астрономии, вели дискуссии по вопросам философии, этики, политэкономии и даже сельского хозяйства. Идеи Вольтера и Руссо, открытия К. Линнея и система Коперника, книга А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» — таков далеко не полный круг интересов членов литературных кружков.

Однако нельзя говорить об А. Смите, не задумываясь при этом о положении дел в собственной стране. Открытие новых природных богатств вызывало чувство гордости

²⁶ G. Otero Muñoz. *Hombres y ciudades*. Bogotá, 1948, p. 42—45, 55—56, 320—322, 471—472, 489—490.

за свою родину и вместе с тем горечь от правовой неполноценности, связанной с колониальным положением.

Литературных кружков в Новой Гранаде было несколько. В Сантафе кружок собирался в королевской публичной библиотеке, открытой в 1777 г. Его инициатором был директор библиотеки Мануэль дель Сокорро Родригес — испанец с Кубы. Кружок назывался «Тертулия эутропелика», что в переводе означало — «Кружок развлечений», или «Кружок невинных занятий». Среди его участников были А. Нариньо, П. Фермин де Варгас, Х. Т. Лосано, К. Торрес. В Попаяне литературным кружком руководил Х. Ф. де Рестрепо²⁷. В деятельности этих кружков не было ничего антиправительственного. Ни о каких радикальных переменах и речи не было, однако их деятельность объективно готовила почву именно для таких перемен.

Наряду с «Ботанической экспедицией» и литературными кружками большую роль в патриотическом воспитании новогранадцев стала играть газета. Первые попытки издания газеты были предприняты в 1785 г., когда вышли три номера «Эль ависо дель терремото» и столько же выпусков «Ла гасета де Сантафе-де-Богота». Однако первой действительно национальной газетой стала «Эль папель периодико де ла сюдад де Сантафе-де-Богота». Ее первый номер вышел 9 февраля 1791 г. Газета издавалась вплоть до 1797 г. Всего вышло в свет 265 номеров²⁸. Газета сообщала новости о событиях в Испании, в Европе, в Америке. Иногда в нескольких номерах подряд публиковались исследования по географии, экономике или ботанике Новой Гранады. Газета стремилась обеспечить себе круг постоянных читателей — патриотов своей родины.

Подлинной душой издания стал А. Нариньо, в типографии которого печаталась газета. Нариньо был хорошо известен в креольских кругах Новой Гранады. Принадлежа по рождению к знатной семье (родился 19 апреля 1765 г. в Сантафе), он получил образование в коллегии «Сан-Бартоломе». В 24 года Нариньо стал алькальдом

²⁷ *M. J. Forero*. Op. cit., p. 22, 23; *T. Blossom*. Narino. Hero of Colombian Independence. Tucson, 1967, p. 7; *M. Ospina*. El doctor José Félix de Restrepo y su época. Bogotá, [s. a.], p. 74.

²⁸ *L. Martínez Delgado y S. Elías Ortiz*. Op. cit., p. XVI.

Сантафе и казначеем церковной десятины всего архиепископства, а в 1791 г. членом Полицейской хунты, созданной вице-королем Эспелетой, и даже чиновником аудиенсии²⁹. Все это позволяло ему быть в курсе дел в стране, заставив задуматься о причинах нищеты и униженного положения своей родины. Этому способствовали также книги, которые он с большой любовью собирал. У него была самая большая в Новой Гранаде частная библиотека, насчитывавшая 2 тыс. томов, среди них новейшие произведения западноевропейских философов и ученых, а также последние издания из США. Здесь были труды по философии, этике, политэкономии, физике, астрономии, ботанике, географии. Имелись у него и запрещенные книги Вольтера, Дидро, Руссо и других авторов, ввозившиеся в Новую Гранаду контрабандным путем³⁰.

Любовь к родине, прекрасная осведомленность о положении дел в стране и за ее пределами, широкий круг интересов — все это привело к тому, что богатый торговец, королевский чиновник и друг вице-короля Эспелеты стал республиканцем и подлинным революционером. Некоторые колумбийские историки преувеличивают влияние Великой французской революции на взгляды Нариньо. Безусловно, такое влияние имело место, но в основном его убеждения формировались под влиянием местных условий — к 1789 г. Нариньо имел уже сложившееся мировоззрение и определенную программу действий.

Большое влияние на Нариньо, да и не только на него, оказала деятельность уроженца Кито (родился 21 февраля 1747 г.) ученого медика, просветителя и революционера Франсиско Ксавьера Эухенио де Санта Крус-и-Эспехо. Poleмические статьи и письма, направленные против Карла III и его министра Гальвеса, сделали имя Эспехо известным в кругу патриотически настроенных новогранадцев. Он понимал, что дело не только в отдельных плохих испанских чиновниках, все зло — в колониальной зависимости и только избавление от нее поможет Америке возродиться. В кругу друзей он строил планы освобождения своей родины от колониального рабства, видя залог

²⁹ A. Nariño, F. de P. Santander y J. Arboleda. [Bogotá], 1936, p. 26; A. Miramon. Nariño. Bogotá, 1960, p. 23; C. Restrepo Canal. Nariño periodista. Bogotá, 1960, p. 18; E. Santos Molano. Antonio Nariño, v. 1. Bogotá, 1972, p. 35, 40.

³⁰ T. Blossom. Op. cit., p. 11, 13.

успеха в одновременном восстании во всех частях испанской колониальной империи. Он полагал, что в результате такого повсеместного победоносного восстания на южноамериканском континенте будут созданы республики, где обретшие независимость нации получают возможность свободного развития³¹.

Эти революционные планы стали известны колониальным властям, и в 1787 г. Эспехо был привлечен к суду по обвинению в антиправительственной деятельности. Ввиду его необычайной популярности в Кито судебный процесс был перенесен в Сантафе, где, как казалось правительству, Эспехо был менее известен. Здесь власти чувствовали себя более уверенно, чем в огромном густонаселенном Кито, где у подсудимого было много друзей и сторонников³². Однако власти вскоре убедились в своем просчете. Процесс оказался в центре внимания не только в Кито, но и в Сантафе, где у Эспехо появились новые друзья и единомышленники. Его идеи нашли отклик и были поддержаны А. Нариньо, П. Фермином де Варгасом, Ф. А. Сеа и другими сторонниками национальной независимости Новой Гранады. Так как обвинители не располагали достаточными доказательствами, он был оправдан³³.

Но Эспехо не торопился возвращаться в Кито. Он возглавил работу по организации в Сантафе «Патриотического экономического общества друзей страны». В этой работе принял участие и другой уроженец Кито, маркиз де Сельва Алегре. Общество создавалось по типу организаций, уже существовавших в Испании с середины 60-х годов. Их инициаторами на полуострове были министры Карла III, пытавшиеся путем реформ в области экономики и просвещения обновить страну. «Экономические общества друзей страны», возникшие почти во всех крупных городах Испании, объединяли сторонников реформ. В них входили торговцы, священники, чиновники, богатые земледельцы, и охотно участвовали высшее духовенство и знать, стремившиеся к обогащению. «Общества»

³¹ R. M. Tisnés. Op. cit., p. 314—315.

³² Население Кито к моменту начала войны за независимость составляло 60—70 тыс. человек против 25 тыс. в Сантафе-де-Богота («Memorial de Agravios» de Camilo Torres, p. 30).

³³ R. M. Tisnés. Op. cit., p. 315.

занимались разработкой проектов по улучшению торговли, развитию земледелия и ремесел³⁴.

В Новой Гранаде подобное «Общество» создавалось под покровительством вице-короля и архиепископа. Надеясь превратить Эспехо из критика испанской политики в колониях в ее сторонника, власти поручили ему разработать планы деятельности «Общества», написать его манифест, разъясняющий цели этой организации, что и было им сделано. В 1790 г. Эспехо вернулся в Кито, а через год был назначен директором королевской Публичной библиотеки. В том же году 30 ноября в торжественной обстановке в Кито было объявлено об основании «Школы согласия» — организации, которая планировалась в Сантафе под названием «Патриотического экономического общества друзей страны». Написанный Эспехо в Сантафе манифест стал программным документом новой организации. Создание «Школы» было согласовано с королем Карлом IV. Многие высшие чиновники испанской администрации стали членами организации, среди них вице-король Х. де Эспелета и архиепископ Кито. Креольская знать была представлена шестью маркизами. Несмотря на то, что местопребыванием «Школы согласия» был Кито, среди его членов имелись и представители Сантафе — А. Нариньо и Ф. А. Сеа³⁵.

Сведения о программе и деятельности «Школы согласия» чрезвычайно скудны. Официальной целью организации провозглашалось развитие просвещения и выработка мер, способствующих более быстрому экономическому развитию колонии. «Школа» имела четыре секции: 1) сельского хозяйства; 2) наук и прикладных искусств; 3) промышленности и торговли; 4) политики и изящной словесности.

К сожалению, никаких подробностей о деятельности секций пока установить не удалось. Неизвестна даже их программа, за исключением секции сельского хозяйства. О ней имеются некоторые сведения в работе П. Фермина де Варгаса «Политические соображения о сельском хозяй-

³⁴ V. *Rodríguez Casado*. La política y los políticos en el reinado de Carlos III. Madrid, 1962, p. 251—252, 257—259; C. *Corona*. Revolución y reacción en el reinado de Carlos IV. Madrid, 1957, p. 164—165.

³⁵ R. M. *Tisnés*. Op. cit., p. 316—317.

стве, торговле и горном деле вице-королевства Сантафе-де-Богота». Согласно его данным, эта секция должна была заниматься выработкой мероприятий, способствующих более быстрому развитию сельского хозяйства. Среди них первое место отводилось пропаганде новых сельскохозяйственных культур и приобретению машин. Чрезвычайно важным условием для прогресса земледелия считалось развитие торговли, строительство и улучшение дорог³⁶.

5 января 1792 г. «Школа согласия» начала выпуск журнала под названием «Примисиас де культура де Кито» («Первые плоды культуры Кито»)³⁷, который вызвал огромный интерес среди читающей публики. Всего было опубликовано семь номеров. 29 марта 1793 г. вышел последний выпуск. Хотя журнал не содержал ни призывов к борьбе за независимость, ни открытой критики испанских властей, последним это издание показалось слишком радикальным, и оно было закрыто. Заодно запретили и «Школу согласия»³⁸.

Закрытие журнала и роспуск «Школы согласия» должны были послужить предупреждением для радикально настроенных элементов. После ликвидации «Общества» оставались еще литературные кружки, которые не были официальными организациями и в силу этого не могли быть запрещены правительством. Они оказались удобной формой для агитации и сплочения сторонников независимости.

Кружок М. дель Сокорро в Сантафе с его верноподданническими настроениями уже не мог удовлетворить таких людей, как Нариньо. Потребность в обсуждении политических дел, о которых можно было бы поговорить, не таясь, сплотила вокруг него людей, интересовавшихся политикой. С 1789 г. они стали собираться в доме у Нариньо, а кружок стал именоваться «Казино». Кружок имел тайную секцию «Сантуарио» («Святылище»).

Внутри «Сантуарио» существовала еще одна группа под названием «Аркано сублиме де филантропия» («Великая тайна филантропии»). Ее участники, не зная друг друга, общались только с руководителем, приказы которого они должны были беспрекословно выполнять. Подоб-

³⁶ P. F. de Vargas. Op. cit., p. 16—17, 20—38.

³⁷ «Primicias de Cultura de Quito».

³⁸ T. Blossom. Op. cit., p. XXI; R. M. Tisnés. Op. cit., p. 317—318.

ные масонские ячейки создавались и в других городах вице-королевства³⁹. Известно, что, помимо Нариньо, в «Сантуарио» входили французский врач Луи де Рье и П. Фермин де Варгас. Что касается первого, то небезынтересно отметить, что он прибыл в Картахену из Франции в 1784 г. и жил там до 1792 г., после чего переехал в Сантафе. Говорили, что он послан французским правительством для изучения естественной истории Новой Гранады⁴⁰. Вторым являлся коррехидором города Сипакиры. Не будучи жителями столицы, оба они приезжали туда специально на заседания секции. Создание «Сантуарио» по времени совпадало с началом Великой французской буржуазной революции. На заседаниях секции обсуждались события во Франции, планы освобождения Новой Гранады и создания независимой республики.

Одним из самых активных членов «Сантуарио» был Педро Фермин де Варгас⁴¹. Знакомый с Нариньо еще по кружку М. дель Сокорро, Варгас часто бывал в доме Нариньо, пользовался его богатой библиотекой. Общение этих двух выдающихся людей взаимно обогащало их. Свою дружбу они поставили на службу общему делу — делу независимости своей родины.

Стремление к национальной независимости зрело в Новой Гранаде на протяжении многих десятилетий. Восстание комунерос дало ему новый толчок. Оно подготовило лучшие умы новогранадского общества к осознанию необходимости освобождения страны от колониальных пут. Конец XVIII в. в силу ряда причин стал тем временем, когда дело независимости вступило на путь практической

³⁹ T. Blossom. Op. cit., p. 8.

⁴⁰ A. Martínez Zulaica. Op. cit., p. 157.

⁴¹ Три города оспаривают честь считаться его родиной — Сокорро, Сан-Хиль и Сипакира. Точная дата рождения не установлена. Предполагают, что это 1762 год. Окончив коллегию «Росарио», он некоторое время работал в «Ботанической экспедиции» Мутиса. Экономика, ботаника, химия и медицина — вот сфера интересов Фермина де Варгаса. Его знания по экономике для того времени вызывают восхищение. Это был первый новогранадский экономист, известный не только на родине, но и в Испании. Практическая деятельность в качестве коррехидора Сипакиры в 1789—1791 гг. обогатила его знанием жизни и убедила, что никакие экономические проблемы его родины не могут быть решены в рамках испанской колониальной империи. Он стал горячим сторонником идеи национальной независимости Новой Гранады (P. F. de Vargas. Op. cit., p. VIII; R. M. Tisnés. Op. cit., p. 30).

подготовки. Это объяснялось спецификой внутреннего развития Новой Гранады и внешними факторами, способствовавшими прогрессу движения за независимость. К числу таких внешних факторов относится влияние Великой французской буржуазной революции конца XVIII в.

Испанские власти испытывали неподдельный страх перед возможностью повторения французских событий в собственных владениях. Все усилия государственной машины были направлены на то, чтобы оградить Испанию и заморские территории от «пагубного» влияния Французской революции. Предприимались неоднократные попытки помешать проникновению информации о французских делах в метрополию и ее колонии в Америке. 5 января 1790 г., к примеру, последовал королевский указ о запрещении ввоза в Испанскую Америку «Декларации прав человека и гражданина», а также газет и книг о современном положении во Франции⁴². Однако письма, газеты и книги из Франции продолжали поступать.

Французы, проживавшие в Кадисе, через который осуществлялась постоянная связь с Новой Гранадой, стали главным звеном, обеспечивающим передачу информации о событиях во Франции. Они регулярно получали корреспонденцию с родины. В Кадис постоянно приезжали их родственники из Франции. Они вели активную пропаганду в пользу Французской революции, привозили книги и газеты, распространяли документы Национального собрания, «Декларацию прав человека и гражданина», речи, произнесенные в Якобинском клубе⁴³.

Разговоры о французских делах будоражили умы, накаляя и без того напряженную обстановку в заморских территориях. Чтобы положить этому конец, король 7 июня 1793 г. издал новый указ, запрещающий ввоз любых бумаг и книг, касающихся событий во Франции. Но все было тщетно. В Испанской Америке довольно широкое распространение получил текст конституции республиканской Франции, переведенный на испанский язык. Эти обстоятельства представлялись властям столь тревожными, что 14 сентября 1793 г. последовал специальный указ, предписывавший немедленно изъять из обращения все обнару-

⁴² *M. Aguilera. La legislación y el derecho en Colombia. Bogotá, 1965, p. 175.*

⁴³ *C. Corona. Op. cit., p. 244—248.*

женные экземпляры этого «преступного» документа и впредь не допускать его распространения.

Но и этого показалось мало. Последовал еще целый ряд запретов: от жилетов по последней французской моде до преподавания гражданского права в учебных заведениях. Указ Карла IV от 31 июля 1794 г. запрещал упоминать в какой-либо связи такие термины, как «естественное право», «права человека» и т. п. Новое вето на распространение французских газет от 26 ноября 1795 г. свидетельствовало о провале всех прежних попыток испанского правительства помешать потоку информации из Франции⁴⁴.

Помимо событий непосредственно в самой Франции, революционизирующее влияние на Америку оказывало восстание негров-рабов на о-ве Гаити, начавшееся в 1791 г. Эта восставшая французская колония, находившаяся буквально под боком испанской колониальной империи, дала новый толчок распространению освободительных идей среди угнетенных масс Новой Гранады. Вместе с тем она заставила креольскую аристократию призадуматься об опасности, грозящей ей в случае устранения испанского господства революционным путем. В ее памяти еще не стерлись воспоминания о восстании комунерос. Говоря о влиянии внешних факторов на события в Новой Гранаде, нельзя сбрасывать со счета также Войну за независимость в Северной Америке и образование США.

АНТИИСПАНСКИЙ ЗАГОВОР 1794—1796 ГГ. И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

К началу 90-х годов XVIII в. в вице-королевстве Новая Гранада определились два центра антииспанской деятельности: Кито и Сантафе. В Кито оппозицией руководил Эспехо, в Сантафе — Нариньо и Варгас.

Оба центра действовали по одному плану. Подготовка к свержению испанского господства активизировалась после восстания на о-ве Гаити в августе 1791 г. Основной упор делался на внутренние силы, но не сбрасывалась со счета и помощь извне. С этой целью в 1791 г. на Антильские о-ва был послан Варгас. Здесь он вел переговоры с английским губернатором Ямайки о помощи Новой Грана-

⁴⁴ *M. Aguilera. Op. cit., p. 175—176; C. Corona. Op. cit., p. 249.*

де со стороны англичан в случае антииспанского восстания⁴⁵. Однако Англия не торопилась связывать себя какими-либо обязательствами.

После отъезда Варгаса Эспехо и Нариньо усилили антииспанскую пропаганду и организационную работу по сплочению сторонников независимости Новой Гранады. Кружок Нариньо, коллехио, университет, семинария, редакция газеты «Эль папель периодико де ла съюдад де Сантафе-де-Богота» стали местами оживленных дискуссий о событиях во Франции и на Гаити. На тайных заседаниях «Казино» обсуждались планы свержения испанского ига. Нариньо и коррехидор Сантафе Х. Кайседо разработали проект конституции для Новой Гранады. Печатник королевской типографии Диего де Эспиноса, являвшийся близким другом Нариньо и разделявший его идеи, согласился отпечатать испанский перевод «Декларации прав человека и гражданина».

Невзирая на запрет Совета Индий и инквизиции в Картахене, Нариньо решил издать «Декларацию» в количестве 500 экземпляров⁴⁶. В январе 1794 г. Д. де Эспиноса приступил к печатанию, и в последующие месяцы Нариньо и его сторонники располагали 300—400 экземплярами этого документа.

Чтобы понять, почему «Декларация» нашла столь горячий отклик в сердцах новогранадцев, уместно напомнить основные ее положения. Первая статья провозглашала свободу, равенство и братство всех людей, независимо от их рождения. Нечего и говорить, что в испанской колонии, где все высшие должности могли занимать только уроженцы метрополии, этот пункт «Декларации» вызывал самое искреннее понимание. Остальные положения документа также, казалось, были написаны прямо для американцев, настолько проблемы, поднятые в них, были актуальны для Испанской Америки — шла ли речь о провозглашении свободы, права собственности или неприкосновенности личности.

Французская революция провозглашала, что «никакой орган, никакой индивид не может осуществлять власть, которая не проистекает непосредственно от нации», что «все граждане одинаково приемлемы для всех назначе-

⁴⁵ R. M. Tisnés. Op. cit., p. 321.

⁴⁶ T. Blossom. Op. cit., p. 10.

ний, постов и должностей и нет другого мерил, кроме их талантов и способностей», что «никто не может быть обвинен, задержан или арестован иначе, как по причинам, определенным законом», что «каждый гражданин имеет право свободно говорить, писать и издавать, если он не злоупотребляет этой свободой в случаях, определенных законом»⁴⁷.

Все эти по сути дела буржуазные принципы нашли самый живой отклик в Испанской Америке. И хотя развитие капиталистических отношений здесь значительно отставало по сравнению с Европой, революционные принципы французской буржуазии нашли в Испанской Америке благодатную почву. Здесь на первый план выступила острота национальных противоречий, которая стала определяющей в тех событиях, которые развернулись на южноамериканском континенте в начале XIX в. Декларация получила распространение не только в Сантафе, Кито и других городах Новой Гранады, но и в Лиме, Мехико, Гватемале⁴⁸.

Вслед за «Декларацией» в августе 1794 г. на улицах Сантафе появились сатирические стихи, призывавшие положить конец узурпации⁴⁹. Когда стихи доставили председателю аудиенсии, замещавшему временно отсутствовавшего вице-короля Эспелету, он тотчас приказал вывести пушки на улицы. В его памяти были еще свежи воспоминания о восстании комунерос, начавшемся именно с распространения сатирических стихов. Спешно были отправлены курьеры с сообщениями о случившемся в Картахену, Каракас, Гавану и Санто-Доминго.

Аудиенсия получила сведения о подготовке заговора с целью свержения испанского господства и установления республики: в нем были замешаны А. Нариньо, коррехидор Сантафе Х. Кайседо, а также юристы Э. Уманья, Б. Сифуэнтес и П. Прадилля, секретарь Х. С. Мутиса Ф. А. Сеа, сын маркиза Сан-Хорхе Х. Т. Лосано, капеллан батальона «Ауксилиар» Х. Асуола и многие молодые офицеры, и почти все учащиеся колежа «Росарио». Заговорщики были связаны с П. Фермином де Варгасом, находившимся в то

⁴⁷ Declaración de los derechos del hombre y del ciudadano, § 2, 3, 6, 7, 11.— *L. Molano Daza*. Proceso y sinopsis de la Independencia de Colombia. 1810—1930. Cali, 1960, p. 239—240.

⁴⁸ *M. J. Forero*. Op. cit., p. 32.

⁴⁹ *C. Restrepo Canal*. Op. cit., p. 22; *R. M. Tisnés*. Op. cit., p. 149.

время на Антильских о-вах. Закупку оружия должны были произвести на деньги, которые намеревались пожертвовать для этой цели наиболее богатые участники заговора (Уманья — 25 тыс. песо, Кайседо и Отеро — 60 тыс.)⁵⁰.

Таким образом руководили заговором и финансировали его представители богатой креольской верхушки.

Срочно вернувшийся в Сантафе вице-король отдал приказ о начале сразу трех судебных дел: 1) против переводчика и издателя «Декларации прав человека и гражданина»; 2) против авторов сатирических стихов; 3) против участников заговора с целью свержения существующего правительства и провозглашения республики. Из всех подследственных самым опасным для властей оказался А. Нариньо. Он фигурировал сразу в двух процессах — как переводчик и издатель «Декларации» и как участник антиправительственного заговора.

А. Нариньо был арестован 29 августа 1794 г., а вместе с ним печатник типографии Диего де Эспиноса. Обвиняемыми во втором судебном процессе были студенты колехио «Росарио» Луис Гомес из Картахены, Пабло Урибе из Сан-Хиля и Хосе Мария Дуран из Сокорро⁵¹. Длительные допросы студентов ничего не дали следствию. Тогда их подвергли пыткам. После многомесячного тюремного заключения в начале февраля 1795 г. состоялся суд. Он приговорил Гомеса и Дурана к восьми годам тюремного заключения в Африке, а Урибе — к шести. Стихи были публично сожжены на площади в Сантафе⁵².

По третьему делу об антиправительственном заговоре власти арестовали несколько десятков граждан из разных городов Новой Гранады: Сантафе, Картахены, Попаяна, Буги, Хирона, Сан-Хиля и Оканьи. Это свидетельствовало о значительном масштабе заговора. Среди арестованных оказались офицеры милиции, священники, юристы и адвокаты, студенты колледжей. Это были в основном уроженцы Новой Гранады, но имелись и испанцы, один француз — уже упоминавшийся врач Луи де Рье, и один португалец, житель Санто-Доминго, которого считали связным П. Фермина де Варгаса. О последнем много го-

⁵⁰ R. M. Tisnés. Op. cit., p. 149—150.

⁵¹ A. Nariño, F. de P. Santander y J. Arboleda. [Bogotá], 1936, p. 26; M. J. Forero. Op. cit., p. 42; R. M. Tisnés. Op. cit., p. 150; A. Miramon. Op. cit., p. 70.

⁵² R. M. Tisnés. Op. cit., p. 152.

ворилось во время следствия как об одном из руководителей заговора⁵³.

Согласно заключению следствия, арестованные вели пропаганду и вербовали будущих повстанцев, жертвовали деньги на покупку оружия, создавали хунты для подготовки восстания, писали антиправительственные воззвания, «смущали души людей» разговорами о свободе. Некоторым вменялась в вину связь с находившимся за границей Варгасом, с французским Национальным собранием, публикация его документов. Другие обвинялись в намерении захватить штаб и воинские казармы, артиллерийский парк и пороховой погреб, в попытке привлечь к восстанию торговцев табаком, располагавших большими деньгами. Племяннику Х. С. Мутиса Синфоросо Мутису вменялось в вину руководство планами по захвату штаба батальона «Ауксилиар» и разоружению гвардии вице-короля. Варгасу было заочно предъявлено обвинение в том, что он должен был поддержать заговорщиков в Сантафе с 18 тыс. повстанцев из льяносов Касанаре. В качестве одной из улик против заговорщиков следствие использовало письмо, обнаруженное на почте в Кито. Оно было написано 3 октября 1794 г. и отправлено из Сантафе в Гуаякиль⁵⁴.

«Наша грядущая независимость несомненна,— говорилось в письме.— Варгас послан в Соединенные Штаты Севера. На реке Магдалене мы уже имеем нужных людей, которые захватили три торговых судна, чтобы помешать в случае необходимости подходу войск из Картахены. Вице-король будет арестован... Великие люди, находящиеся в тюрьмах, выйдут из них, когда мы захотим. Итак, волновавший нас дух ненависти к монархизму овладел всеми, кто не является изменником отечества. Поскольку все королевство заинтересовано в этих счастливых известиях и должно стремиться сбросить ненавистное иго, я извещаю Вас о положении дел с этим знаменитым проектом. Распространяйте его в интересах христианской свободы и желанной славы Америки»⁵⁵.

Таким образом, неизвестный нам новогранадец, автор этого письма, обращался в Гуаякиль с призывом содей-

⁵³ *C. Restrepo Canal*. Op. cit., p. 20—21; *R. M. Tisnés*. Op. cit., p. 150, 203.

⁵⁴ *R. M. Tisnés*. Op. cit., p. 154, 211.

⁵⁵ *Ibid.*, p. 321—322.

ствовать делу освобождения Америки от испанского ига. Это служит доказательством того, что руководители движения за независимость в Новой Гранаде понимали важность повсеместного антииспанского восстания. Только оно могло гарантировать успех дела независимости в любой из частей испанской колониальной империи.

Власти предполагали, что автором письма был Эспехо или кто-то из его сторонников. 30 января 1795 г. Эспехо был арестован. В тюрьме ему создали невероятно тяжелые условия. Его поместили в камеру, представлявшую настоящий каменный мешок, где не хватало воздуха, а пища — хлеб да вода. Неудивительно, что он вскоре заболел чахоткой. Убедившись, что он обречен, власти освободили его за несколько дней до смерти. Он умер 27 декабря 1795 г., так и не дождавшись осуществления своей мечты — освобождения Америки от испанского ига⁵⁶.

В январе 1795 г. следствие по делу об антииспанском

⁵⁶ R. M. Tisnés. Op. cit., p. 319—323.

заговоре закончилось. Оидор Х. Эрнандес де Альба представил все материалы аудиенсии, которая приговорила участников заговора к различным срокам тюремного заключения и конфискации имущества.

В октябре того же года Ф. А. Сеа, С. Мутис, Х. М. Кабаль, П. Прадилья, Э. Уманья, Х. Айяла, М. А. Фроэс, Б. Сифуэнтес и Л. де Рье были отправлены в Кадис, в крепость Сан-Сабастьян⁵⁷.

Между тем следствие по делу Нариньо все продолжалось. Он очень серьезно подготовился к предстоящему процессу, поэтому во время суда то и дело ставил судей в затруднительное положение. С неопровержимой логикой Нариньо доказывал, что у властей нет оснований для обвинений. В подтверждение он приводил высказывания самих судей, сделанные ими еще до процесса. Он цитировал научные трактаты испанских философов XVI в., отдельные положения которых выглядели куда более радикальными, чем то, за что судили Нариньо. Он заявил, что книга, из которой он перевел «Декларацию», принадлежала вице-королю. Это вызвало настоящий скандал.

Адвокатом Нариньо был Антонио Рикаурте — человек, близкий ему по убеждениям. Нариньо и Рикаурте совместно подготовили речь, с которой Рикаурте выступил на процессе. По свидетельству очевидцев, она произвела огромное впечатление на судей. Ее распространение было строжайше запрещено — оидоры сочли ее даже более опасной, чем переведенная Нариньо «Декларация». Рикаурте был арестован. Защита Нариньо стоила ему жизни: он умер в тюрьме после 10 лет заключения.

Наконец 28 ноября 1795 г. аудиенсия вынесла приговор по делу Нариньо. Его признали виновным в попытке свержения законного правительства и приговорили к 10 годам тюремного заключения в Северной Африке (выбор тюрьмы передавался на усмотрение короля) с конфискацией всего имущества и лишением права возвращения в Америку. Книга, из которой Нариньо перевел «Декларацию», подлежала публичному сожжению на главной площади Сантафе.

Суровый приговор Нариньо вызвал возмущение в крепольских кругах Новой Гранады. Кабиљдо Сантафе зая-

⁵⁷ Ibid., p. 157.

вил о своем несогласии с приговором и превышении полномочий со стороны аудиенсии⁵⁸. Но все было напрасно. Заболевшего чахоткой Нариньо в декабре 1795 г. отправили в Кадис. 17 марта 1796 г. корабль «Сан-Габриэль», на котором везли Нариньо, прибыл в порт назначения. С помощью старого торгового партнера Нариньо, Э. де Амадора, ему удалось бежать и добраться до Мадрида⁵⁹.

Симпатии со стороны прогрессивных кругов Испании по отношению к сторонникам освобождения колоний позволили Нариньо подать королю петицию с просьбой о пересмотре дела и разрешении самому защищать себя в Совете Индий. Король приказал арестовать его, но влиятельные испанские друзья сообщили ему об этом раньше, чем до него успела добраться полиция. Нариньо снабдили деньгами, поддельным паспортом, и 13 июня 1796 г. он выехал в Париж⁶⁰.

Двухмесячное пребывание в Париже Нариньо посвятил изучению Французской революции. Возможно, он надеялся заручиться поддержкой Франции на случай антииспанского восстания в Новой Гранаде. Но момент был неудачный — Франция была занята итальянским походом Наполеона. 29 июля он выехал из Парижа в Лондон⁶¹. Известно, что здесь Нариньо пытался добиться встречи с английским премьер-министром В. Питтом. Однако последний не считал возможным компрометировать себя встречей с испанским государственным преступником. Питт предпочел действовать окольными путями. Министр торговли лорд Ливерпуль через посредство двух крупных негоциантов заверил Нариньо в симпатиях, которые питают англичане к делу независимости Америки, и обещал ему всяческую помощь в свержении испанского ига при условии перехода Новой Гранады «под покровительство» Великобритании.

Нариньо с негодованием отверг предложение англичан. Впоследствии он писал по этому поводу: «Спаси родину от господства Испании ценой длительного ига англичан с другой религией, другим языком и обычаями, с моей точки зрения, было бы самым гнусным действием,

⁵⁸ *T. Blossom. Op. cit., p. 16, 21—22, 25.*

⁵⁹ *J. M. Henao y G. Arrubla. Op. cit., p. 317.*

⁶⁰ *T. Blossom. Op. cit., p. 29—30; A. Miramon. Op. cit., p. 80.*

⁶¹ *T. Blossom. Op. cit., p. 33.*

какое только можно совершить. Я бы предпочел умереть, чем допустить это»⁶².

В начале октября Нариньо вернулся в Париж. Здесь состоялась его встреча с выдающимся борцом за свободу Венесуэлы Мирандой, а 2 декабря 1796 г. Нариньо отплыл из Бордо на родину. В середине марта 1797 г. он вернулся в Новую Гранаду через Венесуэлу⁶³.

Вынужденный скрываться, А. Нариньо всего неделю пробыл в столице, а затем, переодевшись священником, отправился в район Тунхи для встречи со сторонниками независимости. Здесь его опознали, и за ним началась настоящая охота. Но у Нариньо было много преданных друзей. Все попытки арестовать его заканчивались неизменным провалом. Так продолжалось почти три месяца. За это время Нариньо объездил весь север Новой Гранады, сплачивая ряды борцов за свободу. Однако дело независимости Новой Гранады оказалось роковым образом связанным с событиями, происшедшими в Венесуэле. 13 июля в Каракасе был раскрыт заговор во главе с Х. М. Эспаньей и М. Гуалем с целью освобождения Венесуэлы от испанского ига⁶⁴.

Это событие повлекло за собой многочисленные аресты в Венесуэле. Встревоженные власти привели в боевую готовность свои силы на всем континенте. В этих условиях новогранадские патриоты лишились такого важного фактора для успеха своего дела, как внезапность. Несмотря на это, горячие головы требовали немедленного выступления. И тогда, чтобы предотвратить бессмысленную гибель лучших сынов отечества, Нариньо принял решение, которое повергло в изумление испанские власти. 19 июля, ровно через неделю после раскрытия заговора в Каракасе, он сам пришел во дворец вице-короля⁶⁵.

Этот поступок впоследствии постоянно использовали против Нариньо его политические противники, называя его изменником и предателем. Но, если вдуматься,— это был поступок необычайно мужественного человека. Тяже-

⁶² R. Gomez Hoyos. Creadores de cultura en América Hispana. Bogotá, 1967, p. 86; J. M. Henao y G. Arrubla. Op. cit., p. 318.

⁶³ T. Blossom. Op. cit., p. 33, 35; A. Miramon. Op. cit., p. 85; R. M. Tisnés. Op. cit., p. 210.

⁶⁴ Ф. Бруно Фигероа. Заговор 1797 г.— «Новая и новейшая история», 1969, № 4, стр. 94; T. Blossom. Op. cit., p. 41.

⁶⁵ A. Miramon. Op. cit., p. 95.

ло большой, он обрекал себя на новые страдания в испанских тюрьмах, чтобы спасти своих товарищей по общему делу от бессмысленной гибели. Находясь в тюрьме, Нариньо через архиепископа Б. Х. Мартинеса передал вице-королю Мендинуэте свою первую «исповедь», в которой пытался произвести впечатление кающегося грешника. Он признал, что планировал революцию в Новой Гранаде, что Англия заинтересована в изгнании Испании из Америки и поэтому благосклонна к сторонникам независимости. Но все это было известно властям и без Нариньо, а фамилий своих единомышленников он не назвал. Он даже отрицал свое знакомство с Варгасом и Мирандой, хотя правительству Испании было известно о встрече Нариньо с Мирандой в Париже и о том, что якобы существовали планы совместной высадки Миранды и Нариньо в Венеуэле⁶⁶.

Власти опасались, что оставшиеся на свободе заговорщики попытаются освободить Нариньо. Его перевели в Картахену, где имелся сильный гарнизон. Нариньо, несмотря на тяжелую болезнь, не терял присутствия духа. В декабре 1797 г. он составил для Мендинуэты «Наброски нового плана управления вице-королевством Новая Гранада». В них он утверждал, что «алькабала», королевские монополии и феодальные привилегии являются причиной отсталости испанских владений и поэтому должны быть ликвидированы⁶⁷. Вместе с тем он настойчиво добивался освобождения. Это была борьба не только за свою личную жизнь. Отказы или просто молчание короля и королевы на прошения Нариньо немедленно становились известны в креольских кругах, вызывая осуждение бесчеловечности короля, хладнокровно ожидавшего его смерти в тюремном застенке. Популяриность Нариньо росла. Его стойкость привлекала к делу, которому он служил, все новых и новых сторонников.

Тем временем обстановка в Новой Гранаде оставалась напряженной. Арест Нариньо практически ничего не дал властям. Он хранил молчание о своих единомышленниках, а они действовали. Об этом свидетельствовало продолжение антииспанской пропаганды. В ряде городов вице-королевства появились антиправительственные памфлеты.

⁶⁶ *T. Blossom. Op. cit.*, p. 45, 49—50, 53.

⁶⁷ *G. Molina. Las ideas liberales en Colombia. 1849—1914*, 2 ed. Bogotá, 1971, p. 35; *T. Blossom. Op. cit.*, p. 52.

4 августа 1797 г. стихотворный памфлет такого рода был обнаружен в Тунхе. Легко запоминавшиеся стихи называли «чапетонов»⁶⁸ виновниками бедствий вице-королевства.

«С момента завоевания они были и впредь будут нашими тиранами,— говорилось в одном из четверостиший.— А почему мы с ними столь гуманны?... Почему креолы терпят подобное положение... Ведь «законные хозяева Индий» — креолы и индейцы — уроженцы вице-королевства». А вместо них «у руководства находятся самые тупые и бездарные чапетоны. Они нас тиранят, грабят, обижают, не платят своих долгов и быстро продвигаются по службе. Чиновники и сборщики налогов похожи на моль и даже на разбойников, которых терпят, а они жиреют за счет общества...». В стихах говорилось о нищете, царящей в стране, о спекуляции и обогащении испанских торговцев, об отсутствии справедливости и законности, которые существуют только для чапетонов, а не для креолов. Кончались стихи словами:—«Пришло время сбросить ненавистное иго... Да здравствует Тупак Амару!»⁶⁹.

Подобные настроения в свое время нашли отражение в памфлетах времен восстания комунерос, но теперь в них появилась новая тема — республика. Некоторые из вариантов распространявшихся в городах Новой Гранады антиправительственных стихов определенно свидетельствовали о стремлении их авторов к самым радикальным переменам в государственном устройстве Новой Гранады. Перечислив все бедствия, от которых страдают их соотечественники, авторы памфлета заявляли: «Такого положения не будет в цивилизованной республике, и пусть нами больше не правят патриции!»⁷⁰.

Такие идеи, как известно, пропагандировались Эспехо. Их разделяли Нариньо и Варгас. Поэтому не случайно, что вслед за появлением в Тунхе «подрывных» стихов власти арестовали друга Варгаса М. Прието. Прямых улик против него не было, но ему предъявили обвинения в грабеже, грубо сфабрикованные полицией⁷¹.

⁶⁸ Презрительная кличка испанцев, прибывших из метрополии на временную службу в Новую Гранаду. Чапетон — буквально «шувичок».

⁶⁹ *R. M. Tisnés*. Op. cit., p. 183, 189, 191.

⁷⁰ *Ibid.*, p. 189.

⁷¹ *Ibid.*, p. 191.

Положение в Новой Гранаде вызывало беспокойство вице-короля Мендинуэты. В мае 1798 г. он писал М. Годю, что «некоторые безумцы могут нарушить мир», и просил войск⁷². И, действительно, в апреле 1799 г. губернатор Картахены А. Сехудо сообщил вице-королю о раскрытии заговора негров. Заговорщики, по его мнению, были связаны с неграми с французского Гаити и намеревались захватить крепость Сан-Ласаро, а затем и весь город. Месяц следствия выявил участие в заговоре и креолов⁷³. Все это, конечно, встревожило вице-короля Мендинуэту.

Тем временем в самой Испании назревала революция. Передовые люди с симпатией относились к освободительным идеям, распространявшимся в колониях и высказывались в поддержку лиц, пострадавших за свои прогрессивные убеждения. Среди пострадавших самым известным был просветитель, писатель и ученый, перуанец по происхождению Пабло де Олаvide⁷⁴.

Учитывая либеральные веяния в собственной стране и стремясь разрядить напряженное положение в Новой Гранаде, Совет Индий 4 июня 1799 г. принял решение об освобождении всех лиц, арестованных по обвинению в антиправительственном заговоре 1794—1796 гг., за исключением А. Нариньо. Всем им было возвращено конфискованное имущество, а Ф. А. Сеа и С. Мулис даже восстановлены на своих должностях в «Ботанической экспедиции».

Освобождению заключенных власти постарались придать большую огласку. Сам председатель Совета Индий маркиз Бахамар заявил, что он весьма сожалеет по поводу того, что вице-король и аудиенсия Новой Гранады в свое время поступили несправедливо по отношению к арестованным, осудив их на различные сроки тюремного заключения, не имея на то достаточных оснований. Этот жест был явно рассчитан на то, чтобы привлечь симпатии влиятельных креольских семей на сторону испанских властей.

⁷² R. M. Tisnés. Op. cit., p. 206.

⁷³ J. M. Restrepo. Historia de la revolución de la República de Colombia en la América Meridional, t. I. Bogotá, 1942, p. 54; R. M. Tisnés. Op. cit., p. 206.

⁷⁴ R. C. Reyes. Op. cit., p. 35.

Между тем обстановка в Новой Гранаде продолжала осложняться. В июле 1799 г. власти раскрыли еще один заговор с целью подготовки нового антииспанского восстания. Инициаторами на этот раз выступали негры и мулаты из Венесуэлы, но к ним должны были присоединиться жители Картахены и индейцы-гуахирос⁷⁵.

Прошло немного времени, и волнения начались на юге страны — в районах Пасто и Кито. В Пасто — в Тукересе и в Гуайтарилье — местные жители восстали против коррехидора и сборщика церковной десятины. Оба они были убиты прямо в алтаре церкви. В районе Кито индейцы, работавшие в «обрахес», жгли мастерские и разбегались, не желая умирать от непосильного труда.

В ноябре 1799 г. на улице в Картахене было найдено новое воззвание. Оно гласило: «Несчастные жители Картахены! Пришло время сбросить иго, которое нас так угнетает... Для нашего избавления, сеньоры, давайте как можно быстрее покончим с губернатором, комендантом и советником. Да здравствует свобода, и смерть тому, кто встанет на ее пути!»⁷⁶

Расследование, учиненное губернатором с целью выявления авторов воззвания, ничего не дало. 17 декабря 1799 г. вице-король Мендинуэта, которому доложили о безрезультатности поисков, направил губернатору Картахены письмо, предлагая «обратить особое внимание полиции и поставить на учет всех подозрительных жителей, особенно, если они купцы или торговцы низшего класса или замечены в недостойном поведении, или их видели с книгой в руках»⁷⁷.

Весьма примечательно, что вице-король опасался именно мелких торговцев, обремененных налогами, которые, как правило, были оппозиционно настроены по отношению к властям и имели тесные связи с еще более бедными слоями общества. Предотвратить выступление беднейших масс народа стало главной целью испанских властей в этот период. А опасность такого выступления

⁷⁵ R. M. Tisnés. Op. cit., p. 158—159, 206.

⁷⁶ J. M. Restrepo. Op. cit., t. I, p. 54.

⁷⁷ E. Lemaitre. Antecedentes y consecuencias del once de noviembre de 1811. (Testimonios y documentos relacionados con la gloria gesta de la independencia absoluta de Cartagena de Indias). Cartagena, 1961, p. 3—4.

существовала, и наиболее дальновидные представители колониальной администрации понимали это.

Пока фрондировали богатые знатные креолы, не связанные с народом, это не представляло особой опасности для колониального режима. Но когда по-настоящему революционно настроенные представители креольской интеллигенции обратились к массам и стали находить понимание и поддержку, тогда власти забеспокоились.

Чтобы не допустить союза между влиятельными креольскими кругами и новогранадской беднотой, которых мог объединить лозунг национальной независимости, испанские власти и освободили представителей креольской знати, внося успокоение во многие креольские семьи, пострадавшие от арестов.

Накал антииспанских страстей внутри страны постепенно спадал. Либерально настроенные креолы были напуганы Французской революцией и возможностью ее повторения в собственной стране. Снова оживилась деятельность литературных кружков. В Сантафе появился новый «Кружок хорошего вкуса», который собирался в доме богатой креольской аристократки Мануэлы Сантамарии. В этот кружок входили поэт и медик Хосе Фернандес Мадрид, адвокат Камилло Торрес, ученые Антонио Ульоа и Франсиско Хосе де Кальдас⁷⁸.

Колониальная администрация, пачав заигрывать с креольской аристократией, несколько смягчила режим. Никогда еще в Новой Гранаде не издавалось столько газет, как в эти годы. В 1801 г. священник Хосе Луис де Асуола и сын маркиза Сан-Хорхе Хорхе Тадео Лосано начали издавать «Эль Коррео куриосо, эрúдито, экономико и меркантиль де Сантафе-де-Богота» («Экономический и торговый вестник Сантафе-де-Богота»), который освещал широкий круг вопросов. В течение года вышло 46 номеров этой газеты. Но на этом издание прекратилось ввиду банкротства издателей⁷⁹. С 1806 по 1808 г. М. дель Сокорро Родригес издавал газету «Эль редактор американо» («Американский редактор») и приложение к ней «Эль альтернатива дель редактор американо» («Альтернатива американского редактора»). Власти даже разрешили опубликовать работу Варгаса «Предложения о навигации по

⁷⁸ O. Díaz Díaz. Op. cit., p. 107—108.

⁷⁹ L. Martínez Delgado y S. Elías Ortiz. Op. cit., p. XVI—XVII.

реке Магдалене», которая оказалась столь интересной, что ее перепечатала кадисская газета.

3 января 1808 г. вышел первый номер «Эль семанарио дель Нуэво рейно де Гранада» («Еженедельника королевства Новая Гранада») на восьми страницах⁸⁰. Его издателем был известный астроном, математик, физик и ботаник Ф. Х. де Кальдас. «Эль семанарио» печатал труды по географии, экономике, статьи о торговле, климате наряду с освещением политических событий в Европе и Америке. Здесь были опубликованы работы самого Кальдаса «О географии вице-королевства», «Метеорологические наблюдения», «Влияние климата на организованные существа», очерк по географии Антиокии Хосе Мануэля Рестрепо, сообщение Хоакина Камачо о провинции Памплона⁸¹.

«Эль семанарио» Кальдаса настойчиво внушал мысль — мы богатая страна и наша нищета не от нашей бедности, а от неумелого ведения хозяйства, нужно разви-

⁸⁰ L. Martínez Delgado y S. Elías Ortíz. Op. cit., p. XVIII; A. Cruz Santos. Economía y hacienda pública. Bogotá, 1965, p. 224.

⁸¹ J. M. Henao y G. Arrubla. Op. cit., p. 326; A. Cruz Santos. Op. cit., p. 225, 226.

вать сельское хозяйство (выращивать какао, кофе, хлопок, разводить скот), текстильную промышленность, строить дороги, расширять торговлю⁸².

Снова вставал вопрос о необходимости серьезных изменений в правовом статусе Новой Гранады. Креольская верхушка мечтала, чтобы они произошли без крутой ломки, которая могла бы спровоцировать социальную революцию. Поэтому либерально настроенная креольская аристократия не стремилась торопить события. Центром, вокруг которого группировались креолы-либералы, стал кружок М. Сантамарии.

Радикальное крыло креольской интеллигенции с момента ареста Нариньо и многих его единомышленников еще не успело восстановить своих сил. Нариньо, находящийся в тюрьме, был на грани смерти от чахотки. Вице-королю показалось более выгодным освободить Нариньо, чем позволить ему умереть в тюрьме, и он сам обратился к королю с просьбой о помиловании Нариньо. Король медлил с ответом. Была создана авторитетная врачебная комиссия во главе с самим Мутисом, которая в апреле 1803 г., обследовав состояние здоровья Нариньо, пришла к заключению, что даже в случае немедленного освобождения из тюрьмы врачи не могут гарантировать ему жизнь. И только после этого вице-король получил разрешение на условное освобождение Нариньо. 5 мая 1803 г. его перевезли в асьенду «Фуча» недалеко от столицы и приставили к нему охрану. Но, вопреки заключению врачей, Нариньо выздоровел. Шесть лет прожил он в своей асьенде, находясь под наблюдением полиции, и, хотя в 1807 году он был окончательно освобожден, слежка за ним продолжалась⁸³.

Оказался в изоляции и Варгас, наряду с Нариньо руководивший радикальным крылом креолов. Он находился за границей, где являлся своего рода эмиссаром новогранадских патриотов, добивавшихся поддержки дела освобождения своей родины. Он побывал на Ямайке, затем перебрался на Кубу, где в течение нескольких месяцев жил под чужой фамилией, пока не пришел приказ о его аресте. В июне 1797 г. Варгас прибыл в США, рассчитывая получить помощь, но добиться ничего не смог⁸⁴.

⁸² *A. Cruz Santos. Op. cit., p. 226.*

⁸³ *T. Blossom. Op. cit., p. 63.*

⁸⁴ *R. M. Tisnés. Op. cit., p. 213.*

Его материальное положение было тяжелым. Он перебивался случайными заработками, не гнушался никакой работы. Служил даже слугой в гостинице. Он много читал, вел обширную переписку с единомышленниками, оставшимися на родине, так что всегда был в курсе их дел.

Разуверившись в США, Варгас в мае 1799 г. выехал в Испанию, а оттуда — в Париж. В ноябре того же года он перебрался в Лондон, где в то время находилось множество эмигрантов из Испанской Америки. Здесь он встретился с Мирандой. Широкая образованность и осведомленность Варгаса, его деловые качества и преданность делу освобождения своей родины произвели огромное впечатление на Миранду. Впоследствии он с восхищением писал о нем М. Гуалю, руководителю заговора 1797 г. в Каракасе: «Здесь находится один из главных руководителей движения 1796 года. Исключительная личность. Один из лучших в нашей Америке»⁸⁵.

Миранда уговорил Варгаса обратиться за помощью к англичанам и в ноябре 1799 г. передал премьеру Великобритании В. Питту «Мемориал» Варгаса в сопровождении своей записки, в которой он целиком поддерживал его предложения. Варгас просил помощи людьми, оружием и другим военным снаряжением, а также несколько кораблей для их доставки в Новую Гранаду. Корабли также должны были помешать Испании перебросить подкрепления с началом борьбы за освобождение колонии. Взамен Варгас обещал от лица своих соотечественников после освобождения страны от испанцев возместить все расходы англичан, связанные с этой экспедицией, и заключить с Великобританией торговый союз⁸⁶.

Питт благосклонно принял «Мемориал» Варгаса; но ничего не обещал. Как и в случае с Нариньо, Англия не хотела открыто поддержать сторонников независимости Испанской Америки, хотя и предвидела большие для себя выгоды в случае успеха их дела. Разочарованный, Варгас уехал в Париж, надеясь встретиться с Наполеоном и лично передать ему письмо Миранды. Однако эта встреча не состоялась. В начале 1801 г. Варгас вернулся обратно в Лондон⁸⁷.

⁸⁵ Ibid., p. 267.

⁸⁶ R. Gomez Hoyos. La revolución granadina de 1810, t. 1, p. 301; R. M. Tisnés. Op. cit., p. 268.

⁸⁷ R. M. Tisnés. Op. cit., p. 272.

Английское правительство решило поддержать совместный проект Миранды и Варгаса о создании базы антииспанской деятельности американских патриотов на о-ве Тринидад. В июне 1801 г. Миранда и Варгас должны были выехать туда, и им даже были заготовлены паспорта на имя британских подданных, но в самый последний момент англичане задержали Миранду в Англии, опасаясь, что дела примут слишком серьезный оборот. Варгас уехал один. Тринидад в те годы был местом сбора креольских заговорщиков со всей Америки. Прибыв туда, Варгас развил такую бурную деятельность, что английский губернатор, опасаясь серьезных международных осложнений, поспешил выслать его обратно в Англию, куда он и вернулся в октябре 1803 г. В следующем году Варгас уехал из Англии на Ямайку, где занялся ботаникой. Его разочарование английской «помощью» было полным⁸⁸.

Единомышленники Нариньо и Варгаса в Новой Гранаде были разобщены, за ними велось усиленное наблюдение. Практически они были лишены возможности не только предпринять что-либо, но даже встретиться. Влиятельная креольская верхушка демонстрировала свою лояльность по отношению к метрополии. Страна залечивала раны ужасного землетрясения 4 февраля 1800 г., когда исчезли целые горы, а реки изменили русла. Разрушения были огромны. Количество жертв исчислялось приблизительно 20 тыс. человек⁸⁹. Властям казалось, что новогранадцам не до политики. Новый вице-король А. Амар-и-Бурбон, сменивший Мендинуэту в сентябре 1803 г., писал в Испанию, что положение в вице-королевстве не внушает никаких опасений⁹⁰. Однако вице-король жестоко ошибался, и очень скоро ему пришлось в этом убедиться.

⁸⁸ О дальнейшей судьбе Варгаса ничего неизвестно. Есть предположение, что в 1806 г. он участвовал в неудачной высадке Миранды в Венесуэле и вскоре после этого умер (*R. M. Tisnés. Op. cit.*, 273, 275; *R. Gomez Hoyos. Op. cit.*, t. 1, p. 310).

⁸⁹ *J. M. Restrepo. Op. cit.*, t. I, p. 55.

⁹⁰ *R. M. Tisnés. Op. cit.*, p. 208.

ФРАНЦУЗСКАЯ ОККУПАЦИЯ ИСПАНИИ
И НОВАЯ ГРАНАДА

С приходом к власти Наполеона антифранцузская политика испанского двора постепенно сменилась франкофильской. Большую роль в этом сыграл всемогущий фаворит королевы Марии-Луизы М. Годой, фактически правивший Испанией. Годой мечтал с помощью Наполеона подчинить своему влиянию Португалию. Он заключил с Францией ряд договоров, которые шли вразрез с национальными интересами Испании. Потерпев поражение в первом походе против Португалии, выступавшей в союзе с Англией, Испания по условиям Амьенского мира (1802 г.) потеряла о-в Тринидад, перешедший к Англии. Последняя превратила остров в форпост своего наступления на испанские владения в Южной Америке. Договором 1803 г. с Францией Годой снова втянул Испанию в разорительную войну с Англией. В битве при Трафальгаре (1805 г.) Испания потеряла почти весь свой флот. Англия поспешила воспользоваться этим для нанесения удара по испанской колониальной империи в Америке. Уже в следующем году английское правительство санкционировало экспедицию Миранды, который в середине 1806 г. высадился в Коро с целью поднять венесуэльский народ на борьбу с испанскими колонизаторами, но эта попытка успеха не имела.

Попробовали англичане и самостоятельно действовать в испанских колониях. В 1806—1807 гг. они захватили Монтевидео и Буэнос-Айрес на Ла-Плате, но не смогли закрепить свой успех, потому что местное население поднялось на борьбу против новых колонизаторов. Интервенция потерпела крах. Изгнание англичан собственными силами, без помощи испанской армии, оказало большое

влияние на настроения жителей не только Ла-Платы, но и всего континента, впервые воочию убедившихся в своей способности самим постоять за себя и начинавших понимать, что Испания не всемогуща. Дальнейшие события на Пиренейском полуострове способствовали усилению этих настроений.

В октябре 1807 г. в Фонтенбло Годой заключил еще один наступательный союз с Францией против Португалии, имевший роковые последствия как для Испании, так и для самого Годоя. Под предлогом войны с Португалией Наполеон ввел в Испанию 100-тысячную армию под командованием Мюрата. Фактическая оккупация страны французами болезненно воспринималась испанским народом, который в отличие от королевского двора, всецело поглощенного семейными распрями между королем и его сыном, не потерял чувства национальной гордости. В народе зрело возмущение против оккупантов. 17 марта 1808 г. в Аранхуесе — королевской резиденции под Мадридом, — где в это время находился король, вспыхнуло восстание, вызванное слухами о переносе королевской резиденции в Севилью и вступлении французов в Мадрид.

Растерявшийся Карл IV на следующий день отрекся от престола в пользу своего сына Фердинанда VII. Годой был арестован.

Однако семейная междоусобица на этом не кончилась. Карл IV сделал Наполеона посредником в своих отношениях с сыном, обратившись к Бонапарту с письмом, в котором жаловался, что его вынудили отречься от престола, что он берет свое отречение обратно, и просил содействия. Наполеон пригласил и короля, и его сына в Байонну. 2 мая 1808 г., когда королевское семейство покидало Мадрид, в столице началось стихийное народное восстание против оккупантов, подавленное французскими войсками. В Байонне Наполеон вынудил Фердинанда отречься от престола в пользу отца, а тот не нашел ничего лучшего, как передать свои права императору Франции. Последний отдал испанскую корону своему брату Жозефу. 20 июля Жозеф Бонапарт прибыл в Мадрид. «Не видя ничего живого в испанской монархии, кроме жалкой династии, которую он прочно засадил под замок, — писал К. Маркс, — Бонапарт был совершенно уверен, что ему удалось прибрать к рукам Испанию»¹. Но он просчитался.

Испанский народ, возмущенный фактической оккупацией своей родины французской армией, начал стихийно подниматься на борьбу с захватчиками. Повсеместно создавались партизанские отряды. В городах возникали хунты с целью придать борьбе организованный характер. Война против французских интервентов велась под лозунгом изгнания оккупантов и возвращения на испанский трон законного монарха — Фердинанда VII. В Испании еще никто не знал, что 22 июня Фердинанд VII направил Наполеону письмо, приветствуя воцарение его брата на испанском престоле. «Я, мой брат и мой дядя, — писал Фердинанд VII, — шлем вашему величеству самые искренние поздравления и выражаем наше удовлетворение в связи с тем, что ваш брат уже занял трон Испании»². В глазах основной массы населения Фердинанд VII представлялся мучеником, несправедливо обиженным и нуждающимся в защите, что позволило использовать его имя для сплочения самых широких слоев ис-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 10, стр. 433.

² М. J. Forero. Camilo Torres. Bogotá, 1950, p. 62.

панского общества в целях борьбы против французской интервенции.

В колониях дело обстояло несколько иначе. Креольская верхушка увидела в имени Фердинанда удобное прикрытие для достижения независимости с наименьшим риском. Не желая признать Наполеона, потому что это означало бы замену испанского колониального гнета французским, не решаясь и на открытый разрыв с Испанией из опасений, что столь коренная перемена положит начало самой настоящей революции в колониях, она нашла единственный выход в признании Фердинанда VII, находившегося в плену и не обладающего реальной властью. Такой шаг позволял креольской верхушке стать хозяйкой положения на местах и направлять развитие событий в нужном для себя направлении, не спеша с провозглашением формальной независимости.

Лагерь сторонников Фердинанда VII оказался чрезвычайно неоднородным, а что касается тех целей, которые преследовали его участники, то даже и противоречивым. С развитием событий этот сложный клубок противоречий постепенно распутывался, прояснялись классовые позиции различных группировок, происходило размежевание сил на два лагеря — революции и контрреволюции. Этот довольно длительный и мучительный процесс происходил как в Испании, так и в ее колониальных владениях.

В Новой Гранаде, как и в других колониях, события в Испании не могли не найти отражения. Франкофильские настроения испанского двора разделялись высшими чиновниками колониального аппарата. Об этом свидетельствовала «Эль редактор американо», издававшаяся с разрешения вице-короля и не перестававшая восхищаться Наполеоном, его успехами и его гением полководца и государственного деятеля³. Среди новогранадцев циркулировали упорные слухи о скором прибытии 4 тыс. французских войск, якобы для охраны Картахены от англичан, с которыми Испания в тот период находилась в состоянии войны. Говорили, что часть этих войск будет расквартирована в Сантафе.

Возможное прибытие французских войск вызывало тревогу населения, для которого это означало бы допол-

³ Memorias del presbitero Jose Antonio de Torres y Peña. Bogotá, 1960, p. 77.

нительные расходы и прочие неудобства, всегда связанные с постоем большого войска, а тем более иностранного. Настроения беспокойства усилились, когда в Новой Гранаде узнали об аресте Годоя и расправе народа с некоторыми особенно ненавистными губернаторами испанских провинций — ставленниками Годоя⁴.

Испанская администрация, назначенная Карлом IV и Годоем, растерялась при известии о воцарении Фердинанда VII. В августе 1808 г. в Картахену прибыл корабль из Испании под командованием капитана Х. Санльоренте⁵. Он привез послание Севильской хунты, к тому времени самой влиятельной среди многочисленных испанских хунт, возникших с началом борьбы против французских оккупантов, а также известия о последних событиях на Пиренейском полуострове, о которых еще не знали в Новой Гранаде: о том, что королем Испании стал француз Ж. Бонапарт, что в Мадриде народ восстал против иноземцев еще в мае, а затем вся Испания поднялась на борьбу с захватчиками, что французы потерпели серьезное поражение в битве при Байлене, что Севильская хунта заключила перемирие с Англией в целях совместной борьбы с французами и открыла американские порты для английских военных кораблей, чтобы защитить колонии от армии Наполеона.

Все эти известия буквально взбудоражили население Новой Гранады. Разные его слои по-разному восприняли их, но всех объединяло сознание близости неизбежных перемен. 5 сентября вице-король Амар созвал в своем дворце в Сантафе представителей всех гражданских, военных и духовных властей и некоторых именитых граждан для чтения и обсуждения послания Севильской хунты⁶. Послание содержало призыв признать плененного Фердинанда VII законным королем Испании, объявить войну Наполеону и признать Севильскую хунту правящим органом впредь до возвращения из плена Фердинанда VII. Решение о признании Фердинанда VII и объявлении войны Наполеону было принято единогласно. Было решено направить с капитаном Санльоренте деньги для передачи

⁴ Ibid., p. 79, 85.

⁵ J. M. Restrepo. Historia de la revolución de la República de Colombia en la América Meridional, t. I. Bogotá, 1942, p. 63.

⁶ Ibidem; J. M. Forero. Op. cit., p. 58—59.

Севильской хунте на организацию борьбы против оккупантов. Что касается признания Севильской хунты, то здесь не обошлось без некоторых споров. Дело в том, что было внесено предложение назвать Севильскую хунту Верховной хунтой Испании и Индий. Однако большинству собравшихся это показалось слишком неосторожным, и предложение меньшинства было отвергнуто⁷. Севильская хунта была признана просто как правящая хунта Испании.

13 сентября Новая Гранада объявила войну Франции, а 24 сентября капитан Санльоренте отплыл из Картахены в Испанию с 500 тыс. песо для Севильской хунты⁸.

События в Испании тем временем складывались следующим образом. Французы терпели одно поражение за другим. Они вынуждены были даже оставить Мадрид. 25 сентября 1808 г. в Аранхуэсе была создана Центральная хунта Испании под председательством либерально настроенного графа Флоридабланки. Ее вскоре признали все испанские провинциальные хунты, а также колонии. Французы между тем получили подкрепление, и испанцам начала изменять военная удача. 4 декабря французские войска вновь вступили в Мадрид. Центральная хунта перебралась в Севилью, а потом в Кадис⁹.

В своей борьбе против Наполеона хунта рассчитывала опереться на колонии. В надежде укрепить там свое влияние 22 января 1809 г. она издала декрет, провозгласивший колонии составной частью империи. Декрет объявлял о созыве кортесов, куда каждая провинция Испании должна была послать по два депутата, а заморские территории — по одному. Соотношение сил в кортесах, следовательно, должно было выглядеть так: 36 депутатов от Испании и только 9 от ее обширных заокеанских владений¹⁰. Такое неравное представительство свидетельствовало о продолжении дискриминационной политики Испании в отношении населения колоний. Было очевидно, что Центральная хунта на самом деле вовсе не жаждала равноправия для всех и постаралась обеспечить за представителями Испании значительное большинство в будущем

⁷ *J. M. Restrepo. Op. cit., t. I, p. 64—65.*

⁸ *M. J. Forero. Op. cit., p. 62.*

⁹ *J. M. Restrepo. Op. cit., t. I, p. 67; M. J. Forero. Op. cit., p. 61—62.*

¹⁰ «Memorial de agravios» de Camilo Torres.— *Cómo nació la República de Colombia. Bogotá, 1960, p. 12—14.*

парламенте. Поэтому декрет хунты вместо чувства благодарности, на что она рассчитывала, вызвал почти всеобщее разочарование и обиду за океаном.

Однако, несмотря на это, подготовка к выборам в кортесы в Новой Гранаде проходила очень активно. В обсуждение политических дел на полуострове и в собственной стране была вовлечена значительная часть населения. Богатые и знатные креолы устраивали собрания, где обсуждались кандидатуры на место единственного депутата. Беднота довольствовалась слухами о том, что происходило на этих собраниях. В конце концов депутатом был избран маршал А. де Нарваэс из Картахены. Кабиљдо выдвинул Камило Торреса¹¹, но второго депутатского мандата не было, и это избрание оказалось чисто символическим.

ПЕРЕВОРОТ В КИТО И УГЛУБЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В КОЛОНИИ

Оккупация Испании французами, дискриминационный декрет Центральной хунты относительно выборов в кортесы, сам процесс выборов усилили атмосферу нестабильности в Новой Гранаде. Вице-королю Амару доносили о всеобщем недовольстве среди населения. Некоторые даже считали, что это могло предвещать революцию¹². В обстановке всеобщего беспокойства и неуверенности в завтрашнем дне, при ослаблении центральной власти господствующие классы опасались обострения классовых противоречий в стране. Чтобы не допустить этого, креольская аристократия стремилась сменить ослабевшую испанскую администрацию у кормила власти.

Первыми выступили богатые креолы Кито. 10 августа 1809 г. во главе с маркизами Сельвой Алегре, Саландой, Вильей Орельяна и Мирафлоресом они произвели бескровный переворот, свергнув президента Руиса де Кастилью. Была создана Верховная хунта во главе с Сельвой Алегре. Хунта заявила о своей верности королю Фердинанду VII и о непризнании Бонапарта. 16 августа было созвано открытое заседание кабиљдо, которое одобрило решение хунты. Хунта арестовала нескольких испанских

¹¹ J. M. Restrepo. Op. cit., t. I, p. 68.

¹² Memorias del presbitero Jose Antonio de Torres y Peña, p. 84.

чиновников, отменила табачную монополию и снизила цены на гербовую бумагу¹³. В целом новые власти проводили очень осторожную политику, больше опасаясь возникновения классовых конфликтов, чем свергнутой испанской администрации. Тем не менее в Кито создались более благоприятные условия для деятельности сторонников провозглашения независимости: офицеров Моралеса, Кироги и Салинаса и друга и соратника А. Нариньо Б. Мињьяно.

Широкие народные массы приход к власти маркизов восприняли довольно холодно. Новых правителей хорошо знали, как владельцев шахт и крупной земельной собственности, эксплуатировавших труд тысяч негров-рабов и крепостных индейцев. Поэтому, когда испанцы перешли в наступление против Верховной хунты Кито, основная масса населения не оказала ей поддержки¹⁴. Маркиз де Сельва Алегре ушел в отставку, предвидя поражение. Войско Кито было разбито испанским отрядом, присланным из Перу, и 25 октября 1809 г. Руис де Кастилья был восстановлен на своем посту. Всем маркизам удалось бежать. Салинас, Моралес, Кирога, а с ними еще 60 человек были арестованы и помещены в тюрьму строжайшего режима¹⁵.

Однако двухмесячное правление Хунты креольской аристократии в Кито имело большое значение для последующих событий на континенте. Это была первая попытка установления фактической независимости страны, воспользовавшись неразберихой в Испании. И хотя формально Хунта Кито признавала королем Фердинанда VII, реальная власть находилась в руках креольской верхушки. Это был весьма знаменательный факт, первая ласточка грядущей независимости Новой Гранады. Неудивительно поэтому, что вице-король Амар, узнав о перевороте в Кито, высказал опасение, что подобное может произойти и в Сантафе¹⁶.

Учитывая напряженное положение во всем вице-королевстве и отдавая себе отчет в том, что на помощь из Испании рассчитывать не приходится, Амар не рискнул

¹³ *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. I, p. 71, 75; *R. M. Tisnés*. Movimientos pre-independientes grancolombianos. Bogotá, 1962, p. 327.

¹⁴ *R. M. Tisnés*. Op. cit., p. 327.

¹⁵ *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. I, p. 78—79.

¹⁶ *Memorias del presbítero Jose Antonio de Torres y Peña*, p. 90.

принимать единоличные решения в столь ответственный момент. Как и год назад, он созвал ассамблею из представителей испанского колониального аппарата и знати столицы для обсуждения создавшегося положения. Первое заседание состоялось 5 сентября 1809 г. Ввиду сразу же выявившегося различного подхода к оценке событий в Кито, участники ассамблеи попросили у вице-короля отсрочки на несколько дней. Заседание возобновилось 11 сентября и проходило весьма бурно.

Члены аудиенсии и другие высокопоставленные испанские чиновники требовали жестоко наказать повстанцев Кито, несмотря на то, что никто из них не заикался ни о независимости, ни о республике. Но реакционная часть ассамблеи, прежде всего высшие чиновники испанской администрации и лица, тесно с ней связанные, понимали всю опасность происшедшего, расценив это как первый шаг на пути освобождения от колониальной зависимости. Вот почему они требовали немедленных действий. Стронники этой точки зрения, а их оказалось большинство, получили название «испанской партии».

Их противники считали, что Хунту Кито следует поддерживать и даже расширить ее состав за счет представителей всех провинций Новой Гранады¹⁷. Они получили название «американской партии». «Американская партия» была довольно неоднородной по составу. В нее входили представители умеренного крыла патриотов адвокат Камилло Торрес и генеральный прокурор Хосе Асеведо Гомес, в тот период не говорившие открыто о разрыве колониальных пут Испании, а также друзья и единомышленники А. Нариньо алькальд Сантафе Луис Кайседо и священник из Сокорро Андрес Росильо, представлявшие те круги Новой Гранады, которые уже тогда заявляли о необходимости борьбы за национальную независимость.

Оказавшись в меньшинстве, «американцы» не смогли помешать ассамблее принять решение о репрессиях против Хунты Кито. Правда, вице-король Амар боялся открыто поддержать «испанскую партию» и, наряду с отрядом в 300 человек, который должен был выступить против мятежной Хунты, в Кито для «уговоров» был послан маркиз Сан-Хорхе.

¹⁷ Ibidem; *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. I, p. 74.

Патриоты из «американской партии» попытались оказать помощь Кито. Группа молодежи во главе с Хоакином Рикаурте, родственником известного адвоката, в свое время защищавшего Нариньо, пытались помешать посылке войск и выкрасть ружья. Но успеха они не добились¹⁸. Другая группа во главе со сподвижником Росильо Хоакином Индалесио де Кастро и двумя племянниками Росильо, младшими офицерами Хосе Марией Росильо и Виценте Каденой, организовали экспедицию в Меса-де-Эгуас с целью добыть оружие для отправки его в Кито сторонникам Хунты¹⁹. Правда, и здесь патриоты успеха не имели. Прежние хозяева воцарились раньше, чем патриоты смогли достать оружие.

События в Кито углубили кризис правящей верхушки Новой Гранады. Обеспокоенная нерешительностью вице-короля Амара во время последней ассамблеи, аудиенсия решила отстранить его от должности. Алькальд Сантафе Луис Кайседо и другие члены кабильдо, узнав об этом, предложили вице-королю свою вооруженную поддержку²⁰. Подобный шаг объяснялся тем, что смена вице-короля в данный момент не входила в планы кабильдо, членов которого слабохарактерный Амар в создавшейся ситуации вполне устраивал. Вице-король окружил свой дворец войсками, а аудиенсия, узнав о предложении Кайседо, решила пойти на мировую с вице-королем²¹.

Таким образом, благодаря вмешательству кабильдо планы реакции совершить переворот были сорваны. «Испанская партия» потерпела первое поражение. Что касается ее политических противников, то их лагерь в этот момент был далек от единства. Чрезвычайно разнородную по социальному составу и политическим убеждениям «американскую партию» объединяло лишь чувство недовольства существующим положением. Относительно того, каким путем добиться его изменения и каково оно должно быть, в конечном итоге единого мнения не было.

Наиболее радикально настроенную часть креольской интеллигенции возглавлял А. Нариньо, окончательно ос-

¹⁸ *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. I, p. 74; *M. Aguilera*. La legislación y el derecho en Colombia. Bogotá, 1965, p. 183.

¹⁹ *O. Díaz Díaz*. Los Almeydas. Bogotá, 1962, p. 61.

²⁰ *J. Lievano Aguirre*. Los grandes conflictos sociales y económicos de nuestra historia, v. III. Bogotá, [1962], p. 121.

²¹ *Ibidem*.

вобожденный королем всего два года назад. Нариньо и его единомышленники хотели не автономии и не Фердинанда VII, а независимой Новой Гранады. Их оплотом был Сокорро — город славных революционных традиций. Штаб-квартирой патриотов стал дом священника А. Росильо, которого, ввиду его духовного звания, можно было посещать многим людям, не вызывая подозрений. В числе патриотов были также Хосе Мария Росильо, Висенте Кадена и Карлос Сальгар. Предполагалось на деньги Нариньо (по одним сведениям, 1 тыс. унций золота, по другим — 11 тыс.) подкупить войска столичного гарнизона, атаковать дворец вице-короля и арестовать его. Руководить нападением должен был капитан Антонио Барайа²².

Планировалось также создание повстанческой армии в составе 6 тыс. человек из Сокорро во главе с коррехидором и 1500 человек из Сипакиры. Предполагалось также поднять восстание негров в провинции Меса и, доставив им свободу, организовать боевые отряды для похода на столицу. Нариньо также рассчитывал на поддержку горожан Сантафе. После свержения Амара повстанцы должны были казнить наиболее ненавистных испанских чиновников, а вся власть должна была перейти в руки хунты во главе с президентом Миньяно или Кайседо²³. Но этим планам не суждено было сбыться.

Дядя Карлоса Сальгара, случайно узнавший от племянника о подготовке восстания, донес властям, и 23 сентября 1809 г. Нариньо был арестован. Аудиенсия начала расследование и уже 16 октября представила свое заключение вице-королю, требуя возбудить судебное дело против Нариньо и его сторонников. В столице и других городах вице-королевства царило возбуждение, 20 октября аудиенсия собралась на чрезвычайную сессию, чтобы обсудить положение. В этих условиях кабиљдо Сантафе установил контакт со штабом движения в Сокорро. Связным между ними стал молодой Амбросио Алмейда, сын одного из крупнейших землевладельцев Новой Гранады²⁴.

Кабиљдо, где заседали представители креольской аристократии, панически боялся привлечения к делу осво-

²² T. Blossom. *Narino. Hero of Colombian Independence*. Tucson, 1967, p. 68; O. Díaz Díaz. *Op. cit.*, p. 19.

²³ T. Blossom. *Op. cit.*, p. 68; O. Díaz Díaz. *Op. cit.*, p. 20; I. Lievano Aguirre. *Op. cit.*, v. III, p. 125.

²⁴ T. Blossom. *Op. cit.*, p. 65; O. Díaz Díaz. *Op. cit.*, p. 22.

бождения Новой Гранады широких пародных масс, а особенно рабов. Поэтому было сделано все возможное, чтобы уговорить руководителей заговора повременить с осуществлением их планов, а сначала попробовать привлечь на свою сторону вице-короля. Но попытка кабильдо добиться соглашения с представителями колониальной администрации не увенчалась успехом. Власти арестовали А. Росильо, Б. Миньяно и Х. де Кастро. Штаб по подготовке восстания в Сокорро был разгромлен. Многим активным его участникам пришлось бежать.

После того как планы Нариньо, а затем кабильдо Сантафе добиться политических перемен в Новой Гранаде потерпели провал, представители креольской верхушки — адвокат Камило Торрес, алькальд Сантафе Хосе Мигель Пэй, генеральный прокурор Асеведо Гомес, сын маркиза Сан-Хорхе Хорхе Тадео Лосано, коррехидор провинции Памплона Хоакин Камачо, знатный и влиятельный креол Антонио Моралес и другие — не переставали искать компромисса с властями. Напуганные планами Нариньо поднять на борьбу широкие массы, они стремились обеспечить себе решающую роль в событиях, чтобы не допустить социальных потрясений. В создавшейся ситуации всякое революционное изменение политических порядков в стране было бы для них губительным. Поэтому они пытались во что бы то ни стало договориться с колониальной администрацией, с испанским королем.

С этой точки зрения чрезвычайно любопытны два документа, как нельзя лучше выразившие политические идеалы этой части новогранадского общества. Первый из них — ставшее впоследствии знаменитым «Представление славного кабильдо Сантафе Центральной хунте Испании от 20 ноября 1809 г.», которое также называют «Мемориалом обид и оскорблений» Камило Торреса, редактировавшего его текст. Из этого документа со всей очевидностью следовало, что кабильдо Сантафе в тот период и не помышлял о независимости. Буквально первые же строчки «Представления» говорили о готовности американцев²⁵ «пожертвовать своими жизнями для восстановления монархии и законов, которые скрепили бы братские узы дружбы и любви между испанским и амери-

²⁵ Так в Испанской Америке времен войны за независимость называли себя местные жители.

канскими народами», о том, что «американцы не иностранцы по отношению к испанской нации. Они ее кровные сыновья». Поэтому неравное представительство в кортесе кабильдо Сантафе воспринимает как «самую большую несправедливость» и считает это «следствием недоразумения», которое необходимо устранить, ибо «оно может вызвать только смятение в такое беспокойное время». «Если бы Англия своевременно позаботилась о благополучии своих колоний, то они не отделились бы сегодня»²⁶.

Это единственный намек на угрозу, который можно отыскать в документе. Основную его часть составлял перечень богатств колоний и их обид, связанных с неравноправным положением. «Мемориал» напоминал испанским властям о той роли, которую играли колонии в жизни Испании. «Колонии придали Испании вес в Европе. Их богатства принесли Испании благо», — говорилось в документе. Новая Гранада по численности населения превышает самые густонаселенные провинции Испании и в 3—4 раза превосходит ее по площади. «От нас текут

²⁶ «Memorial de agravios» de Camilo Torres, p. 11—14, 16.

в Испанию реки золота и серебра, оставляя их владельцам только грустные воспоминания... Англия, Голландия, Франция, вся Европа пользуются нашими богатствами», — констатировалось в «Представлении». «Тогда почему же эта ненавистная разница между Америкой и Испанией?» — с горечью вопрошали его авторы. «Нам запрещают изучать современную философию, естественные права человека. Это варварская жестокость деспотизма. В нас хотят видеть покорных слуг. А ведь сама Испания восстала против зол!» Америкой управляли правительства из Испании, и им были чужды ее интересы. «Они оставили нас без образования... индейцы страдают, осужденные на подлинное рабство... Земледельцу запрещают выращивать то, что требует природа, и он не может продать плоды своего труда из-за ограничений торговли»²⁷.

И какой же вывод следовал из перечисления всех этих бедствий? Новая Гранада заявляет, что она назначает двух депутатов в кортесы, как и остальные провинции Испании. Таким образом, кабыльдо открыто заявил о равноправии Новой Гранады, а чтобы это не носило характера вызова, тут же следовали увещевания, что Испании нечего опасаться американских депутатов. Если американцам будут предоставлены равные права с испанцами, они будут поддерживать правительство Испании. «Не бойтесь, что Америка отделится, — говорилось в «Представлении». — Она любит Испанию и желает с ней союза...», но равноправие — это единственное средство сохранить Америку. Испанцы не должны занимать исключительное положение в управлении, потому что американцы лучше знают свои дела. Американцам должны быть открыты двери ко всем должностям на равных основаниях с испанцами²⁸.

Итак, равное представительство в кортесах и участие в управлении делами на одинаковых правах с испанцами — вот все, на что претендовала креольская аристократия в тот период.

Однако, составив документ, она не решилась отправить его в Испанию, и он так и остался лежать в здании кабыльдо. Тем не менее он сыграл свою роль. Некоторые положения «Мемориала» нашли отражение в дру-

²⁷ «Memorial de agravios» de Camilo Torres, p. 16, 19—20, 22—24.

²⁸ Ibid., p. 24, 26, 28.

гом документе, датированном 24 мая 1810 г. Речь идет об обширной докладной записке А. Вильявисенсио — богатого креола из Кито, представителя Регентского совета²⁹ вице-королю Амару. Она касалась экономического и политического положения Новой Гранады и содержала рекомендации относительно мер, которые необходимо принять, чтобы разрешить назревшие проблемы.

Среди мероприятий экономического порядка на первом плане значилось преодоление отставания в области использования естественных ресурсов страны, в том числе и обработки земли, ликвидация острого недостатка путей сообщения и отмена многочисленных налогов, препятствующих развитию сельского хозяйства и торговли. Особое внимание обращалось на необходимость отмены монополий на табак и водку, лишивших многих земледельцев источника существования в связи с ограничениями разведения табачного листа и выращивания сахарного тростника. Предлагалось также отменить «индейский налог». Доклад рекомендовал улучшить постановку дела образования в целях подготовки кадров, способных осуществить намеченную программу³⁰.

Что касается предложений политического порядка, то они связаны со стремлением покончить с неравноправным положением креолов. В частности, доклад содержал критику в адрес тех, кто нес ответственность за назначение на высшие должности испанцев с полуострова, не имевших никаких связей с Новой Гранадой, не заинтересованных в ее делах и желавших только одного: как можно быстрее обогатиться и вернуться в Испанию. Среди других рекомендаций содержалось предложение изгнать плохих чиновников, вызывавших недовольство жителей, и указывалось на необходимость создания хунт и ассамблей из граждан Новой Гранады для подготовки необходимых реформ³¹.

Доклад Вильявисенсио, так же как и «Мемориал» К. Торреса, был довольно широко известен в креольских

²⁹ Регентский совет создан в январе 1810 г. для управления делами в Испании и заморских территориях на время отсутствия короля Фердинанда VII.

³⁰ А. Cruz Santos. *Economía y hacienda pública*. Bogotá, 1965, p. 250—251.

³¹ *Ibid.*, p. 251.

кругах, под влиянием которых он составлялся и настроения которых отразил. Однако и в этом документе ничего не говорилось о независимости.

ВОССТАНИЕ 20 ИЮЛЯ 1810 Г. И ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ВЕРХОВНОЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ХУНТЫ

19 апреля 1810 г. столица Венесуэлы Каракас, как бы приняв эстафету от Кито, положившего начало борьбе за независимость Америки, сместила генерал-капитана и на открытом заседании кабиљдо создала Правительственную хунту. У власти оказались влиятельные круги креолов. Венесуэльские события, а также слухи о появлении в Новой Гранаде французских войск, которые казались настолько достоверными, что вице-король Амар направил войско во главе с Х. Самано к Тунхе для отражения неприятеля, усилили состояние возбуждения, царившее в вице-королевстве. Многие понимали, что перемены неизбежны, но каждая социально-политическая группировка представляла их по-разному.

Сторонники Нариньо, молодые офицеры В. Кадена, Х. Росильо и К. Сальгар, пытались поднять восстание в г. Поре (провинция Касанаре). 13 мая 1810 г. во главе группы повстанцев они явились к губернатору провинции, чтобы арестовать его. Однако их попытка успеха не имела. Они сами были арестованы. Недостаточно подготовленное, восстание было подавлено, Кадена и Росильо казнены, а К. Сальгар заключен в тюрьму. Головы казненных юношей отправили в Сантафе и выставили на площади ³².

Тем временем недовольство испанской администрацией продолжало нарастать. Чувствуя слабость центральной власти в Испании, влиятельные креольские круги пытались использовать благоприятную ситуацию, чтобы добиться доступа к управлению Новой Гранадой, минуя политические потрясения. Инициатором выступил кабиљдо Картахены. 16 мая 1810 г. на его заседании было принято решение учредить Высшую правительственную хунту Картахены. В нее вошли испанский губернатор Монте-

³² *Memorias del presbitero Jose Antonio de Torres y Peña*, p. 105; *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. I, p. 95; *M. J. Forero*. Op. cit., p. 95—96.

а также ряд лиц, назначенных кабильдо. Вся власть в Картахене перешла к Хунте. Вместе с тем в манифесте, изданном 23 мая по поводу создания Хунты, заявлялось, что подобный шаг предпринят для того, чтобы «избежать опасностей, возникших в связи с критическим положением на полуострове»³³.

Это как будто бы означало, что влиятельные креольские круги не намеревались предпринимать каких-либо враждебных акций против испанских колониальных властей, а заботились лишь о том, чтобы «мятежные элементы» не воспользовались событиями в Испании для создания беспорядков в Новой Гранаде. И действительно, в состав Высшей правительственной хунты Картахены вошли люди, в тот момент лояльно настроенные по отношению к метрополии. Среди лиц, подписавших учредительный манифест Хунты, значились, помимо губернатора, А. Нарваэс — представитель от Новой Гранады в Центральную хунту Испании, А. Вильявисенсио — представитель Регентского совета в Новой Гранаде, богатый торговец и судовладелец Х. А. де Амадор и только однофамилец бывшего генерального ревизора Х. Гутьеррес де Пиньерес был представителем революционно настроенной креольской интеллигенции³⁴.

Тем не менее антииспанские настроения в Картахене продолжали нарастать. 14 июня на заседании Хунты был лишен своей должности губернатор Монтес, обвиненный в саботаже ее решений и стремлении к единоличному правлению. В протоколе заседания говорилось, что «Монтес виновен в ряде тяжелых преступлений против мира, безопасности и общественного спокойствия народа... Он не выполняет волю короля... Его пребывание у власти грозит губительными последствиями... Он не способен управлять. Он опасен не только для провинции, но и для всего королевства». Вместо него губернатором был назначен испанский лейтенант Блас де Сориа³⁵, который в силу своей малозначительности не мог оказывать большого влияния на дела.

³³ E. Lemaitre. Antecedentes y consecuencias del once de noviembre de 1811. Cartagena, 1961, p. 6—7.

³⁴ Ibid., p. 8.

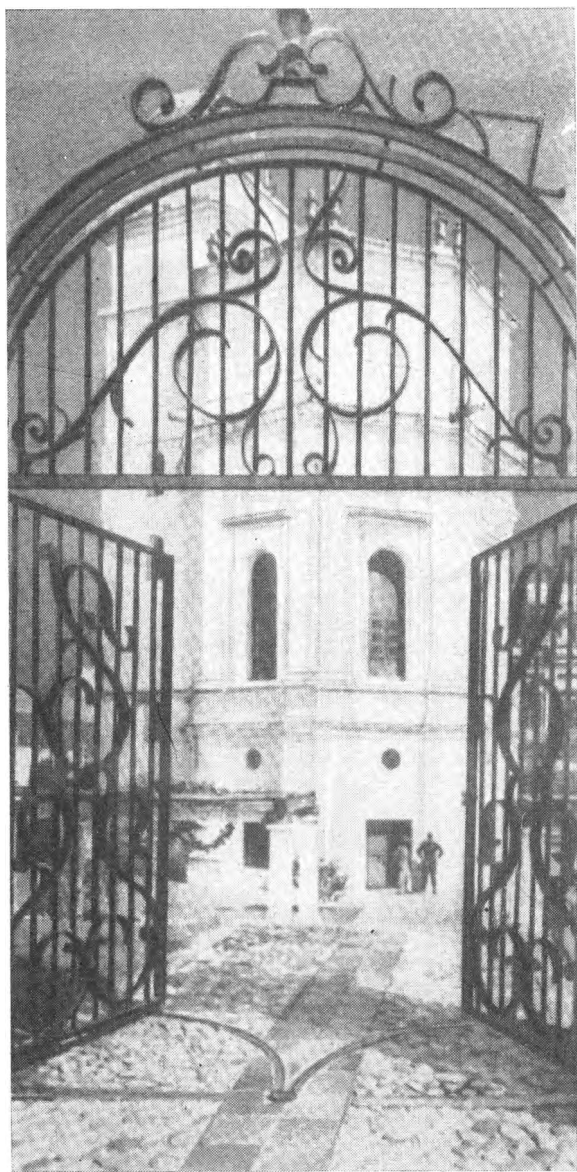
³⁵ Ibid., p. 9—11, 15.

Таким образом, впервые на территории Новой Гранады без ведома Испании был смещен крупный испанский чиновник. И хотя формально его обвинили в нарушении воли короля, фактически это был пробный камень в проверке реакции центральной власти Испании на стремление креолов самим вершить собственные дела. Когда Регентский совет узнал о самоуправстве картахенцев, он не утвердил решения Хунты и назначил своего губернатора.

Тем временем положение испанских властей в Новой Гранаде становилось все более шатким. В стране начались восстания. 4 июля 1810 г. восстал Памплона. Повстанцы арестовали коррехидора-испанца. Власть перешла к кабыльдо³⁶.

9 июля ночью восстал Сокорро. Поводом к восстанию послужило убийство солдатами гарнизона трех крестьян, приехавших на базар. Весть об убийстве быстро распространилась по городу, вызвав негодование жителей. Этим решили воспользоваться влиятельные креолы — алькальды Х. Л. Плата и Х. Ф. Ардила, узнавшие, что их имена значатся в составленном коррехидором Х. Вальдесом списке неблагонадежных лиц, подлежащих аресту. Алькальды призвали население выразить свой протест против произвола испанских солдат. Горожане высыпали на улицы. Послышались негодующие выкрики в адрес испанцев. Коррехидор приказал применить оружие для наведения порядка. Семь человек были убиты. В городе началось восстание под лозунгом «Долой тиранию!» Среди его руководителей оказались сборщик налога на водку М. Т. Гомес и священник П. И. Фернандес. Гарнизон вместе с коррехидором вынужден был укрыться в монастыре капуцинов. Его осаждало почти все население Сокорро. Не ожидавшие такого развития событий, алькальды принялись уговаривать народ успокоиться, а к осажденным были посланы парламентарии с предложением сдаться, которое было принято на следующий день — 10 июля. 11 июля в Сокорро была создана Верховная правительственная хунта, в которую вошли также представители Сан-Хилия и Велеса. Хунта приняла «Акт о независимости провинции Сокорро», объявивший о непризнании Регентского совета и любых других властей полу-

³⁶ *Memorias del presbitero Jose Antonio de Torres y Peña*, p. 112; *R. M. Tisnés*. *Op. cit.*, p. 37.

Богота. Астрономическая обсерватория

острова. За королем Фердинандом VII, все еще пахотившимся во французском плену, сохранялись права верховного суверена, а впредь до его освобождения всеми делами Сокорро должна была ведать сама Хунта (в составе семи человек). Провинция Сокорро объявлялась независимой от власти вице-короля из Сантафе³⁷. Фактическая власть в Сокорро перешла в руки креольской Хунты.

16 июля на заседании кабильдо был принят еще один любопытный документ — «Мемориал» кабильдо Сокорро вице-королю Новой Гранады. В нем подробно рассказывалось о восстании 9—10 июля и обосновывалось право граждан на создание Хунты. Авторы «Мемориала» требовали согласия вице-короля на переговоры с их представителями «по вопросам, касающимся Родины», а в противном случае угрожали маршем 2 тыс. человек на Сантафе³⁸.

События в Картахене, а особенно восстания в Памплоне и Сокорро заставили креольскую верхушку потропиться с захватом власти. 19 июля в Астрономической обсерватории у Кальдаса собрались самые влиятельные люди Новой Гранады. Обсуждались последние детали плана, который должен был быть осуществлен на следующий день — 20 июля³⁹. На всякий случай было подготовлено два варианта. Первый исходил из того, что вице-король Амар согласится на предложение кабильдо Сантафе возглавить Правительственную хунту в составе лиц, предложенных кабильдо. Хунта признает власть Фердинанда VII и Регентского совета и займется внутренними делами Новой Гранады, в решении которых главную роль будут играть богатые креолы. Другой вариант исходил из того, что вице-король не захочет принять предложения кабильдо. В данной ситуации предполагалось припугнуть его небольшим городским бунтом, чтобы заста-

³⁷ *S. Elías Ortíz. Génesis de la Revolución del 20 de julio de 1810. Bogotá, 1960, p. 136—137; H. Rodríguez Plata. La antigua provincia del Socorro y la independencia. Bogotá, 1963, p. 22, 47; M. J. Forero. Op. cit., p. 104.*

³⁸ *Memorial del Cabildo del Socorro al Virrey (del 16 julio de 1810).— H. Rodríguez Plata. La antigua provincia del Socorro y la independencia. Bogotá, 1963, p. 22—24; S. Elías Ortíz. Op. cit., p. 138—139.*

³⁹ *S. Elías Ortíz. Op. cit., p. 139.*

вить быть посговорчивее. И в этом случае участники заговора рассчитывали на Амара, как на будущего президента Правительственной хунты.

Как видим, влиятельная креольская верхушка Новой Гранады накануне событий 20 июля 1810 г. стремилась сохранить испанского вице-короля и предотвратить его отставку, как это к тому времени уже случилось с генерал-капитаном Венесуэлы и вице-королем Ла-Платы.

На следующее утро началось заседание кабильдо, как планировалось накануне. Вице-королю предложили возглавить Правительственную хунту, но Амар отказался. Поэтому вступил в силу второй вариант. Учитывая, что день был базарный и на рыночной площади было много народу, было решено вызвать на скандал испанского торговца Льоренте, известного своим чванством и грубым отношением к местным жителям. Расчет строился на том, что скандал неминуемо привлечет к себе внимание всех находящихся на рыночной площади и послужит поводом для проявления возмущения засильем испанцев.

Около 12 часов дня в лавке Льоренте появились два богатых креола — братья Моралес. Они заявили о своем желании купить букет цветов для предстоящего банкета по случаю прибытия в Саптафе эмиссара Регентского совета А. Вильявисенсио. Льоренте, как они и ожидали, грубо отказал им. Оскорбленные братья выбежали на улицу, призывая окружающих выразить негодование по поводу недостойного поведения Льоренте. Льоренте выволокли на площадь, и А. Моралес начал бить его палкой. Раздались крики: «Оскорбляют американцев». Площадь пришла в возбуждение. Заранее подготовленные люди начали выкрикивать: «Хотим хунты! Да здравствует кабильдо! Долой плохое правительство! Смерть бонопартистам!»⁴⁰

Если до этого момента все разыгрывалось согласно плану, то дальнейший ход событий никто не мог предвидеть. Разгневанная толпа белых и индейцев, негров и мулатов, ремесленников и бедных поденщиков кинулась к домам наиболее ненавистных испанских чиновников:

⁴⁰ S. *Eliás Ortíz*. Op. cit., p. 149—151; «La Constitución Feliz. Periódico político y económico de la Capital del Nuevo Reino de Granada», N 1; Agosto 17 de 1810.— L. *Martínez Delgado*, S. *Eliás Ortíz*. El periodismo en la Nueva Granada. 1810—1811. Bogotá, 1960, p. 3; J. M. *Restrepo*. Op. cit., t. I, p. 98; I. *Lievano Aguirre*. Op. cit., v. III, p. 141.

оидора Альбы, прокурора Фриаса и рехидора Инфиеста. Двери были взломаны, но тех, кого искали, не нашли. Командир батальона «Ауксилиар» Хуан Самано предложил вице-королю свою помощь, но Амар не решился применить оружие против восставших. К 4 часам весь город оказался в их власти ⁴¹.

Креольская верхушка решила, что пора положить конец дальнейшему развитию событий. В 6 часов вечера на заседании кабильдо Асеведо Гомес провозгласил состав Верховной правительственной хунты: Х. М. Пэй — тогдашний алькальд, Х. С. де Сантамариа — казначей королевского монетного двора, М. де Помбо — его кассир, Х. Б. Пэй — архидьякон кафедрального собора, уже известные читателю К. Торрес, Л. Кайседо, Х. Камачо, Синфоросо Мутис, братья Моралес, капитан А. Барайа и другие влиятельные креолы ⁴². Такой состав хунты говорил сам за себя.

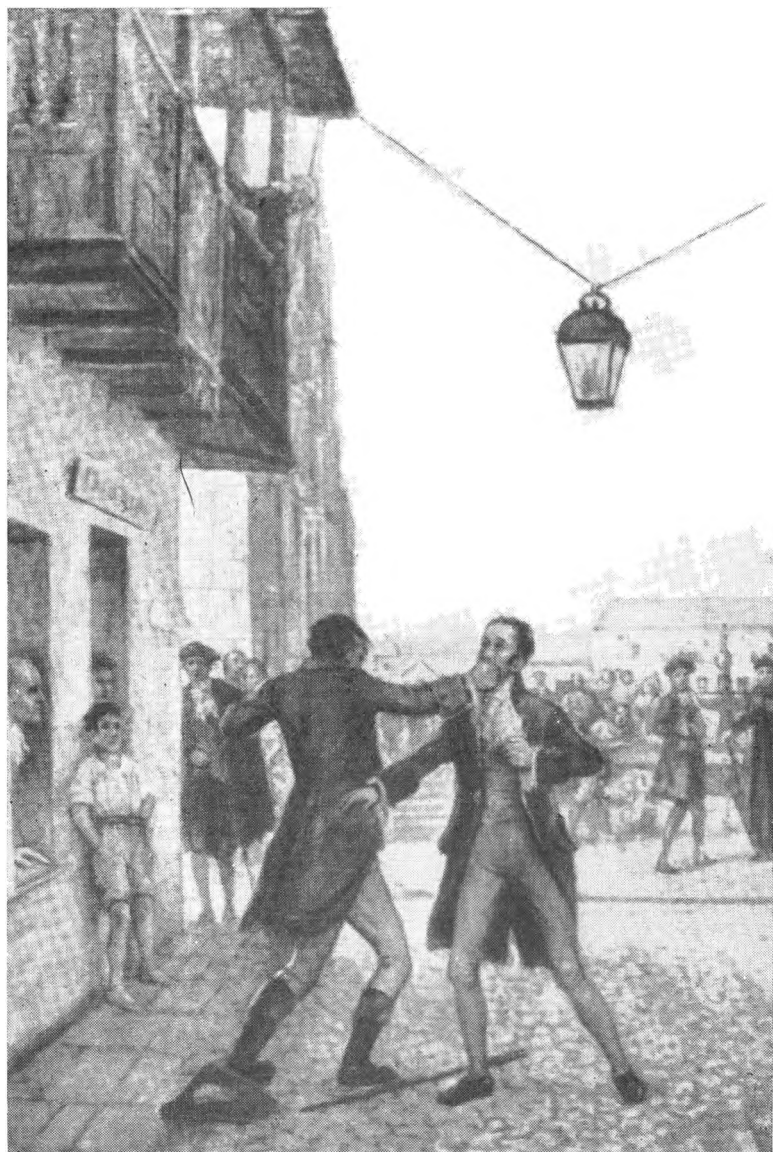
Большинство составляли те, кто искал компромисса с колониальными властями, кому не нужны были радикальные перемены. Несмотря на это, вице-король не торопился с ее признанием, надеясь, что все останется по-старому.

Сколь беспочвенны были его надежды, стало ясно буквально через несколько часов, когда в движение включились ремесленники, мелкие торговцы, поденщики, сыгравшие решающую роль в развитии дальнейших событий в столице. Пока вице-король медлил с признанием хунты, Хосе Мария Карбонель ⁴³ с группой студентов

⁴¹ Los sucesos de 20 de julio por don Jose Acevedo y Gómez. Carta a su primo hermano don Miguel Tadeo Gómez, 21 de julio de 1810.— *Cómo nació la República de Colombia*, p. 49—52; *Memorias del presbítero Jose Antonio de Torres y Peña*, p. 118; *I. Lievano Aguirre*. Op. cit., v. III, p. 143.

⁴² Acta de la Independencia. Cabildo Extraordinario del 20 de julio de 1810.— *Cómo nació la República de Colombia*, p. 39.

⁴³ Сын разорившегося испанского торговца, Хосе Мария Карбонель родился в 1775 г. Учился в коллегии «Сан-Бартоломе». Скромная должность в «Ботанической экспедиции», которую он занимал в канун событий 1810 г., заставляет предполагать, что, по-видимому, из-за отсутствия средств ему пришлось оставить учебу. По своим политическим убеждениям Карбонель был сторонником Нариньо. Он считал, что Новой Гранаде нужна независимость. Человек небогатый, Карбонель хорошо знал жизнь городской бедноты. Вместе с тем он поддерживал тесные связи со студентами обеих коллегий и университета, которые в своем боль-

Избиение Льоренте, послужившее сигналом к началу восстания в Сантафе

направился в квартал Сан-Викторино, где обитала городская беднота, чтобы вывести ее на центральные улицы. Их агитация имела успех, и уже к 8 часам вечера на центральной площади Сантафе собралось не менее 9 тыс. жителей, вооруженных чем попало (почти половина населения города).

Народ занял здание кабильдо, требуя созыва его открытого заседания для обсуждения сложившегося положения. Женщины из кварталов бедноты захватили пушки⁴⁴.

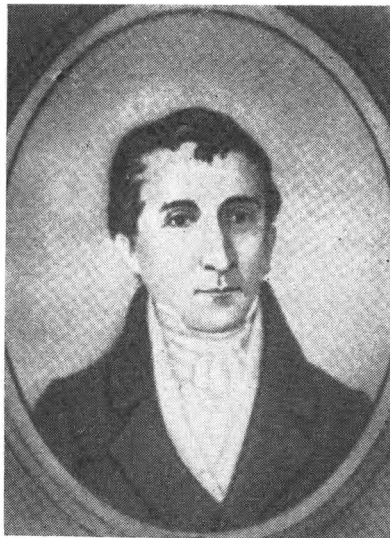
К вице-королю была направлена депутация, в состав которой вошел и Карбонель. Она предъявила Амару требования горожан. Он отказал им в созыве открытого заседания кабильдо, но согласился на созыв его чрезвычайной сессии, начавшей свою работу глубокой ночью. Присутствие 9-тысячной толпы за стенами кабильдо заставило участников сессии торопиться. На рассвете 21 июля был принят торжественный «Акт о независимости», объявлявший Новую Гранаду королевством во главе с Фердинандом VII, которого впредь до его освобождения будет заменять Регентский совет. Акт провозглашал создание Верховной правительственной палаты Новой Гранады, в состав которой вошли самые влиятельные представители креольской аристократии. Президентом Хунты был назначен бывший вице-король Амар, вице-президентом — Х. М. Пэй, сын оидора, приговорившего к смерти Х. А. Галана.

Креольская верхушка добилась того, к чему так давно стремилась, — участия в управлении делами Новой Гранады при сохранении прежнего испанского аппарата управления. Единственно, чего удалось в тот момент добиться сторонникам независимости, — это включения А. Росильо в состав Хунты, хотя он находился еще в тюрьме.

Когда в здании кабильдо читали «Акт о независимости», народ, проникший в зал заседаний, узнав, что пре-

шинстве были возмущены испанским засильем и были готовы принять участие в любом деле, направленном против колониальных властей (*G. Otero Muñoz. Hombres y ciudades. Bogotá, 1948, p. 55—56; I. Lievano Aguirre. Op. cit., v. III, p. 148*).

⁴⁴ *Historia de nuestra revolución por Francisco José de Caldas. — Cómo nació la República de Colombia, p. 55, 57, 59; S. Elías Ortíz. Op. cit., p. 176.*

зидентом Хунты назначен вице-король, стал скандировать, что он тиран и изменник. Членам Хунты пришлось убеждать возмущенных горожан, что Амар теперь их представитель, а не тиран⁴⁵. Так, практически с первого дня существования Хунты обозначился конфликт между влиятельной креольской верхушкой, искавшей компромисса с прежними властями, и народом, стремившимся к радикальным политическим переменам.

Необходимо отметить, что представители креольской верхушки с самого начала проявляли беспокойство в связи с активным участием бедноты в событиях 20 июля. Недаром в «Акте о независимости» заявлялось, что «следует положить конец грозящей огромной катастрофой революции, выразившейся в манифестациях, состоявшихся днем и ночью»⁴⁶. Чтобы не допустить революции, и была соблюдена видимость законности и преемственности власти — бывший вице-король стал президентом Хунты.

⁴⁵ Los sucesos de 20 julio por don José de Acevedo y Gómez, p. 51; I. Llevano Aguirre. Op. cit., v. III, p. 152—157; M. J. Forero. Op. cit., p. 107—111; J. M. Restrepo. Op. cit., t. I, p. 98—102.

⁴⁶ S. Elías Ortíz. Op. cit., p. 43.

21 июля Амар устроил в своей резиденции торжественный прием по случаю создания Верховной правительственной хунты и признания Фердинанда VII. На это торжество была приглашена вся креольская знать. А тем временем вокруг дворца собрался простой народ. Карбонель и его сторонники организовали народную манифестацию, требуя смещения и ареста Амара, оидора Альбы, прокурора Фриаса и рехидора Мансильи, т. е. всех высших чиновников испанской колониальной администрации, и освобождения арестованных и прежде всего священника Росильо. Вице-король и его гости оказались на положении осажденных. Амар приказал закрыть на все засовы двери дворца. Перепуганные креолы предпочли перебраться в здание кабильдо, полагая, что там они будут находиться в большей безопасности.

А манифестанты перешли от слов к делу. Они окружили дома ненавистных испанских чиновников. Фриас и Альба были арестованы. Народ требовал их немедленной казни. Другая часть манифестантов, осадив монастырь капуцинов, освободила А. Росильо и на руках доставила его к зданию кабильдо, чтобы он мог занять свое законное место в Хунте. К вечеру волнения в столице усилились. Состоялась еще одна народная демонстрация с требованием казни Альбы и Фриаса. Хунта направила к демонстрантам священника М. Хиля и капитана А. Барайа, чтобы уговорить народ разойтись. Бурные события дня завершились тревожной ночью. В городе распространился слух, что на столицу идет отряд из 300 вооруженных негров из поместий Альбы и Фриаса для их освобождения. Городская беднота не спала всю ночь. Собирали оружие, создавали отряды для отражения нападения, но его не последовало.

22 июля в районе Сан-Викторино по инициативе Карбонеля и студентов обоих колехио была создана Народная хунта из представителей ремесленников и поденщиков. Помещение, где она заседала, превратилось в революционный клуб. Здесь говорили о народном суверенитете, о правах угнетенных, о сговоре креольской верхушки с вице-королем, о необходимости борьбы за провозглашение независимости Новой Гранады и республиканском строе будущего государства.

Напуганная народными манифестациями 20—21 июля, креольская верхушка решила положить им конец. 23 ию-

Подписание Акта о независимости Новой Гранады

ля во время торжественной церемонии, организованной новыми властями у портрета Фердинанда VII, был зачитан первый декрет Хунты. В его составлении деятельное участие принимал секретарь хунты К. Торрес. В 1-м и 2-м пунктах декрета говорилось о защите католической религии и прав «нашего любимого монарха Фердинанда VII от тирана мира, свергнувшего его с трона». 3-й пункт гласил, что для сохранения общественного спокойствия впредь запрещаются всякие сборища, что «испанцы с полуострова — наши братья» и поэтому «запрещается дух ненависти» по отношению к ним. Наибольший интерес представлял 6-й пункт декрета, свидетельствовавший о практических шагах новой власти для сохранения господствующего положения богатых креольских семей. Речь шла о создании корпуса волонтеров национальной гвардии под командованием А. Барайа и Х. Рикаурте, а также четырех кавалерийских эскадронов общей численностью 600 человек из помещиков-скотоводов и пастухов, которых называли «орехонес» (в отличие от гаучо в Аргентине и льянеро в Венесуэле).

Во главе «орехонес» был поставлен один из самых богатых асендадо, П. Гутьеррес — зять бывшего прокурора Морено-и-Эскандона, заклятого врага комунерос⁴⁷. В ответ на создание корпуса волонтеров Карбонель пытался организовать вооруженные отряды из ремесленников и городской бедноты, но не удалось достать оружия.

Несмотря на декрет, запрещающий манифестации, 25 июля в Сантафе состоялись новые народные демонстрации. Поводом послужили слухи о распоряжении Амара использовать огнестрельное оружие, вплоть до пушек, в случае народных волнений. Утром 25 июля дворец Амара был вновь окружен народом. Во главе манифестантов находились Карбонель, нотариус Гарсия, Ф. Х. Гомес и И. Эррера. Демонстранты требовали ареста Амара и его жены. Чтобы выиграть время и успокоить народ, Хунта согласилась удовлетворить это требование. Вице-короля и 25 его приближенных отправили в здание таможни, а вице-королеву — в женский монастырь. По существу это был не арест, а скорое мера предосторожности в целях сохранения их жизней. Но народ успокоился и разошелся.

Было созвано заседание Хунты, и во избежание новых осложнений в тот же вечер издан еще один декрет о пресечении беспорядков. 26 июля Хунта получила известие, что Регентский совет сместил с должности А. Амара и назначил вице-королем Новой Гранады Ф. Х. Ванегаса. Всю ночь спорили члены хунты относительно того, признавать или не признавать Ванегаса, а если признавать, то в качестве вице-короля или президента хунты. В сущности, речь шла о признании или непризнании права Регентского совета вмешиваться в дела Новой Гранады. Опасаясь открыто заявить о разрыве с Испанией, Манифест Хунты от 27 июля заявлял о верности Фердинанду VII и о признании Ванегаса⁴⁸.

Лояльность новогранадских властей по отношению к Испании должна была также продемонстрировать состоявшаяся 6 августа торжественная церемония по случаю годовщины испанского завоевания.

⁴⁷ S. Elías Ortíz. Op. cit., p. 212—215; I. Lievano Aguirre. Op. cit., v. III, p. 169—170.

⁴⁸ Memorias del presbítero Jose Antonio de Torres y Peña, p. 129, 130; S. Elías Ortíz. Op. cit., p. 217—222; J. M. Restrepo. Op. cit., t. I, p. 105; I. Lievano Aguirre. Op. cit., v. III, p. 171—174, 177—178; M. J. Forero. Op. cit., p. 121—122.

7—8 августа в Сантафе состоялись новые массовые антииспанские выступления. Поводом к ним послужила расправа испанских властей с патриотами Кито, где было убито более 80 человек, в том числе 13 детей⁴⁹. Народ Сантафе стихийно шел в своих требованиях дальше богатых креолов. Народные волнения не утихали 10, 11 и 12 августа. Поводом послужили слухи, что Хунта намерена представить Амару возможность выехать в Испанию. Возмущенный народ требовал его перевода в тюрьму. В революционном клубе в Сан-Викторино постоянно происходили собрания, на которых, разоблачая предательскую роль Хунты по отношению к народу, выступали Карбонель и его единомышленники.

13 августа на центральной площади Сантафе вновь состоялась многотысячная народная манифестация с требованием перевода Амара и его жены в тюрьму. Члены Хунты не решились прибегнуть к силе и приняли решение еще раз пойти на компромисс с народом, удовлетворив его требование. Манифестанты направились к зданию таможни и в сопровождении многотысячной толпы бывший вице-король был препровожден в тюрьму. Та же участь постигла и его жену. Но это был маневр Хунты, чтобы выиграть время и собрать силы. На следующее утро, перекрыв все доступы из кварталов бедноты в центр города отрядами национальной гвардии и «орехонес», она освободила А. Амара и его жену⁵⁰.

Ночью в кварталах бедноты произошли новые волнения. Карбонель, Гарсия и другие призывали провести демонстрацию протеста под лозунгом возвращения в тюрьму Амара и его жены. Хунта решила перейти в контрнаступление. 16 августа были арестованы Карбонель, Гарсия и другие революционеры, пользовавшиеся большим влиянием среди городской бедноты. Революционный клуб в Сан-Викторино был закрыт, а его помещения заняли отряды «орехонес»⁵¹. Креольская верхушка одержала первую победу над народом.

Однако с антииспанскими настроениями бедноты было не так-то просто покончить, о чем свидетельствовали са-

⁴⁹ *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. I, p. 83—86.

⁵⁰ *S. Elías Ortíz*. Op. cit., p. 229—232; *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. I, p. 108; *I. Lievano Aguirre*. Op. cit., v. III, p. 181—184.

⁵¹ *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. I, p. 108—109; *I. Lievano Aguirre*. Op. cit., v. III, p. 185—187; *M. J. Forero*. Op. cit., p. 123.

тирические стихи и лозунги антииспанского содержания, не сходявшие со стен домов и заборов в Сантафе. Обеспокоенные такой атмосферой ненависти к испанцам, которая, по существу, носила классовый характер, ибо была ненавистью к эксплуататорам, члены хунты неоднократно обсуждали сложившееся положение. В результате 18 сентября было издано «Обращение» Хунты, содержавшее призыв ко всем патриотам «во имя спасения революции» и для «восстановления порядка» достичь взаимопонимания с испанцами.

«Пусть навсегда исчезнет несправедливое и скандальное соперничество между испанцами и американцами. Нам нужны дружба и союз с нашими европейскими братьями»⁵², — говорилось в «Обращении». Этим правительство креольской верхушки еще раз открыто продемонстрировало свое стремление во что бы то ни стало избежать дальнейшего обострения обстановки в Новой Гранаде.

СОЗДАНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ХУНТ В ГОРОДАХ. ОБОСТРЕНИЕ КЛАССОВЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В ПРОВИНЦИЯХ

Восстание 20 июля в Сантафе ускорило создание правительственных хунт в других городах. На протяжении нескольких недель креольская верхушка заменила колониальную администрацию почти во всех провинциях Новой Гранады. Хунты были созданы в Антиокии, Чоко, Сапта-Марте, Касанаре, Нейве, Мариките и Тунхе наряду с уже ранее существовавшими в Картахене, Памплоне и Сокорро. Новая Гранада превратилась в 22 самостоятельные провинции, одни из которых признавали Фердинанда VII и Регентский совет, как это сделала Картахена, другие только Фердинанда без Совета, как Саптафе, Сокорро и Памплона. Юг и север страны (провинции Попаян, Риоача и Панама) оставались еще под властью испанцев.

Стремясь предотвратить раскол вице-королевства, Верховная правительственная хунта Сантафе 29 июля обратилась к провинциям с призывом сохранить целостность

⁵² «Proclama en que se exhorta a los habitantes del Nuevo Reino de Granada a la unión y fraternidad en el presente estado de los cosas». — *M. J. Forero*. Op. cit., p. 125—126.

Новой Гранады как единого государства. Однако стремление к обособлению от прежней столицы оказалось почти всеобщим, и тенденция к дроблению и разобщенности проявляла себя вполне определенно.

Это объясняется целым рядом причин. Сказывалась экономическая замкнутость отдельных районов, не связанных единым внутренним рынком. Играл роль также тот факт, что Хунту в Сантафе возглавил прежний вице-король Амар, а ее члены в своем большинстве были консервативно настроены. Поэтому создание провинциальных хунт и провозглашение независимости от Сантафе в ряде случаев означало победу более прогрессивных сил, намеренных идти дальше, чем на это решилась креольская верхушка в столице Новой Гранады. Кое-где отделение от Сантафе означало освобождение от власти не только колониальной администрации, но и креольской верхушки, угнетавшей и эксплуатировавшей более бедных и менее влиятельных новогранадцев. Иногда на первый план выступало соперничество богатых креольских семей, которые стремились сами играть руководящую роль в городах и провинциях. Часто все эти причины имели место при решении вопроса о провозглашении независимости той или иной провинции наряду с целым рядом локальных причин.

Вполне естественно, что тенденция к обособленности и децентрализации имела не только своих приверженцев, но и противников, выступавших за централизованное государство. Так появились в Новой Гранаде федералисты и централисты.

В тот период, когда колониальная администрация, где добровольно, а где с боем уступала место новой власти креольской знати, федерализм, казалось, был знаменем всех патриотов. О федеративной системе построения государства заявлялось в торжественном Акте о создании Верховной правительственной хунты. Тогда единственными открытыми противниками федералистов являлись испанцы. Поэтому знамя федерализма объединяло в тот период всех врагов прежней колониальной администрации, а централизм был символом реакционности и отсталости. Но по мере развития событий представления о том, что прогрессивно и что реакционно, что хорошо и что плохо для новогранадских условий, менялись. И вместе с ними менялся и состав лагерей федералистов и централистов.

Поначалу провинции были заняты своими внутренними делами. Приход к власти креольской верхушки обнажил социальные конфликты, которые ранее в связи с зависимостью от Испании не были столь заметны. Теперь классовые противоречия выступают на первый план. Местные помещики и шахтовладельцы, угнетавшие народ, оказались у власти, и недовольство эксплуатируемых теперь стало направляться не против колониальных властей, а против непосредственных угнетателей.

Обострение социальных конфликтов привело к дроблению и возникновению новых провинций. Момпос отделился от Картахены, Согамосо от Тунхи, Хирон от Памплоны, Велес от Сокорро, Кибдо от Новиты и Ибаге, Токайма и Амбалема от Марикиты⁵³. Повсеместно шла борьба между старыми богатыми фамилиями, связанными с прежней колониальной администрацией и не желавшими коренной ломки существующего порядка, и силами, объективно выразившими крепнущую тенденцию к решительным переменам буржуазного характера. Последние в силу своей молодости и слабости вынуждены были опираться на народ.

Проблемы, вокруг которых велась борьба, были общими почти для всех провинций, не считая специфических проблем, которые существовали в каждом районе. К числу таких общих проблем относилась отмена «ресгуардос», «индейского палого», рабства, избирательные права.

Креольская верхушка давно добивалась у испанской короны ликвидации «ресгуардос». Общинные земли индейцев обеспечивали их куском хлеба. Поэтому отмена «ресгуардос» дала бы новогранадским помещикам не только индейские земли, но и рабочие руки, которые были так нужны в помещичьем хозяйстве.

Захватив власть, креольская верхушка поспешила осуществить желание помещиков. Уже 24 сентября 1810 г. Верховная правительственная хунта Сантафе издала декрет об отмене «ресгуардос». Одновременно было объявлено также об отмене «индейского налога». Оба эти мероприятия объективно были вполне прогрессивными. Индеец получал землю в собственность. Теперь он мог ею распоряжаться, как хотел: продать, заложить, подарить, сдать

⁵³ I. Lievano Aguirre. Op. cit., v. III, p. 221, 223; J. M. Henao y G. Arrubla. Historia de Colombia. Bogotá, 1967, p. 253.

в аренду. Но на деле это означало форменное ограбление индейцев. При разделе земель индейцам доставались, как правило, худшие земли. Причем значительная часть общинных земель в раздел не попадала, потому что каждой индейской семье отводился небольшой земельный надел, а излишки продавались и захватывались крупными землевладельцами⁵⁴.

Индеец, привыкший к коллективному труду, оказался совершенно беспомощным на своей маленькой парцелле. Он голодал и был не в состоянии обеспечить свою семью. К тому же теперь он должен был платить все налоги наравне с остальным населением Новой Гранады. Формальное уравнивание в правах не пошло на пользу индейцам, поскольку прежний «индейский налог» был значительно меньше той общей суммы налогов, которые он теперь должен был выплачивать. Итак, в результате объективно прогрессивных мероприятий индеец оказался на клочке земли с грузом налогов за плечами. Это вынуждало его к продаже участка⁵⁵, который не мог обеспечить его существования, и к найму на работу. Вместе с тем тот же самый декрет, так «облагодетельствовавший» индейцев, не предоставил им избирательных прав по причине их «недостаточного культурного уровня»⁵⁶.

Декрет Верховной правительственной хунты Сантафе по индейскому вопросу, отражавший чаяния помещиков, был с радостью воспринят ими во всех провинциях. Помещики знали, что они извлекут из него практическую выгоду. Те, кто не имел от этого никакой выгоды, были загипнотизированы фразами о равноправии индейцев. Только индейцы были недовольны декретом. Он принес им разорение и неисчислимые бедствия. Поэтому они стали враждебно относиться к новой власти и на многие годы превратились в союзника испанского короля.

Во всех провинциях ликвидация «ресгуардос» стала центральным вопросом, вокруг которого велась борьба. В нее оказались вовлеченными не только те, кого это непосредственно касалось, т. е. индейцы, и те, кто осуществляли это мероприятие, но и массы сочувствующих

⁵⁴ *I. Lievano Aguirre. Op. cit., v. III, p. 201—202.*

⁵⁵ Декрет Хунты предоставлял индейцу право продажи земельного участка только по истечении 25 лет, но фактически это ограничение не соблюдалось.

⁵⁶ *I. Lievano Aguirre. Op. cit., v. III, p. 206.*

той и другой стороне. По мере претворения в жизнь этого декрета число его противников, начавших понимать его тяжелые последствия, стало умножаться. Вот тогда-то борьба и достигла наивысшего накала. В некоторых случаях она приводила к прямому расколу провинций. Так было, например, с Согамосо, население которого, обеспокоенное судьбой индейцев, добилось отделения от Тунхи из-за того, что креольская верхушка этой провинции начала ликвидацию «ресгуардос»⁵⁷.

Другой волновавшей многие умы проблемой являлось рабство. Пока существовал испанский колониальный режим, Камило Торрес и другие представители креольской знати гневно осуждали постыдное рабство, возмущались работоторговлей. Оказавшись у власти, они не спешили и вели дискуссии о том, когда и на каких условиях следует проводить освобождение рабов, чтобы не очень ущемить интересы рабовладельцев. Поэтому неудивительно, что с приходом к власти креольской знати негры-рабы, ожидавшие свободы, испытывали разочарование в новых порядках. Вот почему в ряде мест рабы бунтовали. Дело доходило иногда до прямых восстаний, особенно в долине Кауки, где преобладало плантационное хозяйство⁵⁸.

О консерватизме Верховной правительственной хунты свидетельствовал также декрет об избирательных правах от 26 декабря 1810 г. Он предоставлял право голоса только мужчинам—владельцам движимого и недвижимого имущества старше 25 лет. Лица, живущие за счет своего труда, так же как и индейцы, избирательных прав не имели. Таким образом, основная масса населения фактически не получила гражданских прав⁵⁹. Это вызвало критику со стороны демократически настроенных кругов столицы. Освобожденный из тюрьмы Х. М. Карбонель и другие сторонники Нариньо выступали против всякого имущественного ценза, отстаивая гражданские права всего населения.

Страх перед возможными социальными потрясениями побуждал креольскую верхушку поторопиться с прекращением неразберихи, вызванной фактическим отсутстви-

⁵⁷ I. Lievano Aguirre. Op. cit., v. III, p. 221.

⁵⁸ Las ciudades confederadas del Valle del Cauca en 1811. Bogotá, 1943, p. 11—12.

⁵⁹ I. Lievano Aguirre. Op. cit., v. III, p. 207, 216.

ем единой власти в стране. Инициатором в этом деле выступила Картахена. 19 сентября 1810 г. она обратилась ко всем провинциям Новой Гранады с манифестом, в котором призывала создать Конгресс представителей провинций для решения вопроса о создании федерации⁶⁰.

Картахена не случайно выступила глашатаем идеи федерации. Ее правящая верхушка, обогатившаяся на торговых операциях с Европой, жаждала политической самостоятельности, чтобы сохранить свободу торговли в противовес протекционизму, за который выступали сторонники развития собственной промышленности. Картахенский манифест оказал большое влияние на развитие дальнейших событий в стране. Одни провинции отвергли его, другие поддержали. Причем причины, побудившие их присоединиться к нему, часто оказывались совершенно противоположными. Там, где к власти пришла креольская аристократия, идея федерации была приемлемой, потому что представляла ей возможность для почти неограниченного влияния на дела провинции. Там же, где власть захватили силы, объективно выражавшие буржуазные тенденции развития, федеративное устройство приветствовалось потому, что оно напоминало государственное устройство США, казавшееся самым передовым.

Сторонники сильной центральной власти, как необходимого условия окончательного поражения контрреволюции, осудили картахенский манифест. Они предсказывали тяжелые последствия федеративной системы для молодого государства, еще не совсем освободившегося от иностранной зависимости. Централистов было в тот период немного. И самым популярным среди них был А. Нариньо⁶¹.

Креольская верхушка, опасавшаяся влияния Нариньо на ход событий, делала все возможное, чтобы продлить его пребывание под арестом. Была даже предпринята попытка возобновить против него судебный процесс 1794 г. по пелепому обвинению в расхищении казны архиепископства, но она потерпела провал. Нариньо пришлось освободить, и 4 ноября 1810 г. он вернулся в Сантафе⁶².

⁶⁰ J. M. Restrepo. Op. cit., t. I, p. 116.

⁶¹ C. Restrepo Canal. Nariño periodista. Bogotá, 1960, p. 50.

⁶² T. Blossom. Op. cit., p. 73; C. Restrepo Canal. Op. cit., p. 61.

Столица Новой Гранады жила бурной политической жизнью. Шла подготовка к открытию первого в истории страны Конгресса, заседания которого начались 22 декабря. В них приняли участие представители шести провинций: А. Росильо (Сокорро), М. Кампос (Нейва), М. Б. Альварес (Саптафе), К. Торрес (Памплона), И. де Эррера (Новита) и Л. Армеро (Марикита). Президентом Конгресса был избран дядя Нариньо М. Б. Альварес, секретарем — сам Нариньо. Заявив о своей верности Фердинанду VII после того, как он освободится из плена, Конгресс отказался подчиняться Регентскому совету, т. е. единственной реальной власти Испании⁶³. Затем депутаты занялись обсуждением вопроса о допуске на заседания представителей вновь образовавшихся провинций, и в первую очередь Согамосо, отделившейся от Тунхи. Фактически речь шла о том, будут ли узаконены новые провинции.

К. Торрес, защищая интересы креольской верхушки, опасавшейся усиления демократических настроений в Конгрессе за счет депутатов вновь образовавшихся провинций, объявил их незаконными и поэтому неправомочными посылать своих представителей в Конгресс. Он настаивал на праве старых провинций осуществлять свою юрисдикцию на всей территории, не считаясь с вновь избранными органами власти.

Между тем старые провинции развернули военные действия против отделившихся территорий. В частности, Картахена послала войска против Момпоса, где в хунте тон задавали радикалы. Хунта Момпоса опубликовала манифест, в котором заявляла о своей независимости от Картахены, Испании и любого другого государства. Неудивительно поэтому, что креольская верхушка Картахены поспешила задуть этот очаг свободомыслия, направив в Момпос свои войска⁶⁴.

Острая борьба, развернувшаяся в Конгрессе по вопросу о признании прав новых провинций, усугублявшаяся растущими разногласиями между Правящей хунтой Саптафе и Конгрессом, накаляла политическую атмосферу в

⁶³ *J. M. Restrepo. Op. cit., t. I, p. 122; I. Lievano Aguirre. Op. cit., v. III, p. 224.*

⁶⁴ *I. Lievano Aguirre. Op. cit., v. III, p. 222, 226; E. Lemaitre. Op. cit., p. 21.*

столице Новой Гранады. Население Сантафе оказалось в гуще этой борьбы. Карбонель, Гарсия и другие сторонники Нариньо активно действовали в кварталах бедноты, разъясняя народу суть происходящего. Во второй половине января 1811 г. в Сантафе имели место новые народные выступления, вызванные известиями о победах Наполеона, захватившего всю Испанию, кроме Кадиса и о-ва Леон.

В этой обстановке активизировались сторонники Карла IV и Годоя, бывшие, как известно, бонапартистами. Это в свою очередь вдохнуло новые силы сопротивления в приверженцев Фердинанда VII и Регентского совета. Короче говоря, оживились роялисты всех мастей. Хунта стала вновь склоняться к признанию Регентского совета, опасаясь углубления революции. Ей все еще казалось, что сохранение призрачных связей с испанской монархией, спасет Новую Гранаду от обострения социальных конфликтов и гарантирует политическую стабильность. Нариньо, Карбонель и другие сторонники независимости разоблачали роялистов и приверженцев Хунты, идущей на попятную в тот момент, когда нужно было сделать решительный шаг к окончательному освобождению от гнета Испании.

Используя народные волнения в качестве предлога, Хунта начала наступление на сторонников независимости. По ее приказу пушки были переданы из рук патриотически настроенных офицеров испанцам-регентам⁶⁵, которые установили их на площади перед зданием, где заседал Конгресс. Карбонель был вновь арестован. Хунта запретила публикацию манифеста Момпоса о провозглашении независимости от Испании. Была введена строгая цензура⁶⁶. Сторонникам Нариньо, чтобы разоблачить в глазах народа реакционные настроения Хунты, пришлось тайно публиковать дебаты в Конгрессе по вопросу о допуске депутатов новых провинций.

Узнав о публикации дебатов, Хунта перешла в открытое наступление против Конгресса. 13 февраля Х. М. Пэй приказал арестовать издателя и возбудить судебное дело против лиц, причастных к распространению

⁶⁵ Так называли сторонников Регентского совета.

⁶⁶ *M. J. Forero. Op. cit., p. 139; I. Lievano Aguirre. Op. cit., v. III, p. 232—233.*

этого документа⁶⁷. Это означало, что под удар вновь ставился Нариньо, который, будучи секретарем Конгресса, не мог не иметь отношения к публикации. Но дело было, конечно, не только в публикации. По существу, это было открытое выступление против Конгресса. Хунта, опасавшаяся растущего влияния сторонников независимости во главе с Нариньо на ход дебатов, которые могли вылиться в открытый разрыв с Испанией, фактически парализовала работу Конгресса.

Прекращение работы Конгресса обострило борьбу между старыми и новыми провинциями, лишив последние надежды на признание их прав мирным путем. Обе стороны взяли за оружие. Разразилась кровавая междоусобица. Памплона выступила против Хирона, Тунха — против Согамосо, Онда — против Амбалемы, а Тунха, Марикита и Нейва объединились против Сантафе, объявив, что старая столица стремится узурпировать их права⁶⁸. Так, еще окончательно не освободившись от испанского ига, Новая Гранада оказалась ввергнутой в пучину братоубийственной войны, обескровившей новогранадцев накануне решающих боев с Испанией за окончательное освобождение.

ОБРАЗОВАНИЕ КОРОЛЕВСТВА КУНДИНАМАРКА

Наличие многочисленных группировок, борющихся за власть в провинциях, создавало благоприятную обстановку для реставрации колониальных порядков.

Напуганные перспективой социальных конфликтов, для которых имелась подходящая почва, роялисты спешили воспользоваться моментом, чтобы вернуться к старому порядку вещей, на протяжении многих десятилетий надежно служившему их классовым интересам. Первыми выступили роялисты Санта-Марты, совершившие переворот. Они восстановили в должностях всех прежних испанских чиновников. Санта-Марта стала оплотом реакции на севере Новой Гранады. Сюда стали стекаться роялисты со всех частей страны.

⁶⁷ *J. Lievano Aguirre*. Op. cit., v. III, p. 235—237.

⁶⁸ *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. I, p. 123—124; *J. Lievano Aguirre*. Op. cit., v. III, p. 225.

Роялисты Картахены, напуганные все растущим стремлением населения к окончательному разрыву с Испанией, также начали готовить переворот. Они рассчитывали на поддержку крепостного гарнизона, особенно на батальон «Фихо», состоявший в основном из испанцев. Переворот планировался на 4 февраля 1811 г., но был сорван. Его участники арестованы и осуждены на тюремное заключение и высылку⁶⁹. Реакция потерпела поражение.

На юге страны позиции роялистов оказались значительно сильнее. В свое время после получения сообщения о создании Верховной правительственной хунты в Сантафе патриотам Попаяна не удалось свергнуть испанского губернатора М. Такона. Он пользовался поддержкой плантаторов и шахтовладельцев провинции, которые, будучи рабовладельцами, всегда были приверженцами короля. Такон собирал силы, чтобы начать наступление на центральные провинции. В связи с этой угрозой шесть городов: Кали, Калото, Буга, Картаго, Ансерма и Торо, где правили хунты, объединились в Конфедерацию городов долины Кауки и 1 февраля 1811 г. создали правящую хунту во главе с приглашенным из Сантафе полковником А. Барайей⁷⁰. Столицей Конфедерации стал город Кали.

Конфедерация поспешила собрать силы, чтобы отразить наступление Такона в начале марта. В его полуторатысячном войске помимо регулярных испанских частей, имелось много индейцев, вооруженных копьями, а также негров-рабов, получивших свободу в результате решения кабильдо Попаяна от 4 марта 1811 г. об освобождении рабов, желающих принять участие в защите дела короля.

Таким образом, первый акт об освобождении рабов исходил не от патриотов, а от их противников. По сути дела это был очень дальновидный шаг, в результате которого роялисты привлекли на свою сторону симпатии угнетенных масс и посеяли семена недовольства в стане своих противников. Недаром вслед за этим актом в до-

⁶⁹ E. Lemaitre. Op. cit., p. 27—29; J. M. Restrepo. Op. cit., t. I, p. 127—130.

⁷⁰ Las ciudades confederadas del Valle del Cauca en 1811, p. 1—4.

лине Кауки, где было много плантаций, начались восстания рабов, которые требовали своего освобождения⁷¹.

Все это ослабляло тыл патриотов, на что и рассчитывал кабилдо Попаяна. Сами же попаянцы решились на эту жертву потому, что рисковали потерять больше в случае успеха патриотов. Барайа, который возглавил войско Конфедерации, смог собрать только 1100 человек. Сражение произошло 28 марта у Пьендамо. Несмотря на численное превосходство, Такон после 5-часового боя был разбит и бежал в Пасто. Барайа захватил Попаян⁷². Здесь была создана хупта во главе с Х. Кайседо. Оставив в Попаяне небольшой гарнизон, А. Барайа и Х. Кайседо двинулись на Пасто. Такон, узнав о выступлении войска патриотов, бежал в Барбакоас, оставив Пасто на произвол судьбы.

Войска Барайи медленно продвигались по долине Патиа. Не обеспеченные провиантом солдаты грабили жителей, жгли их дома и совершали другие беззакония, чем вызывали недовольство населения, в основном индейского и негритянского происхождения. Возмущенные жители начали создавать вооруженные отряды, нападавшие на деморализованную грабежами армию Барайи. Последний, не дойдя до Пасто и потеряв значительную часть солдат в результате постоянных стычек с населением, выпущен был вернуться в Попаян за подкреплением, оставив Х. Кайседо во главе войска. Между тем в Пасто вступили войска, посланные из Кито. Кайседо начал переговоры с кабилдо Пасто, разоблачая захватнические цели Кито и надеясь добиться поддержки населения Пасто, чтобы совместными усилиями изгнать испанцев⁷³. Война на юге приобретала затяжной характер.

Тем временем в Сантафе креольская верхушка была поглощена работой только что созданной Конституционной коллегии Кундинамарки⁷⁴. Аристократия торопилась узаконить свои права, надежно гарантировав их от покушений со стороны пеймущих. Проект конституции было

⁷¹ *J. M. Restrepo. Op. cit., t. I, p. 133—134.*

⁷² *Las ciudades confederadas del Valle del Cauca en 1811, p. 176—177; J. M. Henao y G. Arrubla. Op. cit., p. 356.*

⁷³ *J. M. Henao y G. Arrubla. Op. cit., p. 357.*

⁷⁴ Кундинамаркой называлось индейское государственное объединение кануна испанского завоевания, располагавшееся на территории провинции Сантафе.

поручено разработать Х. Т. Лосано, Л. Э. Асуоле и Х. М. Кастильо-и-Раде. Все трое — представители старейших креольских фамилий, владевших огромными богатствами еще с колониальных времен, крупные землевладельцы, не чуждые веяний времени и умножавшие свое достояние путем выгодных торговых операций. О масштабах богатства и влияния одного из них, Лосано, второго сына маркиза Сан-Хорхе, свидетельствует хотя бы тот факт, что после создания Верховной правительственной хунты в Сантафе он предложил предоставить в ее распоряжение 3 тыс. солдат, полностью экипированных за его счет⁷⁵. Двое остальных не уступали ему ни в знатности, ни в богатстве. А. Нариньо, когда-то разработавший первый проект конституции для Новой Гранады, в эту группу включен не был. Он был слишком радикален, хотя и принадлежал по рождению к тому же классу.

Проект конституции обсуждался в течение всего двух недель. События торопили креольскую верхушку. В результате 4 апреля 1811 г. Конституционная коллегия приняла конституцию, которая учреждала в провинции Сантафе королевство Кундинамарка. Анализ всех 78 статей конституции⁷⁶ убеждает в том, что, по существу, это была первая буржуазная конституция, принятая на территории Новой Гранады. Она закрепляла сложившееся на тот момент положение вещей — господство креольской верхушки, глубокими корнями связанной с прошлым, а потому непоследовательной и нерешительной.

Опасаясь заявить об открытом разрыве с Испанией, креольская верхушка прикрывалась именем Фердинанда, объявив его королем Кундинамарки. Поскольку не было никаких шансов на прибытие короля в Новую Гранаду, верховная исполнительная власть передавалась президенту, который назывался вице-регентом. Президент имел заместителя — вице-президента с двумя советниками и несколькими секретарями. Они составляли правительство. Законодательная власть передавалась палате депутатов, куда входили депутаты, избиравшиеся по одному от каждых 10 тыс. граждан. Верховная юридическая власть принадлежала сенату. Как видим, соблюдался типично бур-

⁷⁵ *L. Martínez Delgado, S. Elías Ortiz. Op. cit., p. 342.*

⁷⁶ Полный текст Конституции 1811 г. см.: *W. M. Gibson. The constitutions of Colombia. Durham, 1948, p. 13—31.*

жуазный принцип разделения властей. Конституция декларировала свободу личности, собственности, право на свободное занятие любым родом деятельности — сельским хозяйством, торговлей, промышленностью. 5 апреля первым президентом Кундинамарки был избран Хорхе Тадео Лосано, вице-президентом — Х. М. Домингес⁷⁷.

Вручив власть своим представителям, креольская верхушка надеялась таким образом положить конец начавшемуся 20 июля 1810 г. процессу перемен, от которых она получила все, что ей было нужно. Однако события уже вышли из-под ее контроля, и неумолимая логика их развития выдвигала все новые и новые проблемы, которые требовали своего решения.

⁷⁷ J. M. Restrepo. Op. cit., t. I, p. 131—133.

СОЗДАНИЕ КОНФЕДЕРАЦИИ
СОЕДИНЕННЫХ ПРОВИНЦИЙ НОВОЙ ГРАНАДЫ

Президентские выборы 5 апреля 1811 г. принесли с собой лишь кратковременное успокоение. Оставались нерешенными еще многие проблемы — дальнейшие отношения с Испанией, с провинциями, вопросы социального порядка. Президент Хорхе Тадео Лосано не торопился, а в некоторых случаях и не мог решить их в кратчайший срок. Это вновь обострило политическую обстановку в стране.

Радикальное крыло патриотов, выступавшее за независимость, перешло в оппозицию правительству, отражавшему интересы креольской верхушки. Главным оружием оппозиции стала «Багатела» («Пустячок») — сатирическая газета, издававшаяся Нариньо. Он ее финансировал, он же писал основные статьи. «Багатела» выходила один раз в неделю, по воскресеньям, и имела очень маленький формат (20×25 см)¹. Но влияние ее на политическую атмосферу столицы и других провинций было довольно значительным. Это объяснялось не только популярностью ее издателя, но и тем, что она поднимала острые, наиболее важные вопросы, требуя от правительства принятия неотложных мер. Патриотизм и неподдельная заинтересованность в быстром решении стоящих перед страной проблем — основной лейтмотив газеты — встречали понимание и сочувствие среди многих новогранадцев.

Первый номер «Багателы» вышел 14 июля 1811 г., в годовщину штурма Бастилии, и открывался «Манифестом о независимости». Это был призыв к немедленному разрыву всех пут зависимости от Испании. Нариньо

¹ C. Restrepo Canal. *Nariño periodista*. Bogotá, 1960, p. 61—62.

убеждал своих читателей, что разговоры о либерализации режима в Испании — пустая иллюзия, что необходимы срочные меры, потому что обстановка благоприятствует делу независимости и нужно спешить, ибо «если мы сейчас не освободимся, — писал Нариньо, — то никогда не освободимся»². Газета критиковала правительство за нерешительность, за неумение правильно организовать дело, за следовавшие один за другим празднества, стоившие массу денег. Она имела довольно большой круг читателей и не только в Сантафе. Ее пересылали в другие города и провинции, потому что она затрагивала общенациональные проблемы, а форма изложения была доходчива, занимательна и остроумна.

Газета стала самым сильным оружием Нариньо в борьбе за независимость. Ряды его сторонников росли. «Багателу» читали даже те, кто не разделял взглядов Нариньо. Любопытно, что в списке ее подписчиков (их было около 100) значились имена К. Торреса, маркиза Сан-Хорхе, Ф. Х. де Кальдаса, А. Вильявисенсио. Некоторые подписывались даже на несколько номеров сразу. Так, некий Б. Бенхумеа выписывал сразу пять экземпляров «Багателы», а Х. Альварес — четыре. Имелся также один подписчик из Каракаса³. Все это свидетельствовало о том, что газета Нариньо имела национальную значимость. Ее мнение не все разделяли, но с ним нельзя было не считаться.

«Багатела» увеличила популярность Нариньо. Его влияние на политическую жизнь столицы становилось с каждым днем все заметнее. 29 августа 1811 г., в день 17-й годовщины со дня первого ареста Нариньо, правительство вынуждено было устроить официальное торжество в его честь, которое вылилось в подлинный триумф благодаря огромному стечению народа, пришедшего почтить заслуги человека, так много страдавшего ради освобождения своей родины от испанского ига⁴.

Между тем Х. Т. Лосано заботился прежде всего о том, чтобы не допустить окончательного разрыва с Испанией и избежать открытых столкновений с колониаль-

² *T. Blossom. Narino. Hero of Colombian Independence. Tucson, 1967, p. 75—76.*

³ *C. Restrepo Canal. Op. cit., p. 443—445.*

⁴ *T. Blossom. Op. cit., p. 77.*

пой администрацией там, где она еще оставалась у власти. Испанскому губернатору Санта-Марты, например, он отправил письмо, убеждая его присоединиться к Кундинамарке, поскольку у них якобы нет причин для вражды — одна вера, одна родина, один король. Но Санта-Марта на севере, а Попаян и Пасто на юге страны готовились к походу на центральные провинции Новой Гранады. Под ружье ставили всех, кого было можно⁵.

Слухи о подготовке испанцев к выступлению доходили до Сантафе и вызывали тревогу патриотов, обеспокоенных бездеятельностью правительства, которое ничего не предпринимало для отражения неприятеля. Антииспанские настроения бедноты снова усилились. А. Нариньо и его сторонники М. Гарсия, П. Гроот, И. Эррера, Х. М. Карбонель убеждали правительство, что необходимо активно действовать, что нужно немедленно заявить о полной и абсолютной независимости Новой Гранады и помочь еще не освобожденным провинциям.

«Багатела» Нариньо в этот период была тревогу, призывая народ к защите отечества. 17 сентября в районе Сан-Викторино произошли волнения ремесленников, вызванные бездеятельностью Лосано перед лицом опасности. Креольская верхушка, напуганная новыми народными волнениями, не решилась на арест Нариньо и Карбонеля, отмену конституции и установление диктатуры, как того требовали некоторые ее представители. Вместе с тем, она не могла согласиться и на отставку Лосано, которая в тот момент усилила бы сторонников независимости, увеличив шансы на приход к власти А. Нариньо⁶.

Через два дня, 19 сентября, в предместьях Сантафе снова начались волнения. Вышел экстренный номер «Багателы». В статье «Очень важные новости» Нариньо писал о начале испанского наступления на патриотов. Пали Памплона и Хирон. Вот-вот должен был выступить Попаян. Опасность грозила с двух сторон: севера и юга. «Откроем глаза! — призывал Нариньо. — Час настал: наша гибель неизбежна, если мы не объединимся, отодвинув в сторону все личные разногласия, все обиды и особенно эту апатию, эту глупую самонадеянность, эту бездеятель-

⁵ *J. Lievano Aguirre. Los grandes conflictos sociales y económicos de nuestra historia, v. III. Bogotá [1962], p. 246—247.*

⁶ *Ibid., p. 253—254.*

ность, столь преступную в такой критический момент. Пусть священный огонь любви к отечеству загорится в наших сердцах и зажжет их справедливостью нашего дела... Пусть повсюду будет слышно одно: «Спасение родины или смерть»»⁷.

Газета была сразу же доставлена в кварталы бедноты. Ее читали вслух прямо на улицах, и вокруг читавших собирались группы неграмотных. Повсюду велись разговоры об измене и заговоре в пользу роялистов. К 11 часам утра на главной площади Сантафе собрались тысячи людей, в основном жители предместий. Они выражали свое возмущение безответственностью Лосано, требовали его отставки и принятия необходимых мер по организации отпора испанцам. Руководили манифестантами Карбонель, Гроот, Пардо и другие сторонники Нариньо. Войска отказались стрелять в народ.

В такой обстановке Нариньо предложил правительству созвать ассамблею из представителей властей и народа для решения вопроса о новом президенте Кундинамарки. Правительство вынуждено было согласиться, но отказалось допустить на заседания Карбонеля и Гроота. В ответ на это манифестанты под руководством последнего ворвались во дворец, где заседала ассамблея, требуя немедленной отставки Лосано. Креольская верхушка пыталась передать исполнительную власть вице-президенту Х. М. Домингесу, но народ потребовал роспуска ассамблеи и назначения А. Нариньо на пост президента Кундинамарки⁸. 17 лет борьбы против колониального режима и 11 лет пребывания в испанских тюрьмах были в глазах народа надежной гарантией того, что Нариньо сделает все, что необходимо, для спасения отечества от испанской угрозы. Его на руках доставили на главную площадь, где и объявили президентом. Ассамблее не оставалось ничего другого, кроме как утвердить это избрание.

Сентябрьские события в Сантафэ оказали большое влияние на настроения картаженцев. После реакционного переворота в Санта-Марте; ставшей оплотом роялистов на

⁷ «*Bagatela Extraordinaria*»; N 11, 19 de septiembre de 1811.—*C. Restrepo Canal. Op. cit.*, p. 288.

⁸ *J. M. Restrepo. Historia de la revolución de la República de Colombia en la América Meridional*, t. I. Bogotá, 1942, p. 161—162; *T. Blossom. Op. cit.*, p. 78; *I. Lievano Aguirre. Op. cit.*, v. III, p. 255—259.

всем новогранадском севере, положение Картахены значительно осложнилось. Роялисты Санта-Марты блокировали Картахену, закрыв к ней доступ по реке Магдалене — главной торговой артерии, связывавшей город с внутренними районами страны. В результате в крепости возросла дороговизна, и беднота начала голодать. Семьи солдат и матросов гарнизона, в основном «цветных», также испытывали нужду. Простой люд справедливо связывал свалившиеся на него беды с роялистским мятежом в Санта-Марте, и это усиливало его антииспанские настроения.

В Картахене продолжалась борьба между креольской верхушкой — богатыми купцами и работоторговцами, нежелавшими окончательно порывать с Испанией, и радикально настроенной интеллигенцией, стремившейся покончить с колониальным игом и опиравшейся на трудящиеся массы — ремесленников и поденщиков.

Здесь, как и в Сантафе, был очень популярен Нариньо, который еще недавно томился в казематах крепости, а теперь горячо выступал за полное и окончательное освобождение от власти Испании. Его идеи о свободе находили поддержку у бедноты.

В конце октября в городе стало известно о том, что Картахенская хунта конфисковала 1400 ружей, закупленных в США по распоряжению Нариньо. Это лишило Сантафе оружия, которое было так необходимо в момент начавшегося испанского наступления. Эта мера Хунты была ударом в спину сторонникам независимости как в Сантафе, так и в Картахене. Когда стало известно о конфискации оружия, сторонники независимости во главе с братьями Селедонио, Херманом и Габриэлем Гутьеррес де Пиньересами, находившимися в дружеских отношениях с С. Боливаром, развернули активную агитацию против Хунты, обвиняя ее в измене народу Картахены. Была установлена связь с 1-м и 2-м батальонами копеечников Гетсемани⁹, состоявшими из негров и мулатов, с целью привлечения их на свою сторону.

Утром 11 ноября беднота предместий направилась к центру Картахены, где в здании кабильдо заседала Хунта. Ее возглавили священники Н. М. де Оманья и И. Муньос. К 11 часам утра вся площадь перед зданием кабильдо была запружена народом, требовавшим провоз-

⁹ Гетсемани — квартал бедноты в предместье Картахены.

глашения абсолютной независимости от Испании, отмены инквизиции, замены всех должностных лиц-испанцев картахенцами и назначения «цветных» на офицерские должности в батальоны, где солдатами служили негры и мулаты. Тем временем копейщики 1-го и 2-го батальонов захватили крепостные укрепления и овладели пушками. Раздался пушечный выстрел — условный сигнал для тех, кто находился на площади, что пушки в руках патриотов. Народ захватил арсенал¹⁰.

Осажденная вооруженным народом и лишенная надежд на помощь со стороны гарнизона, Картахенская хунта вынуждена была принять требования восставших. В торжественно провозглашенном «Акте о независимости провинции Картахена в Новой Гранаде» говорилось: «Мы отречаемся от 300 лет нищеты и страданий, которые мы испытывали по вине испанских конкистадоров и должностных лиц. С вступлением французов в Испанию, с отказом королевской семьи от трона порвались связи короля с его народами. Они стали суверенными и могут избрать себе такое правительство, которое им удобно. Следствием этого явилось создание многочисленных хунт в провинциях. Это — истинно народные правительства... [Испанию] может спасти только признание наших прав. Мы предложили Хунте (имеется в виду Центральная хунта Испании.— *Н. И.*) братство и союз, послали деньги для борьбы с французами. Но Регентский совет проводил в жизнь тиранические принципы. В результате ряд провинций Америки объявили о своей независимости». Так аргументировала Картахенская хунта свое решение о провозглашении независимости. «Провинция Картахена,— заявлялось в документе,— с сегодняшнего дня фактически и юридически свободное, суверенное и независимое государство. Оно порывает все узы подчинения и связи любого рода с короной и правительством Испании»¹¹.

«Акт о независимости» был зачитан народу на площади и вызвал энтузиазм всех собравшихся. Здесь же была проведена и другая торжественная церемония — публичное сожжение инструментов пыток, применявших-

¹⁰ *E. Lemaite. Antecedentes y consecuencias del once de noviembre de 1811. Cartagena, 1961, p. 29—30, 134—135.*

¹¹ *Acta de la Independencia de la provincia de Cartagena en la Nueva Granada.— L. Molano Daza. Proceso y sinopsis de la independencia de Colombia (1810—1930). Cali, 1960, p. 381—383, 385.*

ся в тюрьме инквизиции. На следующий день у здания кабильдо состоялась народная манифестация с требованием нормализации отношений с Момпосом¹², освобождения всех лиц, арестованных за поддержку его жителей, а также возвращения конфискованного оружия правительству Нариньо. Хунте пришлось удовлетворить все требования народа¹³.

Таким образом, в провозглашении независимости Картахены, первой из новогранадских провинций решившейся на такой шаг, ремесленники, поденщики, мелкие торговцы, а также простые солдаты гарнизона, негры и мулаты оказались той силой, на которую смогло опереться радикально настроенное крыло патриотов в своей борьбе за окончательный разрыв с Испанией.

Известие о провозглашении независимости Картахены быстро распространилось по всей стране. Опасаясь, как бы пример картахенцев не получил отклика в остальных районах страны, креольская верхушка поторопилась с созывом Конгресса провинций, чтобы обеспечить за собой руководство событиями. Страх перед народом и боязнь влияния Нариньо вынудили созвать Конгресс не в Сантафэ, а в Ибагэ, где он и открылся в конце ноября 1811 г. На нем присутствовали депутаты от Антиокии, Картахены, Нейвы, Памплоны, Тунхи, Чокó и Кундинамарки. Делегаты от вновь образовавшихся провинций допущены не были. Целью Конгресса было создание государственного объединения из провинций, освободившихся от власти колониальной администрации, и определение дальнейших отношений с Испанией. Подавляющее большинство депутатов во главе с К. Торресом отражали настроения креольской верхушки и придерживались весьма умеренных взглядов. Они высказались за федеративный принцип государственного устройства, поскольку широкие полномочия провинциальных органов власти, находившихся в руках креольской верхушки, делали ее полновластной хозяйкой положения на местах.

27 ноября 1811 г. пятеро делегатов из семи подписали Акт о создании Конфедерации Соединенных провинций Новой Гранады, в которую вступили провинции Антио-

¹² Момпос объявил о своей независимости от Испании почти на год раньше Картахены, чем вызвал ярость картахенской знати.

¹³ E. Lemaitre. Op. cit., p. 30, 39—40.

кия, Картахена, Нейва, Памиллона и Тунха. Новое государство объявлялось конституционной монархией. Фердинанд VII провозглашался королем. При нем создавался Верховный совет. В его распоряжение передавались вооруженные силы и внешние сношения. Всем членам Конфедерации надлежало иметь единую монету, в то время как экономика и финансы оставались в ведении отдельных провинций¹⁴.

Все это показалось неприемлемым для делегатов Кундинамарки и Чокó, которых представляли М. Б. Альварес и И. Эррера. Они отказались подписать Акт, заявив, что их провинции не войдут в состав Конфедерации. Представляя радикальное крыло патриотов, они не могли согласиться ни на сохранение испанской монархии, ни на федерацию, которая обеспечивала власть креольской аристократии, заинтересованной в сохранении феодальной обособленности провинций. Они стремились к созданию сильного централизованного государства, республики, способной отстоять себя от притязаний бывшей метрополии и обеспечить необходимые преобразования в интересах буржуазного прогресса.

Конфликт между централистами и федералистами, ясно обозначившийся в ходе работы Конгресса, носил, по существу, классовый характер. Он отражал борьбу двух тенденций — сохранения прежних испанских институтов, вплоть до ограниченной королевской власти и всего старого социально-экономического уклада жизни, и тенденции буржуазного развития, которое было возможно только при условии решительной ломки всех прежних порядков. Федералисты во главе с К. Торресом объективно являлись выразителями первой тенденции, централисты во главе с А. Нариньо — второй. Именно поэтому борьба между федералистами и централистами приняла столь острый характер, несмотря на самый неподходящий для этого момент — канун испанского наступления.

Выступая против федерализма, Нариньо прежде всего обращал внимание на то, что молодому федеративному государству будет трудно устоять перед испанским натиском. Буквально на следующий же день после создания

¹⁴ *J. M. Restrepo. Op. cit., t. I, p. 164—166; I. Lievano Aguirre. Op. cit., v. IV. Bogotá, [1962], p. 13—15; M. J. Forero. Camilo Torres. Bogotá, 1950, p. 169—173.*

Конфедерации, 28 ноября 1811 г., «Багатела» призывала граждан к единству перед лицом врагов, окруживших Новую Гранаду со всех сторон, и предупреждала об опасности анархии, которой чреват федерализм¹⁵.

Нариньо надеялся, что в конце концов большинству населения станет ясна жизненная необходимость единого централизованного государства, а пока он пытался превратить Кундинамарку в его крепкое ядро. Он назначил Х. М. Карбоцеля министром общественных богатств.

Экономика Кундинамарки находилась в плачевном состоянии. Прежние налоги были отменены, новые плохо собирались и не могли покрыть всех расходов. Ремесла, сельское хозяйство были в состоянии упадка. В этих условиях Нариньо пришлось пойти на конфликт с церковью. Правительство потребовало от духовенства выплаты налогов с учетом огромных богатств высшей церковной иерархии. Это была последняя капля, переполнившая чашу терпения церковной знати. Раздраженная явным стремлением Нариньо к разрыву с Испанией и его отказом допустить в Сантафе назначенного Регентским советом архиепископа Х. Б. Сакристана, она перешла теперь в открытое наступление против правительства Кундинамарки. Церковь стремилась опорочить Нариньо, лишить его массовой опоры, в чем он так нуждался в этот трудный момент. Она начала издавать даже собственную газету «Эль Монтальван». Газета обрушила на Нариньо лавину обвинений, среди которых основными были безбожие и якобинизм¹⁶.

Однако Нариньо продолжал свою линию на создание крепкого централизованного государства. 23 декабря 1811 г. собралась Избирательная коллегия для пересмотра федералистской Конституции Кундинамарки. Нариньо удалось добиться избрания на пост ее председателя своего единомышленника П. Гроота¹⁷. Это свидетельствовало о сильных позициях централистов — сторонников независимости в этом собрании. Дебаты начались с обсуждения вопросов о гербе и монете Кундинамарки. Нариньо предложил вместо старого королевского испанского герба избразить на гербе Кундинамарки свободу в виде сидевшей

¹⁵ *T. Blossom*. Op. cit., p. 81.

¹⁶ *I. Lievano Aguirre*. Op. cit., v. III, p. 281—282.

¹⁷ *T. Blossom*. Op. cit., p. 82; *M. J. Forero*. Op. cit., p. 182.

на крокодиле молодой индианки с украшениями из перьев на голове, с колчаном и стрелами за плечами. Против предложения Нариньо выступил К. Торрес, который с этого момента перешел в открытую оппозицию сторонникам окончательного разрыва с Испанией и создания централизованного государства с сильной властью. К. Торрес уехал в Ибагэ, где заседал Конгресс Соединенных провинций, ставший основным оплотом в борьбе с Нариньо.

«Эль Монтальван», за спиной которой стояла не только духовная, но и светская знать, усилила злобную кампанию против Нариньо. Воспользовавшись семейной трагедией Нариньо (его сын Грегорио не разделял взглядов отца и находился под сильным влиянием роялистов), она обвиняла его в связях с роялистами и даже в стремлении стать королем Кундинамарки, ложно истолковывая его централизм в качестве доказательства.

Нариньо не считал нужным посвящать всех в свои семейные дела, полагая, что 11 лет пребывания в испанских тюрьмах достаточно убедительно свидетельствуют о его преданности родине, и не давал публичного отпора клеветникам. Но он понимал, почему его так травят. 12 января 1812 г. «Багатела» опубликовала статью, разоблачавшую союз церковной и светской знати, объединившейся в борьбе против сторонников независимости Новой Гранады.

В тот же день была предпринята попытка убить Нариньо. Покушение было задумано его наиболее оголтелыми противниками, решившими, что пришло время прибегнуть к этой крайней мере. Их орудием стал герой событий 20 июля священник А. Росильо. Озлобленный последовательной политикой Нариньо, в своем стремлении к независимости готового поступиться интересами сословия, к которому он принадлежал по рождению, Росильо согласился поднять руку на своего бывшего единомышленника и друга. Возможно, не последнюю роль в этом сыграли личные качества Росильо, испытывавшего зависть к огромной популярности Нариньо, затмившей прежнюю славу Росильо.

Нариньо, заранее предупрежденный о намерении Росильо, тем не менее не принял никаких предосторожностей по охране собственной жизни. Когда Росильо вошел в кабинет Нариньо, последний запер дверь на ключ и отдал его Росильо, сказав, что знает, зачем тот пришел.

Росильо был потрясен самообладанием Нариньо и сам отдал ему кинжал. Покушение не состоялось. Росильо был арестован, но через месяц по личной просьбе Нариньо освобожден¹⁸.

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ КУНДИНАМАРКИ

Обстановка в Новой Гранаде оставалась тревожной. В Картахене продолжалась борьба между креольской верхушкой и радикальными кругами. 20 января 1812 г. Конституционный конвент, созданный для выработки конституции, назначил президентом провинции представителя креольской знати Х. М. дель Реалья Идальго, а его заместителем брата руководителя движения 11 ноября — Х. Гутьерреса. Это свидетельствовало об определенном равновесии сил креольской аристократии и демократических кругов, но подобная ситуация не могла сохраниться длительное время. Экономическое положение провинции в связи с блокадой продолжало ухудшаться. Торговля была парализована. Пытаясь поправить дела, власти выпустили 300 тыс. песо бумажных денег и 10 тыс. медных. Это вызвало инфляцию. За 100 бумажных песо давали только 10 серебряных или 6 золотых¹⁹. Торговцы наживали огромные барыши на торговле продовольствием. Против властей росло недовольство. Роялисты разжигали эти настроения.

19 февраля в Портобело (Панама) прибыл назначенный Регентским советом вице-король Новой Гранады М. Б. Перес. Картахенская знать ухватилась за его приезд, как за спасительную соломинку. Осведомленный о трудном положении крепости, М. Б. Перес направил президенту Картахены письмо с предложением о переговорах. Английский фрегат с Ямайки взял на себя доставку этого послания адресату. Предложение Переса было принято, и в Панаму были направлены два делегата — Х. М. дель Реаль и Х. Гутьеррес, которые на том же фрегате немедленно отправились в путь. Но, прибыв в Панаму, делегаты Картахены были сразу же арестованы.

¹⁸ *T. Blossom*. Op. cit., p. 86—87.

¹⁹ *E. Lemaitre*. Op. cit., p. 40; *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. I, p. 181—182, 204; *J. M. Henao* y *G. Arrubla*. *Historia de Colombia*. Bogotá, 1967, p. 377.

Их освободили только в результате вмешательства посредников-англичан, которые не хотели ссориться с патриотами. Вице-король уступил, потому что обострение отношений с англичанами в тот момент не входило в его планы. Переговоры не состоялись²⁰.

На юге страны положение патриотов также было трудным. 20 января в Пасто произошли волнения горожан, спровоцированные роялистами²¹. Вся долина Патиа, населенная индейцами, была настроена происпански. Индейцы связывали независимость, изгнание колониальной администрации с ликвидацией общинных земель и новыми налогами и поэтому поддерживали испанского губернатора Такона.

Центральные провинции были охвачены распрями между централистами и федералистами. Креольская верхушка во всем вивила Нариньо, который своей неприимиримостью якобы играл на руку роялистам. Но народ Сантафе, видевший в нем защитника от засилья креольской знати, продолжал его поддерживать. По этой же причине жители Велеса и Сан-Хиля заявили о поддержке Нариньо и о своем желании присоединиться к Кундинамарке. Нариньо увидел в этом начало осуществления своих замыслов сплочения вокруг Кундинамарки отдельных провинций Новой Гранады и приветствовал решение граждан этих городов.

Однако знать Сокорро не хотела терять своего влияния в этом районе и направила войска, чтобы расправиться с непокорными городами. Последние обратились за помощью к Нариньо. Тот выслал отряд под командованием полковника Х. Рикаурте. Завяв Хирон и Памплону, Рикаурте изменил правительству, перейдя на сторону федералистов и отказавшись продолжать борьбу против землевладельческой знати Сокорро и Тунхи. Тогда Нариньо направил еще один отряд под командованием генерала А. Барайи. Но Барайа также перешел на сторону федералистов²², что поставило Нариньо в очень тяжелое положение. Кундинамарка больше не имела войска. И это в

²⁰ *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. I, p. 184; *M. Lallement*. Histoire de la Colombie. Paris, 1827, p. 127.

²¹ *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. I, p. 189.

²² *Ibid.*, p. 200; *M. Lallement*. Op. cit., p. 123.

то время, когда на юге активизировались испанцы, а на севере патриотам угрожала Санта-Марта, уже блокировавшая Картахену.

Положение в Венесуэле также внушало опасения. В апреле в связи с землетрясением и активизацией роялистов положение патриотов сильно осложнилось. В этой обстановке Нариньо счел необходимым пойти на уступки федералистам, надеясь сплотить новогранадцев перед лицом неприятеля. «Багатела», постоянно выступавшая против федералистов и осуждавшая децентрализацию, была закрыта. Ее последний, 38-й номер вышел 12 апреля 1812 г. и содержал призыв «Объединим провинции, чтобы защититься»²³. В ответ на это Конгресс Конфедерации Соединенных провинций предложил Нариньо посредничество в его конфликте с Тунхой.

В мае в Сантафе начались переговоры между Нариньо и представителями Конгресса, завершившиеся заявлением о вступлении Кундинамарки в состав Конфедерации на тех же правах, что и остальные провинции. Но наиболее реакционным представителям креольской знати этого показалось мало. Их не устраивало, что Нариньо по-прежнему оставался на посту президента Кундинамарки. Поэтому правительство Тунхи, вдохновлявшееся креольской верхушкой Сантафе, Картахены и других городов, заявило, что оно не признает результатов переговоров, и начало готовить войско для похода на Сантафе, во главе которого был поставлен Барайа.

Наступление Барайи вынудило Нариньо заявить о своей отставке; этим он хотел предотвратить захват Сантафе. Жители столицы воспротивились отставке и, собравшись у здания кабильдо, требовали продолжения борьбы. Нариньо издал декрет о вооружении всех граждан в возрасте от 15 до 45 лет, независимо от социального положения. Он решил сам возглавить народное ополчение. Поначалу поход был успешным. Креольская знать бежала в Санта-Росу, но на дальнейший ход событий большое влияние оказали события в Венесуэле.

Нариньо сообщили о поражении Миранды. Дни Первой Венесуэльской республики были сочтены. Испанские войска под командованием Монтеверде становились непосред-

²³ «Bagatela», 12 de abril de 1812.—*C. Restrepo Canal*. Op. cit., p. 451.

ственной угрозой для Новой Гранады. Учитывая укрепление позиций роялистов в Санта-Марте, Пасто и Попаяне, а также их успехи в Кито, Нариньо вновь решил пойти на уступки креольской верхушке. Он принял ее предложение о переговорах, которые состоялись в Санта-Росе в тот момент, когда пришло сообщение о падении Каракаса. Нариньо снова заявил о признании власти Конгресса. Он отказался от поста главнокомандующего и передал армию в распоряжение Конгресса²⁴.

Однако, несмотря на это, креольская верхушка Тунхи продолжала настаивать на отставке Нариньо. Его противники в Сантафе активизировались, перейдя в наступление против правительства. Наряду с изданием антиправительственной сатирической газеты «Эль Каррако», они начали формировать из представителей богатых семей вооруженные отряды для борьбы с народными выступлениями. Они устраивали демонстративные сборища под лозунгом «Долой Нариньо!»²⁵, в кварталах бедноты провоцировали скандалы и драки с ремесленниками, избивая приверженцев правительства.

В ответ на эти действия Карбонель попытался создать боевые отряды из ремесленников и других рабочих людей, получившие название «корпус патеадорес». М. Б. де Кастро, замещавший Нариньо на посту президента, пытаясь предотвратить дальнейшее обострение борьбы между народом и знатью Сантафе, запретил всякого рода собрания, демонстрации, ношение оружия, арестовал некоторых наиболее непримиримых противников правительства. Среди арестованных оказались Х. С. де Сантамариа, М. Помбо, П. Рикаурте и другие выходцы из старинных аристократических семейств столицы.

14 августа в Сантафе вернулся Нариньо. Переговоры в Санта-Росе ни к чему не привели, и Барайа начал новый поход на Сантафэ. У Пало-Бланко ополчение Сантафэ было разбито. Узнав о событиях, происходивших в городе за время его отсутствия, Нариньо пошел на новые уступки креольской верхушке — освободил арестованных и распустил «корпус патеадорес». 18 августа он заявил о своей отставке. Она была принята. Нариньо уехал из

²⁴ I. Lievano Aguirre. Op. cit., v. IV, p. 43—45; T. Blossom. Op. cit., p. 93.

²⁵ I. Lievano Aguirre. Op. cit., v. IV, p. 45.

Сантафе в имение «Фуча», недалеко от столицы. Его преемником стал М. Б. де Кастро²⁶.

Креольская верхушка Сантафе приветствовала отставку Нариньо. Ее торжество омрачалось лишь волнениями городской бедноты, опасавшейся, что перемены в правительстве развяжут руки креольской верхушке для расправы с народом. Растерявшийся Кастро не знал, что предпринять. Столичная знать обратилась к Барайе, призывая его вступить в Сантафе для поддержания порядка. Она лелеяла мечту с его помощью расправиться с централистами.

10 сентября, когда слух об обращении к Барайе дошел до предместьев, улицы Сантафе заполнились народом. Манифестанты требовали возвращения Нариньо и принятия необходимых мер для организации обороны города от армии федералистов. На следующий день собралась Избирательная коллегия для решения вопроса о власти. Вечером на главной площади Сантафе собрались тысячи людей. Карбонель произнес пламенную речь, направленную против креольской аристократии. Ввиду чрезвычайных обстоятельств, вызванных начавшейся гражданской войной в центральных провинциях Новой Гранады, он потребовал от Избирательной коллегии вооружить народ и установить диктатуру, назначив Нариньо диктатором²⁷. Коллегия решила просить Нариньо вернуться.

12 сентября 1812 г. вернувшийся в Сантафе Нариньо был провозглашен диктатором Кундинамарки. Выступая на площади перед народом, он призвал граждан быть готовыми к вооруженной борьбе в защиту отечества. Зачитанный им декрет грозил арестом и лишением имущества всем, кто выступит против правительства, и вводил смертную казнь за особо тяжелые преступления против свободы и безопасности государства. Вместе с тем объявлялось о помиловании тех солдат и офицеров из армии федералистов, которые в течение месяца сложат оружие и заявят о своем признании правительства Кундинамарки. Декрет предлагал всем недовольным в течение пяти дней покинуть Сантафе²⁸.

²⁶ Ibid., p. 46—49; *M. Lallement*. Op. cit., p. 123; *T. Blossom*. Op. cit., p. 94.

²⁷ *I. Lievano Aguirre*. Op. cit., v. IV, p. 49—53; *M. J. Forero*. Op. cit., p. 193.

²⁸ *I. Lievano Aguirre*. Op. cit., v. IV, p. 54; *M. J. Forero*. Op. cit., p. 195.

Установление диктатуры в Кундинамарке ускорило созыв чрезвычайной сессии Конгресса Конфедерации Соединенных провинций, открывшейся в Лейве 4 октября 1812 г. На неё съехались 14 представителей от 8 провинций (Сокорро, Тунха, Аптлюкия, Памплона, Касанаре, Картахена, Попаян и Кундинамарка). Среди депутатов были К. Торрес, Х. Асеведо-Гомес, Х. М. Кастильо, Х. Камачо, Х. Ф. Мадрид. Приверженцев федерализма Кундинамарки представлял один из авторов монархической и федералистической конституции 1811 г., Л. Э. Асуола. Целью чрезвычайной сессии Конгресса было не только оформить присоединение к Конфедерации двух новых провинций — Попаяна и Сокорро, но и выработать меры по борьбе с централистами Кундинамарки. Креольская аристократия опасалась революционных потрясений, которыми, как ей казалось, грозила их деятельность. Депутаты приняли торжественный Акт о создании Федерации Соединенных провинций и избрали ее президентом К. Торреса²⁹.

Чтобы привлечь симпатии народа к федералистам, креольская знать не жалела денег на устройство иллюминаций, карнавалов, коррид. Одновременно с этим велась усиленная клеветническая кампания против централистов и их вождя Нариньо. Лейва была превращена в вооруженный лагерь для подготовки к походу на Сантафе. Сюда прибывали войска из Сокорро и Тунхи. Их обучали Барайа, Х. Рикаурте, Сапандер и другие офицеры — выходцы из среды креольской аристократии. Поскольку Кундинамарка формально не порвала связей с Конфедерацией и автоматически стала членом Федерации Соединенных провинций, Конгресс заявил, что ее пребывание в составе Федерации обуславливается отставкой Нариньо, отменой всех его декретов и реформ и восстановлением конституции 1811 г.

Узнав о решениях Конгресса, Нариньо объявил чрезвычайное положение в Сантафэ. Были созданы трибуналы бдительности для преследования лиц, враждебно настроенных против правительства Кундинамарки. Началась проверка запасов продовольствия, чтобы предотвратить спекуляцию. Народу было роздано оружие³⁰. 23 октяб-

²⁹ J. M. Restrepo. Op. cit., t. II. Bogotá, 1942, p. 42—43; I. Lievano Aguirre. Op. cit., v. IV, p. 55—60.

³⁰ I. Lievano Aguirre. Op. cit., v. IV, p. 54—55, 60—65.

ря на большом собрании из представителей властей и горожан Нариньо поставил на обсуждение два вопроса: 1) следует ли принять требование Конгресса об отставке; 2) оправдано ли дальнейшее пребывание Кундинамарки в составе Федерации. Собравшиеся единодушно отклонили ультиматум Конгресса относительно отставки Нариньо и потребовали выхода Кундинамарки из состава Федерации Соединенных провинций. Нариньо стал готовить войско для борьбы с федералистами.

Узнав об отклонении своих требований и военных приготовлениях Сантафе, Конгресс считал для себя пребывание в Лейве недостаточно безопасным и переехал в Тунху, ставшую теперь главным оплотом федералистов. 2 ноября Конгресс обвинил Нариньо в узурпации власти и тирании, назвав его врагом свободы народа Новой Гранады. Это было равносильно объявлению войны Кундинамарке. Нариньо решил лично возглавить армию. Стремясь предотвратить кровопролитие и надеясь склонить жителей Тунхи к переговорам, он обратился к ним с прокламацией, в которой объяснялись причины, побудившие граждан Сантафе взяться за оружие ³¹.

Не дождавшись ответа, в конце ноября Нариньо выступил в поход. 2 декабря у Альто-де-ла-Вирхена, недалеко от Вентакемады, произошло сражение, в котором войско Нариньо было разбито. Он срочно вернулся в Сантафе для организации обороны города. Ему удалось собрать всего 800 солдат против 5-тысячной армии Барайи, приближавшейся к Сантафе. Казалось, сдача города была неизбежна.

Нариньо направил Барайе письмо, принимая требование Конгресса о своей отставке при условии, что Сантафе не будет подвергнут штурму. Он лично встретился с Барайей, надеясь убедить последнего избежать кровопролития. Но Барайа верил в свою победу и был непреклонен. Кабиљдо также пытался склонить его к мирным переговорам. «Либо вы сдаетесь на милость победителя,— заявил в ответ Барайа,— либо я предам город огню и мечу».

Угрозы Барайи не оставить в Сантафэ камня на камне возымели свое действие. Горожане вновь заявили Нарин-

³¹ J. M. Restrepo. Op. cit., t. II, p. 47; T. Blossom. Op. cit., p. 94—95; I. Lievano Aguirre. Op. cit., v. IV, p. 68.

ньо о своей поддержке и принялись строить укрепления. Особенную активность проявляли бедняки — жители предместий. Не покладая рук, они работали на укрепления стен и сооружении укрытий для пушек. 28 декабря 1812 г. федералисты начали осаду города, а 9 января 1813 г. — штурм. Намереваясь спасти богатые кварталы от разрушения, Барайа приказал штурмовать ворота Сан-Викторино. И в этом состоял его просчет. В районе Сан-Викторино (квартал бедноты) насчитывалось много сторонников Нариньо, готовых сражаться до последней возможности. Несмотря на значительный численный перевес, атаки федералистов успеха не имели — осажденные стояли насмерть.

Солдаты Нариньо перешли в контратаку. После артиллерийского обстрела в дело вступила кавалерия, которая смяла оборону федералистов. За кавалеристами бросились горожане, вооруженные чем попало. Они довершили панику, посеянную кавалеристами. Массовое бегство федералистов завершилось почти поголовной сдачей в плен. Разгром федералистов был полным. Пленных насчитывалось более 1 тыс. человек. Даже весь штаб Барайи попал в плен. По приказу Нариньо пленные солдаты были сразу же освобождены и получили по 4 песо каждый на обратную дорогу домой. Офицеры подлежали высылке. Раненым была оказана медицинская помощь, и они могли оставаться в Сантафе до полного излечения³². Народ Сантафе праздновал свою победу над федералистами, оставшимися без армии.

Если в центральных провинциях Новой Гранады борьба между креольской знатью, заинтересованной в сохранении многих феодальных институтов, и ее политическими противниками, объективно выражавшими тенденцию буржуазного развития, приняла форму борьбы между федералистами и централистами, то в Картагене она носила более открытый характер, хотя и здесь велись споры о федерализме и централизме. В результате решительной поддержки народа у власти оказалось радикальное крыло патриотов. 14 июня 1812 г. была принята конституция в духе французской конституции времен революции. Пре-

³² *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. II, p. 50—52; *M. Lallement*. Op. cit., p. 124—125; *J. Lievano Aguirre*. Op. cit., v. IV, p. 87—90; *T. Blossom*. Op. cit., p. 101—105; *M. J. Forero*. Op. cit., p. 202—203.

зидентом был избран М. Родригес Торисес, его заместителем — Г. Гутьеррес де Пиньерес. Опираясь на офицерство, связанное узами родства с креольской верхушкой, роялисты крепости начали плести заговоры против правительства. Поэтому последнее вынуждено было обратиться за помощью к наемникам. Стали практиковать приглашение на службу иностранных офицеров, в основном французов. Им платили не только жалованье, но и раздавали пустующие земли в надежде, что они навсегда останутся в Картахене³³. Среди них были люди с революционными убеждениями, но были такие, которых интересовала только нажива.

В ноябре 1812 г. в Картахену после гибели Первой Венесуэльской республики прибыла группа венесуэльцев во главе с С. Боливаром. В составе группы находились также братья Карабаньо, Кортес Кампоманес и Бермудес. Венесуэльцы рассчитывали на помощь Новой Гранады в деле освобождения своей родины. 15 декабря С. Боливар обратился с воззванием к новогранадцам, призывая их прийти на помощь братскому венесуэльскому народу, объединить усилия в борьбе против общего врага: «Поспешим же разорвать цепи жертв, стонущих в застенках, ожидая от нас избавления! Будьте достойны их доверия! Отзовитесь на стоны ваших братьев! Спешите отомстить за убитых, спасти умирающих, принести освобождение угнетенным и свободу всем!»³⁴.

Боливар с давних пор находился в дружеских отношениях с семьей Гутьерресов де Пиньерес, и поэтому правительство Картахены рассчитывало на поддержку венесуэльцев. Оно уволило всех роялистски настроенных офицеров в крепости, заменив их французами или венесуэльцами. Теперь патриоты смогли начать наступление на роялистов Санта-Марты.

В конце декабря 1812 г. войска Картахены под командованием генерала-француза Лабатю очистили от испанцев Ситионуэво, Гуаймаро, Ла-Сьенагу в провинции Сан-

³³ *E. Lemaitre. Op. cit., p. 40; J. M. Henao y G. Arrubla. Op. cit., p. 378; I. Lievano Aguirre. Op. cit., v. IV, p. 158—159; M. Lallement. Op. cit., p. 127.*

³⁴ *Memoria dirigida a los ciudadanos de la Nueva Granada por un Caraqueño.— El pensamiento político del Libertador. Bogotá, 1953, p. 20 (русский перевод дан по: М. С. Альперович. Испанская Америка в борьбе за независимость, М., 1971, стр. 75).*

та-Марта и даже овладели ее столицей. В Санта-Марте была восстановлена свергнутая в конце 1810 г. хунта. Венесуэльцы привяли активное участие в боевых действиях картахенских войск. Кортес Кампоманес, командовавший вторым корпусом, освободил Толу́ и Сан-Бенито, а картахенская флотилия во главе с М. Карабаньо отбила Сиспату — последний оплот испанцев в провинции Картахена.

Боливар, командовавший третьим корпусом картахенских войск, освободил Тенерифе и все нижнее течение р. Магдалены. Двухмесячная военная кампания Боливара завершилась взятием Кукуты³⁵. За ней была уже Венесуэла.

Конгресс Федерации Соединенных провинций отметил заслуги С. Боливара в освобождении Новой Гранады, присвоив ему звание бригадира и даровав новогранадское гражданство. В то же время Конгресс разрешил Боливару сформировать корпус из венесуэльцев и новогранадских добровольцев для изгнания испанцев из Венесуэлы. В мае 1813 г. корпус Боливара начал боевые действия на ее территории³⁶.

Между тем в Санта-Марте положение патриотов вновь осложнилось. Лабатю не препятствовал грабежам, которые учинили бывшие в его корпусе иностранцы, под видом возмездия роялистам разграбившие и многие богатые дома патриотов. Это вызвало недовольство французским генералом. Оно усугублялось также ухудшением экономического положения граждан, последовавшим за введением в Санта-Марте картахенских бумажных денег, что привело к инфляции. Все это благоприятствовало роялистской пропаганде происпански настроенных священников, находившихся под влиянием архиепископа Сакристана и враждебно относившихся к правительству «безбожников». Священники-роялисты сумели восстановить против патриотов индейцев, для которых восстание против Испании отождествлялось с защитой интересов креольских помещиков, захвативших индейские земли. В начале марта 1813 г. вспыхнуло индейское восстание в Бонде и Маматоке. Его поддержало население Санта-Марты. Лабатю бежал, бросив на произвол судьбы своих солдат. Про-

³⁵ *M. Lallement. Op. cit., p. 129.*

³⁶ *М. С. Альперович. Указ. соч., стр. 75—76.*

испански настроенный кабильдо обратился за помощью к Монтеверде, командовавшему испанскими войсками в Венесуэле ³⁷.

Потеря патриотами Санта-Марты привела к возобновлению экономической блокады Картахены. Поэтому картахенское правительство начало готовить новую военную экспедицию против Санта-Марты. Поход возглавил сам президент Торисес, но в бою 11 мая 1813 г. он потерпел поражение. В наступление был вновь направлен Лабатю, но и его войско было разбито. В итоге этих кровопролитных боев оставшаяся без армии Картахена не могла больше вести наступательных операций против роялистов. Потеря Санта-Марты и армии вызвала недовольство населения Картахены, для которого это означало продолжение тягот, связанных с экономической блокадой крепости. Правительство вынуждено было арестовать Лабатю и выслать его на Антильские о-ва ³⁸.

Тем временем события в столице Новой Гранады развивались следующим образом. Ввиду нарастания угрозы вторжения испанцев, Нариньо не решился со всей полнотой воспользоваться плодами победы населения Сантафе над федералистами. Опасаясь дальнейшего углубления конфликта между централистами и федералистами, он не стал диктовать условий мира побежденным. Чтобы не осложнять положения, он вел утомительные переговоры с Х. М. Кастильо, Х. Ф. Мадридом и Х. Т. Лосано — представителями Конгресса Федерации Соединенных провинций, прибывшими в Сантафэ для заключения мирного договора. Нариньо предложил созвать новый конгресс, избранный на основе всеобщих выборов с учетом, что каждые 50 тыс. жителей пошлют в него по одному депутату. Такой порядок выборов ставил под угрозу влияние крепольской аристократии, которая рисковала потерять свое господствующее положение. Поэтому предложение Нариньо не было принято. Поскольку посланцы Конгресса также не могли диктовать своих условий Нариньо, подписанный 30 марта 1813 г. мирный договор констатировал сложившееся положение вещей: Федерация Соединенных

³⁷ *J. M. Henao y G. Arrubla. Op. cit., p. 399—400; J. M. Restrepo. Op. cit., t. II, p. 64—65.*

³⁸ *J. M. Restrepo. Op. cit., t. II, p. 66—69; E. Lemaitre. Op. cit., p. 42—43; J. M. Henao y G. Arrubla. Op. cit., p. 400.*

провинций с Конгрессом в Тунхе продолжала существовать сама по себе, а Кундинамарка — сама по себе. Мирный договор предусматривал лишь, что они обязуются не вести вооруженных действий друг против друга³⁹.

Нариньо использовал прекращение военных действий с федералистами для упрочения положения сторонников независимости в Кундинамарке. Активное участие населения в обороне Сантафе и недостойное поведение многих представителей старинных креольских семей в связи с осадой города привели к изменению в расстановке политических сил. Это сказалось на итогах выборов в кабилдо, состоявшихся в марте 1813 г. Они принесли победу сторонникам Нариньо, знаменуя приближение часа провозглашения независимости Кундинамарки. В Сантафе состоялась торжественная церемония с участием Нариньо, посадившим на одной из площадей города миртовое дерево — символ свободы. Состоялся военный парад. Узнав об этом, креольская верхушка Федерации Соединенных провинций вновь заговорила о походе на Кундинамарку. Поползли слухи о новом союзе между Тунхой и Сокорро, направленном против Сантафе. Чтобы добыть денег для отражения возможной агрессии, Нариньо пришлось восстановить табачную монополию.

Победа на выборах в кабилдо позволила Нариньо без особых опасений приступить к перевыборам Избирательной коллегии. Они состоялись 13 июня и продемонстрировали крепнущие позиции централистов. В тот же день Нариньо был назначен пожизненным диктатором Кундинамарки⁴⁰. Он принес присягу Избирательной коллегии и обратился к депутатам с большой речью, подчеркнув пагубность федерализма и ратуя за единое централизованное государство. Это выступление Нариньо свидетельствовало о его глубоком понимании перспектив и задач момента.

«Мы слепо скопировали систему США, — говорил Нариньо, имея в виду Федерацию Соединенных провинций. — Все отдельно для каждого маленького штата. Прошло три года, но ни одна провинция не имеет ни денег, ни оружия, ни школ... Если дела и дальше так пойдут,

³⁹ *M. Lallement. Op. cit., p. 150; T. Blossom. Op. cit., p. 105—106; I. Lievano Aguirre. Op. cit., v. IV, p. 96.*

⁴⁰ *T. Blossom. Op. cit., p. 107—108.*

нас ожидает полное разорение, и в этом виноваты мы сами. Не следует сравнивать нас с США. У нас разные условия. Прекрасные конституции нас разорят. То, что хорошо для одних, не подходит для других. Мы погубим себя, если оставим все по-старому. Анархия и отсутствие единства — главное зло. Мы не можем жить врозь. Нужен компромисс с обеих сторон. Иначе нам грозит гражданская война. Мое предложение об объединении не было принято всеми провинциями. А без этого у нас не будет денег, а без них не будет войска. Без войска не будет силы, а без силы — свободы. Нам необходим пересмотр конституции... У нас слишком много законодателей и мало исполнителей... Слабость наших слишком горячих демократов в том, что они гонятся за должностями, знаками отличия и любят безделье. Стоит только предложить им трудную работу, как их патриотизм сразу улечивается. Неопределенность границ — причина нашей слабости, несовершенство налоговой системы — причина нашей бедности. Федеральная система идеальна для тех, кто достиг зрелости в своем развитии, кто имеет достаточный и гарантированный доход и способен защитить себя. Для только что родившихся государств, которым угрожает интервенция из Европы, она не пригодна. Но мы заразились ею от Английской Америки. Правительство должно ввести строгую систему экономии. Казна должна быть полна. Тогда у нас будет оружие для защиты.

Когда-то наша судьба зависела от нескольких гордых лиц. Сейчас она зависит от нас самих. Мы должны научиться мыслить, подавлять наши страсти, наши антипатии и наши пороки. Мы должны научиться без колебаний жертвовать нашими личными интересами и даже жизнями для блага родины»⁴¹.

Угроза вторжения испанцев с каждым днем становилась все реальнее. Нариньо торопился укрепить тыл, чтобы встретить их во всеоружии. Большинство в Избирательной коллегии и твердая поддержка местных органов самоуправления создавали благоприятную обстановку для окончательного разрыва с Испанией и провозглашения независимости Кундинамарки. Это было не только осуще-

⁴¹ Содержание речи А. Нариньо дается по ее английскому переводу из: *T. Blossom. Op. cit., p. 109—112.*

ствлением давней мечты Нариньо. Этого настоятельно требовали обстоятельства. 16 июля 1813 г. «абсолютная и полная независимость от испанской короны и правительства Испании» была наконец провозглашена. В торжественном «Акте о независимости Кундинамарки», написанном Нариньо, это решение аргументировалось не только пребыванием испанского короля на иностранной территории, захватом трона Наполеоном, но и открытой войной, которую испанцы начали против жителей Новой Гранады⁴².

Провозглашение независимости сопровождалось торжественными церемониями — мессами, принесением клятвы, снятием испанских королевских символов и, конечно, карнавалами и фейерверками. Правительство объявило трехцветный флаг (голубой, желтый и красный) национальным флагом Кундинамарки и начало чеканить собственную монету, на которой вместо испанского королевского герба была изображена индианка и начертаны слова: «Американская свобода. Новая Гранада. Кундинамарка 1813 год». Монета имела хождение только в Кундинамарке⁴³.

Вслед за Кундинамаркой объявила о разрыве с Испанией Антиокия (11 августа 1813 г.). Здесь во главе хунты стоял Х. дель Корраль из Момпоса, придерживавшийся прогрессивных убеждений. Он считал народный суверенитет основой власти и был убежденным централистом. Корраль много сделал для того, чтобы добиться запрещения рабства, которое он называл позором для цивилизованного общества. Он был осведомлен о том, что испанцы используют освобожденных рабов в борьбе против патриотов, и понимал опасность этого мероприятия в руках роялистов при абсолютной пассивности новогранадских властей в этом вопросе. Корраль обратился к Конгрессу Федерации Соединенных провинций в Тунхе с предложением об отмене рабства, но его депутаты, многие из которых сами были крупными рабовладельцами, потопили это предложение в многословных дебатах. Не дождавшись их конца, 20 апреля 1814 г. Х. дель Корраль издал декрет об освобождении рабов в своей провинции. Антио-

⁴² [Acta de] Independencia de Cundinamarca de 16 de julio de 1813.—
L. Molano Daza. Op. cit., p. 389.

⁴³ *J. M. Restrepo. Op. cit., t. II, p. 84.*

кия оказалась единственной из освобожденных провинций Новой Гранады, решившейся на такой шаг. По инициативе Коррала в Антиокии была также проведена конфискация имущества испанцев и местных роялистов, что дало на нужды обороны 70 тыс. песо⁴⁴.

ПОРАЖЕНИЕ РАДИКАЛЬНОГО КРЫЛА ПАТРИОТОВ В САНТАФЕ И КАРТАХЕНЕ

Позиции патриотов на юге были непрочными. В этом горном районе с обилием золотых приисков большим влиянием пользовались шахтовладельцы-рабовладельцы, издавна связанные с Испанией и не желавшие с ней порывать из страха за свои доходы. К тому же среди основной массы населения сильны были происпанские настроения, вызванные политикой новых креольских властей в индейском вопросе. Учитывая это, президент Кито Т. Монтес решил начать наступление против патриотов. Он послал против них войска под командованием Х. Самано. В начале июня 1813 г. Самано покинул Пасто и двинулся к Попаяну, где находился гарнизон в составе 300 человек под командованием Х. И. Родригеса.

При приближении войск Самано Хунта Попаяна приказала оставить город, несмотря на решимость гарнизона отстоять его во что бы то ни стало. 1 июля Самано без боя занял Попаян и начал преследование отступавшего гарнизона. Родригес, отказавшись от арьергардных боев, распустил свой отряд. Это отдало во власть Самано всю долину Кауки. Он занял Кали, Бугу и другие города. Французский офицер Сервье, находившийся на службе у попаянской Хунты, объединив вокруг себя недовольных пассивной тактикой Родригеса, пытался задержать наступление Самано, но силы были слишком неравны, и он был разбит у Палогордо.

К началу августа Самано захватил всю провинцию Попаян, но прежде, чем продолжить свое продвижение на север, отправил к Нариньо гонца, предлагая ему капитулировать и обещая взамен прощение короля. Нариньо

⁴⁴ I. Lievano Aguirre. Op. cit., v. IV, p. 100—103; J. M. Henao y G. Arrubla. Op. cit., p. 406; J. M. Restrepo. Op. cit., t. II, p. 80; C. Restrepo Canal. La libertad de los esclavos en Colombia. Bogotá, 1938, p. XXV.

ответил, что не может согласиться на капитуляцию и готов на все, лишь бы не видеть свою родину снова в рабстве.

Нариньо начал переговоры с Конгрессом в Тунхе. Чтобы положить конец борьбе федералистов с централистами, он 29 августа отказался от должности диктатора, назначив вместо себя триумvirат во главе с М. Б. Альваресом⁴⁵. Это облегчило переговоры об объединении вооруженных сил Кундинамарки и Федерации Соединенных провинций. Нариньо был назначен главнокомандующим для похода на юг. Казалось, недавние враги готовы были забыть о своих разногласиях перед лицом общей угрозы. Но если истинные патриоты шли на любые жертвы во имя защиты родины, то креольская аристократия и в этот тревожный для отечества момент продолжала интриговать против Нариньо и радикальных кругов Новой Гранады, пытаясь использовать предстоящий поход для укрепления своего положения.

Назначение Нариньо на пост главнокомандующего означало его удаление из Сантафе, что лишало население столицы самого влиятельного его руководителя. И это была одна из причин, почему Конгресс согласился на столь высокий пост для своего недруга. Вторая причина заключалась в тайной надежде, что тяготы военного похода подорвут и без того слабое здоровье Нариньо или он будет убит в сражении. Креольская верхушка провинций не проявляла особой добросовестности при формировании воинских подразделений, поступающих в распоряжение Нариньо. Они были плохо вооружены, состояли из необученных юнцов, а главное, были малочисленны. Сокорро, Тунха и Нейва выделили всего по 200 солдат, а Антиокия — 300, и это против 2-тысячной регулярной армии Х. Самано.

Основная тяжесть подготовки похода легла на плечи Кундинамарки. Нариньо заставил богачей раскошелиться, проведя заем на 300 тыс. песо на военные расходы. Церковники распространяли слухи, будто Нариньо собирает конфисковать церковные украшения, чтобы покрыть нужду в деньгах. Это была месть креольской верхушки,

⁴⁵ *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. II, p. 75—78, 86; *T. Blossom*. Op. cit., p. 116; *M. J. Forero*. Op. cit., p. 205; *J. M. Henao* y *G. Arrubla*. Op. cit., p. 399.

духовной и светской, не желавшей финансировать своего политического противника. 21 сентября объединенное войско Кундинамарки, Тунхи и Сокорро в составе 1200 пехотинцев и 200 кавалеристов во главе с Нариньо покинуло Сантафе. Кавалерией командовал сын Нариньо, тоже Антонио ⁴⁶.

Едва Нариньо покинул пределы Сантафе, как в городе подняли головы роялисты, начав активную подготовку контрреволюционного путча. Правительство создало трибунал бдительности и безопасности, ввело смертную казнь для заговорщиков; опасаясь вооруженного мятежа роялистов, 1 октября 1813 г. опубликовало декрет о немедленной сдаче оружия. Положение продолжало оставаться тревожным. 3 ноября правительство издало новый декрет, запрещающий собрания людей на улицах, а также критику правительства. Всем недовольным предлагалось представить свои замечания в суд в письменном виде ⁴⁷.

Тем временем в войске Нариньо против него интриговали ставленники Конгресса. Ненависть креольской знати к Нариньо была так велика, что, забыв об испанской опасности, она решила лишить свои войска главнокомандующего. 19 декабря в Сантафе поступило известие о новой попытке заговора с целью убийства Нариньо. В заговоре участвовали венесуэлец К. Кампоманес, француз Сервье, а также М. Кастильо-и-Рада из Картахены. Все они были по своим политическим убеждениям федералистами. Заговор был вовремя раскрыт, а его участники арестованы ⁴⁸.

В военном отношении положение Нариньо было незавидным. Не хватало оружия и боеприпасов. Чтобы выиграть время, он вступил в переписку с Самано, предлагая ему мир и призывая присоединиться к патриотам, ссылаясь на то, что на полуострове царит хаос, правительства фактически не существует, и Испания не в состоянии сама себя защитить от Бонапарта, не говоря уже о заморских территориях. Нариньо писал Самано, что но-

⁴⁶ *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. II, p. 74, 87, 92; *I. Lievano Aguirre*. Op. cit., v. IV, p. 99; *T. Blossom*. Op. cit., p. 113, 117.

⁴⁷ *T. Blossom*. Op. cit., p. 117; *J. M. Henao* y *G. Arrubla*. Op. cit., p. 399.

⁴⁸ *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. II, p. 101; *T. Blossom*. Op. cit., p. 118; *I. Lievano Aguirre*. Op. cit., v. IV, p. 104.

вогранадцы не хотят попасть под власть Наполеона и потому взялись за оружие, что Самано не к лицу быть орудем в руках корсиканца. Самано не принял предложения Нариньо⁴⁹. Переговоры не состоялись.

Первое сражение произошло в местечке Паласе, у моста через Кауку, 30 декабря 1813 г. Оно закончилось разгромом испанцев. Поражение вынудило Самано без боя оставить Попаян, куда Нариньо вступил в канун нового 1814 г.⁵⁰ Однако основные силы Самано продолжали угрожать армии патриотов. Из-за ничем не оправданной медлительности командиров антиокийского и попаянского отрядов Гутьерреса и Родригеса Нариньо не смог предотвратить объединения раздробленных испанских сил: полковник Асйн соединился с Самано, находившимся в асьенде Калибью.

15 января 1814 г. у Калибью произошло новое сражение. В нем приняли участие подразделения из Тунхи, Сокорро, Попаяна. Но основной удар на себя снова приняли кундинамаркцы, находившиеся вместе с Нариньо в самом центре битвы. И на этот раз победа оказалась на стороне Нариньо. Самано оставил поле боя и с небольшой охраной бежал в Пасто. Руководство испанцами принял на себя полковник Асйн. Нариньо послал к нему парламентаров с предложением о сдаче на самых почетных условиях, но Асйн на них не согласился и сражался, пока не был убит. Потери испанцев составили более 400 человек убитыми и пленными. Нариньо захватил 8 пушек и 200 ружей⁵¹.

Несмотря на крупное поражение испанцев, военная кампания на юге была еще далеко не закончена. Укрепившийся в Пасто Самано получал пополнения из Кито и готовился к новому сражению с патриотами. Нариньо же, в течение двух месяцев ожидавший подкреплений от провинций, не получил почти ничего. Провинции не торопились с помощью, а то, что посылалось, не доходило до Нариньо из-за враждебности населения, отличавшегося в этом районе особым религиозным фанатизмом, разжигае-

⁴⁹ *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. II, p. 92; *T. Blossom*. Op. cit., p. 119.

⁵⁰ *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. II, p. 102; *I. Lievano Aguirre*. Op. cit., v. IV, p. 105—106.

⁵¹ *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. II, p. 103—104; *I. Lievano Aguirre*. Op. cit., v. IV, p. 108—110.

мым местными священниками, мстившими Нариньо за его конфликт с церковной верхушкой.

Пребывание армии Нариньо в Попаяне способствовало усилению здесь позиций радикальных элементов. Они стали издавать еженедельную газету «Ла Аурора», которая ставила своей целью сплочение всех прогрессивно настроенных сил провинции. В ответ на это креольская аристократия плела заговоры, провоцируя горожан на мятеж против армии Нариньо⁵².

Не получая ни денег, ни подкреплений и не надеясь на возможность переговоров с Самано, Нариньо предпринял попытки склонить жителей Пасто на сторону патриотов, воспользовавшись прежними связями с креольской аристократией города. Он написал письмо кабильдо, убеждая его членов в том, что они ошибаются относительно миролюбия испанского губернатора Монтеса в Кито. «Нам нужно объединиться, а не воевать друг с другом, — убеждал Нариньо. — Испанцы вооружают американцев против американцев. Я предлагаю вместо этого мир и переговоры».

Кабильдо отклонил мирные предложения Нариньо. Монтес, узнав о попытках Нариньо вступить в переговоры с пастуанцами, в свою очередь обратился к кабильдо Пасто, предостерегая его от контактов с Нариньо. Монтес запугивал кабильдо налогами и беспорядками, ссылаясь на Попаян, где правительство патриотов действительно вынуждено было ввести новые налоги на нужды обороны⁵³.

Тем временем Нариньо получил сведения об испанских войсках, направляющихся из Перу на помощь роялистам Пасто. Это вынудило его продолжить переписку с кабильдо Пасто относительно мира. «Я пришел не разрушать, не за мстью, не за победой, а за миром и справедливостью», — говорилось в его новом письме. 4 апреля кабильдо снова отклонил мирные предложения Нариньо, назвав его агрессором. Через два дня Нариньо вновь написал упрямому кабильдо, уверяя, что у них нет причины для войны, потому что испанцы в Испании борются за то же, за что борются патриоты — за свободу и спра-

⁵² J. M. Restrepo. Op. cit., t. II, p. 105, 120; I. Lievano Aguirre. Op. cit., v. IV, p. 107.

⁵³ T. Blossom. Op. cit., p. 121.

ведливость. 8 апреля последовал еще один отказ Кабильдо, содержавший брань в адрес Нариньо. Последнему ничего другого не оставалось, как продолжить военную кампанию.

28 апреля армия Нариньо форсировала р. Хуанамбú и захватила высоту Буэсако. Испанские войска под командованием Аймерича отошли к Пасто⁵⁴. 2 мая после боя у Качабамбы испанцы снова отступили. Продолжая преследование врага, 9 мая Нариньо приблизился к Тасинесу, где нанес еще одно поражение испанцам, бежавшим в Пасто. Потери Аймерича были настолько велики, что он без боя оставил Пасто и с остатками своих войск направился в Кито.

Узнав об этом, Нариньо решил немедленно продолжить наступление на Пасто, до которого было всего 4 часа пути. Предоставив основным силам, уставшим после многочасового боя, отдых, он с батальонами гренадеров Кундинамарки, Кауки и Сокорро ускоренным маршем двинулся к Пасто, надеясь захватить оставленный Аймеричем город, прежде чем жители успеют подготовиться к обороне. Командование силами, оставшимися в Тасинесе, Нариньо доверил полковнику Родригесу. Это была ошибка Нариньо, ибо сторонники Конгресса, воспользовавшись личной обидой Родригеса на Нариньо, уговорили его не выполнять приказ о подходе основных сил к Пасто утром 10 мая.

Положение авангарда во главе с Нариньо становилось с каждым часом все более критическим. Кабильдо после ухода Аймерича успел вызвать индейцев из «ресгвардос», которые вышли в тыл отряда Нариньо, отрезав дорогу на Тасинес, в то время как часть авангарда, ворвавшись в город, начала вести ожесточенные бои в предместье⁵⁵. Жители Пасто, даже обитатели кварталов бедноты, одурманенные роялистской пропагандой, усиленно проводившейся священниками, были настроены резко против Нариньо. Они видели в нем безбожника, посягнувшего на священные права католического монарха. Для них дело защиты испанской короны олицетворялось в тот момент с

⁵⁴ *T. Blossom*. Op. cit., p. 122—123; *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. II, p. 122—125; *I. Lievano Aguirre*. Op. cit., v. IV, p. 112—115.

⁵⁵ *I. Lievano Aguirre*. Op. cit., v. IV, p. 119.

защитой порядка, против которого взбунтовались богатые креолы — их угнетатели. Поэтому солдаты Нариньо встретили ожесточенное сопротивление и вынуждены были отступить.

Нариньо понял, что авангарду без подхода основных сил города не взять, и приказал закрепиться на подступах к нему. Положение оставалось тяжелым. Немногочисленные силы Нариньо постоянно беспокоили вылазки горожан, а дорога на Тасинес была отрезана индейцами. К вечеру 10 мая горожане и индейцы перешли в наступление сразу на трех участках. Не выдержав натиска, обратились в бегство сокорранцы и кауканцы. В результате мужественного поведения солдат Кундинамарки, которыми командовал сам Нариньо, атаки наступавших были отбиты. Но у Нариньо осталось всего 200 человек.

Не имея возможности отступить из-за индейских заслонов, Нариньо с несколькими офицерами глубокой ночью отправился в Тасинес, чтобы привести наконец основные силы на выручку авангарду. Но опередившие его беглецы успели посеять в лагере панику, пустив слух, что Нариньо убит, а отряд полностью разгромлен. Родригес приказал отступать в Попаян. Это произошло за два часа до появления в Тасинесе Нариньо. Увидев заклепанные пушки и брошенных раненых, он немедленно послал в догонку за Родригесом полковника Кабаля с приказом вернуться, а на следующий день своего сына Антонио. Но все было напрасно. Родригес уводил основные силы к Попаяну, бросив Нариньо и оставшихся с ним солдат на произвол судьбы. Три дня Нариньо ждал возвращения войск, но напрасно.

Деморализованные явным предательством Родригеса оставшиеся у Нариньо солдаты разбежались. 14 мая Нариньо был схвачен в горах индейцами и под конвоем отправлен в Пасто. В пути он благоразумно умолчал о своем имени и его ввели в дом к вернувшемуся в Пасто Аймеричу как простого пленного солдата из армии Нариньо. А вокруг дома бесновалась толпа горожан, подстрекаемая наиболее оголтелыми фанатиками-роялистами, требовавшими немедленной виселицы для пленника. Под их натиском трещали двери. Пленник твердыми шагами направился к балкону и очутился один на один с беснующейся толпой. От неожиданности все затихли, а он произнес: «Жители Пасто! Если вы хотите генерала На-

риньо, то он здесь перед вами»⁵⁶. И тут началось что-то невообразимое. Одни яростно кричали, требуя его немедленно повесить. Другие, невольно покоренные тем, как храбро и с достоинством держался Нариньо перед лицом смертельной опасности, требовали передать решение его дальнейшей судьбы Аймеричу. Немедленной расправы не последовало. Нариньо отвели в тюрьму.

Не теряя присутствия духа, Нариньо как президент Кундинамарки предложил Аймеричу заключить перемирие на полтора года. Пока тот раздумывал над ответом, из Кито от губернатора Монтеса пришел приказ о немедленном расстреле Нариньо. Монтес боялся его даже пленного. Но Аймерич не спешил с выполнением приказа губернатора. Ему стало известно о приказе генерала Лейвы в Попаяне относительно расстрела 70 испанских пленников в случае убийства Нариньо⁵⁷. Аймерич медлил.

Нариньо продолжали держать в тюрьме. Он отправил в Сантафе два письма. Одно — Альваресу, в котором писал о предательстве Родригеса, и второе — Конгрессу Федерации Соединенных провинций. В последнем он просил учесть уроки его поражения и добиваться перемирия с испанцами. При этом Нариньо ссылался на изменившуюся не в пользу патриотов обстановку в Испании, где в мае 1814 г. воцарился вернувшийся из французского плена Фердинанд VII, сразу же отменивший либеральную конституцию 1812 года.

«...Он отменил все акты кортесов, восстановил в прежнем виде все учреждения, воскресил святую инквизицию, призвал обратно иезуитов, изгнанных его дедом, осудил наиболее видных членов хунт, кортесов и их приверженцев на галеры, на заточение в африканские тюрьмы или на изгнание из Испании и приказал расстрелять наиболее известных вождей герильерос...»⁵⁸, — писал о Фердинанде VII Карл Маркс.

Испанская реакция торжествовала свою победу. Нариньо понимал, что Америке вскоре придется вкушать ее горькие плоды. В Венесуэле дела патриотов снова были плохи. В середине июня 1814 г. Боливар был разбит Бовесом у Ла-Пуэрты и еще раз Моралесом в Арагуа. Вто-

⁵⁶ I. Lievano Aguirre. Op. cit., v. IV, p. 124—126.

⁵⁷ Ibid., p. 127; T. Blossom. Op. cit., p. 126.

⁵⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 10, стр. 473.

рая Венесуэльская республика пала⁵⁹. Для Новой Гранады поражение венесуэльцев означало усиление угрозы испанской интервенции. Нужно было выиграть время.

Губернатор Монтес потребовал перевода Нариньо в Кито. Он боялся, что симпатизировавший Нариньо Америк может упустить его. 300 драгун сопровождали Нариньо по пути в Кито. Монтес хотел исключить всякую случайность, которая могла бы помочь Нариньо бежать. Когда Нариньо провозили по улицам Кито, тюремную повозку сопровождали крики «Да здравствует Нариньо!» Многие горожане знали и любили его как друга и единомышленника их незабвенного Э. Эспехо. Власти даже раскрыли заговор, ставивший целью освобождение Нариньо. Поэтому испанский губернатор поспешил переправить его в Гуаякиль. Оттуда Нариньо на военном корабле отправили в Кальяо, где посадили в крепость в ожидании фрегата, который должен был доставить его в Кадис. В Кадисе его заключили в печально знаменитую «Ла Карраку», где умер Ф. Миранда⁶⁰. Для Нариньо вновь начались долгие годы тюремного заключения.

Конгресс Федерации Соединенных провинций с тайной радостью воспринял весть о поражении Нариньо и его пленении. Радикальное крыло лагеря патриотов осталось без вождя. Поэтому Конгресс не сделал ничего, чтобы добиться его освобождения, хотя такая возможность представлялась: венесуэльские патриоты предлагали обменять находившегося у них в плену испанского маршала Кахигалья на Нариньо. Были и другие возможности. К. Торрес уведомил Монтеса о том, что не может быть и речи о перемирии и что военные действия будут продолжены⁶¹.

Учитывая растущую испанскую угрозу, Конгресс пытался укрепить свой тыл. В августе 1814 г. в Сантафе прибыл посланец Конгресса для заключения соглашения о вступлении Кундинамарки в Федерацию Соединенных провинций. При этом принимались отдельные требования централистов, например, относительно единой налоговой системы и единых вооруженных сил. Это свидетельство-

⁵⁹ *J. M. Restrepo. Op. cit., t. II, p. 156; T. Blossom. Op. cit., p. 127.*

⁶⁰ *J. M. Restrepo. Op. cit., t. II, p. 139; I. Lievano Aguirre. Op. cit., v. IV, p. 129—130.*

⁶¹ *M. J. Forero. Op. cit., p. 248; T. Blossom. Op. cit., p. 126; I. Lievano Aguirre. Op. cit., v. IV, p. 127—128.*

вало о частичном отказе креольской аристократии от принципов федерализма.

Стороны пришли к соглашению, что законодательная власть будет принадлежать Конгрессу, а исполнительная триумvirату в составе М. Родригеса Торисеса — президента Картахены, К. Гарсия Ровира — президента провинции Сокорро и Х. М. Рестрепо — секретаря правительства Антиокии. На этих условиях Кундинамарка согласилась присоединиться к Федерации, и 11 августа 1814 г. был подписан соответствующий договор⁶².

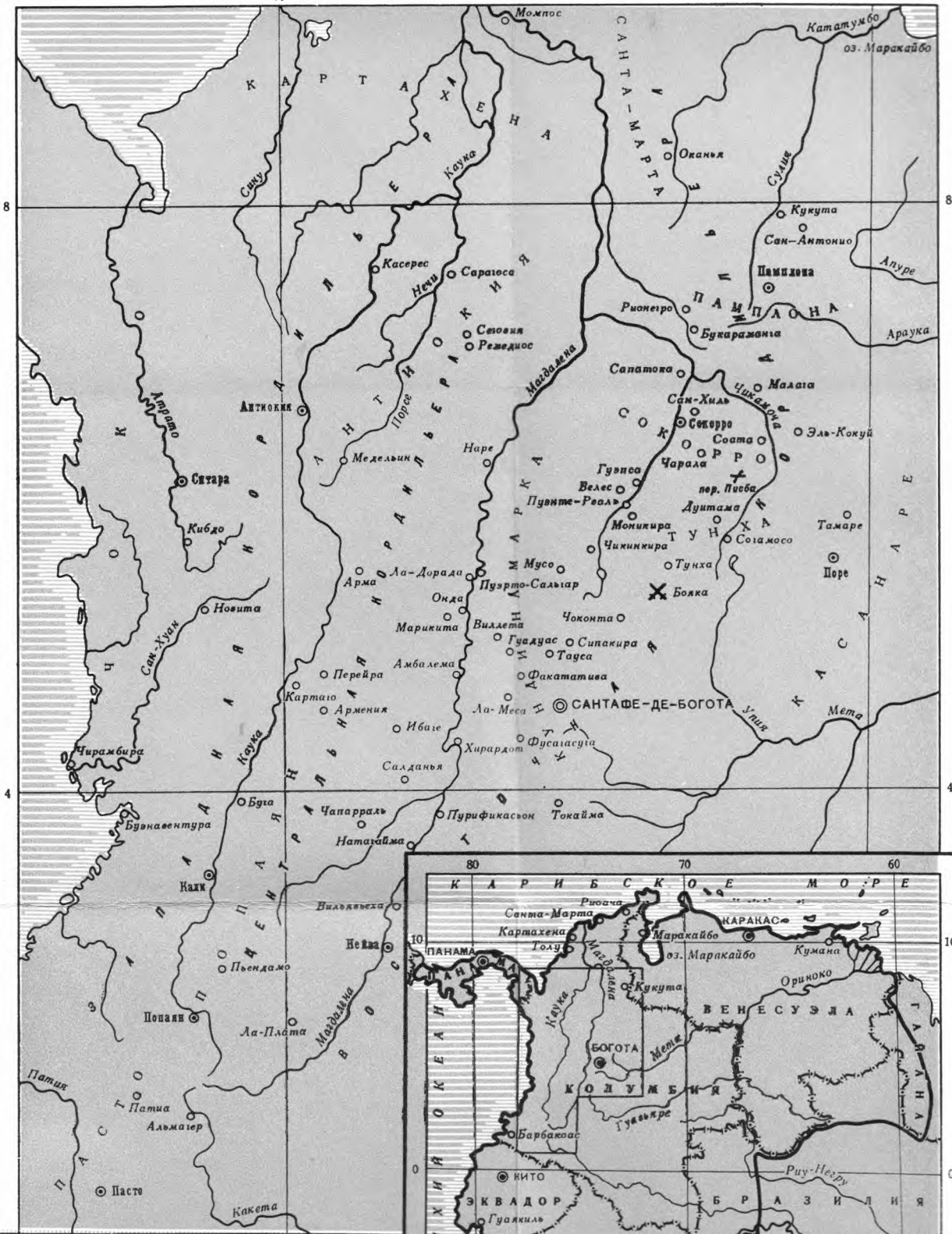
Считая, что с вопросом о независимости Кундинамарки покончено, креольская аристократия начала интриговать вокруг состава триумvirата, который казался ей слишком радикальным. В конечном итоге состав был изменен: в триумvirат вошли Хосе Фернандес Мадрид, Х. М. дель Кастильо и Х. Камачо — признанные вожди креольской знати⁶³. На этой почве снова возник конфликт между Кундинамаркой и Конгрессом. М. Бернардо Альварес — глава исполнительной власти Кундинамарки — отказался ратифицировать договор о вступлении провинции в состав Федерации.

В ноябре 1814 г. в Тунху прибыл Боливар, а на территорию Новой Гранады вступил венесуэльский отряд под командованием генерала Р. Урданеты, отступавший под испанским натиском. Конгресс решил использовать Боливару и венесуэльцев в борьбе против Кундинамарки. Боливару обещали, что в случае победы он получит солдат и всяческую иную поддержку для освобождения его родины — Венесуэлы. Боливар согласился. Так, сыграв на патриотизме Боливара, креольская верхушка сумела поставить его на службу своим интересам. В конце ноября Боливар был назначен главнокомандующим войсками Федерации Соединенных провинций, основное ядро которого составили венесуэльцы, и выступил против Сантафе. Кундинамарка против 2800 солдат Боливара имела вдвое меньше, из них $\frac{2}{3}$ составляли новобранцы⁶⁴. В начале декабря 1814 г. Боливар подошел к Сантафэ. Он пытался

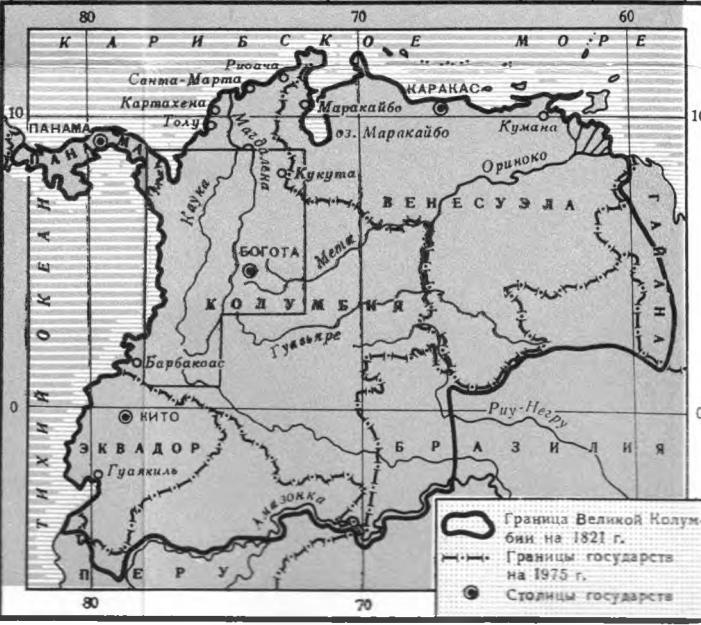
⁶² *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. II, p. 159—160; *I. Lievano Aguirre*. Op. cit., v. IV, p. 162—163; *J. M. Henao* y *G. Arrubla*. Op. cit., p. 409.

⁶³ *J. M. Henao* y *G. Arrubla*. Op. cit., p. 410.

⁶⁴ *I. Lievano Aguirre*. Op. cit., v. IV, p. 168; *M. J. Forero*. Op. cit., p. 263, 271.

- ⊙ Столица вице-королевства Новая Гранада
- ⊙ Центры провинций вице-королевства Новая Гранада
- ⊙ Проинции вице-королевства Новая Гранада
- ✕ Битва у р. Боака

- Граница Великой Колумбии на 1821 г.
- Границы государства на 1975 г.
- Столицы государств

Новая Гранада (1810 г.)

угovorить правительство согласиться на капитуляцию, но его предложение было отвергнуто.

Начались бои, и 19 декабря 1814 г. Боливар послал Конгрессу в Тунхе донесение о капитуляции Сантафэ. Альварес был смещен со своего поста. Губернатором провинции, ставшей отныне составной частью Федерации Соединенных провинций, был назначен Х. М. Пэй, известный своими консервативными убеждениями и тесными связями с креольской аристократией. Местопребывание Конгресса было перенесено в Сантафэ⁶⁵. Радикальное крыло патриотов в Сантафэ понесло тяжелые потери: одни были арестованы, другие вынуждены покинуть пределы провинции.

В том же направлении развивались события и в Картахене. Воспользовавшись избранием М. Родригеса Торисеса на пост президента триумvirата Федерации Соединенных провинций, креольская верхушка Картахены попыталась усилить свои позиции в аппарате власти. Избирательная коллегия назначила на место М. Родригеса М. Диаса Гранадоса, принадлежавшего к умеренному крылу патриотов. Последний предложил Избирательной коллегии кандидатуру Гарсия де Толедо на пост губернатора крепости. Узнав об этом, радикальная часть депутатов коллегии во главе с И. Муньосом в знак протеста покинула зал заседания, лишив ее кворума. Чтобы не дать возможности разойтись другим депутатам, алькальд Х. М. Кастильо приказал запереть оставшихся в зале. К этому времени на площади уже собрались горожане, требовавшие ареста Гарсия де Толедо и Х. М. Кастильо.

Под давлением населения Избирательная коллегия приняла компромиссное решение — крепость будет управляться двумя губернаторами — Гарсия де Толедо и кандидатом радикальной части депутатов Габриэлем Гутьерресом. Комендантом крепости был назначен французский офицер Д'Элюйар. Однако ни один из губернаторов назначения не принял. Тогда, чтобы усилить свои позиции, креольская верхушка отправила гонцов к брату Х. М. Кастильо — М. Кастильо, командовавшему войсками на реке Магдалене, с просьбой прибыть в Картахену. Бросив на произвол судьбы линию обороны против испан-

⁶⁵ *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. II, p. 184; *I. Lievano Aguirre*. Op. cit., v. IV, p. 170; *M. J. Forero*. Op. cit., p. 265, 267, 274, 277; *M. Lallement*. Op. cit., p. 152—153.

цев, М. Кастильо направился к крепости. Прибыв в Картахену, он арестовал и выслал более 60 деятелей радикального крыла патриотов, в том числе братьев Гутьеррес, И. Муньоса и других, пользовавшихся поддержкой городской бедноты. Пост губернатора занял самый богатый торговец Картахены Х. де Дьос Амадор⁶⁶.

В этой обстановке решение Конгресса Федерации Соединенных провинций о назначении Боливару главнокомандующим войск в походе против Санта-Марты было шагом явно недальновидным, ибо вызвало новое обострение раздоров между провинциями, вместо того чтобы сплотить их в момент растущей испанской угрозы. В своем решении Конгресс исходил только из военных побед Боливару, которых было уже не мало на его счету. Но он не принял во внимание его тесных связей с потерпевшими поражение радикальными кругами Картахены. Картахенская же знать увидела в назначении Боливару угрозу своему господству. В Конгресс посыпались письма протеста. Картахена предлагала на пост главнокомандующего М. Кастильо. Когда же Конгресс настоял на своем, губернатор Амадор издал приказ, чтобы Боливар не допускали на территорию провинции. М. Кастильо стал готовиться к борьбе с Боливаром. Тщетно пыталось руководство Федерации Соединенных провинций помирить Кастильо с Боливаром и убедить губернатора Картахены в необходимости объединить силы для совместной борьбы с испанцами. Креольская верхушка провинции отказалась помочь Боливару. Имевший всего 500 ружей на 2-тысячную армию, он напрасно ждал помощи от Картахены.

Начавшийся в конце января 1815 г. поход против роялистской Санта-Марты фактически превратился в поход против Картахены, входившей в состав Федерации. Вступив в Момпос, известный своей давней враждой к картахенской знати, Боливар на протяжении 40 дней ожидал встречи с представителями Картахены, надеясь урегулировать разногласия мирным путем и получить помощь для борьбы с роялистами Санта-Марты. Его ожидания оказались напрасными. Амадор приказал снять войска с опорных пунктов обороны против испанцев, чтобы использовать все картахенские силы в борьбе против Боливару. Последний, потеряв надежду на перегово-

⁶⁶ *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. II, p. 213; *E. Lemaitre*. Op. cit., p. 43—44; *I. Lievano Aguirre*. Op. cit., v. IV, p. 173—176.

ры, снялся из Момпоса и двинулся на Картахену. Численное превосходство войск Боливара вынудило М. Кастильо укрыться в крепости. Боливар стал лагерем под стенами Картахены. Шли дожди. Солдат косили лихорадка и дизентерия. Дезертирство приняло массовый характер. Все попытки Боливара договориться с правительством Картахены заканчивались провалом.

Испанцы решили воспользоваться междоусобицей в лагере патриотов. Ф. де Монтальво, исполнявший обязанности вице-короля Новой Гранады, дважды обращался к губернатору Картахены с предложением помощи для борьбы с Боливаром при условии, что Картахена признает власть испанского короля. Однако к чести Амадора он отклонил оба предложения, заявив, что вражда к Боливару — личное дело Картахены и ее граждане не намерены платить за победу над ним своей свободой⁶⁷.

Неизвестно, чем бы кончилась борьба между Боливаром и картахенской знатью, если бы не известие о приближении испанской карательной экспедиции, огромный флот которой показался у берегов Венесуэлы в середине марта 1815 г. 29 апреля испанцы захватили Момпос. Войско Боливара, потерявшее к тому времени около $\frac{2}{3}$ своего состава, оказалось как бы между двух огней, — с одной стороны, враждебная Картахена, с другой — испанцы. В такой обстановке Боливар счел лучшим выходом собственную отставку. 7 мая в присутствии представителей Картахены был подписан акт об отказе Боливара и других венесуэльских офицеров от своих постов и об их отъезде за границу. Командование остатками войск Федерации Соединенных провинций было поручено полковнику Ф. Паласиосу, который переходил в подчинение военных властей Картахены. 11 мая Боливар и другие венесуэльцы отплыли на английском фрегате на Ямайку⁶⁸.

Кровавая междоусобица между федералистами и центристами дорого обошлась Новой Гранаде. Помимо многочисленных жертв, она принесла народу разочарование в креольских властях и объективно способствовала созданию благоприятных условий для реставрации испанского колониального господства.

⁶⁷ E. Lemaitre. Op. cit., p. 48; J. M. Restrepo. Op. cit., t. II, p. 215—220; I. Lievano Aguirre. Op. cit., v. IV, p. 179.

⁶⁸ A. Lozano Cleves. Así se hizo la independencia, t. 1. Bogotá, 1959, p. 83; J. M. Restrepo. Op. cit., t. II, p. 225—226.

НОВАЯ ГРАНАДА
В КАНУН ИСПАНСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

Политические перемены, последовавшие за разрывом колониальных уз с Испанией, не могли не сказаться на социально-экономическом положении Новой Гранады. Там, где у власти оказалась креольская аристократия, она использовала эти перемены в целях дальнейшего укрепления своей экономической мощи. Правительства, представлявшие интересы земельной аристократии и шахтовладельцев, стремились еще более упрочить систему феодально-рабской эксплуатации, сложившуюся еще до революции. Продолжался захват индейских земель, повышалась арендная плата. В тех провинциях, где стремление к радикальным переменам буржуазного характера оказалось сильнее, перемены служили интересам более широких слоев населения.

Фактически острая борьба между сторонниками революционных преобразований и их противниками в креольской среде шла по всей стране. В силу слабости и разобщенности радикальных сил и экономической мощи и наличия определенного политического опыта у креольской аристократии чаша весов чаще склонялась в пользу последней.

В области аграрных отношений эта борьба облегчала процесс концентрации земельной собственности. В результате отмены «ресгуардос», конфискации земель политических противников государство стало собственником значительного земельного фонда, поступившего в ведение провинциальных властей. Поскольку в большинстве районов продолжала господствовать креольская верхушка, то и земли распределялись в ее интересах. Известны многочисленные случаи покупки земель богатейшими

семьями Новой Гранады именно в этот период. Характерным примером может служить семья Алмейда, владевшая огромными земельными угодьями в долинах Кукуты. Летом 1814 г. она купила асьенду «Тибабуйес» за 86 тыс. пиастров в районе теперешней Фунсы площадью в 75 кв. км. На ее территории находилось 12 населенных пунктов¹.

Дальнейшее обогащение влиятельных креольских семей шло за счет еще большего обнищания основной массы населения, обостряя классовые противоречия внутри новогранадского общества и вызывая разочарование новыми властями.

Что касается рабства, то и в этом вопросе креольская верхушка Новой Гранады заботилась прежде всего о себе. Многие ее представители, будучи владельцами плантаций и шахт, на которых использовался труд негров-рабов, не были заинтересованы в отмене рабства, поскольку это причинило бы им большой материальный ущерб. Испанские кортесы в 1811 г. приняли решение о запрещении работорговли. Новогранадские рабовладельцы старались ограничиться только этим, не допустив полной отмены рабства. Однако стремление сохранить свои прежние позиции в колониях толкало метрополию дальше — она стала освобождать рабов, чтобы привлечь их на свою сторону в борьбе с креольской знатью, захватившей политическую власть.

Между тем в лагере патриотов по вопросу освобождения рабов не было единого мнения, и каждая провинция действовала по-своему. В Кундинамарке А. Нариньо освобождал рабов, согласившихся воевать за республику, хотя это освобождение и не было закреплено законом. Картагенская конституция 1812 г. ограничилась запрещением работорговли и предусматривала создание специального государственного фонда для выкупа рабов у хозяев с целью их освобождения. Одна Антиокия, где рабский труд на шахтах был на 80% заменен трудом вольнонаемным, в 1814 г. издала закон об отмене рабства. Она же явилась инициатором обсуждения этого вопроса в Конгрессе Федерации Соединенных провинций.

Но рабовладельцы Чокó и Кауки приложили все силы к тому, чтобы затянуть обсуждение законопроекта об

¹ O. Díaz Díaz. Los Almeydas. Bogotá, 1962, p. 27, 32.

освобождении рабов, представленного антиокийцами. В то время, как испанцы в Попаяне и Санта-Марте освобождали рабов, на республиканской территории все еще шли дебаты по вопросу о том, когда освобождать рабов и на каких условиях. Это нежелание покончить с рабством лишало республиканские власти поддержки самой угнетенной части новогранадского населения.

Таким образом, и аграрная политика, и политика в вопросе об отмене рабства свидетельствовали, что креольская верхушка в большинстве провинций Новой Гранады не намерена была поступиться и малой толикой своих экономических интересов в пользу угнетенных слоев общества даже перед угрозой реставрации колониальных порядков.

Отсутствие политического единства привело к нарушению всей прежней системы хозяйства Новой Гранады. Не хватало хлеба, соли. Введение новых денежных знаков, различных в разных районах страны, еще более затруднило экономические связи между районами. Сохранение колониальных властей в ряде провинций и их борьба за восстановление своего господства на территории всей Новой Гранады довершала экономический хаос, приведя к блокаде отдельных областей. Как уже отмечалось, роялистская Санта-Марта перерезала главную торговую артерию страны — р. Магдалену — и фактически изолировала Картахену — главный торговый порт страны. Резко сократился объем внешней торговли, а с ней и контрабанды, дававшей средства к существованию многим семьям бедняков.

Креольские власти на местах были заняты междоусобной борьбой, что усугубляло хаос. Основная масса населения за пять лет устала от их бесконечных споров, приводивших к кровопролитию. Частая смена правительств вселяла чувство неуверенности в завтрашнем дне и лишала их авторитета. Узкокорыстная политика креольской аристократии вызывала недовольство широких народных масс. Классовые противоречия стали отеснять на второй план национальные. Антииспанские настроения основной массы населения стали сменяться антикреольскими, т. е. антифеодальными. Ослабив радикальные круги в Сантафэ и Картахене, креольская верхушка обезоружила Новую Гранаду перед лицом угрозы вторжения испанцев, ибо только радикальные силы способны были довести до кон-

ца борьбу за освобождение от колониального ига. Испанская реакция не преминула воспользоваться этой благоприятной обстановкой.

С разгромом Наполеона внешнеполитическое положение Новой Гранады осложнилось. Испания получила теперь возможность активизировать борьбу за восстановление своего господства в Америке.

Правда, среди испанских правящих кругов не было единого мнения относительно того, какими средствами добиваться цели, — путем ли переговоров и уступок креольской верхушке или чисто военными методами. Поэтому Фердинанд VII колебался в выборе главнокомандующего экспедиционного корпуса, который направлялся в Испанскую Америку.

Либералы, стоявшие за переговоры, предлагали кандидатуры бывших вице-королей Новой Гранады — П. Мендинуэты и Х. Эспелеты, хорошо знавших местные условия, а также Х. М. Торрихоса, связанного с богатейшими креольскими семьями Сантафе. Консерваторы предлагали фельдмаршала Пабло Морилью, который, несмотря на «низкое» происхождение и отсутствие военного образования, в силу своих способностей и на редкость удачно сложившихся обстоятельств в течение нескольких лет сделал головокружительную карьеру — от сержанта до фельдмаршала, маркиза и кавалера многочисленных испанских орденов. Где бы он ни сражался, ему везде сопутствовала победа. Герцог Веллингтон считал Морилью самым способным из испанских военачальников². Остановив свой выбор на Морилью, король учитывал и его преданность себе лично.

Морилью были вручены секретные инструкции, разработанные министерством по делам Индий и содержащие подробную программу действий флота и армии, а также основные принципы политики, которую должен проводить главнокомандующий по прибытии на место. Цель экспедиции — умиротворение Каракаса, овладение Картахеной и помощь испанским силам в Новой Гранаде. Морилью предписывалось не преследовать тех, кто добровольно

² *J. M. Restrepo. Historia de la revolución de la República de Colombia en la América Meridional*, t. III, Bogotá, 1942, p. 93; *I. Lievano Aguirre. Los grandes conflictos sociales y económicos de nuestra historia*, v. IV. Bogotá, [1962], p. 184.

согласится признать власть короля. Он был уполномочен освобождать негров-рабов, желающих вступить в королевскую армию. Карать следовало лишь тех, кого захватят с оружием в руках. Главнокомандующий наделялся широкими полномочиями не только в военной, но и в экономической области. Ему разрешалось облагать население налогами, проводить конфискацию имущества врагов короля и использовать его для военных нужд, если это будет необходимо³.

Иначе говоря, метрополия намеревалась применять все средства, как военные, так и мирные, для возвращения своих прежних колониальных владений.

Предполагалось, что экспедиция отправится в путь 1 декабря 1814 г., однако подготовка затянулась. Переправить через океан 10-тысячную армию оказалось делом сложным. Испания впервые в своей истории столкнулась с задачей такого рода. Необходимо было не только собрать нужный контингент войск, но и вооружить их, снабдить необходимым снаряжением и продовольствием. А это было совсем не просто для пережившей французскую оккупацию Испании. Необходимо было также подготовить транспортные средства и конвой для доставки огромного числа людей за многие тысячи километров.

К тому же организаторам экспедиции пришлось столкнуться с деятельностью секретного общества в Кадисе, ставившего целью восстановление конституции 1812 г. и проводившего активную пропаганду среди солдат и офицеров, убеждая их отказаться от участия в этом бесславном предприятии. Участников экспедиции запугивали трудностями длительного морского плавания и плохим климатом Южной Америки. Многие из них, устав от многолетних войн, не желали отправляться на неопределенное время за тридевять земель. Поэтому агитация имела успех.

Среди экспедиционного корпуса началось дезертирство, которое приняло довольно значительные размеры.

К середине февраля 1815 г. наконец все было готово. 10,5 тыс. солдат и офицеров были размещены на

³ «Instrucciones dadas a Morillo para su expedición a Costafirme. Ministerio Universal de Indias. Muy reservado. Madrid, 18 de noviembre de 1814». — *C. L. Peñuela. Album de Boyaca*, 2 éd., t. 1. Tunja, 1969, p. 413—422.

40 транспортных судах и 18 фрегатах, которые снялись с якоря в Кадисе и взяли курс на Венесуэлу⁴. В войне за независимость, которую вели патриоты Новой Гранады, наступал новый этап.

15 марта 1815 г. испанские корабли подошли к венесуэльским берегам. Направив для захвата о-ва Маргарита, занимавшего выгодное стратегическое положение, отряд льянерос, присоединившихся к королевской армии, Морильо направился в Ла-Гуайру, где была произведена высадка испанских войск. Не встретив никакого сопротивления ни на острове, ни при высадке, испанцы начали быстрое продвижение в глубь Венесуэлы. Креольская верхушка, рассчитывая достичь взаимопонимания с испанскими властями, отказалась от сопротивления интервентам. 11 мая Морильо без боя занял Каракас. Капитуляция Пуэрто-Кабельо сделала Морильо полновластным хозяином Венесуэлы⁵. Теперь он мог двинуться в Новую Гранаду.

⁴ J. M. Restrepo. Op. cit., t. III, p. 9; O. Díaz Díaz. La reconquista española, t. 1. Bogotá, 1964, p. 38.

⁵ I. Lievano Aguirre. Op. cit, v. IV, p. 187—189.

Новогранадские власти совершенно не были готовы к отражению интервенции. Войска были разбросаны на обширной территории и состояли из отдельных отрядов провинций. Не имелось ни единого плана действий, ни общего командования. Приверженцы короля, ободренные присутствием испанских войск у самых границ Новой Гранады, перешли к активным действиям. 24 мая федеральные власти раскрыли в Сантафэ антиправительственный заговор. Основные его участники были арестованы и высланы. Однако эти полумеры, воспринятые как признак слабости правительства, способствовали дальнейшему оживлению деятельности происпански настроенных элементов. В ответ на это было принято решение о высылке из Сантафэ всех испанцев, которые не доказали своей верности патриотам. $\frac{1}{5}$ их имущества подлежала конфискации в пользу казны. В некоторых провинциях в надежде укрепить тыл всех испанцев арестовали, а кое-где вообще не принимали никаких мер.

Успехи Морильо в Венесуэле усилили разногласия в правительстве Новой Гранады. Возглавлявший его генерал К. Гарсия Ровира ушел в отставку. Его место занял один из ведущих деятелей креольской аристократии, А. Вильявисенсио — бывший эмиссар Регентского совета в Новой Гранаде ⁶.

Готовясь к вторжению в Новую Гранаду, Морильо обратился к ее населению с коротким воззванием, призывая не оказывать сопротивления испанским властям и обещая не преследовать тех, кто покается в своих «заблуждениях». «Я лщу себя надеждой,— писал Морильо,— что вы используете мой приход для того, чтобы сплотиться вокруг трона самого обожаемого из монархов, и все ваши несчастья прекратятся» ⁷. Прокламации с текстом этого воззвания широко распространялись на республиканской территории.

С прибытием карательной экспедиции в Венесуэлу в южных провинциях Новой Гранады активизировались испанские войска, которые возглавлял полковник А. Вида-

⁶ *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. II, p. 236; *A. Lozano Cleves*. Así se hizo la independencia, t. 1. Bogotá, 1959, p. 84; *J. M. Henao* y *G. Arrubla*. Historia de Colombia. Bogotá, 1967, p. 420.

⁷ «Proclama» de Morillo a los habitantes de la Nueva Granada. Caracas, 17 de mayo de 1815.—*C. L. Peñuela*. Op. cit., t. 1, p. 425.

уррасага. Им могли противостоять только раздробленные силы патриотов — отряды генерала Х. М. Кабаля, участника южного похода А. Нариньо, К. Монтуфара из Кито, француза М. Сервьё и П. Монсальве. Их общая численность не превышала 1 тыс. человек.

30 июня Видауррасага напал на отряд Монсальве в Овехасе, недалеко от Попаяна. 350 республиканцев мужественно сражались с противником, втрое превосходившим их по численности, и были разбиты⁸. 5 июля в Пало произошло новое ожесточенное сражение. Отряды Кабаля и Сервьё, соединившись, наголову разгромили противника. Потери испанцев составили более 300 человек убитыми и 500 пленными. Полковник Видауррасага с небольшим отрядом бежал в Попаян. Не надеясь удержать город, он поспешно отступил в Пасто. Сервьё без боя занял Попаян.

Испанцы, таким образом, потерпели тяжелое поражение. Это было полной неожиданностью для них и нанесло им значительный моральный урон. Дело было не только в потере Попаяна. Успех патриотов свидетельствовал об их решимости продолжать борьбу, вселяя надежду на окончательную победу. Полковник Видауррасага был снят со своего поста. Вместо него был назначен Х. Самано⁹.

ОСАДА КАРТАХЕНЫ

10—12 июля 1815 г. 5-тысячная армия Морильо и 3,5 тыс. льянерос под командованием Моралеса покинули Венесуэлу, начав вторжение в Новую Гранаду. Собранная в единый кулак армия интервентов имела перед собой разрозненные силы патриотов, численностью около 6 тыс. человек. Они сосредоточивались в Картахене (1600 человек), Сантафе (500 человек), Памплоне (1 тыс. человек), Попаяне (725 человек), Касанаре (1150 человек) и Антиокии (1 тыс. человек)¹⁰. Через 10 дней испанцы прибыли в Санта-Марту. Роялистская Санта-Марта, на протяжении последних пяти лет бывшая надежным оплотом испанской королевской власти, с радостью встретила фельдмаршала.

⁸ O. Díaz Díaz. Los Almeydas, p. 7.

⁹ J. M. Restrepo. Op. cit., t. II, p. 241—243; O. Díaz Díaz. Los Almeydas, p. 7—8; A. Lozano Cleves. Op. cit., p. 50—52.

¹⁰ O. Díaz Díaz. La reconquista española, p. 45.

В течение месяца он раздавал ордена и другие награды тем, кто остался верным Испании, и готовился к походу на Картахену¹¹, занимавшую важное стратегическое положение и являвшуюся своеобразными воротами в Новую Гранаду.

Оборонительную систему Картахены, расположенной во внутренней части Картахенской гавани, составлял целый ряд крепостей и фортов, построенных вдоль побережья и на материковой части. Остров Тьеррабомба, находившийся у входа в гавань, служил ее естественной защитой, оставляя два прохода в гавань: Бокачика, или Малый вход, и Бокагранде, или Большой вход. Практически попасть в Картахенскую гавань можно было только через Бокачика (Бокагранде был перегорожен подводной стеной). Остров и Малый вход оборонялись фортом Анхел Сан-Рафаэль. Крепость Сан-Фернандо и батарея-форт Сан-Хосе, построенные на материковой части, служили той же цели. Самая большая крепость Сан-Фелипе защищала подходы к Картахене с юга, с материка.

Только узнав о высадке Морильо в Санта-Марте, власти Картахены спохватились, что не готовы к обороне. Стены во многих местах разрушились от времени, многие пушки требовали ремонта. Не хватало провианта. Гарнизон был укомплектован лишь наполовину. Финансовое положение Картахены тоже было очень тяжелым. До начала войны за независимость она ежегодно получала не менее 600 тыс. пиастров денежной помощи из Сантафе, Кито и Попаяна на содержание гарнизона и другие крепостные нужды¹². С 1810 г. эти поступления прекратились. Картахенское правительство для покрытия своих расходов вынуждено было чеканить серебряную монету из столового серебра и церковной утвари¹³.

При известии о приближении Морильо власти смогли провести лишь незначительные приготовления, сводившиеся к тому, что в наиболее уязвимых для обороны

¹¹ *J. M. Restrepo. Op. cit., t. III, p. 9.*

¹² Memorial que el Brigadier don Gabriel Torres-y-Velasco, gobernador de Cartagena durante el régimen pacificador (1815—1821) elevó al rey de España dándole cuenta del miserable estado de Cartagena durante aquellos tristes años...—*E. Lemaitre. Antecedentes y consecuencias del once de noviembre de 1811. Cartagena, 1961, p. 142.*

¹³ *J. M. Henao y G. Arrubla. Op. cit., p. 421.*

местах были подправлены укрепления. Преследуемые авангардом войск Морильо, остатки бывшей армии Боливара отходили к крепости. По приказу коменданта М. Кастильо они жгли сьенды и угоняли с собой скот, чтобы ничего не доставалось врагу. Жители окрестностей получили приказ укрыться в лесах и вредить испанцам, чем только можно ¹⁴.

16 августа 1815 г. Морильо обратился к картаженцам с прокламацией, состоявшей всего из трех фраз. Он грозил огромными разрушениями в случае, если картаженцы окажут сопротивление, и обещал гарантировать жизнь и имущество, если они капитулируют ¹⁵. Однако гарнизон и жители крепости от капитуляции отказались.

18 августа испанские корабли подошли к Картахене, и адмирал П. Энриле произвел высадку войск. Через восемь дней к крепости подошли отряды Моралеса. Те, кто не хотел оставаться во власти испанцев, укрылись в крепости. Все подступы к ней были блокированы интервентами. Началась осада Картахены. Против 8,5 тыс. осаждающих у Кастильо было 1600 солдат. Чтобы увеличить ряды защитников, в крепости была объявлена чрезвычайная мобилизация, которой подлежали мужчины в возрасте от 16 до 50 лет. Она дала еще 2300 бойцов, которые были полны мужества, но не имели военного опыта. Что касается артиллерии, то и здесь перевес был на стороне Морильо. Против 442 испанских пушек на стенах Картахены было всего 260 орудий разного калибра, из них лишь 179 исправных ¹⁶.

Несмотря на значительный перевес в силах, Морильо не собирался брать крепость штурмом. Он знал, что власти не только не эвакуировали жителей, но и позволили укрыться в крепости окрестному населению, тем самым увеличив численность осажденных до 18 тыс. человек. При отсутствии специальных резервов продовольствия Картахена не могла выдержать длительной осады, и Морильо рассчитывал взять ее измором. Его расчеты вскоре начали оправдываться. Уже 7 сентября, т. е. всего на 19-й день

¹⁴ El sitio de Cartagena por Lino de Pombo.— *E. Lemaitre*. Op. cit., p. 64; Sitio de Cartagena de 1815 por J. García del Río.— *Ibid.*, p. 79.

¹⁵ «Proclama» de Morillo a los pueblos de Cartagena. 16 de agosto de 1815.— *C. L. Peñuela*. Op. cit., t. 1, p. 431.

¹⁶ *M. J. Forero*. Camilo Torres. Bogotá, 1950, p. 305.

осады, генерал Кастильо сообщил картахенским властям, что в крепости больше нет продовольственных припасов. Денег тоже не было. Солдатам перестали платить жалованье. Положение становилось угрожающим. Вся надежда была на помощь центральных провинций. Кастильо обратился к Федерации Соединенных провинций с письмом, сообщая о бедственном положении Картахены и прося поддержки. Однако его послание было перехвачено солдатами Морильо. Фельдмаршал получил точную информацию о состоянии крепости. Теперь все его усилия направлялись на то, чтобы помешать вылазкам за съестными припасами, которые постоянно предпринимались осажденными. Адмирал Энриле усилил морскую блокаду. В крепости начался голод¹⁷.

Торговцы прятали продовольствие в надежде продать его подороже в дальнейшем. Недостаток продуктов питания привел к их невероятной дороговизне. От нес страдала прежде всего беднота. Ее ненависть к торговцам, к властям, которые не смогли обеспечить крепость всем необходимым для обороны и ничего не предпринимали против спекуляции, все росла. В эти тяжелые дни особенно болезненно воспринималась разница в положении простолюдина, которому было нечем кормить своих детей, и богатого креола, который за счет продажи семейных драгоценностей предприимчивым иностранцам, скупавшим золото, мог, правда за фантастические деньги, иметь все необходимое.

К мукам голода присоединились страдания, вызванные начавшимся обстрелом крепости с моря и с суши. Число жертв среди гражданского населения увеличилось. Но и здесь у богатей за толстыми каменными стенами домов было больше шансов уцелеть во время бомбардировок, чем беднякам в их ветхих хижинах. Все это вызывало недовольство бедноты властями крепости. Особенную ненависть она питала к генералу Кастильо, который нес ответственность за плохую подготовку крепости к осаде.

С прибытием венесуэльского генерала Ф. Бермудеса, с большим трудом пробившегося в Картахену с грузом

¹⁷ El sitio de Cartagena por Lino de Pombo, p. 65; Sitio de Cartagena de 1815 por J. García del Río, p. 87; *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. III, p. 16; *M. Lallement*. Histoire de la Colombie. Paris, 1827, p. 174—175; *O. Díaz Díaz*. La reconquista española, t. 1, p. 47; *A. Lozano Cleves*. Op. cit., t. 2. Bogotá, 1961, p. 54—58; *I. Lievano Aguirre*. Op. cit., v. IV, p. 192—194.

продовольствия и оружия, положение властей осложнилось. Связанный с радикальным крылом патриотов через братьев Гутьеррес де Пиньерес Бермудес являлся противником креольской аристократии. Последняя увидела в нем потенциального вождя радикальных сил и была этим чрезвычайно обеспокоена. Мужество и удачливость молодого венесуэльского генерала спискали ему большую популярность в кварталах бедноты, где так ненавидели Кастильо.

Креольская аристократия Картахены оказалась в чрезвычайно затруднительном положении. С одной стороны, она не могла пойти на капитуляцию крепости, ибо была в достаточной степени скомпрометирована и не рассчитывала на прощение испанских властей, с другой — продолжение осады со всеми лишениями, которые выпали на долю жителей крепости, грозило взрывом народного недовольства, чем могли воспользоваться радикальные круги для захвата власти.

Чтобы не допустить ни того, ни другого, губернатор Картахены Амадор 13 октября 1815 г. собрал на совещание военные и гражданские власти для обсуждения вопроса о переходе крепости под протекторат Великобритании. Сам он так же, как Гарсия де Толедо и многие другие представители креольской знати, давно был сторонником английской ориентации. Прежде креольская аристократия боялась народа, который завоевал независимость и не пожелал бы с ней расстаться, теперь же разгром радикального крыла патриотов и изнурительная осада, как ей казалось, должны были сделать народ более безразличным к тому, кто им будет управлять.

Обсудив вопрос о невозможности договориться с испанцами, которые «нарушают самые святые клятвы», совещание приняло решение просить губернатора Ямайки герцога Манчестерского довести до сведения английского короля просьбу картахенцев об установлении над крепостью и всей провинцией английского протектората. Но если Амадор и его сторонники были столь недалекими, что всерьез рассчитывали на осуществление своих надежд, то нашлись и более трезвые политики, пазывавшие предложение Амадора химерой, ссылаясь на существование союза между Испанией и Великобританией¹⁸.

¹⁸ Губернатор Ямайки, получив известие о просьбе картахенских властей, действительно ответил отказом (*M. Lallement. Op. cit.*,

Решение креольской аристократии вызвало в крепости взрыв негодования. 17 октября возмущенные толпы народа окружили здание кабильдо. В массовых манифестациях на главной площади приняло участие большинство солдат гарнизона. Событиями руководили Селедонио Гутьеррес де Пиньерес и генерал Бермудес. Кастильо был арестован и посажен в тюрьму, его дом сожжен. Новым комендантом крепости назначили генерала Бермудеса, который поклялся отстаивать дело независимости Картахены до конца.

События в Картахене 17 октября 1815 г. носили классовый характер. Арест Кастильо — представителя креольской знати и верного защитника ее интересов, означал поражение креольской аристократии. Проявив свою неспособность организовать отпор интервентам, она вынуждена была уступить власть сторонникам радикального крыла патриотов.

Чтобы продлить оборону крепости, Бермудес приказал реквизировать все имевшиеся у торговцев и богачей запасы продовольствия и установил на них твердые цены. Однако положение осажденных продолжало оставаться крайне тяжелым. Голод и болезни косили людей. Госпиталь был переполнен солдатами, умирающими от дистрофии и дизентерии. Ряды защитников крепости сократились почти вдвое. Но гарнизон и жители по-прежнему не хотели и слышать о капитуляции врагу.

Стойкость и мужество картахенцев сковали основные силы интервентов. Центральные провинции Новой Гранады получили возможность лучше подготовиться к отпору врагу, но в полной мере воспользоваться ею не сумели из-за внутренних раздоров. Заседания Федерального конгресса проходили в ожесточенных спорах по вопросам, не имеющим в тот момент первоочередной значимости — о гербе и монете, о мундирах и жалованье, о том, создавать ли милицию или регулярную армию и не будет ли последняя угрозой демократическим свободам¹⁹. Тем временем роялисты и другие противники Федерального кон-

п. 176; *El sitio de Cartagena por Lino de Pombo*, p. 71; *Sitio de Cartagena por J. García del Río*, p. 90—91; *I. Lievano Aguirre*. *Op. cit.*, v. IV, p. 195; *J. M. Restrepo*. *Op. cit.*, t. III, p. 36).

¹⁹ *J. M. Restrepo*. *Op. cit.*, t. III, p. 24, 25.

пресса подготовили новый антиправительственный заговор. Он был раскрыт 23 сентября 1815 г.²⁰

Чтобы не допустить помощи Федерации Соединенных провинций Картахене и создать угрозу центральным провинциям, Морильо выделил специальный корпус в составе 1800 человек для вторжения во внутренние районы Новой Гранады. Полковник С. Кальсада, назначенный командиром корпуса, двинулся в льянос Касанаре. Правительство Федерации направило против него генерала Х. Рикаурте. 1 тыс. ополченцев, вчерашних пастухов, и всего 150 солдат регулярной армии должны были задержать почти вдвое превосходившего противника. Но Кальсада допустил ошибку, раздробив свои силы. Часть корпуса он направил на Тунху, оставив другую в льяносах. Здесь в Чирé 31 октября и произошло сражение. Испанцы были разбиты. Их потери составили 200 человек убитыми и 350 ранеными и пленными. В руки патриотов попало много оружия и даже военная касса врага²¹.

Несмотря на успех Рикаурте, угроза центральным провинциям и Саптафэ не была ликвидирована. Кальсада вступил на территорию Тунхи. Там срочно собирали ополчение, командование которым было поручено полковнику Сервьé. Тем временем разногласия относительно методов организации отпора врагу вызвали кризис в правительстве Федерации. В середине ноября два члена триумvirата — А. Вильявисенсио и Х. М. Пэй подали в отставку. Тогда Федеральный конгресс принял решение временно отказаться от него. Вместо триумvirата на шесть месяцев были назначены президент и вице-президент. Президентом стал К. Торрес, вице-президентом — М. Родригес Торисес²². У власти по-прежнему оставалась креольская аристократия.

Одновременно с большими изменениями в государственном аппарате Конгресс решил провести реформу в области финансов. Было объявлено об отмене металлических денег²³. Эта мера усугубила расстройство в денежном обращении, вызванное войной.

²⁰ Ibid., p. 25—27.

²¹ Ibid., p. 29—30; O. Díaz Díaz. *La reconquista española*, p. 53.

²² J. M. Restrepo. *Op. cit.*, t. III, p. 31; J. M. Henao y G. Arrubla. *Op. cit.*, p. 421; I. Lievano Aguirre. *Op. cit.*, v. IV, p. 208—209.

²³ I. Lievano Aguirre. *Op. cit.*, v. IV, p. 208.

Тем временем полковник Кальсада вновь активизировал свои действия, двинувшись на Кукуту. Против него был направлен отряд генерала Урданеты. Сражение произошло в Балагула. Кальсада вынужден был отступить. Он двинулся на Памплону, контролировавшую дорогу на Картахену. Потеря Памплону поставила бы в безвыходное положение полковника Сантандера, формировавшего в Оканье войска, предназначенные для снятия осады с Картахены. Преследовавший Кальсаду Урданета 25 ноября в местечке Бálага подвергся неожиданному нападению испанцев и был разбит. Это привело к потере Памплону, куда без боя вступил Кальсада²⁴. Сантандеру пришлось покинуть Оканью. Все планы помощи картахенцам рухнули.

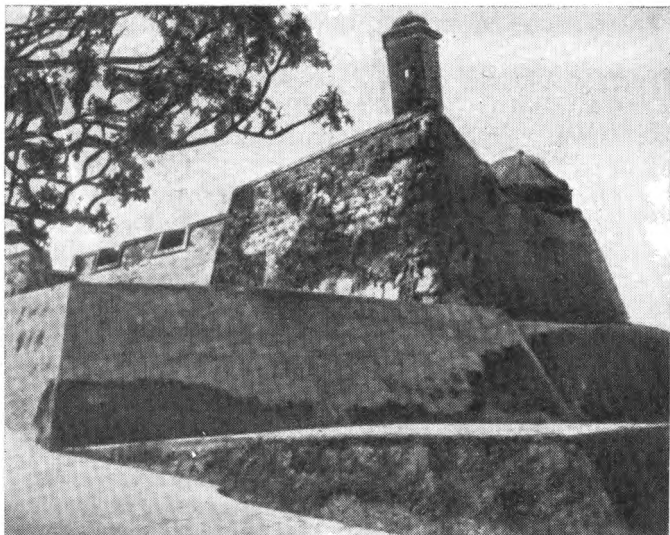
Тем временем защитники крепости продолжали мужественно сопротивляться. Трехмесячная осада начала пагубно сказываться и на армии интервентов. Испанские солдаты плохо переносили тропический климат, болели лихорадкой и дизентерией. Смертность от болезней начала превышать потери от боевых действий. Почти половина армии Морильо сменила лагерные палатки на госпитальные²⁵. Он решил активизировать военные операции. Дважды пытались испанцы захватить лагуну Теска, чтобы усилить морскую блокаду крепости, но оба раза, понеся большие потери, вынуждены были отступить.

11—12 ноября был предпринят штурм двух ключевых пунктов обороны — высоты «Корма», где находился монастырь Канделарио, превращенный республиканцами в настоящую крепость, и острова Тьеррабомба. Обороной монастыря руководил молодой венесуэльский подполковник К. Сублетте. У него было всего 130 человек, самоотверженно сражавшихся против 800 испанцев. В самый критический момент боя патриотов поддерживали пушки крепости Сан-Фелипе, и испанцы вынуждены были отказаться от дальнейших попыток прорваться к Картахене с суши.

Одновременно со штурмом «Кормы», Моралес начал атаку на Тьеррабомбу. Ему удалось отрезать от крепости

²⁴ J. M. Restrepo. Op. cit., t. III, p. 32—35; O. Díaz Díaz. La reconquista española, t. 1. Bogotá, 1964, p. 55—56.

²⁵ El sitio de Cartagena por J. García del Río, p. 68—69; Sitio de Cartagena de 1815 por J. García del Río, p. 94; J. M. Restrepo. Op. cit., t. III, p. 37—39; M. Lallement. Op. cit., p. 177.

Картахена. Крепость Сан-Фелипе

материковые форты, защищавшие Бокачику. Торопясь развить свой успех, Моралес атаковал форт Анхел на самом острове, но, несмотря на большие потери, взять его не смог²⁶.

Понесенные потери (они были самыми значительными за все время осады) вынудили Морильо отказаться от дальнейших атак. Он вновь стал уповать на голод, тем более что вести из крепости свидетельствовали о бедственном положении осажденных. Они ели кожу с мебели. Не было семьи, в которой никто не умер бы от голода. Оставшиеся в живых не имели сил похоронить умерших, и они так и лежали там, где их настигла смерть. Половина гарнизона вымерла. Ряд опорных пунктов оборонялся всего несколькими десятками солдат. Так, из 500 защитников форта Сан-Ласаро к концу ноября в живых осталось только 36.

²⁶ El sitio de Cartagena por Lino de Pombo, p. 68—69; Sitio de Cartagena de 1815 por J. García del Río, p. 94; *J. M. Restrepo. Op. cit., t. III, p. 37—39; M. Lallement. Op. cit., p. 177.*

Чтобы продлить оборону и спасти оставшееся в живых гражданское население, генерал Бермудес приказал покинуть крепость всем, кто не способен носить оружие. В конце ноября более 2 тыс. стариков, женщин и детей вышли за пределы крепостных стен. Это были живые скелеты. Немногие из них дошли до испанского лагеря. Большинство умерли по дороге. 4 декабря Морильо направил властям крепости ультиматум, предлагая капитулировать в трехдневный срок. В тот же день Бермудес и губернатор Э. Лопес, заменивший заболевшего Амадора, собрали всех оставшихся в живых офицеров и представителей гражданских властей для обсуждения создавшегося положения. Гарнизон по-прежнему не хотел капитулировать. Было решено, что защитники крепости будут пробиваться морем на Ямайку²⁷.

На следующий день, 5 декабря 1815 г. 2 тыс. защитников и жителей крепости погрузились на 13 небольших кораблей, 7 галер и все имевшиеся торговые и рыболовецкие суденышки, готовясь к прорыву. Но едва они отошли от причалов, ветер стих. Паруса бессильно повисли на мачтах. Неподвижные корабли представили прекрасную мишень для испанских батарей и пушек 22 фрегатов, которые начали хладнокровно расстреливать беспомощную флотилию. Штиль продолжался 12 часов. За это время испанские ядра пустили ко дну большую часть судов. Все находившиеся на них погибли, потому что истощенные голодом люди не смогли выплыть, хотя берег был недалеко. Ночью начался шторм. Разбушевавшаяся стихия разметала уцелевшие суденышки в разные стороны. Наутро только три небольших корабля и галера «Конституция» соединились в открытом море. До Ямайки и Сапато-Доминго добрались всего 600 человек, из них более 200 вскоре умерли²⁸.

Испанцы вступили в крепость 6 декабря 1815 г. Осада Картахены закончилась. Она длилась 108 дней. Благодаря

²⁷ «Proclama» de Morillo a las autoridades que gobiernan en Cartagena. Torrecilla, 4 de diciembre de 1815.—*C. L. Peñuela*. Op. cit., t. 1, p. 436—437; Sitio de Cartagena de 1815 por J. García del Río, p. 94—95; *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. III, p. 39—41; *M. Lallement*. Op. cit., p. 177; *I. Lievano Aguirre*. Op. cit., v. IV, p. 198.

²⁸ El Sitio de Cartagena por Lino de Pombo, p. 72—75; Sitio de Cartagena de 1815 por J. García del Río, p. 102—104; *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. III, p. 41—43, 47—48; *M. Lallement*. Op. cit., p. 178—179; *I. Lievano Aguirre*. Op. cit., v. IV, p. 199—200.

беспримерному мужеству и героизму картахенцев Морильо потерял почти $\frac{1}{3}$ войска, в подавляющем большинстве солдат экспедиционного корпуса, которыми фельдмаршал особенно дорожил²⁹.

Вступившие в город интервенты обнаружили на улицах около 3 тыс. трупов³⁰, издающих зловоние. Опасаясь вспышки холеры, Морильо приказал немедленно очистить город. Испанские солдаты превратились в могильщиков. Нескончаемой чередой тянулись подводы, груженные мертвыми телами. Их свозили к крепостному рву. Но трупов было так много, что ров не вместил всех, и их стали грузить на лодки, привязывая камни. Целая флотилия с необычным грузом вышла на середину гавани и сбросила трупы в море. Впоследствии вице-король Новой Гранады Монтальво писал: «У нас не было времени похоронить всех»³¹. Оставшиеся в живых были похожи на скелеты. Нередко невозможно было разобрать ни их пола, ни возраста. Но их ждали новые испытания.

Политическим и военным губернатором Картахены был назначен Г. Торрес. На жителей была наложена огромная контрибуция в размере 84 тыс. пиастров. Провинция Картахена вынуждена была взять на себя содержание оккупационных войск³².

Для расправы над теми, кто участвовал в сопротивлении испанской армии, Морильо создал военный трибунал под названием «Постоянный военный совет». В городе были проведены массовые аресты. Тюрмы быстро заполнились. 24 февраля начались расстрелы. В первой группе расстрелянных оказались М. де Кастильо, Х. М. Гарсия де Толедо, М. Амадор, М. Диас Гранадос, а также испанский полковник-артиллерист М. де Ангиано и англичанин Стюарт, сражавшиеся на стороне патриотов. Аресты и расстрелы были произведены не только в Картахене. Ре-

²⁹ Sitio de Cartagena por J. García del Río, p. 102; *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. III, p. 43, 46; *O. Díaz Díaz*. La reconquista española, t. 1. Bogotá, 1964, p. 48.

³⁰ Всего за время осады погибло около 6 тыс. картахенцев.

³¹ Memorial que el Brigadier don Gabriel Torres-y-Velasco... elevó al rey de España..., p. 143; Memorias por Rafael Sevilla.— *E. Lemaitre*. Op. cit., p. 107; Sitio de Cartagena por J. García del Río, p. 99; *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. III, p. 44; *O. Díaz Díaz*. La reconquista española, t. 1. Bogotá, 1964, p. 48.

³² Memorial que el Brigadier don Gabriel Torres-y-Velasco... elevó al rey de España..., p. 143.

жим террора распространялся на всю провинцию. В Сину и Сабане испанцы действовали с такой же жестокостью, как и в Картагене. Военный трибунал в Момпосе приговорил к расстрелу братьев Карабаньо, возглавлявших радикальные круги города, и еще четырех патриотов³³.

Пока трибуналы посылали на эшафот все новые и новые жертвы, Морильо готовился к походу на центральные провинции. Героическое сопротивление картагенцев не оставляло никаких надежд на легкую победу. И хотя потеря Картагены в военном отношении ставила патриотов в очень тяжелое положение, Морильо готовился к кровопролитным сражениям. Он провел принудительную мобилизацию местного населения в испанскую армию, увеличив тем самым контингент своих войск. Не пренебрег он и уговорами. 22 января он обратился с воззванием к жителям Новой Гранады, заявляя о своем намерении в скором времени продолжить поход. «Войско короля,— обещал Морильо,— будет соблюдать самую строгую дисциплину. Вашим жизням и имуществу ничто не угрожает. Обращайтесь ко мне, как братья. Все прошлое будет предано забвению... Я обеспечу мир и покровительство добру, но буду неумолимо соблюдать законы в отношении зла»³⁴. Так, обещаниями забыть прошлое Морильо пытался убедить новогранадцев отказаться от сопротивления.

Составленный им план военной кампании исходил из раздробленности сил патриотов и был направлен на то, чтобы не допустить их объединения. Оставив 2,5 тыс. солдат в Картагене и провинции, он разделил силы вторжения на четыре колонны. Первая, под командованием полковника М. Латорре, получила приказ захватить Оканию, Сокорро и, соединившись с отрядом С. Кальсады, действовавшим в пограничных с Венесуэлой районах, захватить Сантафэ. Вторая, под командованием полковника Х. Байера, должна была овладеть провинцией Чокó. Третья, во главе с полковником Ф. Варлетой, направлялась в Антиокию, и четвертая, возглавляемая полковником Д. Руисом де Санта Крусом, была посажена на корабли и получила

³³ *E. Lemaitre*. Op. cit., p. 49; *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. III, p. 60—61, 64.

³⁴ «Proclama» de Morillo a los habitantes de la Nueva Granada. Cartagena de Indias, 15 de enero de 1816.—*C. L. Peñuela*. Op. cit., t. 1, p. 440.

приказ плыть вверх по Магдалене до Онды, а далее двигаться на юг, до г. Ла-Плата, на соединение с войсками Х. Самано. Последнему было приказано выйти из Пасто для захвата Попаяна и долины Кауки. Сам Морильо вместе со своим штабом 29 февраля 1816 г. перебрался в Момпос³⁵, откуда намеревался руководить операциями.

РАСКОЛ В ЛАГЕРЕ ПАТРИОТОВ. ЗАХВАТ ИСПАНЦАМИ САНТАФЕ

К началу 1816 г. центральные провинции располагали всего тремя отрядами: Урданеты, Гарсия Ровиры и Сантандера, которые насчитывали около 2 тыс. человек. Кальсаде удалось предотвратить их объединение и разбить сначала Урданету в Кукуте, а затем по пути в Оканью навязать сражение Ровире и Сантандеру у Качирй. Оно продолжалось почти два дня — 21 и 22 февраля. Патриоты потерпели поражение. Дорога на Сантафэ была открыта. Когда в столице узнали о победе испанцев, начались народные волнения. Правительство и высших офицеров обвиняли в неумении организовать отпор врагу³⁶.

14 марта К. Торрес подал в отставку с поста президента. К трудностям военного порядка прибавился политический кризис. Никто из представителей креольской знати Сантафэ не соглашался занять место К. Торреса. Наконец после длительных переговоров президентом Федерации Соединенных провинций стал картахенец Хосе Фернандес Мадрид³⁷. Конгресс поручил ему начать переговоры с Морильо об условиях капитуляции, потому что испанцы продолжали одерживать все новые победы.

Полковник Варлета, действовавший в провинции Антиокия, 20 марта разбил ее ополчение в Сеха-Альта-де-Канкан. 7 апреля испанцы вступили в Медельин. Богатые креолы, спасаясь от испанского нашествия, бежали на юг. Повсюду царил атмосфера безысходности и безнадеж-

³⁵ *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. III, p. 61—63; *I. Lievano Aguirre*. Op. cit., v. IV, p. 202.

³⁶ *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. III, p. 55; *O. Díaz Díaz*. *La reconquista española*, t. 1, p. 56—57; *idem*. *Los Almeydas*, p. 10; *A. Lozano Cleves*. Op. cit., t. 2, p. 62—64; *I. Lievano Aguirre*. Op. cit., v. IV, p. 211.

³⁷ *I. Lievano Aguirre*. Op. cit., v. IV, p. 212—213; *O. Díaz Díaz*. *La reconquista española*, t. 1, p. 58.

ности. Активизировались роялисты и просто темные личности, надеявшиеся нажиться на предательстве. Благодаря измене некоего А. Мартинеса испанцы в Наре захватили без единого выстрела 10 вооруженных судов с пушками и ружьями.

Испанцы умело использовали в своих интересах ненависть негров-рабов к креольской знати. Яркий пример тому — захват Онды. Всего два испанских офицера, сумевшие привлечь на свою сторону негров в асьенде недалеко от Онды, ночью окружили казармы в городе, где находился отряд, возглавляемый губернатором провинции генералом А. Вильявисенсио, и почти без единого выстрела овладели ими. Онда стала роялистской³⁸.

Не менее успешно действовали и другие испанские колонны вторжения. Полковник Байер в Чокó без всяких боев захватил оставленный патриотами Ремолино на реке Аtrato и продолжил свое наступление в направлении Кибдó и Новиты³⁹. Латорре и Кальсада, не встречая организованного сопротивления, быстро продвигались к Лейве, где, согласно приказу Морильо, они должны были объединить свои силы для похода на Сантафэ.

Для защиты столицы из остатков разбитых войск Сервье с трудом сколотил отряд в 1200 человек. Они были плохо вооружены. Депутаты Федерального конгресса торопили Ф. Мадрида начать переговоры с Морильо. По их настоянию Мадрид направил к испанскому фельдмаршалу офицера с письмом, в котором содержалось предложение о «прекращении бесконечной войны в интересах испанской монархии и королевства». Офицер был задержан патриотами. Их возмущению, казалось, не будет конца. Но Конгресс потребовал, чтобы Мадрид направил к Морильо другого посланца⁴⁰. Это стало широко известно и вызвало негодование патриотически настроенных сил.

Положение усугублялось отсутствием единого мнения по вопросу о том, куда отступать. Сервье и другие военные предлагали отходить в льясосы Касанаре, чтобы затем превратить их в опорную базу борьбы с армией Мо-

³⁸ O. Díaz Díaz. *La reconquista española*, t. 1, p. 72—73; I. Lievano Aguirre. *Op. cit.*, v. IV, p. 218.

³⁹ O. Díaz Díaz. *La reconquista española*, t. 1, p. 74.

⁴⁰ O. Díaz Díaz. *La reconquista española*, t. 1, p. 63—64; J. M. Henao y G. Arrubla. *Op. cit.*, p. 434; I. Lievano Aguirre. *Op. cit.*, v. IV, p. 214—215.

рильо. Х. Ф. Мадрид и его окружение считали, что надо отступить на Попаян, здесь закрепиться, получить помощь от патриотов Кито и вступить в союз с Чили и Буэнос-Айресом. Х. Ф. Мадрид также надеялся воспользоваться помощью моряков Брауна, находившихся на службе у Буэнос-Айреса и оказавшихся в тот момент в Буэнавентуре⁴¹.

Избирая Попаян, Х. Ф. Мадрид рассчитывал только на помощь извне и совершенно упустил из виду, что юг всегда был оплотом роялистов и, следовательно, отступавшие патриоты должны были прежде всего столкнуться с враждебностью населения, не говоря уже о войске Самапо. Сервьё, хорошо знакомый с обстановкой на юге, решительно воспротивился требованию Х. Ф. Мадрида. Разногласия между ними приняли чрезвычайно острый характер.

А тем временем Латорре занял Тунху и в Лейве соединился с армией Кальсады. Теперь объединенное испанское войско под командованием Латорре находилось в нескольких днях пути от Сантафё. В этих условиях Федеральный конгресс 21 апреля принял решение о самороспуске. Его депутаты срочно покидали столицу, надеясь избежать расправы в отдаленных имениях. Многие из них бросились на юг в надежде перебраться за границу. Среди них были К. Торрес, Ф. Х. де Кальдас, М. Родригес Торисес и другие руководители креольской знати⁴².

Чтобы внести в лагерь патриотов еще больший раскол, Морильо 24 апреля издал приказ о помиловании солдат и офицеров «повстанческой» армии, которые заявят о своей верности монарху. Он обещал также свободу и денежное вознаграждение рабам за передачу в руки испанских властей революционных вождей или других руководителей⁴³. Морильо рассчитывал, что его приказ довершит развал в рядах патриотов, вызвав массовую сдачу в плен и предательство, на которое пойдут те, кто соблазнится денежным вознаграждением и обещанием освобождения от цепей рабства. Однако его надежды не оправда-

⁴¹ O. Díaz Díaz. *La reconquista española*, t. 1, p. 64, 86; I. Lievano Aguirre. *Op. cit.*, v. IV, p. 216.

⁴² J. M. Restrepo. *Op. cit.*, t. III, p. 72; O. Díaz Díaz. *La reconquista española*, t. 1, p. 65; I. Lievano Aguirre. *Op. cit.*, v. IV, p. 214.

⁴³ Indulto concedido por Morillo en el Cuartel General de Ocaña. 24 de abril de 1816.—C. J. Peñuela. *Op. cit.*, t. 1, p. 445—449.

лись. Правда, многие солдаты не хотели воевать, но они предпочитали дезертирство сдаче в плен. Предательство также не получило массового характера.

Среди новогранадцев было еще много патриотов, готовых до конца сражаться за свободу своей родины. Их тревожили продолжающиеся разногласия между военными и гражданскими властями относительно дальнейшего плана действий, зашедшие так далеко, что военный министр Х. М. Кастильо приказал полковнику Ф. де П. Сантандеру арестовать М. Сервьё, если он не подчинится приказу отступить на Попаян. Сантандер, считавший решение Сервьё правильным, был поставлен в трудное положение. Тогда те, кто был заинтересован в дальнейшем продолжении борьбы, настояли на встрече Мадрида с Сервьё, чтобы положить конец гибельным распрям.

Встреча состоялась в Чиа в конце апреля. Сервьё получил официальное разрешение отступить в Касанаре. Сам же президент вместе с «гвардией чести» (так называлась охрана президента) и батальоном из Сокорро 3 мая начал отступление на Попаян⁴⁴. На следующий день Сервьё и Сантандер созвали военный совет, где было принято решение о немедленном отступлении.

Латорре, занявший тем временем Сипакиру, вот-вот должен был показаться у ворот столицы. Утром 6 мая к городу подошел авангард Латорре в количестве 200 человек. Они увидели ворота открытыми и вошли в них, не встречая сопротивления. На некоторых домах уже были прибиты королевские гербы, на шляпах роялистов красовались трехцветные кокарды. Они встречали испанцев приветственными возгласами. К вечеру в Саптафё вошли еще 2 испанских батальона и 2 подразделения, сформированных из негров и мулатов Венесуэлы, Сокорро и Тунхи. Ночью в городе начались грабежи и насилия. Вывешенные повсюду белые флаги не спасали от мародеров. Тот, кто не желал добровольно отдавать свое добро, платился за это жизнью. На улицах то и дело раздавались выстрелы⁴⁵.

⁴⁴ *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. III, p. 72, 76; *I. Lievano Aguirre*. Op. cit., v. IV, p. 216; *O. Díaz Díaz*. La reconquista española, t. 1, p. 65—66.

⁴⁵ *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. III, p. 75—76; *I. Lievano Aguirre*. Op. cit., v. IV, p. 218—220; *A. Lozano Cleves*. Op. cit., t. 2, p. 64—66; *O. Díaz Díaz*. La reconquista española, t. 1, p. 67.

Положение отступавших в Касанаре новогранадских войск было очень тяжелым. Многокилометровые переходы изматывали солдат. Несмотря на все усилия патриотов, они не смогли оторваться от преследовавших их испанцев и были настигнуты ими 11 мая в Кабуэе на Рио-Негро-де-Какаесе. Численное превосходство испанцев и усталость патриотов, застигнутых врасплох во время отдыха, определили исход сражения. Сервьэ потерял в бою значительную часть войска. Немногим более 200 человек, которых он сумел вывести из боя, продолжили отступление по узким горным дорогам и бездорожью льяносов. Солдаты голодали, заболели лихорадкой. Не выдержавшие тягот пути, дезертировали. Через три недели, когда Сервьэ прибыл в Поре — столицу провинции Касанаре, — от 2-тысячной армии, покинувшей с ним Сантафэ, осталось всего 56 человек ⁴⁶.

Положение ушедших вместе с президентом Мадридом было не лучше. За ними по пятам следовал К. Тольра с батальоном «Нумансия». С востока им грозили объединившиеся испанские силы, действовавшие в Чокб и Антиокии под командованием Варлеты, а с юга — Самано.

7 июня отступавшие прибыли в Попаян, где находились остатки разбитых отрядов Х. М. Кабала и К. Монтуфара. Здесь Х. Ф. Мадрид, не имевший никакого авторитета в глазах военных, подал в отставку. На его место президентом-диктатором Федерации Соединенных провинций был назначен генерал К. Гарсия Ровира, а вице-президентом генерал Либорио Мехиа. Так как Ровиры в Попаяне не было, фактическим президентом оказался 24-летний Л. Мехиа ⁴⁷. 23 июня он созвал военный совет. Было решено, до подхода сил Варлеты и Тольра, дать сражение Х. Самано.

29 июня в Кучилья-дель-Тамбо Мехиа с отрядом около 700 человек, не дождавшись, когда к нему присоединится батальон Сокорро, атаковал 2-тысячную армию Самано. Патриоты дрались отчаянно. Битва длилась много часов. Раненые не оставляли поля боя, продолжая сражаться. Но силы были слишком неравны. Патриоты были разби-

⁴⁶ *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. III, p. 77; *O. Díaz Díaz*. La reconquista española, t. 1, p. 68; *J. M. Henao y G. Arribla*. Op. cit., p. 437.

⁴⁷ *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. III, p. 82; *O. Díaz Díaz*. La reconquista española, t. 1, p. 87—88; *M. J. Forero*. Op. cit., p. 311.

ты. Всего 28 человек осталось у Мехиа после боя, да батальон Сокорро, так и не успевший принять участие в сражении. Попаян защищать было некому. 1 июля его занял Самано. Мехиа отступал на Ла-Плату, чтобы соединиться с сокорранцами. Здесь 10 июля 1816 г. произошел последний бой с войсками интервентов. Патриоты были разбиты. К. Тольра с радостью доносил Морильо, что с вооруженным сопротивлением испанским войскам на территории Новой Гранады покончено ⁴⁸.

Никто из испанцев не принимал всерьез несколько десятков патриотов, укрывшихся в делях Касанаре. Казалось, они не представляли больше никакой военной опасности, а их положение было безнадежным. Связей с остальными районами страны патриоты не имели, питались только тем, что добывали на охоте, оружия взять было негде. Несмотря на это, маленькая горстка людей, продолжающая сохранять свою свободу, не хотела признавать, что Новая Гранада повержена. 16 июля 1816 г. собралось совещание офицеров для решения вопроса о власти. Были избраны президент Федерации — Фернандо Серрано — и главнокомандующий вооруженных сил — полковник Франсиско де Паула Сантадер, к тому времени завоевавший большой авторитет среди офицеров и солдат ⁴⁹.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ КОЛОНИАЛЬНЫХ ПОРЯДКОВ

Креольская знать Сантафе с трепетом ждала прибытия Морильо. Но он не торопился, предоставив Латорре наказание лиц, выступавших против королевской власти. Аресты были произведены в основном в предместьях, где жила беднота. Почти никто из богачей не пострадал. Даже военный министр республиканского правительства Хосе Мария Кастильо-и-Рада остался на свободе. Стараясь услужить испанским властям, он предложил Латорре собственный дворец в качестве резиденции Морильо. Дворец убрали с особой тщательностью. Креольская аристократия готовила пышный прием. Знатные креолки во гла-

⁴⁸ Parte dado por el Teniente coronel Tolra a Morillo. La Plata, 11 de julio de 1816.— *C. L. Peñuela*. Op. cit., t. 1, p. 462—465; *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. III, p. 83—84; *O. Díaz Díaz*. La reconquista española, t. 1, p. 88—91; *idem*. Los Almeydas, p. 10—12.

⁴⁹ *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. III, p. 85—86; *O. Díaz Díaz*. La reconquista española, t. 1, p. 91.

ве с маркизой Сан-Хорхе выехали навстречу Морильо, намереваясь встретить его на полдороге и торжественно сопровождать при въезде в город. Но Морильо ехал карать и не собирался принимать участия в спектакле, задуманном столичной знатью. Зная о введущихся приготовлениях, он прибыл в город ночью 26 мая, ранее намеченного срока. Когда по дороге ему попался пышный дамский кортеж и одна из дам спросила, не знает ли он, где непобедимый Морильо, он ответил: «Сзади».

Морильо немедленно вызвал к себе для доклада Латорре и пришел в ярость, узнав, что почти никто из знатных креолов, участвовавших в борьбе за независимость, не арестован. Он сместил Латорре с поста губернатора Сантафэ, назначив вместо него начальника генерального штаба адмирала П. Энриле. Тот приказал начать немедленные аресты. Поскольку тюрьма была уже почти заполнена, в тюремные застенки превратили армейские казармы и почти все общественные здания, в том числе госпиталь и даже колехио «Сан-Бартоломе». Число арестованных в столице достигло 600. Аресту подверглись не только все сколько-нибудь видные деятели патриотического лагеря, но и лица, хотя бы эпизодически помогавшие патриотам⁵⁰. Архив Федерального конгресса, захваченный роялистами, дал карателям достаточно материалов для массовых арестов.

Для расправы с арестованными в Сантафэ, как и в Картахене, был создан «Постоянный военный совет» — военный трибунал. Его жертвы, как правило, расстреливались. Кроме трибунала был создан так называемый «Совет по чистке». Те, кто через него проходил, облагались штрафами, присуждались к службе в солдатах испанской армии или принудительным работам на строительстве дорог, мостов, военных казарм. Имуществом казненных, отбывающих наказание и эмигрантов ведала специальная «Хунта по секвестрам»⁵¹. Эти органы взяли на себя функции прежней королевской аудиенсии, восстанавливая которую Морильо не торопился. Он считал,

⁵⁰ *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. III, p. 92—93, 99; *I. Lievano Aguirre*. Op. cit., v. IV, p. 220—222; *O. Díaz Díaz*. La reconquista española, t. 1, p. 77; *M. J. Forero*. Op. cit., p. 312.

⁵¹ *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. III, p. 95—97; *I. Lievano Aguirre*. Op. cit., v. IV, p. 224; *M. J. Forero*. Op. cit., p. 312; *O. Díaz Díaz*. La reconquista española, t. 1, p. 108.

что операцию по «чистке» быстрее и лучше выполнит его армия.

Первые несколько месяцев работы «Постоянного военного совета» стоили Новой Гранаде сотен жизней. Прежде всего были расстреляны все видные деятели периода после 20 июля 1810 г. 19 июня 1816 г. был повешен Хосе Мария Карбонель, про которого в докладе Морильо испанскому правительству говорилось, как о «главном инициаторе и вожде мятежа 20 июля 1810 г.» Несмотря на заступничество влиятельных роялистских родственников, 5 октября 1816 г. был расстрелян К. Торрес. Вместе с ним расстреляли М. Родригеса Торисеса.

Были также расстреляны Х. Камачо, Х. Т. Лосано, А. Вильявисенсио, К. Валенсуэла, Э. Бенитес, М. Б. Альварес, Ф. Х. де Кальдас, Ф. А. Ульоа, А. Барайа, Х. М. Кабаль, К. Гарсия Ровира, Л. Мехиа, М. Кастильо. Когда к адмиралу Энриле обратились с просьбой сохранить жизнь Ф. Х. де Кальдасу, он ответил: «Испания не нужны ученые»⁵².

По подсчетам Х. М. Рестрепо, жертвами военных трибуналов стали 125 самых известных патриотов⁵³.

Казни проводились публично — обычно на городских площадях, в присутствии родных и близких приговоренных и сопровождались душераздирающими сценами. Многочисленные просьбы о помилованиях Морильо неумолимо отклонял. Он твердо выполнял свою задачу — физически уничтожить всех, кто возглавлял освободительное движение, и запугать тех, кто ему сочувствовал.

Несмотря на свое стремление выжечь «крамолу» каленым железом, от кого бы она ни исходила, Морильо все же в некоторых случаях вынужден был сдерживаться. Это касалось представителей семей крупнейших землевладельцев Новой Гранады. Видя в них потенциальную опору королевской власти, Морильо опасался вызвать их недо-

⁵² Через 100 лет в Мадриде состоялось открытие мемориальной доски в честь Кальдаса, на которой было начертано: «В знак вечной искупительной дапи памяти бессмертного колумбийца Хосе де Кальдаса» (*B. Hagen. Их призвала Южная Америка. М., 1961, стр. 153*). *M. J. Forero. Op. cit., p. 313, 315—317; J. Lievano Aguirre. Op. cit., v. IV, p. 225—226; F. J. de Caldas. Semanario del Nuevo Reino de Granada, t. 1. Bogotá, 1942, p. 13.*

⁵³ *J. M. Restrepo. Op. cit., t. III, p. 100; T. Blossom. Narino, Hero of Colombian Independence. Tucson, 1967, p. 130.*

вольство слишком крутыми мерами по отношению к ним лично. Поэтому наказания, которым их подвергали, были не столь уж суровы. Так, например, А. Алмейду приговорили к штрафу в 3 тыс. пиастров, которые он, кстати, отказался платить. Его посадили в тюрьму, но он продолжал упорствовать. Тогда денежный штраф заменили поставками скота па пужды армии на ту же сумму⁵⁴.

«Совет по чистке» занимался главным образом делами рядовых участников патриотического движения. Всего за пять месяцев (до середины ноября 1816 г.) через него, согласно отчету губернатора Сантафэ Самано, прошло 432 дела, по которым были осуждены многие сотни людей⁵⁵. Большое распространение получили высылки женщин — родственниц патриотов. Они начались с июня 1816 г. Подвергнутые этой мере наказания лишались права свободного передвижения и ставились под надзор местных священников или алькальдов, которые должны были следить за их поведением и ежемесячно посылать отчеты властям. Из одной только провинции Сантафэ за период до 23 августа 1816 г. было выслано и находилось под надзором 106 женщин, в основном представительницы богатых знатных семей Новой Гранады — Кайседо, Рикаурте, Лосано, Ванегас, Олайя и др.⁵⁶

Особый трибунал был создан для разбора дел священников, участвовавших в освободительном движении, число которых, по испанским данным, оказалось довольно значительным (более 500). Их держали в тюрьмах, монастырях, высылали в Испанию. Только за один 1816 г. было выслано 95 священников. С ними так плохо обращались, что многие из них умерли по дороге. Жестокое обращение с лицами духовного звания вызвало протесты высшего духовенства, увидевшего в этом подрыв авторитета церкви вообще. Фердинанд VII очень заботился о сохранении добрых отношений с высшей церковной иерархией, и поэтому Морильо было указано на превышение его полномочий⁵⁷.

⁵⁴ *O. Díaz Díaz. Los Almeydas*, p. 29.

⁵⁵ *J. M. Restrepo. Op. cit.*, t. III, p. 104, 103—106; *O. Díaz Díaz. La reconquista española*, t. 1, p. 115—116.

⁵⁶ *O. Díaz Díaz. La reconquista española*, t. 1, p. 132—134.

⁵⁷ *J. M. Restrepo. Op. cit.*, t. III, p. 111—112; *O. Díaz Díaz. La reconquista española*, t. 1, p. 117.

Вся жизнь гражданского населения регламентировалась приказом Морильо от 6 июня 1816 г. Он предписывал в течение недели сдать военным властям оружие, вернуть королевской казне движимое и недвижимое имущество, которого она лишилась после событий 20 июля 1810 г., а также указать все имущество, принадлежавшее повстанцам и лицам, бежавшим из Новой Гранады. Прокламации, бюллетени, книги, конституции, изданные патриотами, подлежали изъятию из обращения и передаче военным комендантам районов. Жителям не разрешалось принимать гостей или пускать к себе постояльцев без разрешения военного коменданта или местного судьи, а также передвигаться из одного района в другой без их ведома. Тем, кто находился не по месту своего постоянного жительства, предписывалось немедленно вернуться. Всем жителям вменялось в обязанность сообщать властям о тех, кто выступал против короля. Все жители обязаны были встать на учет и получить от испанских властей документ, удостоверяющий личность. Неимеющие его могли быть в любой момент расстреляны⁵⁸.

Но военные законы, по которым жила Новая Гранада, не могли действовать на протяжении длительного времени. Испанское правительство понимало, что они могут носить только временный характер. Тем не менее переход от оккупационного режима к гражданскому управлению совершался очень медленно. Наряду с восстановленными колониальными институтами продолжали действовать некоторые учреждения военного времени. Прежде всего была восстановлена должность вице-короля, которым 28 апреля 1816 г. был назначен генерал Ф. Монтальво⁵⁹. Он обладал весьма призрачной властью. Его долгое время держали в Картахене вместе с возобновившей свою деятельность в июле 1816 г. аудиенсией, а в Сантафе царил Морильо.

В ноябре 1816 г. Морильо выехал в Венесуэлу, назначив военным губернатором Сантафэ генерала Х. Самано, не уступавшего ему в жестокости⁶⁰. В его ведение пере-

⁵⁸ Bando dado por Morillo a las provincias y lugares del Nuevo Reino de Granada. Santafé, 6 de julio de 1816.—*C. L. Peñuela*. Op. cit., t. 1, p. 459—461; *J. M. Henao y G. Arrubla*. Op. cit., p. 449.

⁵⁹ *J. M. Henao y G. Arrubla*. Op. cit., p. 431.

⁶⁰ *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. III, p. 116—118; *J. M. Henao y G. Arrubla*. Op. cit., p. 459; *O. Díaz Díaz*. La reconquista española, t. 1, p. 125.

давались трибунал, «Совет по чистке» и «Хунта по секвестрам». Сосредоточив в своих руках большую власть, Самано долго противился прибытию вице-короля и аудиенсии. Они добились перевода в Сантафе только 27 марта 1817 г. И сразу же трибуналы Самано лишились части дел, которые были приняты к судебному разбирательству аудиенсией. По отношению к людям знатым она проявляла больше снисходительности, никого не расстреливала, и потому быстро снискала себе славу блюстительницы законов. Богатые креолы, пустив в ход свои связи, нередко могли добиться передачи дел своих арестованных родственников в ведение аудиенсии. Во власти трибуналов теперь все чаще стали оказываться люди незнатные, небогатые, не имеющие связей.

В июне 1817 г. был опубликован январский указ Фердинанда VII об амнистии в связи с браком инфанта Карлоса с португальской принцессой. Тюрьмы, находившиеся в ведении аудиенсии, почти опустели. Однако в застенках у Самано продолжали томиться сотни людей. Военные трибуналы по-прежнему продолжали безжалостно выносить приговоры о расстреле⁶¹.

К числу прежних колониальных институтов, восстановленных испанцами, принадлежал «трибунал святой инквизиции». Он начал публичные сожжения книг на французском, английском и других иностранных языках, признанных крамольными. В Новую Гранаду были приглашены иезуиты, деятельность которых была разрешена Фердинандом VII в 1814 г.⁶²

Социально-экономическая политика испанских властей в основном напоминала прежнюю. Прежде всего были восстановлены старые монополии на табак и водку, а также многие ограничения, касающиеся сельского хозяйства, торговли и мануфактурного производства. В системе палогообложения тоже не произошло почти никаких изменений. Вновь собирались «алькабала» и «индейский палог». Политика метрополии в индейском вопросе оказалась совсем не такой, какой ее представляли себе темные, забытые индейцы. Королевская власть вовсе не собиралась вы-

⁶¹ *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. III, p. 122, 125—126; *J. M. Henao y G. Arrubla*. Op. cit., p. 453.

⁶² *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. III, p. 108; *J. M. Henao y G. Arrubla*. Op. cit., p. 459.

ступать в роли их благодетельницы. Об этом свидетельствовало возвращение в королевскую казну индейских соляных копей. В земельном вопросе король также не пошел навстречу интересам индейцев. Правда, было запрещено дальнейшее дробление земель «ресгуардос». Но индейцы ждали от королевской власти не этого, а восстановления прежних «ресгуардос». На это испанцы, конечно, не пошли, потому что возвращение индейцам отобранных у них земель привело бы к перераспределению значительных земельных площадей, оказавшихся в руках помещиков. Колониальная администрация не хотела восстанавливать против себя креольскую землевладельческую верхушку. К тому же большая часть прежних индейских земель, отобранных в свое время помещиками, теперь благодаря деятельности «Хунты по секвестрам» оказалась в руках испанцев или местных помещиков-роялистов, которые, естественно, не пожелали бы вернуть их индейцам.

«Хунта по секвестрам» сыграла большую роль в перераспределении богатств, в том числе и земельной собственности. Она конфисковала значительный земельный фонд у патриотов, многие из которых были физически уничтожены, другие осуждены на длительные сроки тюремного заключения, а третьи просто эмигрировали. Конфискованные земли поступали в распоряжение королевской казны, последняя за беспрепятство продавала их приверженцам короля. Обстановкой разнузданной реакции умело пользовались те, кто старался округлить свои владения за счет соседей. С этой целью просто писали донос властям, обвиняя того, чьим имуществом хотели завладеть, в истинных, а порой и мнимых грехах перед королевской властью⁶³. К сожалению, нет точных сведений относительно размеров конфискованных земель, но, по-видимому, они были весьма значительными, учитывая сотни репрессированных креолов из состоятельных и богатых семейств Новой Гранады.

«Совет по чистке» и «Хунта по секвестрам» способствовали обогащению узкого круга лиц, вершивших дела испанского «правосудия». Современник этих событий Х. М. Рестрепо приводит на этот счет множество фактов. По его сведениям, один только «Совет по чистке» получил в результате своей деятельности 1 млн. пиастров в

⁶³ *J. M. Restrepo. Op. cit., t. III, p. 97, 107—108.*

качестве контрибуций, штрафов или просто взяток, причем немалая часть из этих денег досталась самому Морильо и его помощнику Энриле ⁶⁴.

Обогадившиеся на преследованиях патриотов представители колониальных властей, а также их приверженцы вкладывали быстро нажитые капиталы в покупку земель, увеличивая тем самым прослойку крупных землевладельцев — сторонников испанского короля. Таким образом, восстановление колониальных порядков ускорило процесс дальнейшей концентрации земель, который продолжал неуклонно развиваться.

Что касается политики в отношении рабов, то и здесь испанцы обманули надежды самой угнетенной части населения Новой Гранады. Рабы ожидали освобождения, но свободу получили лишь те, кто успел принять участие в военных действиях против армии патриотов, а это был сравнительно небольшой процент по отношению ко всему числу негров-рабов. Их основная масса, хотя и была настроена антикреольски, по разным причинам не могла принять непосредственного участия в ходе военных операций и поэтому освобождению не подлежала. Напротив, испанские власти, заинтересованные в возобновлении работы на шахтах и плантациях, строго следили за тем, чтобы беглые рабы были возвращены их владельцам. Даже те рабы, которые принадлежали репрессированным, свободы не получали, а переходили вместе с остальным недвижимым имуществом и скотом в ведение королевской казны, которая или оставляла их себе, или продавала.

В результате негры-рабы, не получившие свободы от республиканского правительства, не получили ее и от оккупационной армии Морильо, реставрировавшей старые колониальные порядки. Надежды рабов на освобождение, которое им якобы должны были принести королевские войска, стали постепенно рассеиваться. Испанцы упичтожали их хозяев, если они были противниками короля, но вместо свободы рабы получали новых хозяев, которые, по существу, ничем не отличались от прежних. Массовый террор наряду с недальновидной политикой по отношению к индейцам и неграм-рабам очень быстро восстановили основную массу населения Новой Гранады против испанцев.

⁶⁴ Ibid., p. 97.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Испанское командование надеялось, что разгром регулярной армии патриотов положит конец борьбе новогражданцев за независимость, но эти надежды не оправдались. Процесс национального освобождения оказался необратимым, и борьба приняла новые формы. Одной из них явилось партизанское движение, ставшее наиболее действенным выражением народного протеста против колониального господства. Зарождение партизанского движения относится к началу 1816 г., когда партизанские отряды создавались стихийно из остатков разбитых регулярных войск патриотов. Первым партизанским командиром был Хуан Эстебан Рамирес, действовавший в провинции Памплоны. Его небольшая партизанская группа (13—15 человек) перехватывала почту испанцев, нападала на отставших от своих подразделений испанских солдат и плохо охранявшиеся обозы. В конце февраля 1816 г. Рамирес был захвачен в плен и четвертован. Его голову заковали в железные обручи и замуровали в стену собора в Памплоне¹. Однако жестокость испанцев не запугала борцов за независимость.

В марте 1816 г. в горах Меса-де-Хуан-Диас был создан настоящий партизанский отряд в количестве 100 человек. Его возглавил сторонник А. Нариньо Хосе Антонио Олайя. Вся семья этого мужественного человека принимала участие в борьбе с испанцами. Старший сын Олайя был захвачен в плен и расстрелян, жена, оставшаяся в городе, арестована и выслана. Еще один партизанский от-

¹ Череп Рамиреса в железных обручах был обнаружен после землетрясения 1875, разрушившего собор (O. Díaz Díaz. La reconquista española, t. 1. Bogotá, 1964, p. 139—140).

ряд действовал в провинции Сокорро. Согласно донесению, обнаруженному в архиве полковника Латорре и датированному 16 апреля 1816 г., в районе Онсаги был разбит повстанческий отряд под командованием некоего Фернандо Сантоса в количестве 100 человек².

После вступления войск Морильо в Сантафе 6 мая 1816 г. партизанские отряды, казалось, прекратили свое существование, но, по мере того как в стране восстанавливался колониальный режим, а оккупационная армия усиливала репрессии, крепили и антииспанские настроения среди самых широких слоев новогранадского общества. Поначалу сопротивление испанцам носило пассивный характер, выражаясь в основном в содействии побегу пленных патриотов и осужденных на принудительную службу в оккупационных войсках. С ними делились одеждой и деньгами, укрывали от испанских властей. И это несмотря на жестокую расправу с теми, кто помогал бегству пленным. Испанцы расстреливали даже женщин. 20 октября 1816 г. в Мариките расстреляна Эстефания Линаре, 26 ноября в Нейве — Росаура Ривера, 17 января 1817 г. в Лериде — Ансельма Лейтон, в Нейве 14 сентября — Долорес Салас, 19 сентября — Антония Морено, а 12 ноября — Марта Телло³.

Испанские власти начинают проявлять все больше беспокойства по поводу перемен в отношении к ним индейского населения, ожидавшего получить от королевской армии свои соляные копи и «ресгвардос» и обманутого в своих надеждах. Испанцы жестоко наказывали индейцев за малейший намек на недовольство. В Пурификасьоне (провинции Нейва) 5 сентября 1816 г. была расстреляна Хоакина Арока из Натагаймы за то, что в ее доме собирались индейцы, возмущавшиеся действиями оккупационных властей. Через три дня в Прадо была расстреляна Фульхенсия Бернате — индианка из той же Натагаймы⁴. Испанцы явно запугивали индейское население провинции Нейва. Однако режим террора не смог задержать новый подъем освободительного движения.

В марте 1817 г. из Кали бежала группа патриотов, которую возглавил бывший венесуэльский капитан Хосе

² O. Díaz Díaz. La reconquista española, t. 1, p. 143—144, 187—192.

³ Ibid., p. 171, 176.

⁴ Ibid., p. 171.

Иларио Мора, захваченный в плен испанцами в сражении у Кучильи-дель-Тамбо. Выкрыв у испанцев ружья, патриоты начали расправу с изменниками родины. После убийства одного помещика-роялиста, бывшего членом кабилльо Кали и известного своим зверским обращением с неграми, к Мора присоединились работавшие в асьенде негры. Мора направился на север, в провинцию Чокó, где было много шахт, в надежде на новые пополнения своего отряда за счет негров-рабов. По дороге он освобождал рабов на шахтах и асьендах, расправляясь с их хозяевами-предателями. Мора захватил Новиту и двинулся на Симарронас, где к нему снова присоединились негры и даже местный алькальд.

Восстание ширилось. В Ноанаме повстанцы разгромили дом коррехидора. Их численность возросла до 100 человек. В Чарамбуре Мора захватил два торговых судна, намереваясь добраться на них до Буэнавентуры, а оттуда морем до Кито. Но в мае 1817 г. Мора был убит, а его отряд разбит и взят в плен испанцами. В письме от 28 августа 1817 г. в Мадрид военному министру Испании Морильо писал, что с восстанием Мора покончено⁵.

Появились партизанские отряды и в провинциях Сокорро и Тунха. В Сокорро партизан возглавлял Х. И. Руис, а в Тунхе — братья Саласар и Игнасио Кальво. Население помогало им, чем могло. Испанским властям с большим трудом удалось разбить и рассеять их⁶. Не успело испанское командование покончить с партизанами Тунхи и Сокорро, как ему пришлось иметь дело с новым очагом партизанского движения, на этот раз в Касанаре.

Касанаре осталась единственной повогранадской провинцией, где испанцам не удалось полностью восстановить свою власть. Здесь находились остатки разбитой армии патриотов. С началом восстания в Венесуэле (апрель 1816 г.) многие венесуэльцы, служившие в новогранадской армии, и даже новогранадцы (в том числе Сантандер) ушли в Венесуэлу. Те, кто остались, начали создавать партизанские группы из солдат и офицеров быв-

⁵ *J. M. Restrepo. Historia de la revolución de la República de Colombia en la América Meridional, t. III. Bogotá, 1942, p. 125; O. Díaz Díaz. La reconquista española, t. 1, p. 144, 149, 151—163, 167; idem. Los Almeydas. Bogotá, 1962, p. 42.*

⁶ *J. M. Restrepo. Op. cit., t. III, p. 125; O. Díaz Díaz. Los Almeydas, p. 42—43.*

шей армии патриотов, бежавших в Касанаре. По мере нарастания недовольства населения зверствами испанцев сюда же стали прибывать жители близлежащих провинций, вступавшие в партизаны. К началу 1817 г. в Касанаре уже действовали отряды Рамона Нонато Переса, Хуана Галеа, Игнасио Мариньо и испанского офицера Антонио Аррендондо, перешедшего на сторону патриотов⁷. Эти отряды, первоначально насчитывавшие всего по несколько десятков человек, быстро росли и наносили все более чувствительные удары интервентам.

Для подавления партизанского движения в Касанаре были направлены испанские войска под командованием полковника Байера. Однако его отряд попал в засаду, устроенную партизанами Галеа. Байер был взят в плен и расстрелян. 27 марта 1817 г. объединенные отряды Галеа и Мариньо, напав на Чирé, наголову разгромили испанцев. Затем они двинулись на Поре. Гарнизон Поре по численности значительно превосходил партизанские силы. Галеа, руководивший операцией, приказал партизанам переодеться во вражеские мундиры. Их пропустили в город. Не ожидавшие нападения испанские солдаты не смогли оказать организованного сопротивления, и столица Касанаре оказалась в руках партизан⁸.

Захватив Поре, партизаны двинулись на Лабрансагранде и Салина-де-Чита, создавая угрозу центральным провинциям. Не менее успешно действовали в Касанаре отряды Нонато Переса и Аррендондо. Одновременно с ними в районе Меса-де-Хуан-Диас возобновили свою деятельность партизаны под руководством А. Олаьи, а в Токайме появился отряд Х. Игнасио Родригеса.

Партизанское движение, первоначально стихийное, постепенно принимает организованный характер. Партизаны находили себе помощников в городах, где располагались испанские гарнизоны. Эти люди, как правило, простого звания (мелкие торговцы, ремесленники), постоянно рискуя жизнью, осуществляли связь с партизанскими отрядами, снабжая их сведениями о передвижениях войск, о новых приказах испанских властей и направляя к пар-

⁷ *C. L. Peñuela*. Album de Boyacá, 2 ed., t. 2. Tunja, 1969, p. 105, 149, 297, 307—308.

⁸ *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. III, p. 123—124; *C. L. Peñuela*. Op. cit., t. 2, p. 297; *O. Díaz Díaz*. La reconquista española, t. 1, p. 268.

тизнам тех, кто бежал из тюрем, из солдатских казарм и хотел бороться с оккупантами.

Успехи партизанского движения открывали перспективы дальнейшей успешной борьбы с испанцами. Убедившись, что реставрация колониального режима ущемляет ее экономические интересы, креольская землевладельческая верхушка решила поддержать партизанскую борьбу, увидев в ней реальную возможность покончить с колониальным игом. Семьи Алмейда, Кайседо, Гутьеррес, Моралес, Барайа, Родригес, Рикаурте, Лосано и других богатых землевладельцев пустили в ход свои связи и средства для помощи партизанам⁹. Особое внимание обращалось на работу в частях испанской армии. Среди них было много новогранадцев, отбывавших принудительную службу в рядах оккупационных войск. Многие из них оставались истинными патриотами, готовыми отдать жизнь в борьбе за свободу своей родины.

Богатые дамы-патриотки, и в том числе мать Амбросио Алмейды — Росалия Сумалаве и ее дочери Тринидад, Габриэла, Рафаэла и Тереса, проделали большую работу по выявлению и сплочению патриотически настроенных элементов. Готовясь к борьбе, патриоты стали искать контактов с партизанами. А. Алмейда под видом торговца скотом отправился в Токайму с целью установления связи с отрядом Х. И. Родригеса. Для постоянных сношений с партизанами был привлечен юноша из Гуадуаса Висенте Бибиано Салавариета, служивший в свое время в армии патриотов. Чтобы не вызывать подозрения испанских властей, он отправился в Саптафе вместе со своей старшей сестрой Поликарпой, которая якобы повезла своего брата в столицу для лечения¹⁰.

⁹ *O. Díaz Díaz. La reconquista española, t. 1, p. 182.*

¹⁰ Судьба этой девушки из народа, сыгравшей в последующих событиях поистине героическую роль, весьма примечательна. По всей вероятности, Поликарпа Салавариета родилась в бедной семье. Однако громкая слава, пришедшая к ней уже после смерти, сделала ее дочерью коррехидора Гуадуаса, что до сих пор не подтверждено документами. По-видимому, это вольная или невольная выдумка креольской верхушки, которая не могла поверить в то, что простолюдинка может проявить такой патриотизм, такое самопожертвование в борьбе за свободу своей родины. То, что Поликарпа Салавариета скорее всего была именно дочерью народа, косвенно подтверждается отсутствием точных данных не только о ее родителях, но даже о месте и годе ее

ПОЛИКАРПА САЛАВАРИЕТА

Добравшись вместе с братом до Сантафе, Поликарпа оказалась в кругу патриотов, принадлежавших к креольской аристократии. Убедив их в своем горячем желании бороться с испанцами, она осталась в столице под видом портнихи. Поликарпа шила знатным креолкам, заодно передавая письма, которые не должны были попасть в чужие руки; для отвода глаз она торговала водкой, что открывало ей доступ в солдатские казармы и помогало узнавать последние новости военного характера¹¹. Полученные сведения через специальных связных Поликарпа переправляла партизанам в Касанаре. Имя одной из связных встречается в документах военного трибунала в Чоконте. Ее звали Мария Хосефа Эсгерра, и она была расстреляна испанцами¹².

АНТИИСПАНСКИЙ ЗАГОВОР В САНТАФЕ В АВГУСТЕ 1817 Г. НАРАСТАНИЕ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Успехи партизан вселяли надежду на скорый конец испанского господства. Чтобы приблизить час освобождения, в Сантафэ к середине 1817 г. созрел заговор. Была создана хунта по подготовке восстания. Разработанный ею план предусматривал вооруженное выступление патриотически настроенной части гарнизона столицы, которое сорвет боевые действия остального испанского войска, когда партизаны Касанаре, Меса-де-Хуан-Диаса, Токаймы и других районов двинутся на Сантафе. Предполагалось, что восстание гарнизона поддержат горожане. Планировалось также выступление ткачей Сокорро¹³. Восстание в Сантафэ должны были поддержать другие города Новой Гранады.

Члены повстанческой хунты в преддверии восстания активизировали свою работу по разложению гарнизона Сантафэ. Солдаты-патриоты охотно примыкали к заговору. Тех, кого боялись посвятить в планы предстоящего

рождения. Гуадуас, Марикита, Сантафэ, Велес, Табио, Фунса и Монкира́ оспаривают честь быть ее родной. Год рождения тоже варьируется в источниках от 1788 до 1798 г. (*O. Díaz Díaz. La reconquista española, t. 1, p. 238—240*).

¹¹ *Ibid.*, p. 266—267.

¹² *O. Díaz Díaz. Los Almeydas, p. 74*.

¹³ *O. Díaz Díaz. La reconquista española, t. 1, p. 330; idem. Los Almeydas, p. 43—44*.

восстания, склоняли к дезертирству иногда даже путем подкупа. Братья Алмейда, например, не жалели для таких подкупов собственных денег. Примкнувший к заговору Доминго Кайседо, имевший огромные поместья в провинции Нейва, в районе Пурификасьоа и Салданыи, обещал предоставить повстанцам 300 лошадей¹⁴.

В первые недели августа в столичном гарнизоне усилилось дезертирство. Активное вовлечение солдат в антииспанский заговор имело место во 2-м и 3-м батальонах полка «Нумансия». Почти $\frac{1}{3}$ полка составляли патриоты. Подобное же положение наблюдалось и в батальоне «Тамбо». Поликарпа Салавариета через писаря батальона «Тамбо» Х. М. Аркоса узнавала новости военного характера, которые передавала руководителям заговора в Сантафе, а затем в Касанаре.

Однако планы хунты потерпели провал. Власти получили донос о подготовке восстания. Началось расследование. В ночь с 19 на 20 августа были произведены аресты не только в казармах «Нумансии» и «Тамбо», но и в городе, и на ближайших асьендах. Были арестованы 13 солдат и младших офицеров, а также четверо гражданских лиц — Амбросио и Висенте Алмейда и их управляющие П. Асеро и Х. С. Амайя. При обыске в доме братьев Алмейда обнаружили небольшой запас оружия и саблю с надписью «Да здравствует свободная Америка!»¹⁵

Раскрытие заговора и арест ряда участников предполагавшегося восстания сорвали намеченное выступление. Многим причастным к подготовке восстания пришлось бежать из Сантафе в льяносы Касанаре. Среди них была группа солдат и бывших офицеров армии патриотов во главе с А. Сабараипом и Ф. Арельяно. В начале сентября они были пойманы и помещены в колехио «Сан-Бартоломе», служивший казармой батальону «Тамбо». При обыске у Сабараина обнаружили важные документы, посланные Поликарпой Р. Нонато Пересу. Несмотря на то, что они явно компрометировали ее, власти оставили Поликарпу на свободе, надеясь выявить ее связи¹⁶.

¹⁴ O. Díaz Díaz. La reconquista española, t. 1, p. 331, 336; *idem*. Los Almeydas, p. 47.

¹⁵ O. Díaz Díaz. La reconquista española, t. 1, p. 330, 345, 357, 271—272, 284—285; *idem*. Los Almeydas, p. 50.

¹⁶ O. Díaz Díaz. La reconquista española, t. 1, p. 353, 359—360; *idem*. Los Almeydas, p. 68—69.

Тем временем в Сантафэ следствие по делу братьев Алмейда близилось к концу, и расправа над ними была неминуема. Однако патриотам при помощи Поликарпы, имевшей единомышленников среди солдат батальона «Тамбо», 23 сентября удалось организовать побег братьев¹⁷. Она же обеспечила их переправу в надежное место.

Поликарпу арестовали через месяц, 29 октября. Ее судил военный трибунал одновременно с А. Сабараином и его товарищами. 1 ноября им был вынесен смертный приговор. 14 ноября на Пласа-Майор состоялась казнь. А. Сабарайн, Ф. Арельяно, М. С. Диас и Х. М. Аркос были повешены, а Э. Маруфо, А. Галеано, Х. М. Суарес и Поликарпа Салавариета — расстреляны. Последними словами Поликарпы перед казнью были: «Смерть тирапам!»

Жестокая расправа над патриотами и расстрел Поликарпы возмутили жителей Сантафэ. Современник Поликарпы Х. М. Рестрепо писал впоследствии, что «не было сердца, которое не обливалось бы слезами при известии о смерти этой женщины, целиком отдавшей себя служению делу свободы»¹⁸. О ней говорили повсюду. Ее героическая борьба с испанцами и мужественная смерть обратились в легенду, передававшуюся из уст в уста.

Для новогранадцев имя Поликарпы стало знаменем, сплачивавшим ряды борцов с колониальным игом. О ней слагали не только песни, но и поэмы. Стихи о мужестве и стойкости этой героической женщины распространялись в льяносах Касанаре среди населения и партизан уже в середине 1818 г.¹⁹ Успешные действия партизан Касанаре, захвативших столицу провинции, убедили испанцев в том, что они недооценили опасность, которая им угрожает. В Касанаре был срочно направлен подполковник Х. Тольра с целой воинской частью в составе 600 пехотинцев. Численное превосходство противника вынудило партизан Галеа и Мариньо оставить Поре и отступить к Моркоте²⁰.

¹⁷ O. Díaz Díaz. La reconquista española, t. 1, p. 347—348.

¹⁸ J. M. Restrepo. Op. cit., t. III, p. 128—129; G. O. Muñoz. Hombres y ciudades. Bogotá, 1948, p. 608; M. Lallement. Histoire de la Colombie. Paris, 1827, p. 180—181; O. Díaz Díaz. La reconquista española, t. 1, p. 363—364, 367, 375—376, 378—379; *idem*. Los Almeydas, p. 69, 87—89; Policarpa Salavarrieta, una heroína de la independencia de Nueva Granada.— «Granma», 11.XI 1972.

¹⁹ O. Díaz Díaz. La reconquista española, t. 1, p. 385—386.

²⁰ J. M. Restrepo. Op. cit.; t. III, p. 124.

Тольра не стал продолжать преследование партизан, потому что к этому времени в стране возник еще один центр партизанского движения — в провинции Тунха.

Бежавшие из Сантафэ братья Алмейда укрылись вначале в горах в районе Мачетá, куда к ним стали стекаться дезертировавшие из оккупационных войск солдаты и все те, кто с оружием в руках хотел бороться с испанцами. Вскоре они собрали отряд численностью около 300 человек. Правда, большинство из них было вооружено только пиками. Ружей было очень мало, зато не было недостатка в лошадях, которыми партизан снабдили окрестные помещики.

Первые стычки с испанцами неизменно оканчивались победой партизан, которые постепенно вооружались за счет разбитого противника. Имея запасных лошадей, партизаны совершали многокилометровые переходы, неожиданно появлялись там, где их совсем не ждали. Так, с ходу был захвачен Чоконтá, расположенный всего в 75 км от Сантафэ. Испанцы, застигнутые врасплох, бежали. Когда в столице узнали, что Чоконтá в руках партизан, в городе началась паника. Народная молва преувеличила силы партизан чуть ли не в 10 раз. Говорили, будто 3-тысячный партизанский отряд движется на Сантафэ. Некоторые семьи роялистов покинули город и бежали в Картахену.

А тем временем партизаны захватили Немокои и Тибириту²¹. Это было почти у ворот столицы. Братья Алмейда вели активную антииспанскую агитацию, рассылая по городам прокламации, в которых рассказывалось об успехах партизан, о борьбе венесуэльского народа против оккупантов, призывая граждан Новой Гранады присоединиться к священной борьбе за освобождение своей родины. Их девизом было: «Процветание и свобода!»²²

Партизанское движение набирало силы. Партизаны действовали в районах Сокорро, Тунхи, в Месе, Онде, Сан-Мартине, не говоря уже о льяносах Касапаре. Население оказывало им разного рода помощь — от доставки сведений военного характера до обеспечения продовольст-

²¹ J. M. Restrepo. Op. cit., t. III, p. 129; O. Díaz Díaz. Los Almeydas, p. 96.

²² O. Díaz Díaz. Los Almeydas, p. 98—100.

вием. В некоторых местах назначенные испанцами власти вместо того, чтобы принимать меры по пресечению партизанской деятельности, помогали партизанам. В частности, алькальд Капилья-де-Тенсы 70-летний Каэтано Боркес 17 ноября 1817 г. направил письмо командиру одного из партизанских отрядов П. Игнасио Даса, сообщая о посылке к нему людей, оружия, продовольствия, лошадей и обещая в дальнейшем делать для них все, что пужно. Письмо Боркеса не дошло до адресата, оно было перехвачено испанцами. Старый алькальд был предан суду военного трибунала и расстрелян²³.

Чтобы покончить с партизанским движением в центральных провинциях, военный губернатор Сантафэ Х. Самано направил против партизан одного из самых опытных военачальников, Карлоса Тольра, брата подполковника Хуана Тольра, действовавшего в Касанаре. 21 ноября 1817 г. К. Тольра разбил отряд Алмейды в районе Чоконты. Алмейда с 26 партизанами бежал в льяносы Касанаре²⁴. К. Тольра начал расправу над пленными и местным населением под предлогом его связи с партизанами. Он расстрелял в Чоконте 19 партизан, 5 гражданских лиц и 2 женщин, в Валье-де-Тенсе — более 100 гражданских лиц и 2 женщин.

26 ноября К. Тольра издал приказ о расстреле всех партизан, именуя их бандитами. Расстрелу подлежали также алькальды и другие представители местных властей и все граждане, заподозренные в помощи партизанам. Одновременно было объявлено о награде тому, кто выдаст властям братьев Алмейда. В районе действия их отряда были смещены все гражданские власти, которым испанцы больше не доверяли, даже если против них не было улик²⁵.

Выполняя приказ К. Тольра, губернатор Тунхи Л. Гонсалес в январе 1818 г. провел крупную карательную операцию в Сапатоке. Она закончилась расстрелом 246 местных жителей. Их дома были сожжены²⁶. Под ногами оккупантов горела земля, и они заливали ее реками крови.

²³ *O. Díaz Díaz. Los Almeydas, p. 100—102, 105.*

²⁴ *J. M. Restrepo. Op. cit., t. III, p. 129—130; O. Díaz Díaz. Los Almeydas, p. 96.*

²⁵ *O. Díaz Díaz. Los Almeydas, p. 152, 173, 183.*

²⁶ *Ibid., p. 188—189.*

Разгром отряда, которым командовали братья Алмейда, отнюдь не означал, что испанцам удалось покончить с партизанским движением. Касанаре по-прежнему оставалась оплотом партизан. Здесь продолжали базироваться отряды Х. Галеа, Р. Нонато Переса, М. А. Васкеса и А. Арредондо, державшие под своим контролем основную часть провинции и постоянно наносившие испанцам неожиданные удары. 21 февраля отряд Галеа внезапно атаковал Фундасьон-де-Упия. 80 партизан с налету выбили полторы сотни испанцев и заняли городок. Такого же успеха партизаны добились и в Сан-Мартине.

Обеспокоенный Самано двинул в Касанаре на этот раз К. Тольра. Но партизаны, учтя опыт отряда Алмейда, уклонялись от сражения с крупными силами испанских регулярных войск, укрываясь в льяносах. Напрасно Тольра рассылал во все стороны лазутчиков. Партизан как не бывало. Испанская кавалерия теряла лошадей, не привыкших к местным условиям, а пастухи при приближении испанцев предусмотрительно угоняли табуны в глубь провинции. Так и не навязав партизанам сражения, Тольра вынужден был вернуться обратно²⁷.

НОВАЯ ГРАНАДА НАКАНУНЕ ПОХОДА БОЛИВАРА

Испанская оккупация и восстановление прежних колониальных порядков нанесли большой ущерб новогранадской экономике. Осады и сражения, наряду с последовавшими затем репрессиями, привели сельское хозяйство, горное дело, мануфактуры и ремесла в состояние упадка. Контрибуции и содержание многочисленных войск довершили обнищание основной массы населения²⁸.

Восстановление системы монополий не позволяло ни сельскому хозяйству, ни ремеслам вернуться хотя бы к довоенному состоянию, не говоря уже об их дальнейшем развитии. Денежное обращение страны было вконец разрушено. Морильо, пытаясь восстановить единую денеж-

²⁷ Ibid., p. 189; *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. III, p. 133.

²⁸ Relación sobre el estado en que deja el Nuevo Reino de Granada el EXCMO. Sr. virrey D. F. de Montalvo, en 30 de enero de 1818, a su sucesor el EXCMO. Sr. D. Juan de Samano.— *Relaciones de mando de los virreyes de la Nueva Granada. Memorias económicas*. Bogotá, 1954, p. 240.

ную единицу во всей Новой Гранаде, отменил деньги, выпущенные правительствами отдельных провинций, пустив в оборот по всей стране монету, которую начали чеканить в Санта-Марте еще до начала испанской оккупации. Дороговизна вызвала огромную потребность в деньгах. Не имея необходимого количества серебра для чеканки монеты, власти начали сокращать его содержание в новых деньгах. Поэтому мало того, что они быстро обесценивались, их легко было подделать. Все это вызывало инфляцию и пагубно сказывалось на экономике страны.

Торговля была парализована, традиционные экономические связи между провинциями нарушены. Пытаясь поправить дело, испанские власти 14 декабря 1818 г. издали декрет о запрещении монет Санта-Марты и сдаче их в монетный двор Сантафе, возобновивший чеканку монеты. Это мероприятие сильно подорвало престиж испанских властей. Никто не хотел сдавать старые деньги, которые правительство за отсутствием ценных металлов рассчитывало использовать в качестве сырья для чеканки новой монеты. Монетный двор Сантафе простаивал, новых денег не было, а старые были запрещены. Это окончательно нарушило денежный обмен в стране.

Губернатор Картахены Г. Торрес писал Фердинанду VII, что «эта мера ввергла в пучину нищеты несчастных жителей», которые не имели других денег, кроме запрещенных²⁹. Таким образом, денежная реформа, предпринятая испанскими властями, обернулась в конечном итоге против них, окончательно дезорганизовав экономическую жизнь и вызвав всеобщее недовольство населения.

Даже некоторые представители колониальной администрации начали сомневаться в правильности испанской политики в Новой Гранаде. В лагере оппозиционеров оказался сам вице-король Ф. Монтальво. Его несогласие с военными властями вызывалось жестокостью оккупационного режима, пагубно сказывавшейся на настроениях населения и экономике Новой Гранады. Эти разногласия явились причиной отставки Монтальво, который был за-

²⁹ Memorial que el Brigadier don G. Torres-y-Velasco, gobernador de Cartagena... elevó al rey de España...— *E. Lemaître*. Antecedentes y consecuencias del once de noviembre de 1811. Cartagena, 1961, p. 143—146; *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. III, p. 135—136; *J. M. Henao y G. Arrubla*. Historia de Colombia. Bogotá, 1967, p. 254.

менен Самано. В традиционном отчете своему преемнику, составлявшемся всеми новогранадскими вице-королями, Монтальво не преминул указать, что «наряду с разрушениями, причиненными хозяйству революцией, оно равным образом пострадало от вступления королевских войск», а работу на строительстве дорог он назвал «несправедливой тюрьмой для невинных»³⁰.

В числе невольных критиков испанской политики оказался и уже упоминавшийся губернатор Картахены Г. Торрес. В письме Фердинанду VII он изложил те мероприятия, без проведения которых не мыслил дальнейшего пребывания испанцев в Новой Гранаде. К их числу относилась прежде всего отмена системы монополий, которые он считал «самым вредным учреждением» для королевской казны, сельского хозяйства и торговли. Г. Торрес весьма неодобрительно писал и о денежной реформе, считая ее последствия для экономики страны «слишком тяжелыми и пагубными»³¹.

Подобные настроения показали испанскому правительству неуместными, особенно в условиях растущего партизанского движения. Оно не желало прислушаться к трезвым голосам и пошло по пути дальнейшего усиления террора. Вице-король Самано получил из Испании новые контингенты войск, увеличил численность рекрутов из местного населения. Теперь его армия почти на $\frac{3}{4}$ состояла из местных жителей³². К концу 1818 г. королевские войска на территории Новой Гранады, по данным Х. М. Рестрепо, достигли 4,5 тыс. человек, не считая гарнизонов в Кито, Попаяне, Картахене и Санта-Марте. Сильно возросшие военные расходы отягощали бюджет страны. Годовой дефицит достиг 1,5 млн. пиастров³³.

Самано принимал самые жесткие меры, чтобы покончить с партизанским движением. На протяжении всего 1818 г. в Новой Гранаде шли расстрелы партизан, а также лиц, заподозренных в помощи им. Аресты, как и в начале интервенции, приняты массовый характер. По дописам, которые нередко оказывались ложными, хватали сот-

³⁰ *Relación sobre el estado en que deja el Nuevo Reino de Granada el EXCMO. Sr. virrey D. F. de Montalvo... a su sucesor el EXCMO. Sr. D. Juan de Samano*, p. 236, 240.

³¹ *E. Lemaître*. *Op. cit.*, p. 144—146, 149.

³² См.: *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 14, стр. 228.

³³ *J. M. Restrepo*. *Op. cit.*, t. III, p. 134, 145.

ни людей и держали их в тюрьмах без всякого судебного разбирательства. Были арестованы некоторые влиятельные представители креольской верхушки. Четыре месяца содержались в госпитале Сан-Фернандо, превращенном в место заключения для богатых новогранадцев, мать и четыре сестры братьев Алмейда. С людьми простого звания не церемонились. Их подвергали пыткам, отрезали языки, уши³⁴.

Но, вместо того чтобы запугать население, «свирепые эксцессы испанцев повсюду играли роль вербовщика рекрутов для армии борцов за независимость»³⁵. Борьба патриотов Новой Гранады вступала в новый этап. Успехи Боливара в венесуэльской кампании 1818 года, когда его армия одержала несколько побед над не знавшим ранее поражений Морильо, создавали для новогранадских патриотов благоприятные условия. Силы испанцев были скованы в Венесуэле, и Самано не мог рассчитывать на помощь Морильо. Теперь патриоты с надеждой следили за венесуэльскими событиями, надеясь, что поражение испанцев в Венесуэле ускорит крах их господства в Новой Гранаде.

Боливару, в свою очередь, были далеко не безразличны успехи новогранадских партизан. Еще в своем «Письме с Ямайки» (сентябрь 1815 г.) Боливар, рисуя перспективы освободительной борьбы на южноамериканском континенте и призывая к объединению всех патриотических сил, писал: «Я освобожу Новую Гранаду и создам Великую Колумбию»³⁶. Теперь он увидел в партизанском движении реальную силу, на которую можно опереться в осуществлении задуманных планов. Понимая важность новогранадского фронта в общей борьбе народов континента за свою независимость, он направил в провинцию Касанаре большой транспорт оружия, которого так не хватало патриотам. Приказом Боливара от 17 августа 1818 г. главнокомандующим всех партизанских сил Новой Гранады был назначен Ф. де П. Сантандер, получивший в венесуэльскую кампанию чин бригадного генерала. Все отряды переходили под командование Сантандера, а мест-

³⁴ O. Díaz Díaz. Los Almeydas, p. 196, 198, 218.

³⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 14, стр. 228.

³⁶ El pensamiento político del Libertador. Bogotá, 1953, p. 34—39.

ным властям вменялось в обязанность выполнять любые его распоряжения³⁷.

Сантандер прибыл в Касанаре в конце 1818 г. Сын богатого землевладельца из Кукуты являлся своим человеком среди креольской землевладельческой верхушки. Отец и дядя Сантандера находились в большой дружбе с семьей Алмейда, что было совсем немаловажно для Боливара, потому что Алмейда пользовались большим влиянием в среде помещиков, вставших на сторону патриотов.

Приезд Сантандера отождествлялся с подготовкой решительной борьбы за освобождение страны от испанского ига, активизируя силы сопротивления Новой Гранады. Патриоты в городах стали объединяться в хунты. Среди населения начался тайный сбор средств для помощи партизанам. Помимо денег, собирали железо для копий и лошадей. Развертывалась антииспанская пропаганда, в ко-

³⁷ *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. III, p. 140; *O. Díaz Díaz*. Los Almeydas, p. 189—190; *F. J. Vergara-y-Velasco*. 1818. Guerra de Independencia, 2 éd. Bogotá, 1960, p. 31, 33; *F. Lozano-y-Lozano*. Anzoategui. Bogotá, 1963, p. 371; *J. M. Henao y G. Arrubla*. Op. cit., p. 473.

торой немаловажную роль играло патриотически настроенное низшее духовенство³⁸.

Благодаря поддержке населения партизаны были хорошо осведомлены о расположении противника. Они избегали столкновений с крупными испанскими силами, предпочитая наносить неожиданные удары там, где их не ждали. Такие нападения, как правило, заканчивались разгромом испанских постов, гарнизонов в небольших городах, отдельных воинских подразделений. С каждой победой увеличивался приток добровольцев, уходивших в льянос к Сантандеру. Партизанские силы возросли до 2 тыс. человек.

Учитывая размах партизанского движения, рост престижа партизан среди населения, Самано решил покончить с ними, начав крупную карательную операцию в провинции Касанаре. В начале апреля 1819 г. в Моркоте, у входа в Кордиллеры, сосредоточились крупные испанские силы (2300 человек пехоты и кавалерии) под командованием полковника Барейро. 5 апреля Барейро выступил в поход. В первые же два дня от него сбежало 95 проводников-индейцев из 100³⁹. Индейцы не хотели оказывать испанцам никакой помощи. Жители льяносов бежали в глубь провинции, чтобы не попасть в руки испанцев.

Все это ставило Барейро в очень трудное положение, о чем он писал П. Морильо: «...Я не думаю, что мы сможем добиться умиротворения льяносов. Наша репутация полностью потеряна; все жители — наши решительные враги, и в тех районах, где проходил мой марш... я встретил только трех женщин и двух мужчин. Один из них был сумасшедший, так что мы не могли ничего у него понять. Вследствие этого мы лишены всякой информации,

³⁸ Испанцы жестоко наказывали священников-патриотов. Их подолгу держали в тюрьмах (лица духовного звания расстрелу не подлежали), но предотвратить участия священников в борьбе с интервентами не могли. Имена духовных отцов Ф. М. Фернандеса, Х. А. Маврике и др. вошли в историю колумбийского народа наряду с именами других героев войны за независимость. Фернандес за свою помощь патриотам был посажен в крепость в Санта-Марте, а Маврике заключен в монастырь Сан-Хуан-де-Дьос. Последнему инкриминировали сбор денег и железа для партизан, отправку им лошадей, доставку их почты, открытые призывы в проповедях помогать партизанам (*O. Díaz Díaz. Los Almeidas, p. 192, 207, 214.*

³⁹ *J. M. Restrepo. Op. cit., t. III, p. 141—142.*

столь необходимой для направления движения наших войск»⁴⁰.

9 апреля Барейро занял Поре — столицу Касанаре, покинутую жителями. Никакими сведениями о местонахождении и численности партизанских сил он по-прежнему не располагал. Оставив в городе гарнизон, Барейро двинулся в направлении на Ла-Лагуну, которую занял 13 апреля. Вскоре начались дожди. Его кавалерия каждый день теряла лошадей, которые не годились для бездорожья льяносов. Так и не сумев войти в соприкосновение с партизанами, Барейро вынужден был вернуться в Поре⁴¹. Здесь он узнал о дезертирстве 20 солдат из оставленного им гарнизона. Большинство из них — принудительно мобилизованные венесуэльцы — бежали к Сантандеру. Учиненное Барейро расследование выявило настоящий заговор среди солдат, намеревавшихся перейти на сторону партизан. Барейро произвел массовые аресты. Убедившись в ненадежности своих войск, он решил срочно возвращаться обратно.

Теперь Барейро не приходилось искать партизан. Они сами навязывали ему арьергардные бои. В результате за две недели отступления он потерял 300 солдат. Попытка Самано покончить с партизанами потерпела провал. Преследуя отступавшего Барейро, Сантандер занял Моркоте, Пайю и другие выходы из Кордильер. Испанцы из нападающей стороны превратились в обороняющуюся. Им пришлось раздробить свои силы, чтобы прикрыть дороги из льяносов в центральные провинции страны⁴².

Провал экспедиции Барейро придал новый размах партизанскому движению. Оно снова перекинулось в центральные провинции. В Сокорро развернул действия партизанский отряд численностью около 300 человек. Разбив испанцев в Гвадалупе, он освободил Ойбу, недалеко от Сантафэ. Самано направил против партизан карательную экспедицию, но она не сумела навязать им бой. При приближении испанцев партизаны ушли в льяносы. Появились партизанские отряды в Тунхе, Памплоне и Нейве. Население с радостью встречало партизан, снабжая их

⁴⁰ F. Lozano-y-Lozano. Op. cit., p. 371.

⁴¹ J. R. M. Tisnés. Antonio Arredondo. Coronel español al servicio de la independencia. Bogotá, 1970, p. 34—35.

⁴² J. M. Restrepo. Op. cit., t. III, p. 144.

продовольствием, одеждой и сообщая о передвижениях испанских войск. В Сантафэ снова, как во времена Морильо, начались публичные расстрелы жертв военных трибуналов. Жестокими казнями испанцы надеялись предотвратить рост партизанского движения.

ПОХОД БОЛИВАРА

Успехи партизанского движения в Новой Гранаде вселяли уверенность в недолговечности испанского господства. Это понимали дальновидные европейские политики. Вот почему английскому правительству столь соблазнительным представлялось, воспользовавшись благоприятным моментом, вновь попытаться закрепиться в этом районе земного шара. Сделав выводы из неудачной интервенции, предпринятой англичанами в 1806—1807 гг. в Ла-Плате, оно решило действовать более тонко.

На этот раз попытка вмешательства англичан должна была выглядеть как благородная частная инициатива. В начале 1819 г. некий Макгрегор — подданный Великобритании, — неизвестно на какие средства, напаял и вооружил отряд в количестве 400 человек, с которым в феврале того же года на нескольких кораблях отбыл в Новую Гранаду. В начале апреля в результате внезапного нападения он захватил Портобело на Панамском перешейке — чрезвычайно важную в стратегическом отношении крепость. Население увидело в англичанах новых завоевателей и не оказало им помощи, когда через три недели Макгрегор был неожиданно атакован губернатором Панама маршалом Оре. В течение получаса отряд Макгрегора был разбит и рассеян. Сам Макгрегор бежал на остров Сан-Андрес, бросив на произвол судьбы своих соотечественников. Таков был бесславный конец этого предприятия⁴³.

Тем временем положение испанцев в Новой Гранаде продолжало осложняться. Успехи повогранадских патриотов позволили С. Боливару, не свертывая военных операций в Венесуэле, перебазировать часть армии в льяносы Касанаре. План Боливара предусматривал объединение с партизанами Сантандера в целях нанесения решительного удара испанцам и освобождения Новой Гра-

⁴³ *J. M. Restrepo. Op. cit., t. III, p. 136—138.*

нады. 25 мая Боливар во главе четырех батальонов пехоты, одного — кавалерии, двух эскадронов копейщиков и одного — карабинеров двинулся на Гуадуалито. С ним шли батальоны ветеранов во главе со способными молодыми генералами Ансоатеги и Сублетте, накопившими значительный боевой опыт в битвах с испанцами.

11 июня в Таме состоялась встреча Сантаандера с Боливаром, во время которой были обсуждены вопросы предстоящей военной кампании. Через две недели в Порс произошло объединение войск, пришедших с Боливаром из Венесуэлы, и партизан Касанаре. 2,5-тысячная Освободительная армия была готова к вторжению в центральные провинции Новой Гранады. По данным разведки, испанские силы в этом районе имели небольшое числен-

ное преимущество, но Боливар надеялся на внезапность своего нападения и помощь населения. 27 июня Сантандер разбил неприятельский авангард Х. Тольра, преграждавший путь через Кордильеры в центральные районы страны, и занял Пайю. 30 июня Боливар обратился к новогранадцам с воззванием, призывая их к решительной борьбе за освобождение родины⁴⁴.

Задуманный Боливаром беспримерный переход Освободительной армии через Кордильеры оказался очень тяжелым. Лошади пали. Пушки приходилось тащить самим солдатам. Не хватало провианта. В довершение всего люди, привыкшие к жаре, буквально коченели в горах, где температура не превышала 0°. Наконец добрались до перевала Писба⁴⁵. Трудности горного перехода остались позади, но изнуренные солдаты нуждались в отдыхе. Людские потери были весьма ощутимы. Пушки пришлось бросить в горах.

6 июля Освободительная армия вступила в провинцию Тунха. План Боливара полностью оправдался. Испанцы пребывали в полном неведении относительно его местонахождения, считая, что Освободительная армия по-прежнему находится в льяносах Касанаре. Воспользовавшись тем, что его не ждали, Боливар проявил большую активность, приводя войска в порядок. Его генералы, и особенно Сантандер, делали все возможное, чтобы ему помочь. Буквально за три дня они собрали лошадей, подтянули брошенные пушки, подобрали оставших солдат. Население несло патриотам оружие, продовольствие, одежду. Солдат Боливара одели, накормили, вооружили. На них смотрели как на избавителей от гнета испанских палачей.

Отдохнув, армия Боливара выступила в поход, и после захвата ею Лабрансагранде в штабе испанского главнокомандующего Барейро действительно поверили в появление Боливара в центре Новой Гранады. Против Освободительной армии были немедленно двинуты войска, но Боливар, стремясь пока избежать решительного сражения, сковал силы Барейро отрядами Сантандера и Апсоатеги.

⁴⁴ *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. V. Bogotá, 1942, p. 138—142; *F. Lozano-Lozano*. Op. cit., p. 376—377, 379—380; *J. R. M. Tisnés*. Op. cit., p. 38—48; *C. L. Peñuela*. Album de Boyaca, 2 éd., t. 2. Tunja, 1969, p. 307—308.

⁴⁵ *J. R. M. Tisnés*. Op. cit., p. 52—53.

Сам же он двинулся в долину Согамосо, угрожая столице. Барейро, уступивший инициативу Боливару, вынужден был отказаться от сражения с Ансоатеги и Сантандером и с основными силами двинуться на прикрытие дороги на Сантафэ. Его арьергард, оставленный в Гамесе, был разбит Ансоатеги 11 июля⁴⁶.

В долине Согамосо Боливар окончательно восстановил силы своего войска. Население относилось к нему чрезвычайно доброжелательно. Его солдатам помогали, чем могли. К нему шли все, кто хотел сражаться с испанцами. Состоявшая в начале похода почти наполовину из вепесуэльцев, Освободительная армия по мере притока в нее новогранадцев меняла свой национальный облик, становясь практически новогранадской и, следовательно, своей, родной. Население понимало это, и его симпатии к освободителям крепили с каждым днем. Накормить, напоить, снабдить табаком солдат Боливара стало честью для жителей тех районов, где пролегал путь армии патриотов⁴⁷. Освободительная армия настолько окрепла, что Боливар решил принять бой с основными силами противника.

25 июля 1819 г. у Пантано-де-Варгаса 2-тысячная армия Боливара выступила против 3-тысячной армии Барейро. Последний надеялся, что в ходе этой битвы ему удастся одним ударом покончить с патриотами. Сражение длилось целый день, но ни одна из сторон так и не смогла добиться решительного перевеса. Ночь и ливень вынудили сражавшихся прекратить бой. Окрестные жители с тревогой следили за его исходом. С наступлением ночи многие из них пришли в лагерь патриотов, чтобы помочь перевязать раненых. Потери испанцев составили 500 убитых и раненых, и наутро Барейро, не решившись возобновить сражение, отступил в Пайпу. Потери патриотов были в пять раз меньше испанских. Захватив в качестве военного трофея 1200 ружей и много лошадей, Боливар двинулся в Корралес-де-Бонда.

Отступление Барейро в Пайпу оставило во власти Боливару всю провинцию Тунха, за исключением столицы, где находился испанский гарнизон. По указанию Боливару назначенные испанцами представители местных

⁴⁶ *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. V, p. 142—144; *F. Lozano-y-Lozano*. Op. cit., p. 384, 387—388; *J. R. M. Tisnés*. Op. cit., p. 67—77.

⁴⁷ *F. Lozano-y-Lozano*. Op. cit., p. 400.

властей заменялись патриотически настроенными элементами, арестованные освобождались. В соседнюю провинцию Сокорро Боливар направил небольшой отряд полковника А. Моралеса. Его появление послужило сигналом к началу антииспанского восстания, завершившегося полным освобождением провинции от испанцев⁴⁸. Однако силы испанцев не были окончательно сломлены. Они имели боеспособную армию, и патриотам предстояли новые упорные сражения. 28 июля Боливар опубликовал декрет о всеобщей воинской повинности. Все мужчины в возрасте от 15 до 40 лет подлежали мобилизации в армию патриотов. Через несколько суток было сформировано два новых батальона, можно было бы создать еще три, но не хватило оружия.

Пытаясь изолировать армию Боливар от восставшей Сокорро, Барейро 3 августа оставил Пайцу и двинулся в Ломабониту, расположенную на перекрестке дорог в Тунху и Сокорро. Сделав вид, что преследует Барейро, Боливар 4 августа приказал войскам скрыто проделать обратный марш. Они шли всю ночь и на рассвете 5 августа оказались у стен Тунхи. Гарнизон, не ожидавший нападения, спал. Жители открыли ворота Боливару, и все испанцы попали в плен, не успев взяться за оружие. Республиканцы захватили 600 ружей и много другого военного снаряжения⁴⁹.

Захват Тунхи поставил Барейро в очень тяжелое положение. Армия патриотов грозила отрезать его от Сантафэ. Пытаясь предотвратить это, Барейро приказал спешно отступать к столице, но Боливар, разгадав его замысел, сумел навязать испанцам сражение рапьше, чем они успели достичь Сантафэ.

7 августа 1819 г. армия Боливар настигла отступавших испанцев в 17 км от Тунхи в небольшой долине площадью всего 15 кв. км у речки Боякá. Центром и правым флангом Освободительной армии командовал генерал Ансоатеги, левым — генерал Сантандер. Испанцы снова имели численное преимущество (3 тыс. против

⁴⁸ *Cómo nació la República de Colombia*. Bogotá, 1960, p. 82—84; *A. Lozano Cleves. Así se hizo la independencia*, t. 2. Bogotá, 1961, p. 119—131; *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. V, p. 145—147; *F. Lozano-y-Lozano*. Op. cit., p. 393—397.

⁴⁹ *F. Lozano-y-Lozano*. Op. cit., p. 400—403; *J. M. Restrepo*. Op. cit., t. V, p. 148.

Мост через р. Бояка

2-тысячной армии Боливара), но не оно решило исход битвы. Солдаты-патриоты сражались самоотверженно, твердо веря в то, что их мужество и стойкость приближают час окончательного освобождения родины. Патриоты захватили мост через речку Боякá, отрезав испанцам путь к отступлению. Бой длился всего два часа. Людские потери испанцев были сравнительно невелики (100 убитых и столько же раненых), но, совершенно деморализованные появлением солдат Боливара в своем тылу, они не хотели больше сражаться и сдавались в плен сотнями. Был взят в плен даже сам Барейро вместе со своим штабом. Всего армия патриотов захватила 1600 пленных солдат и офицеров с оружием, артиллерией и лошадьми⁵⁰.

⁵⁰ Oficio del virrey Samano al presidente de Quito 12 de agosto de 1819.— *J. M. Restrepo*. Documentos importantes de Nueva Granada, Venezuela y Colombia, t. 1. Bogotá, 1969, p. 257—258. Cómo nació la República de Colombia, p. 85—87; *M. A. Lopez*. Recuerdos históricos de la guerra de independencia. 1812—1826, 2 éd. Bogotá, 1889, p. 14—18; *A. Lozano Cleves*. Op. cit., t. 2, p. 132—149;

Поражение испанской армии у Бояки знаменовало собой решительный перелом в ходе войны за освобождение Новой Гранады. Оценивая эту победу патриотов, Морильо писал испанскому военному министру: «Боливар за один день покончил с плодами пятилетней кампании и за одну битву отвоевал то, что королевские войска завоевали во многих сражениях»⁵¹. Однако эта победа Боливару, показавшаяся Морильо столь легкой, была подготовлена многолетней войной, которую вели новогранадские патриоты, не щадя своих жизней.

Разгром Барейро отдавал во власть Освободительной армии все центральные провинции страны вместе со столицей. Когда к вечеру 8 августа в Сантафе прибыл гонец с вестью о том, что армия разбита, испанцев охватила паника. Вице-король Х. Самано на следующее же утро выехал из Сантафе в Онду, бросив архивы и казенные деньги (7 тыс. пиастров в монетном дворе). Он не захватил даже собственного золота из дворца. Члены аудиенсии и другие испанские чиновники последовали его примеру. Гарнизон во главе с полковником Кальсадой, оставив столицу, двинулся на Попаян⁵².

В брошенном испанцами городе жители тотчас же организовали милицию. К вечеру 10 августа в Сантафэ во главе небольшого авангарда войск въехал С. Боливар. Население столицы устроило ему торжественную встречу и провозгласило его «Освободителем». Основные силы во главе с Сантандером и Ансоатеги, участвовавшие в битве, вошли в город на следующий день. Жители радостно приветствовали воинов-освободителей. В честь победы у Бояки Боливар учредил специальный орден⁵³.

Победа патриотов и освобождение Сантафэ послужили сигналом для антииспанских выступлений во многих районах Новой Гранады. Восстали Нейва и Марикита. Губернатор Памплоны бежал, и провинция была объявлена свободной от власти испанцев. Губернатор Антиокии К. Тольра бежал в Сарагосу, и 30 августа патриоты провинции провозгласили независимость. Бежавший в

J. M. Restrepo. Historia de la revolución..., t. V, p. 149—151; *F. Lozano-y-Lozano. Op. cit.*, p. 405—410.

⁵¹ *F. Lozano-y-Lozano. Op. cit.*, p. 412.

⁵² *J. M. Restrepo. Historia de la revolución...*, t. V, p. 152.

⁵³ *F. Lozano-y-Lozano. Op. cit.*, p. 418—428; *M. Lallement. Op. cit.*, p. 231—232, 234.

Картахену губернатор Чокó был задержан и расстрелян патриотами. Отступивший из Сантафе С. Кальсада в начале сентября прибыл в Попаян. Маршал Аймерич прислал ему из Кито подкрепление, но, несмотря на это, опасаясь восстания горожан, он отступил в Пасто. Положение испанцев в Новой Гранаде стало критическим. Морильо в письме военному министру Испании от 24 сентября 1819 г. настаивал на необходимости срочной помощи⁵⁴.

К началу октября 1819 г. девять провинций (Сантафе, Тунха, Сокорро, Памплона, Нейва, Марикита, Антиокия, Чокó и большая часть Попаяна) были освобождены от власти Испании. Это была огромная территория с населением почти в 1 млн. человек⁵⁵. Испанцы продолжали удерживать лишь Пасто на юге и порты Картахену и Санта-Марту на севере Новой Гранады. Однако до окончательной победы над Испанией было еще далеко.

К концу 1819 г. Морильо активизировал свои действия в Венесуэле. Боливар с войском вынужден был вернуться на родину. В Испании готовилась новая карательная экспедиция против патриотов Южной Америки. Все это вдохнуло новые силы в роялистов. Они провели поголовные мобилизации в районах, еще подвластных им. Это увеличило контингент их войск настолько, что к началу 1820 г. Латорре, действовавший в районе Санта-Марты, и Кальсада на юге имели пять корпусов. Испанцы перешли в наступление. В ряде мест им удалось потеснить патриотов.

Сантандеру, оставшемуся в Новой Гранаде, пришлось проявить максимум энергии для создания новых контингентов войск и их вооружения. Он издал декрет об освобождении рабов, прослуживших в Освободительной армии более трех лет. Это сразу увеличило приток добровольцев в ее ряды. Он организовал мануфактуры по производству пороха, закупку и починку ружей и пушек. К началу марта 1820 г. патриоты сумели перехватить инициативу и сами перешли в наступление. В Новую Грана-

⁵⁴ Morillo al ministro de la guerra. Cuartel General de Valencia. 24 de septiembre de 1819.—*C. L. Peñuela*. Op. cit., t. 1. Tunja, 1969, p. 737—740.

⁵⁵ *J. M. Restrepo*. Historia de la revolución..., t. V, p. 157—161.

ду прибыл венесуэльский адмирал Брион. Он освободил устье Магдалены и начал осаду Картахены⁵⁶.

В начале июля 1820 г. в Новую Гранаду дошла весть о восстании Риэго 1 января 1820 г., о принятии 9 марта новой конституции и о борьбе между конституционалистами и абсолютистами в Испании. Все это наложило свой отпечаток на дальнейшие события в Новой Гранаде. Испанцы узнали о том, что экспедиция, на которую они рассчитывали, не состоится. Надеждам на скорую помощь пришел конец. К тому же их единство было нарушено начавшейся и здесь борьбой между приверженцами абсолютизма и их противниками, принявшей довольно острые формы. Дело дошло до того, что губернатор Картахены Г. Торрес, будучи сторонником конституционалистов, заявил о непризнании власти вице-короля Самано, находившегося после бегства из Сантафе в крепости, арестовал его, посадил на корабль и отправил в Панаму, где тот вскоре умер. Таков был бесславный конец кровавого палача Новой Гранады⁵⁷.

Опасаясь окончательно потерять Венесуэлу и Новую Гранаду, испанское правительство приказало Морильо начать переговоры с Боливаром, которые и состоялись 2—25 ноября в Трухильо (Венесуэла). В результате 26 ноября 1820 г. было подписано перемирие сроком на шесть месяцев. По условиям перемирия, войска сохраняли занятые позиции. Картахена, осажденная республиканцами, открывалась для внутренней торговли, производился обмен пленными и отменялась смертная казнь⁵⁸.

27 ноября в Санта-Ане произошла встреча Морильо с Боливаром. Рассказывают, что, когда Морильо увидел Боливара, он разочарованно воскликнул: «Как! Этот маленький человек на муле в голубом сюртуке и треуголке!» Морильо устроил банкет в честь Боливара и его офицеров и предложил заложить камень для будущего монумента в честь дружбы между народами Испании и заморских территорий⁵⁹.

Перемирие позволило Боливару выиграть время и лучше подготовиться к продолжению борьбы. Однако пере-

⁵⁶ *M. Lallement. Op. cit., p. 243—244, 257—258.*

⁵⁷ *E. Lemaitre. Op. cit., p. 53.*

⁵⁸ *M. Lallement. Op. cit., p. 262—265.*

⁵⁹ *Ibid., p. 266—268; J. M. Henao y G. Arrubla. Op. cit., p. 506—507.*

дышка длилась недолго, и война возобновилась еще до истечения срока перемирия. 20 апреля 1821 г. губернатор Картахены начал военные действия. Осада крепости возобновилась. Испанцы упорно сопротивлялись вплоть до 1 октября 1821 г., когда началась их эвакуация в Гавану. В ноябре того же года была освобождена провинция Панама⁶⁰.

Борьба продолжалась. Наряду с успехами, патриоты терпели и поражения. Так, роялистам удалось временно восстановить свою власть в Попаяне. Боливар подверг Попаян осаде. Город дважды переходил из рук в руки, и лишь обещание помиловать осажденных окончательно решило его судьбу. Попаян перешел на сторону патриотов. Победа патриотов у Пичинчи в мае 1822 г. освободила провинцию Кито. Потеря Попаяна и Кито вынудила капитулировать роялистов Пасто (8 июня 1822 г.). Теперь лишь одна Санта-Марта оставалась испанской, но в январе 1823 г. и пад ней был поднят республиканский флаг⁶¹.

Освобождение Новой Гранады было завершено. Но новогранадские солдаты еще продолжали борьбу, сражаясь в армии Боливара за свободу Боливии и Перу (еще ранее они участвовали в освобождении Венесуэлы), потому что только окончательное изгнание испанцев с территории всей Южной Америки могло гарантировать независимость ее народов.

СОЗДАНИЕ РЕСПУБЛИКИ КОЛУМБИЯ

Освобождение центральных провинций Новой Гранады поставило перед руководством Освободительной армии вопрос об организации власти, который начал решаться еще в ходе военных действий. Боливар сам назначал в освобожденные провинции двух губернаторов — военного и гражданского. В их руках сосредоточивалась почти вся полнота власти на местах. Помимо этого, сохранялся старый институт колониальных времен — кабилдо. Высшими судебными органами стали Апелляционный трибу-

⁶⁰ *E. Lemaitre*. Op. cit., p. 60; *A. Lozano Cleves*. Op. cit., t. 2, p. 150—164; *J. M. Henao y G. Arrubla*. Op. cit., p. 530.

⁶¹ *M. Lallement*. Op. cit., p. 304—305; *M. A. Lopez*. Op. cit., p. 84—87; *J. M. Henao y G. Arrubla*. Op. cit., p. 522, 530.

нал и Верховный суд в Сантафе. Правосудие на местах по-прежнему вершили алькальды. Осталась в неприкосновенности и налоговая система, введенная испанцами.

11 сентября 1819 г. Боливар назначил вице-президентом Новой Гранады Ф. де П. Сантандера⁶². В глазах народа Сантандер был освободителем страны, героем, и его назначение радостно приветствовалось. На деле это означало приход к власти представителей крупной землевладельческой верхушки, которая использовала освобождение от колониального гнета Испании в своих собственных интересах. Правда, продолжавшаяся война с испанцами на время отодвигала в сторону внутренние проблемы, вынуждая сосредоточить все силы на борьбе за окончательное освобождение страны и помощи братским народам континента. Именно эти обстоятельства оказались решающими в вопросе об объединении Новой Гранады и Венесуэлы.

17 декабря 1819 г. Национальный Конгресс Венесуэлы, заседавший в Ангостуре, в присутствии представителей Новой Гранады и под председательством новогранадца Ф. А. Сеа заявил о создании Республики Колумбия, в состав которой вошли бывшие генерал-капитанство Венесуэла и вице-королевство Новая Гранада. В тот же день был принят «Основной закон Республики Колумбия». Столицей Республики должен был стать специально построенный новый город, которому будет присвоено имя С. Боливара — «Освободителя». Верховная исполнительная власть вручалась назначенным Конгрессом президенту и его заместителю — вице-президенту.

«Основной закон» провозглашал федеративный принцип государственного устройства⁶³. Вся территория вновь созданной Республики делилась на три департамента: Венесуэла, Кито и Кундинамарка (бывшая Новая Гранада) со столицами в Каракасе, Кито и Боготе⁶⁴. Каждый департамент должен был иметь свою верховную администрацию, глава которой также носит звание вице-

⁶² *J. M. Restrepo. Historia de la revolución...*, t. V, p. 162; *F. Lozano-Lozano. Op. cit.*, p. 428.

⁶³ *Ley fundamental de Colombia (de 17 de diciembre de 1819).*— *L. Molano Daza. Proceso y Sinopsis de la independencia de Colombia (1810—1830).* Cali, 1960, p. 392.

⁶⁴ Так конституция 1819 г. (ст. 5) предписывала впредь именовать город Сантафе-де-Богота.

президента и назначается Конгрессом: «Основной закон» предусматривал созыв 1 января 1820 г. Генерального конгресса в Кукуте, который примет Конституцию Республики⁶⁵. Первым президентом назначался С. Боливар, вице-президентом — Х. Россио. Вице-президентом Кундинамарки стал Ф. де Паула Сантандер.

25 февраля 1821 г. на родину после длительного тюремного заключения в Испании вернулся А. Нариньо. К тому времени неожиданно скончался Х. Россио, и Боливар декретом от 4 апреля 1821 г. назначил Нариньо вице-президентом Колумбии. 6 мая 1821 г. Нариньо открыл заседания Генерального конгресса, собравшегося в Кукуте. Конгресс утвердил Нариньо в должности временного вице-президента Республики Колумбия и занялся делами по подготовке к обсуждению конституции.

Учитывая заслуги Нариньо в борьбе с колониальным игом и его авторитет в среде сторонников централизма, Боливар поручил ему написать проект конституции (к тому времени Боливар понял пагубность федерализма для молодого государства, продолжающего вести борьбу за свое существование). Нариньо принял предложение Боливара, и 29 мая его проект был представлен Генеральному конгрессу. Он сразу же показался неприемлемым землевладельческой верхушке, которая, будучи задета демократичностью основных положений проекта, усмотрела в нем стремление ущемить ее интересы. Декларировав охрану собственности, свободу личности и равенство всех перед законом, проект вместе с тем выдвигал тезис о том, что, поскольку обязанности и права рождаются из потребностей человека, они не могут быть равными. Поэтому бедный должен иметь больше прав для увеличения своего богатства, а богатый больше обязанностей для употребления своего богатства в пользу бедных.

Землевладельческая верхушка не могла согласиться и с положением о том, что высший законодательный орган Республики не должен допускать накопления больших богатств за счет дарений, завещаний и усыновлений и должен предотвращать увеличение неравенства между богатыми и бедными, увидев в этом подрыв своего экономического могущества. Не могла она также принять предложенного Нариньо принципа выборов высшего законо-

⁶⁵ *L. Molano Daza. Op. cit., p. 393—394.*

дательного органа, депутаты которого выдвигались бы не от административных единиц, а пропорционально численности населения, что привело бы к ослаблению политического влияния крупных землевладельцев. Неприемлемым казался и пункт о процедуре принятия законопроектов. Он предусматривал их 5-месячное обсуждение всеми гражданами страны, имевшими право в письменном виде прислать свои замечания, повторное обсуждение законопроектов с учетом поступивших замечаний, и поименное голосование. Проект Нариньо предусматривал также назначение диктатора в случае чрезвычайных обстоятельств, что также показалось неприемлемым землевладельческой верхушке, увидевшей в этом угрозу захвата власти самим Нариньо⁶⁶.

Пустив в ход все свои связи, землевладельческая верхушка отклонила представленный Нариньо проект, даже не поставив его на обсуждение. Противники Нариньо, не имея другой возможности помешать его деятельности, выдвинули против него нелепые обвинения, затрагивающие его честь. В ответ на это Нариньо 5 июля 1821 г. подал заявление об отставке с поста вице-президента Республики и направился в Сантафэ. В пути его очень тепло встречало местное население. В Чикинкоре алькальд и жители города подписали приветственный адрес с выражением своих симпатий Нариньо. Они приглашали его проехать через их город и остановиться в любом доме, который ему понравится.

Вице-президентом Колумбии вместо Нариньо стал Х. М. Кастильо. Крупные землевладельцы торжествовали свою победу⁶⁷. Они представили Генеральному конгрессу в Кукуте свой проект конституции, который и был утвержден 30 августа 1821 г. Конституция как бы подводила итоги многолетней борьбе народов Венесуэлы и Новой Гранады за национальное освобождение. Поэтому столь интересным представляется нам ее анализ. Конституция добавила к прежнему наименованию Республики слово «Великая». В состав «Великой Колумбии» вошли территории современных Колумбии, Венесуэлы, Панамы и

⁶⁶ *T. Blossom. Narino. Hero of Colombian Independence. Tucson, 1967, p. 144, 147, 149—150; M. Aguilera. La legislación y el derecho en Colombia. Bogotá, 1965, p. 200.*

⁶⁷ *T. Blossom. Op. cit., p. 155—156.*

Эквадора. Конституция декларировала буржуазные свободы, но, наряду с этим, содержала целый ряд статей, откровенно свидетельствовавших о стремлении ее авторов законодательным путем закрепить господствующее положение землевладельческой верхушки в государстве (ст. 87 и 95) ⁶⁸.

Статья 1 конституции заявляла об абсолютной независимости колумбийской нации, что в тот момент было далеко не лишним, потому что борьба с испанцами еще продолжалась и Испания никак не хотела отказаться от своих планов любой ценой удержать заморские территории под своим контролем. Поэтому в конституции говорилось, что «колумбийская нация будет свободна и независима от испанской монархии и от любого другого иностранного господства».

Статьи 2, 3, 9 декларировали такие буржуазные принципы, как суверенитет народа («Правительство Колумбии является представителем народа», оно находится «на службе у нации», «его обязанность покровительствовать свободе, безопасности, собственности и равенству всех колумбийцев»); разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную (ст. 10); а также «свободу деятельности в области сельского хозяйства, промышленности или в торговле» (ст. 178).

Статья 177 ставила под охрану частную собственность граждан. Конституция также отменяла «все титулы чести, гарантированные испанским правительством» (ст. 181), и декларировала право всех колумбийцев «свободно писать, издавать и публично высказывать свое мнение» (ст. 156) ⁶⁹.

В отличие от «Основного закона» Конституция 1821 г. была централистской. Законодательная власть в стране отдавалась конгрессу, исполнительная — президенту, а контроль над использованием власти — трибуналам и судам (ст. 11). При президенте создавался Государственный совет в составе вице-президента, одного члена Верховного суда и пяти государственных секретарей. Го-

⁶⁸ *M. Aguilera. Op. cit., p. 201—203; J. M. Henao y G. Arrubla. Op. cit., p. 512—513.*

⁶⁹ *The Constitution of Colombia.— W. M. Gibson. The Constitutions of Colombia. Durham, 1948, p. 41, 61—64.*

сударственный совет должен был выполнять функции правительства.

Вся территория Республики Великая Колумбия делилась на департаменты, которые в свою очередь подразделялись на провинции, кантоны и округа (ст. 8).

В Колумбии устанавливались многостепенные выборы. Это должно было оградить креольскую верхушку от посягательств на власть со стороны других социальных слоев. Избирательное право предоставлялось только тем, кто владел недвижимой собственностью, оценивавшейся не менее 100 песо, или имел какое-нибудь дело — торговое предприятие, промышленное заведение. Поденщикам и слугам избирательные права не предоставлялись (ст. 15). Избиратели посылали выборщиков в ассамблею округа. Та в свою очередь посылала своих представителей в ассамблею кантона, а эти последние — в ассамблею провинций. Для выборщиков также устанавливался имущественный ценз (владение собственностью стоимостью не менее 500 песо, годовой доход в размере 300 песо или обладание ученой степенью) ⁷⁰.

Выборы должны были проводиться один раз в четыре года. Выборщики избирали президента Республики, вице-президента, сенаторов департаментов и депутатов от провинций (ст. 34).

Конгресс Республики состоял из сената и палаты представителей. Чтобы стать депутатом или сенатором, необходимо было быть крупным землевладельцем. Об этом недвусмысленно заявлялось в статье 87 конституции: «Чтобы стать депутатом, необходимо владеть земельной собственностью стоимостью не менее 2 тыс. песо, или иметь годовой доход в размере 500 песо, получаемый от земельной собственности» ⁷¹. Для сенатора устанавливался также возрастной ценз (не моложе 30 лет). Он должен был иметь «земельную собственность стоимостью не менее 4 тыс. песо, или годовой доход в размере 500 песо, получаемый от земельной собственности» (ст. 95). Для президента устанавливался такой же имущественный ценз, как и для сенатора ⁷².

Президентом Республики Великая Колумбия вновь стал С. Боливар. Что касается вице-президента, то вокруг его

⁷⁰ The Constitution of Colombia, p. 43—45.

⁷¹ Ibid., p. 54.

⁷² Ibid., p. 55—56.

Дом-музей 20 июля

кандидатуры развернулась острая политическая борьба. На это место было два претендента — А. Нариньо и Ф. де П. Сантандер. От того, кто придет к власти, во многом зависели пути дальнейшего развития страны. Назначение Нариньо знаменовало бы собой победу радикального крыла сторонников независимости, стремившегося создать более благоприятные условия для буржуазного развития. Приход к власти Сантандера означал бы победу консервативных кругов, отражавших интересы крупных землевладельцев, вовсе не заинтересованных в радикальных переменах. 7 сентября после девяти перебаллотировок Сантандер одержал победу над Нариньо с минимальным преимуществом⁷³.

Острая внутриполитическая борьба осложняла положение молодого государства. Экономические трудности, вызванные всеобщей разрухой, и необходимость продолжать военные действия до окончательного изгнания испанцев со всего южноамериканского континента, торопили Вели-

⁷³ T. Blossom. Op. cit., p. 157.

кую Колумбию искать дипломатического признания на международной арене. Первой выгоды этого признания поняла буржуазия США. В апреле 1822 г. ее правительство установило дипломатические отношения с Великой Колумбией. В следующем, 1823 г. договоры о союзе были заключены с Перу, Аргентиной и Мексикой. Великобритания решилась на дипломатическое признание Великой Колумбии лишь в январе 1825 г.⁷⁴

Но Великая Колумбия как государственное объединение оказалась весьма непрочной. Вызванное к жизни необходимостью объединения сил всех братских народов для победоносного завершения войны с Испанией, это государство начало быстро разваливаться на свои составные части, как только эта цель была достигнута. В 1830 г. из состава Великой Колумбии вышли Венесуэла и Эквадор. 7 ноября 1831 г. было объявлено о создании независимой Республики Новая Гранада в границах прежнего вице-королевства⁷⁵. С тех пор сменилось несколько названий: в 1858 г. республика была переименована в Новогранадскую конфедерацию; в 1863 г. — в Соединенные Штаты Колумбии; конституция 1886 г. дала ей имя — Республика Колумбия.

⁷⁴ *M. Aguilera*. Op. cit., p. 261—263; *A. Cruz Santos*. *Economía y hacienda pública*. Bogotá, 1965, p. 323; *J. M. Henao y G. Arrubla*. Op. cit., p. 536.

⁷⁵ *A. Cruz Santos*. Op. cit., p. 343.

Многолетняя война за независимость, сопровождавшаяся обострением классовой борьбы, в конечном итоге укрепила положение крупного помещичьего землевладения. Помещики-латифундисты теперь находились у кормила государственной власти и стремились не допустить в аграрных отношениях перемен, шедших вразрез с их интересами. Поэтому в этой области существенных изменений по окончании войны за независимость не последовало. Боливар, правда, пытался наделить землей солдат-республиканцев за счет поместий эмигрантов. 17 августа 1819 г. он издал декрет о конфискации имущества врагов Республики. Была создана специальная комиссия по секвестрам. Однако в ней оказались представители крупных помещиков, ревниво охранявшие интересы своего класса. Казне перешла всего $\frac{1}{3}$ или даже $\frac{1}{5}$ часть того, что подлежало конфискации¹. Основная же часть земли осталась в руках прежних владельцев или их родственников. Да и большая часть конфискованных земель в конце концов также перешла в руки крупных помещиков, скупавших ее у властей или у солдат, получивших земельные участки в награду за свою службу Республике, но в силу отсутствия средств для ведения хозяйства вынужденных продать их.

Таким образом, крупное креольское землевладение не только сохранило свои прежние позиции, но даже укрепило их за счет бежавших роялистов.

¹ *A. Cruz Santos. Economía y hacienda pública. Bogotá, 1965, p. 266—267; J. M. Restrepo. Historia de la revolución de la República de Colombia en la América Meridional, t. V. Bogotá, 1942, p. 155.*

Вместе с тем война выдвинула целую группу военных, вложивших свои состояния в приобретение земель и превратившихся в крупных помещиков. Правда, по сравнению с другими странами Латинской Америки эта каста военных в Новой Гранаде оказалась сравнительно немногочисленной.

В результате войны за независимость был нанесен сильный удар индейскому общинному землевладению. 20 мая 1820 г. был издан декрет о разделе «ресгуардос» и превращении их в частную собственность². Это облегчило помещикам разграбление индейских земель. Индейцев разными способами вынуждали продавать выделенные им участки бывшей общинной земли.

В октябре 1821 г. правительство, издав декрет об отмене «индейского налога», уравнило индейцев в правах с остальным населением. Теперь индеец обязан был платить налоги наравне со всеми, хотя по своему материальному положению он был самым нищим. Это формальное уравнивание в правах только увеличивало его бедственное положение. Неудивительно, что в Колумбии последовала полоса индейских восстаний³.

В положении рабов по окончании войны почти ничего не изменилось. Шахтовладельцы и плантаторы, использовавшие рабский труд, еще в ходе военных действий начали саботировать распоряжения Боливара об освобождении рабов для пополнения армии. Выражая их интересы, вице-президент Сантандер неоднократно писал Боливару, убеждая его если не отказаться от этой меры, то хотя бы сократить численность призываемых в армию рабов. В письме Боливару от 2 апреля 1820 г. Сантандер сообщал, что освобождение рабов ведет к закрытию шахт⁴. В письме военному министру от 24 октября того же года он снова предлагал сократить рекрутский набор рабов⁵.

Когда на Конгрессе в Кукуте в 1821 г. Боливар поставил вопрос о необходимости освобождения рабов, то его предложение вызвало длительную дискуссию. Не решившись открыто отвергнуть предложение Боливара, депу-

² *A. Cruz Santos. Op. cit., p. 288.*

³ *Ibid., p. 284, 289.*

⁴ *Cartas y mensajes de Santander, por R. Cortázar, t. 2. Bogotá, 1953, p. 79; J. M. Restrepo. Op. cit., t. V, p. 196—197.*

⁵ *Cartas y mensajes de Santander, t. 2, p. 358—359.*

таты создали специальную комиссию, которая долго искала компромиссное решение. Накопец, 28 мая Х. Ф. де Рестрепо из Антиокии, возглавлявший редакционную комиссию, представил на рассмотрение Конгресса законопроект об освобождении только детей рабов, родившихся после принятия закона. Однако эти дети должны были «воспитываться и приучаться к труду» у хозяев своих родителей вплоть до достижения 18-летнего возраста. Но даже этот законопроект подвергся критике со стороны многих депутатов.

Некоторые депутаты хотели еще больше отдалить срок окончательного освобождения рабов, продлив срок пребывания их детей у хозяев до 20 лет, а срок работы до 25 лет в том случае, если хозяин этого захочет. Другие предлагали вообще повременить с освобождением рабов. Бурные дебаты по этому вопросу продолжались больше двух недель. И только 19 июля 1821 г. Конгресс все же одобрил представленный комиссией законопроект об освобождении детей рабов, родившихся после его принятия, и о запрещении работорговли⁶.

Итак, из-за сопротивления шахтовладельцев и плантаторов окончательное освобождение рабов было отложено на неопределенный срок. Раб, так же как и в колониальные времена, продолжал еще долгое время оставаться главной производительной силой в горном деле и на сахарных плантациях.

В налоговой политике республиканское правительство не решилось полностью отказаться от испанской налоговой системы, а лишь приспособило ее к интересам правящей верхушки. Не собиравшаяся в годы войны «алькабала» была восстановлена, хотя и снижена с 5 до 2,5%. Были слегка модифицированы старые испанские налоги на движимое и недвижимое имущество, на доходы с торговли, на наследство и жалованье⁷.

Большие изменения произошли в области таможенной политики. Кофе, хлопок, сахар, патока, водка, строевой лес были на 10 лет освобождены от налогов с тем, чтобы стимулировать их экспорт. С той же целью на другие продукты сельского хозяйства устанавливались довольно

⁶ A. Cruz Santos. Op. cit. p. 294—298; M. Aguilera. La legislación y el derecho en Colombia. Bogotá, 1965, p. 429—435.

⁷ A. Cruz Santos. Op. cit.. p. 282, 290, 293.

невысокие пошлины. Запрещался импорт какао, кофе, анилина и сахара, чтобы избавить их от иностранной конкуренции.

Таможенная реформа была подчинена общей экономической политике правительства, ставившей своей целью стимулировать развитие сельского хозяйства, ремесел, торговли, горного дела, уничтожив при этом только те пути, которые были связаны с колониальным положением страны. Правящая верхушка твердо придерживалась принципа — сохранить и поставить себе на службу все прежние формы и методы ведения хозяйства и производственных отношений, существовавшие в колониальные времена, и не торопиться с нововведениями, дабы не нарушить старый привычный порядок. Безжалостно отменялось и уничтожалось только то, что мешало и ущемляло интересы землевладельческой верхушки. Так, были отменены церковная десятина и право «мертвой руки», что, несомненно, ослабило экономические позиции духовенства⁸.

Как видим, наибольшие выгоды от завоевания независимости получили помещики. В положении широких народных масс мало что изменилось в лучшую сторону. И главной причиной этого было стремление крупных землевладельцев, захвативших политическую власть в стране, удержать свою монополию на землю. Сохранение и укрепление крупных помещичьих землевладений на долгие годы оказалось главным тормозом в капиталистическом развитии страны, хотя политические предпосылки для этого были завоеваны в ходе войны за независимость.

Вместе с тем война за независимость сыграла огромную роль в дальнейших судьбах колумбийского народа. Она принесла ему национальное освобождение. Установление республиканского строя и принятие буржуазной конституции было одним из самых важных завоеваний в политическом плане. Колониальные путы, сковывавшие экономику, были порваны, что создало более благоприятные условия для экономического развития страны, для вовлечения ее в мировую систему хозяйства. Было покончено со многими институтами колониальных времен, зачастую носившими феодальный характер. Была оконча-

⁸ *A. Cruz Santos. Op. cit., p. 281—282, 335.*

тельно отменена мита, упразднены дворянские титулы, инквизиция.

Война за независимость носила общенациональный характер. В той или иной степени в ней приняли участие все классы и социальные слои Новой Гранады. Правда, на разных этапах борьбы это участие было неодинаковым. Поражение трудящихся масс в ходе восстания комунерос, когда богатые помещики и торговцы, оказавшиеся у руководства движением, предали народ и пошли на сговор с колониальными властями, оказало большое влияние на его отношение к креольской аристократии. Классовый антагонизм между эксплуатируемыми массами, с одной стороны, помещиками, торговцами и шахтовладельцами — с другой, углубился. Когда креольская верхушка колонии, воспользовавшись событиями в Испании, начала борьбу за автономию Новой Гранады, народные массы стихийно пошли дальше, требуя окончательного изгнания испанцев.

Н. Буэнавентура в связи с этим писал: «Каждый бедный думал, что независимость покончит со старым режимом и его нищетой, и по этой причине наш народ подталкивал революцию, возглавляемую сеньорами»⁹. Народ сыграл решающую роль как в изгнании вице-короля Амара, так и в провозглашении независимости. Но узкокорыстная политика креольской верхушки, ее нежелание поступиться своими интересами, ее политика в индейском вопросе, междоусобная борьба за власть, обескровившая страну, вызвали недовольство основной массы населения. Начавшаяся в тот момент испанская интервенция закончилась реставрацией колониальных порядков.

Однако народ не захотел больше мириться с колониализмом. Война приобрела всенародный характер, приняв форму массового партизанского движения. Когда испанцы были изгнаны с территории Новой Гранады, креольская верхушка воспользовалась плодами этой победы. Ей удалось отвлечь трудящихся от борьбы за их непосредственные интересы. Поэтому война за независимость приняла по сути дела характер незавершенной буржуазной революции, ограничившейся провозглашением независимости и установлением республиканского строя. Она явилась, го-

⁹ N. Buenaventura. Sesquicentenario y de nuevo de la guerra de independencia.— «Documentos políticos» (Bogotá), 1960, N 19, p. 22.

воря словами В. И. Ленина, одной из «волн» такой буржуазной революции, «которая бьет старый режим, но не добивает его, не устраняет почвы для следующих буржуазных революций»¹⁰.

Конституция закрепила политическое господство крупных землевладельцев, которые не допустили революционных преобразований социально-экономической структуры. Крупное землевладение было сохранено, и это на многие годы определило экономическую отсталость страны. Тем не менее основной итог войны за независимость — создание национального государства — нельзя недооценивать. Это было великое завоевание колумбийского народа, оплаченное кровью многих тысяч его сынов и дочерей.

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 247.

- Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 8.
- Маркс К.* Революционная Испания.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 10.
- Маркс К.* К критике политической экономии.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 13.
- Маркс К.* Боливар-и-Понте.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 14.
- Маркс К.* Капитал, т. I.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 23.
- Маркс К.* Капитал, т. III.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. I.
- Маркс К.* Капитал, т. IV.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. II.
- Маркс К.* [Письмо] П. В. Апенкову от 28 декабря [1846 г.].— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 27.
- К. Маркс и Ф. Энгельс.* Избранные письма. М., 1953.
- Ленин В. И.* Аграрный вопрос в России к концу XIX в.— Полн. собр. соч., т. 17.
- Ленин В. И.* Заметки публициста.— Полн. собр. соч., т. 19.
- Ленин В. И.* Заметки. *Меньшиков, Громобой, Изгоев.*— Полн. собр. соч., т. 20.
- Ленин В. И.* Землеустройство и деревенская беднота.— Полн. собр. соч., т. 24.
- Ленин В. И.* Критические заметки по национальному вопросу.— Полн. собр. соч., т. 24.
- Ленин В. И.* Под чужим флагом.— Полн. собр. соч., т. 26.
- Ленин В. И.* Новые данные о законах развития капитализма в земледелии.— Полн. собр. соч., т. 27.
- Ленин В. И.* Доклад на Московской губернской конференции заводских комитетов 23 июля 1918 г.— Полн. собр. соч., т. 36.
- Ленин В. И.* Доклад на II Всероссийском съезде профессиональных союзов.— Полн. собр. соч., т. 37.
- Ленин В. И.* В. В. Адоратскому. 20 сентября 1921 г.— Полн. собр. соч., т. 53.
- В. И. Ленин* о войне, армии и военной науке, т. 1. М., 1957.

Официальные документы, переписка,
свидетельства очевидцев, пресса

Лас Касас В. де. История Индии. М., 1968.
Antología del pensamiento social y político de América Latina.
Washington, 1964.

- Archivo del general Miranda, t. 1—5, 9, 11, 12. Caracas, 1929—1931.
 Archivo del general Miranda, t. XXIV. (1811—1816). La Habana, 1950.
 Archivo epistolario del general Domingo Caycedo, v. 1. 1804—1830.
 Bogotá, 1943.
Arellano Moreno A. Documentos para la historia económica en la época colonial. Caracas, 1970.
 Biblioteca de Mayo. Colección de obras y documentos para la historia argentina, t. 6, 7. Buenos Aires, 1960.
Bolívar S. Cartas del Libertador, t. III. Caracas, 1929.
Bolívar S. Correspondencia del Libertador. 1819—1829. Caracas, 1974.
Bolívar S. Discursos. Proclamas. Correspondencia. México, 1943.
 Bolívar Simon, Camilo Torres y Francisco Antonio Zea. [Bogotá], 1936.
Bolívar S. Documentos. Sel. y prol. M. Galich. La Habana, 1964.
Bolívar S. Obras completas, v. 1—2. La Habana, 1947.
 Britain and the Independence of Latin America. 1812—1830. Ed. by C. K. Webster, v. 1—2. London, 1938.
 British Consular Reports on the Trade and Politics of Latin America. 1824—1826. London, 1940.
Caldas F. J. de. Semanario del Nuevo Reino de Granada, t. 1—3. Bogotá, 1942.
 Cartas y mensajes del general Francisco de Paula Santander. comp. de R. Cortazar, v. 1—10. Bogotá, 1953—1956.
 Las ciudades confederadas del Valle del Cauca en 1811. Bogotá, 1943.
 Colombia. Leyes. Decretos de 1819 a 1821. Comp. por. F. Osorio Racines. Bogotá, 1969.
 Colombia. Leyes y ordenanzas. Decretos del Libertador. 1819—1831, t. 1—3. Caracas, 1961.
 Colección de documentos para la historia de Colombia. Comp. por S. Elías Ortiz, ser. 1—3. [Bogotá], 1964—1965.
 Colección de documentos para la historia de la formación social de Hispano-américa. Ed. R. Konetzke, v. II, t. 1—2. Madrid, 1958—1962.
 Como nació la República de Colombia, por G. Hernandez de Alba. Bogotá, 1960.
 Congreso de las Provincias Unidas. Leyes, actas y notas recopiladas y publicadas por E. Posada. Bogotá, 1924.
 The Constitutions of Colombia, por W. M. Gibson. Durham, 1948.
 Correspondencia dirigida al general Francisco de Paula Santander, comp. de R. Cortazar, v. 1—4. Bogotá, 1964.
 Diplomatic Correspondence of the United States Concerning the Independence of the Latin American Nations, v. 1—3. New York, 1925.
 Documentos para la historia de la vida pública del Libertador de Colombia, Perú y Bolivia, t. I—II. Caracas, 1956.
 Documentos para la historia social de Popayán en el siglo XVIII.—«Anuario Colombiano de Historia Social y de la Cultura». (Bogotá), 1970, N 5.
 Documentos sobre el 20 de julio de 1810, por E. Ortega Ricaurte. Bogotá, 1960.
Enciso Recio L. M. Prensa económica del XVIII: El Correo mercantil de España y sus Indias. Valladolid, 1958.

- The Evolution of our Latin-American Policy. A Documentary Record. New York, 1950.
- Gaceta de Caracas, t. 1—2. Caracas, 1960.
- Grito de independencia en Colombia, v. 3. A los mártires de la patria. [Bogotá], 1960.
- Jose Fernandez de Madrid y su obra en Cuba. La Habana, 1962.
- Juan-y-Santacilla J., Ulloa A. Noticias secretas de América. London, 1826.
- Lemaitre E. Antecedentes y consecuencias del once de noviembre de 1811. (Testimonios y documentos relacionados con la gloriosa gesta de la independencia absoluta de Cartagena de Indias). Cartagena, 1961.
- Martínez Delgado L. y Elías Ortiz S. El periodismo en la Nueva Granada. 1810—1811. Bogotá, 1960.
- Materiales para el estudio de la cuestión agraria en Venezuela. 1800—1830. Caracas, 1964.
- Molano Daza L. Proceso y sinopsis de la independencia de Colombia. (1810—1830). Cali, 1960.
- Nariño A. y otros. Antonio Nariño, F. de Paula Santander y Julio Arboleda. Bogotá, 1936.
- El pensamiento constitucional hispano-americano hasta 1830, t. 4. Caracas, 1961.
- El pensamiento político del Libertador. Bogotá, 1953.
- Peñuela C. L. Album de Boyacá, 2 ed., t. 1—2. Tunja, 1969.
- Relaciones de mando de los virreyes de la Nueva Granada. Memorias económicas. Ed. por G. Giraldo Jaramillo. Bogotá, 1954.
- Recopilación de leyes de los reynos de las Indias, t. 1—3. Madrid, 1943.
- Restrepo Canal C. La libertad de los esclavos en Colombia. Leyes de minimisión. Bogotá, 1938.
- Restrepo Canal C. Nariño periodista. Bogotá, 1960.
- Restrepo J. M. Documentos importantes de Nueva Granada, Venezuela y Colombia, t. 1—2. Bogotá, 1969—1970.
- Rodríguez Plata H. La antigua provincia del Socorro y la independencia. Bogotá, 1963.
- Santander F. de P. Cartas y mensajes del general F. de P. Santander, comp. de R. Cortazar, v. 1—10. Bogotá, 1953.
- Simon P. Noticias históricas de las conquistas de la Tierra Firme, t. 2. Bogotá, 1953.
- Torres y Peña J. A. de. Memorias del presbítero Jose Antonio de Torres y Peña. Bogotá, 1960.
- Vargas P. F. de. Pensamientos políticos y memoria sobre la población del Nuevo Reino de Granada. Bogotá, 1944.

Мемуары, путевые заметки, труды современников

- Гумбольдт А. Путешествие в равноденственные области Нового Света в 1799—1804 гг. Плавание по Ориноко. М., 1964.
- Д'Орбиньи Г. А. Живописное путешествие в Южную и Северную Америку. Пер. с франц., ч. I. СПб., 1839.
- Castrillón Arboleda D. Manuel José Castrillón. (Biografía y memorias), t. 1. Bogotá, 1971.

- Ducoudray-Holstein H., Lafayette V.* Memoirs of Simon Bolivar, v. 1—2. London, 1830.
- Espinosa J. M.* Memorias de un abanderado. Recuerdos de la Patria Boba. 1810—1819. Bogotá, 1971.
- Hamilton J. P.* Viajes por el interior de las provincias de Colombia, t. 1. Bogotá, 1955.
- Lisboa C.* Relación de un viaje a Venezuela, Nueva Granada y Ecuador. Caracas — Madrid, 1954.
- Lopez M. A.* Recuerdos historicos de la guerra de la independenciam. 1812—1826. Bogotá, 1889.
- Mollien G.* Voyage dans la République de Colombia en 1823. París; 1825.
- Le Moyne A.* La Nouvell Grenade. París, 1880.

Источниковедение, историография, справочные издания

- Губер А. А.* Проблемы национально-освободительной борьбы в Латинской Америке в трудах советских историков.— «Новая и новейшая история», 1970, № 1.
- Anuario bibliográfico colombiano. 1951—1956. Comp. por R. Pérez Ortíz. Bogotá, 1958.
- Anuario bibliográfico colombiano. 1957—1958. Comp. por R. Pérez Ortíz. Bogotá, 1960.
- Anuario bibliográfico colombiano. 1959—1960. Comp. por R. Pérez Ortíz. Bogotá, 1961.
- Anuario bibliográfico colombiano «Ruben Pérez Ortíz», 1964—1965. Comp. por F. J. Romero Rojas. Bogotá, 1967.
- Anuario colombiano de historia social y de la cultura. Bogotá, 1970.
- Atlas Basico de Colombia. Bogotá, 1970.
- Bemis S. F. and Griffin G. G.* Guide to the Diplomatic History of the United States. 1775—1921. Washington, 1935.
- Bibliografía colombiana. 1970. por E. Verez Peraza, t. XV. Coral Gables, 1973.
- Borga J.* Monumentos patrióticos de Bogotá, su historia y descripción. Bogotá, 1892.
- Boyacá. [Colección], ed. R. Cuervo Patarroyo, L. M. Rivadeneira. Bogotá, 1961.
- Butler R.* Guide to the Hispanic American Review. Duke University Press, 1950.
- Castro Palacio A. de.* Ciudades colombianas del Caribe: Santa Marta — Cartagena — Barranquilla. Barranquilla, 1942.
- Díaz Díaz O.* Documentos inéditos sobre la campaña de Boyacá.— «Boletín de Historia y Antigüedades» (Bogotá), t. XLVIII, 1961.
- Esteve Barba F.* Historiografía indiana. Madrid, 1964.
- Forero M. J.* Santander en sus escritos. Bogotá, 1944.
- Friede J.* Documentos inéditos para la historia de Colombia. Bogotá, 1955.
- Fuentes para la historia de Ibero-America conservadas en Suecia. Estocolmo, 1968.
- García Samudio N.* Los monumentos en el campo de Boyacá. Bogotá, 1940.

- Gondra M.* Hombres y letrados de América. Asunción, 1942.
- Griffin Ch. C.* (ed.). Latin America. A Guide to the Historical Literature. Austin — London, 1971.
- Grisanti A.* El archivo del Libertador. Índice, v. 1—3. Caracas, 1956.
- Jaramillo G. G.* Bibliografía de bibliografías colombianas. Bogotá, 1960.
- Hernandez de Alba G.* El proceso de Nariño a la luz de los documentos inéditos. Bogotá, 1958.
- Hispano-American Bibliographis. Baltimore, 1922.
- History of Latin American Civilization. Sources and interpretations. Ed. by L. Hanke, v. 1—2. Boston, 1967.
- Humphrey R. A.* The Historiography of the Spanish American Revolutions.— «Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche», v. 1. Firenze, 1955.
- Humphrey R. A.* Latin American History. A guide to the Literature in English. London, 1958.
- Latin America in the Nineteenth Century. A selected bibliography of Books of travel al description published in English. Metuchen, 1973.
- Ortega Ricaurte D.* Album de sesquicentenario. Bogotá, 1960.
- Otero Muñoz G.* Hombres y ciudades. Antología del paisaje de las letras y de los hombres de Colombia. Bogotá, 1948.
- Palau y Dulcet A.* Manual del librero hispanoamericano. Bibliografía general española e hispanoamericana desde la invención de la imprenta hasta nuestros tiempos con el valor comercial de los impresos descritos, 2 ed. Barcelona, 1973.
- Paredes Pardo J.* Colombia. Historia y estampas. Bogotá, 1966.
- Restrepo Tirado E.* Gobernantes del Nuevo Reyno de Granada durante el siglo XVIII. Buenos Aires, 1934.
- Salamanca Aguilera R.* El memorial de Agravios, pregón de la Independencia. Bogotá, 1960.
- Umaña E.* Camilo Torres y el Memorial de Agravios. Bogotá, 1952.
- Vegalara H.* Bibliografía comentada sobre el desarrollo económico y la economía colombiana. Bogotá, 1959.
- Wilgus A. C.* The histories and historians of Hispanic America. New York, 1965.

Труды биографического характера

- Лаврецкий И.* Боливар. М., 1966.
- Лаврецкий И.* Миранда. М., 1965.
- Суворова В.* Южноамериканский Вашингтон. СПб., 1903.
- Терра Г. де.* Александр Гумбольдт и его время. М., 1961.
- Ariza A. E.* Exhumación y peregrinación de los restos del general Antonio Nariño.— «Repertorio Boyacense» (Boyacá), 1973, N 274—275.
- Ariza S., Alberto E.* Fray Ciriaco de Archila primer procer de la libertad absoluta en Colombia. Bogotá, 1971.
- Bernal M.* Ruta de Bolívar. 3 ed. Cali, 1961.
- Blossom T.* Narino. Hero of colombian independence. Tucson, 1967.
- Cacua Prada A.* Don Manuel del Socorro Rodríguez. Bogotá, 1966.
- Carrera Damas G.* El cueto a Bolívar. Caracas, 1969.

- Chenu J.* Un criollo de su país: Francisco José de Caldas.— «Historiografía y Bibliografía Americanistas». (Sevilla), 1973, v. XVII, N 1—2.
- Con memorización del primer centenario de la muerte del general Francisco de Paula Santander. Bogotá, 1940.
- Cruz Santos A.* Santander. El militar, el gobernante, el político. Bogotá, 1972.
- Cruz Santos A.* Don Pedro Gual. El estadista grancolombiano. Bogotá, 1971.
- Cruz Santos A.* Castillo y Rada, hacendista y hombre de estado. Bogotá, 1969.
- Descola J.* Les libertadors. París, 1957.
- Delgado L. M.* Apuntes historico-biograficos. Bogotá, 1940.
- Eliás Ortíz S.* Doctor Jose Maria del Real, jurisconsulto y diplomático, procer de la independencia de Colombia. Bogotá, 1960.
- Ensina F. A.* Bolívar y la independencia de la América española, t. 1. Santiago de Chile, 1957.
- Forero M. J.* Antonio Nariño, el precursor. Bogotá, 1957.
- Forero M. J.* Camilo Torres. Bogotá, 1950.
- Forero M. J.* Doña Magdalena Ortega de Nariño. La precursora. Bogotá, 1970.
- Galvez M.* Don Francisco Miranda. Buenos Aires, 1949.
- Gamboa S. B.* El mártir de la cárcel don Antonio Nariño. Bogotá, 1951.
- Grillo M.* El hombre de las leyes. Estudio histórico y crítico de los hechos del gen. Francisco de Paula Santander en la guerra de la independencia y en la creación de la República. Bogotá, 1940.
- Grisanti A.* El Precursor neogranadino Vargas. Bogotá, 1951.
- La vida de Castillo y Rada. Bogotá, 1940.
- Lozano-y-Lozano F.* Anzoategui. Bogotá, 1963.
- Martí J.* Bolívar, Washington, San Martín y otros temas americanos. La Habana, 1961.
- Masur G.* Simon Bolivar. Albuquerque, 1948.
- Miramón A.* Dos precursores: Miranda y Nariño.— «Boletín de la Academia Nacional de la Historia». (Caracas), 1973, t. LVI, N 224.
- Miramón A.* Hombres del tiempo heroico. Bogotá, 1956.
- Miramón A.* Nariño. Una conciencia criolla contra la tiranía. Bogotá, 1960.
- Osoño Lizarazo J. A.* El fundador civil de la república. Bogotá, 1940.
- Ospina M.* El dr. Jose Felix de Restrepo y su época. 3 ed. Bogotá, [s. a.].
- Pérez Ayala J. M.* Antonio Caballero y Gongora virrey y arzobispo de Santa Fe. 1723—1796. Bogotá, 1951.
- Picon Salas M.* Miranda. México, 1955.
- Pombo Lino de.* Francisco José de Caldas. Bogotá, 1958.
- Proceres 1810. En el sesquicentenario de la independencia. Bogotá, 1960.
- Porto del Portillo R.* Los proceres de Cartagena. Cartagena, 1943.
- Puentes M.* Bolívar, padre de las izquierdas liberales. Bogotá, 1961.
- Restrepo Canal C.* Jose Felix de Restrepo. 1760—1832. Bogotá, 1970.
- Restrepo J. M.* Biografía de Jose Manuel Restrepo escrita por el mismo. Bogotá, 1957.
- Rivas R.* El andante caballero don Antonio Nariño. La juventud (1765—1803). 2 ed. Bogotá, 1938.

- Ruiz Rivas G.* Simon Bolívar más allá del mito, v. 1—2. Bogotá, 1964
- Santos Molano E.* Antonio Nariño, v. 1—2. Bogotá, 1972.
- Segundo centenario del nacimiento de don Antonio Nariño. 1765—1965. Bogotá, 1965.
- Tisnés J. R. M.* Antonio Arredondo. Coronel español al servicio de la independencia. Bogotá, 1970.
- Tisnés J. R. M.* Un precursor don Pedro Fermín de Vargas. Bogotá, 1969.
- Rodríguez Plata H.* Antonia Santos Plata. Bogotá, 1962.
- Uribe White E.* El libertador. Campaña de 1819. Episodios de su vida. Bogotá, 1969.
- Vejerano J. R.* Nariño, su vida, sus infortunios, su talla histórica. Bogotá, 1945.

ЛИТЕРАТУРА

- Альперович М. С.* Великая французская революция XVIII века и испанские колонии в Америке.— «Новая и новейшая история», 1965, № 1.
- Альперович М. С.* Война за независимость Мексики. (1810—1824). М., 1964.
- Альперович М. С.* Испанская Америка в борьбе за независимость. М., 1971.
- Альперович М. С.* О характере и формах эксплуатации индейцев в американских колониях Испании (XVI—XVIII вв.).— «Новая и новейшая история», 1957, № 2.
- Альперович М. С.* Революция и диктатура в Парагвае. 1810—1840. М., 1975.
- Альперович М. С., Ермолаев В. И., Лаврецкий И. Р., Семенов С. И.* Об освободительной борьбе испанских колоний в Америке. (1810—1826).— «Вопросы истории», 1956, № 11.
- Альперович М. С., Слезкин Л. Ю.* Новая история стран Латинской Америки. М., 1970.
- Альтамира-и-Кревеа Р.* История Испании, т. 1—2. М., 1951.
- Аптекер Г.* Американская революция 1763—1783. М., 1962.
- Арисменди Р.* Проблемы латиноамериканской революции. М., 1964.
- Болховитинов Н. Н.* Доктрина Монро. М., 1959.
- Болховитинов Н. Н.* К вопросу об угрозе интервенции Священного союза в Латинскую Америку.— «Новая и новейшая история», 1957, № 3.
- Война за независимость в Латинской Америке. (1810—1826). М., 1964.
- Гонионский С. А.* Восстание «комунерос» в Новой Гранаде. (1781 г.).— «Новая и новейшая история», 1971, № 1.
- Гонионский С. А.* Колумбия. Историко-этнографические очерки. М., 1973.
- Григулевич И. Р.* Крушение иезуитского ордена в колониальной Америке.— «Новая и новейшая история», 1973, № 5, 6.
- Губер А. А. и Лавров П. М.* К 150-летию войны за независимость Латинской Америки.— «Новая и новейшая история», 1960, № 4.
- Деберль А.* История Южной Америки от завоевания до нашего времени. СПб., 1899.
- Ермолаев В. И.* Некоторые вопросы освободительной борьбы американских колоний Испании и Португалии. (К 150-летию начала

- войны за независимость 1810—1826 гг.).— «Новая и новейшая история», 1960, № 3.
- Жидков О. А.* История государства и права стран Латинской Америки. М., 1967.
- Иванов Г. И.* Пеонаж в Мексике в XVI—XVII вв.— «Уч. зап.» (Ивановский гос. пед. ин-т), т. 43, 1967.
- Иванов Г. И.* Репартименты в Мексике в XVI—XVIII вв.— «Уч. зап.» (Ивановский гос. пед. ин-т), т. 35, 1964.
- Иванов Г. И.* Энкомьенда в Мексике и восстание индейцев в XVI в.— «Уч. зап.» (Ивановский гос. пед. ин-т), т. 35, 1964.
- Ионин А. С.* По Южной Америке, т. I—IV. СПб., 1892—1902.
- Индейцы Америки. М., 1955.
- Коссок М.* Общее и особенное в историческом развитии Латинской Америки.— «Расы и народы», вып. 4. М., 1974.
- Культура Колумбии. М., 1974.
- Куропятник Г. П.* Феодалная рента в североамериканских колониях Англии. (К вопросу о предпосылках первой американской буржуазной революции).— «Американский ежегодник. 1975». М., 1975.
- Лаврецкий И.* Идеюное наследие войны за независимость.— «Национально-освободительное движение в Латинской Америке на современном этапе». М., 1961.
- Лаврецкий И. Р.* Католическая церковь и война за независимость Испанской Америки.— «Новая и новейшая история», 1961, № 3.
- Лаврецкий И. Р.* Позорная страница истории церкви. (О предательской роли католического духовенства в борьбе за независимость народов Латинской Америки).— «Наука и религия», 1960, № 11.
- Лаврецкий И.* Тень Ватикана над Латинской Америкой. М., 1961.
- Латинская Америка в прошлом и настоящем. М., 1960.
- Леонов Н. С.* Центральная Америка в борьбе за независимость (1821—1826 гг.).— «Новая и новейшая история», 1970, № 1.
- Литаврина Э. Э.* Некоторые проблемы генезиса капитализма в испанской деревне XVI в.— «Проблемы испанской истории. 1975». М., 1975.
- Майский И. М.* Испания 1808—1917. М., 1957.
- Манфред А. З.* Наполеон Бонапарт. М., 1971.
- Мариатеги Х. К.* Семь очерков истолкования перуанской действительности. М., 1963.
- Марков В., Коссок М.* О попытках реакционной историографии реабилитировать испанский колониализм в Америке.— «Новая и новейшая история», 1960, № 4.
- Мёрнер М.* Мисцегенация и взаимовлияние культур в Латинской Америке как историческая проблема.— «Расы и народы», вып. I. М., 1971.
- Мирославский В. М.* Освободительные движения в американских колониях Испании от их завоевания до войны за независимость (1492—1810 гг.). М.—Л., 1946.
- Народы Америки. Под ред. А. В. Ефимова, С. А. Токарева. М., 1959.
- Нации Латинской Америки. М., 1964.
- Очерки истории Аргентины. М., 1961.
- Очерки истории Чили. М., 1967.
- Очерки новой и новейшей истории Мексики. М., 1960.

- Петров Е. Н.* Политические идеи Руссо и французская революция 1789—1794 гг.— «Уч. зап. ЛГУ», т. 52. Серия исторических наук, вып. 6, 1940.
- Пинтос Ф. Р.* Классовая борьба в Горном Перу в период войн за независимость.— «Новая и новейшая история», 1967, № 1.
- Пинтос Ф. Р., Сала Л.* О некоторых предпосылках и противоречиях освободительной революции на Рио-де-ла-Плате.— «Новая и новейшая история», 1961, № 4.
- Поршнева Б. Ф.* Феодализм и народные массы. М., 1964.
- Прадо Жуниор К.* Экономическая история Бразилии. М., 1949.
- Проблемы идеологии и национальной культуры стран Латинской Америки. М., 1967.
- Прогрессивные мыслители Латинской Америки (XIX — начало XX в.). М., 1965.
- Сказкин С. Д.* Испания в XIV—XV вв. Великие географические открытия. М., 1940.
- Слезкин Л. Ю.* Революция негров на острове Сан-Доминго (Гаити) в 1791—1803 гг.— «Уч. зап. по новой и новейшей истории», вып. 2, М., 1956.
- Слезкин Л. Ю.* Россия и война за независимость в Испанской Америке. М., 1964.
- Созина С. А.* Мунски — еще одна цивилизация древней Америки. М., 1969.
- Созина С. А.* На горизонте — Эльдorado! М., 1972.
- Сотникова Т. П.* Борьба против рабства и феодальной эксплуатации в Венесуэле накануне и в период войны за независимость 1810—1826 гг. Автореферат канд. дисс. М., 1971.
- Столяров В. И.* Война за независимость Венесуэлы (первый этап). 1810—1815 гг. (Автореферат канд. дисс.). М., 1971.
- Томас А. Б.* История Латинской Америки. М., 1960.
- Фостер У. З.* Очерк политической истории Америки. М., 1955.
- Фостер У.* Революция 1810—1826 гг. в Латинской Америке.— «Вопросы истории», 1961, № 5.
- Фриде Х.* Из истории аграрных отношений в колониальной Колумбии (От энкомьенды к частной собственности на землю).— «Новая и новейшая история», 1968, № 2.
- Хаген В.* Их призвала Южная Америка. М., 1961.
- Чистозвонов А. Н.* Некоторые основные теоретические вопросы проблемы генезиса капитализма в европейских странах.— «Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма». М., 1969.
- Штрахов А. И.* Война за независимость Аргентины. М., 1976.
- Штрахов А. И.* О несостоятельности консервативно-клерикальных концепций испанских колониальных порядков на Ла-Плате.— «Новая и новейшая история», 1973, № 3.
- Штрахов А. И.* Освободительная борьба народа Ла-Платы в 1810—1816 годах.— «Новая и новейшая история», 1960, № 4.
- Шульговский А. Ф.* Романтизм и позитивизм в Латинской Америке.— «Вестник истории мировой культуры», 1960, № 4.
- Шульговский А. Ф.* Теория «демократического цезаризма» и венесуэльская действительность.— «Венесуэла. Экономика, политика, культура». М., 1967.
- Abella A.* El Florero de Llorente. Medellin, 1964.

- Academia colombiana de historia. Conferencias en homenaje al general Francisco de Paula Santander. Bogotá, 1940.
- Acosta J.* Historia de la Nueva Granada. [Bogotá], 1971.
- Aguilera M.* La legislación y el derecho en Colombia. Bogotá, 1965.
- Alcazar Molina C.* Los virreinos en el siglo XVIII. Barcelona — Madrid, 1945.
- André M.* La fin de l'empire espagnol d'Amérique. Paris, 1922.
- Anuario colombiano de historia social y de la cultura. Bogotá, 1965.
- Arboleda Llorente J. M.* El indio en la colonia. Bogotá, 1948.
- Arciniegas G.* Los comuneros. Roma, 1960.
- Arciniegas G.* Ricaurte y la juventud heroica.— «Revista de las fuerzas armadas», v. XX, N 60. Bogotá, 1970.
- Aspectos de la situación social del Nuevo Reino de Granada a comienzos del siglo XIX.— «Anuario colombiano de historia y de la cultura», v. 2, N 2. Bogotá, 1964.
- Auchmuty J. J.* The United States government and Latin American Independence. 1810—1830. London, 1937.
- Bagü S.* Economía de la sociedad colonial. Buenos Aires, 1949.
- Bagü S.* Estructura social de la colonia. Ensayo de historia comparada de América Latina. Buenos Aires, 1952.
- Barbagelata H. D.* La Révolution française et l'Amérique Latine. París, 1936.
- Barber R. K.* Indian labor in the spanish colonies. Albuquerque, 1931.
- Bargallo M.* La minería y la metalurgia en la América española durante la época colonial. México — Buenos Aires, 1955.
- Barthley R. H.* Masas y Revolución en las Colonias Iberoamericanas.— «Ibero-Americana Pragmensia», año VIII—1974. Praga, 1975.
- Batllori M. S. J.* El Abate Viscardo. Historia y mito de la intervención de los jesuitas en la Independencia de Hispanoamérica. Caracas, 1953.
- Bayle S.* España en Indias. Madrid, 1942.
- Beals C.* Eagles of the Andes. South American Struggles for Independence. Philadelphia, 1963.
- Beals R.* The Heritage of Conquest. New York, 1960.
- Belaunde V. A.* Bolívar y el pensamiento político de la revolución hispano-americana. Madrid, 1959.
- Bemis S. F.* The Latin American policy of the United States. New York, 1943.
- Beneyto J.* Historia social de España y de Hispanoamérica. Madrid, 1961.
- Blanco-Fombona R.* La evolución política y social de Hispano-América. Madrid, 1911.
- Bolton H. E.* Wider Horizons of American History, 2 ed. Notre Dame, 1967.
- Botero Saldarriaga R.* El libertador — presidente. El intruso República de la Nueva Granada. Bogotá, 1969.
- Briceño M.* Los comuneros: historia de la insurrección de 1781. Bogotá, 1880.
- Buenaventura N.* Cuatro ensayos de interpretación de nuestra historia. Cali, [1969].
- Buenaventura N.* La revolución de los comuneros.— «Documentos políticos» (Bogotá), 1962, N 27.

- Buenaventura N.* Sesquicentenario y de nuevo de la guerra de independencia.— «Documentos políticos» (Bogotá), 1960, N 19.
- Burrows S. E.* America and Japan, Russia and the Republica of New Grenada. New York, 1856.
- Caballero E.* Historia económica de Colombia. Bogotá, 1971.
- Caprilla Toledo L.* Leyendas históricas. Bogotá, 1948.
- Cardenas Acosta P. E.* Del vasallaje a la insurrección de los comuneros. Tunja, 1947.
- Cardenas Acosta P. E.* El movimiento comunal de 1781 en el Nuevo Reino de Granada. t. 1—2. Bogotá, 1960.
- Cardenas Acosta P. E.* Los comuneros. Bogotá, 1945.
- Caro M. A.* Archivos y discursos. Bogotá, 1951.
- Carrera Damas G.* Sobre el significado socio-económico de la acción histórica de Boves. Caracas, 1964.
- Carrido Conde M. T.* La primera creación del virreinato de Nueva Granada (1717—1723). Sevilla, 1965.
- Castillo-y-Rada J. M. del.* Memorias de hacienda. Bogotá, 1952.
- Cassani J.* Historia de la provincia de la Compañía de Jesus del Nuevo Reino de Granada en la América. Caracas, 1967.
- Colmenares G.* Las haciendas de los jesuitas en el Nuevo Reino de Granada. Bogotá, 1969.
- Congreso Hispanoamericano de Historia. Causas y caracteres de la interdependencia hispanoamericana. Madrid, 1953.
- Cornejo Bouroncle J.* Tupac Amaru. La revolución precursora de la emancipación continental. Cuzco, 1963.
- Corona C. E.* Precedentes ideológicos de la guerra de la independencia. Zaragoza, 1959.
- Corona C.* Revolución y reacción en el reinado de Carlos IV. Madrid, 1957.
- Cortes Ahumada E.* Las generaciones colombianas. Tunja, 1968.
- Cortes Vargas C.* Participación de Colombia en la libertad del Perú, t. 1. Bogotá, 1945.
- Cruz Santos A.* De los aborígenes a la federación. Bogotá, 1965.
- Cruz Santos A.* Economía y hacienda pública. Bogotá, 1965.
- Cuervo L. A.* Dos temas coloniales. El presidente Venero de Leiva. La inquisición en el Nuevo Reino de Granada. Bogotá, 1951.
- Curso superior de historia de Colombia, t. 3, v. 4. 1781—1830. Bogotá, 1950.
- Chaunu P.* L'Amérique et les Amériques. París, 1964.
- Chaves J. C.* Caudillos e ideología de la Revolución Comunera del Paraguay. Buenos Aires, 1962.
- Davis H. E.* Latin American leaders. New York, 1949.
- Davis H. E.* Makers of Democracy in Latin America. New York, 1945.
- Davis H. E.* Revolutionaries, Traditionalists, and Dictators in Latin America. New York, 1973.
- Delgado A.* La colonia. Temas de historia de Colombia. Bogotá, 1974.
- Díaz Díaz O.* Los Almeydas. Bogotá, 1962.
- Díaz Díaz O.* La reconquista española, t. 1—2. Bogotá, 1964—1967.
- Echeverri A.* Antioquía y Cúcuta. Génesis del antiesclavismo colombiano.— «Repertorio Histórico» (Medellín), 1972, N 217.
- Elías de Tejada F.* El pensamiento político de los fundadores de Nueva Granada. Sevilla, 1955.
- Elías Ortíz S.* Agustín Agualongo y su tiempo. Bogotá, 1958.

- Eliás Ortíz S.* Franceses en la independencia de la Gran Colombia. Bogotá, 1950.
- Eliás Ortíz S.* Genesis de la revolución de 20 de julio de 1810. Bogotá, 1960.
- Encina F. A.* El Imperio Hispano hacia 1810 y la genesis de su emancipación. Santiago, 1957.
- Encomiendas, encomenderos e indígenas tributarios del Nuevo Reino de Granada en la primera mitad del siglo XVII.— «Anuario colombiano de historia y de la cultura», v. 2, N 2. Bogotá, 1964.
- Escalante A.* El negro en Colombia. Bogotá, 1964.
- Estrada J. M.* Ensayo histórico sobre la revolución de los comuneros del Paraguay en el siglo XVIII. Buenos Aires, 1965.
- Estudios sobre la emancipación de Hispanoamerica. Madrid, 1963.
- Fals Borda O.* Las revoluciones inconclusas en América Latina. (1809—1968). México, 1970.
- Fernandez Almagro M.* La emancipación de América y el reflejo en la conciencia española. Madrid, 1957.
- Fisher L. E.* The intendant system in Spanish America. Berkeley, 1929.
- Fisher L. E.* The last Inca Revolt. 1780—1783. Norman, 1966.
- Fitzgerald G. E.* The political thought of Bolivar. Hague, 1971.
- Forero M. J.* Leyendas históricas de Santa Fe de Bogotá. Bogotá, 1925.
- Forero M. J.* La poesía de don Francisco A. Vélez Ladrón de Guevara.— «Thesaurus» (Bogotá), 1973, N 3.
- Forero M. J.* La primera República. 1810—1816. Bogotá, 1966.
- Franc W.* Bolívar. Nacimiento de un mundo, t. I—II. Habana, 1974.
- Friede J.* La batalla de Boyacá. Bogotá, 1969.
- Friede J.* Los gémenes de la emancipación americana en el siglo XVI. Bogotá, 1960.
- Friede J.* El Indio en la lucha por la tierra. Historia de los resguardos del macizo central colombiano. Bogotá, 1944.
- Friede J.* Los indios y la historia.— «Revista de Indias», Madrid, 1957, N 65.
- Friede J.* Las minas de Muzo y la «Peste» acaecida a principios del siglo XVII en el Nuevo Reino de Granada.— «Revista de Historia de América» (México), 1968, N 65-66.
- Friede J.* La otra verdad. La independencia americana vista por los españoles. Bogotá, 1972.
- Friede J.* Los quimbayas bajo la dominación española. Estudio documental. 1539—1810. Bogotá, 1963.
- Furlong G.* La Santa Sede y la emancipación hispanoamericana. Buenos Aires, 1957.
- Furtado C.* Breve historia económica de América Latina. Habana, 1972.
- Furtado C.* La economía latinoamericana desde la conquista ibérica hasta la revolución cubana. México, 1969.
- Gandía E. de.* La independencia americana. Buenos Aires, 1961.
- Gandía E. de.* Napoleon y la independencia de América. Buenos Aires, 1955.
- Candia E. de.* Nueva historia de América. Buenos Aires, 1946.
- García Baquero A.* Comercio colonial y guerras revolucionarias. Sevilla, 1972.
- García Checos H.* Relatos y comentarios sobre temas de Historia Venezolana. Caracas, 1957.
- García Samudio H.* La independencia de Hispanoamerica. México, 1945.

- Gibson Ch.* Spain in America. New York, 1966.
- Glade W. P.* Latin American Economies. New York, 1969.
- Gomez Hoyos R.* La revolución granadina de 1810. Ideario de una generación y de una época. 1781—1821, t. 1—2. Bogotá, 1962.
- Homez Hoyos R.* Creadores de cultura en América Hispana. Bogotá, 1967.
- Gomez Hoyos R.* Iglesia y estado en el Nuevo Reino de Granada.— «Revista de la Academia Colombiana de Historia Eclesiástica» (Medellin), 1970, N 17-18.
- Gonzalez M.* El resguardo en el Nuevo Reino de Granada. Bogotá, 1970.
- Grases P.* La conspiración de Gual y España y el ideario de la independencia. Caracas, 1949.
- Griffin Ch. C.* Economic and Social Aspects of the Era of Spanish — American Independence.— «The Hispanic American Historical review», 1949, N 2.
- Griffin Ch. C.* The Enlightenment and Latin American Independence.— «Latin America and the Enlightenment». Ithaca, 1961.
- Griffin Ch. C.* Ensayos sobre historia de América. Caracas, 1969.
- Griffin Ch. C.* Los temas sociales y económicos en la época de la Independencia. Caracas, 1962.
- Groot J. M.* Historia eclesiástica y civil de Nueva Granada, t. 1—5. Bogotá, 1953.
- Gutiérrez J. F.* Galan y los comuneros. Bucaramanga, 1939.
- Gutierrez Isaza E.* Colombia y el Libertador. Medellín, 1957.
- Hall F.* Colombia: its Present State. London, 1824.
- Hanke L.* The Spanish Struggle for Justice in the Conquest of America. Boston, 1965.
- Haring C. H.* The Spanish Empire in America. New York, 1947.
- Henao J. M. y Arrubla H.* Historia de Colombia, 8 ed. Bogotá, 1967.
- Hernández P.* El extrañamiento de los jesuitas del Rio de la Plata y de los misiones del Paraguay por decreto de Carlos III. Madrid, 1908.
- Hernández de Alba G.* Aspectos de la cultura en Colombia. Bogotá, 1947.
- Hernández de Alba G.* Libertad de los esclavos en Colombia. Bogotá, 1956.
- Hernández Rodríguez G.* De los chibchas a la colonia y a la República. Bogotá, 1949.
- Herrero J. M.* Notas sobre la ideología del burgués español del siglo XVIII. Sevilla, 1952.
- Herrero y Rubio A.* Internacionalistas españoles del siglo XVIII. Valladolid, 1953.
- Historia de España, ed. por M. M. Correa, t. 2. Barcelona, 1975.
- Homenaje a los proceres de la independencia de Colombia.— «Revista de las fuerzas armadas» (Bogotá), 1969, v. XIX, N 56.
- Humphreys R. A.* The Emancipation of Latin America.— «The New Cambridge Modern History», v. IX. Cambridge, 1965.
- Humphreys R. A.* Liberation in South America. 1806—1827. London, 1952.
- Humphreys R. A.* Tradition and Revolt in Latin America and other Essays. London, 1969.
- Humphreys R. A. and Lynch J.* (ed.). The Origins of Latin American Revolutions 1808—1826. New York, 1965.

- Jane C. Liberty and Despotism in Spanish América.* New York, 1966.
- Jaramillo Uribe J.* Cambios demográficos y aspectos de la política social española en el Nuevo Reino de Granada en la Segunda mitad del siglo XVIII.— «Razón y Fabula» (Bogotá), 1973, N 31.
- Jaramillo Uribe J.* Ensayos sobre historia social colombiana. Bogotá, 1968.
- Jaramillo Uribe J.* El pensamiento colombiano en el siglo XIX. Bogotá, 1964.
- Jaramillo Uribe J.* Influencias del pensamiento español escolástico en la educación política de la generación precursora de la independencia en la Nueva Granada.— «El movimiento emancipador de Hispanoamérica», t. IV. Caracas, 1961.
- Jaramillo Uribe J.* La población indígena de Colombia y sus transformaciones posteriores.— «Anuario colombiano de historia», v. II, N 2. Bogotá, 1964.
- Johnson J. J.* Simón Bolívar and Spanish American Independence. Princeton, 1968.
- Kantor H.* Patterns of Politics and Political Systems in Latin America. Chicago, 1969.
- Kaplán M.* Formación del Estado Nacional en América Latina. Santiago de Chile, 1969.
- Kirkpatrick F. A.* Repartimiento — encomienda.— «The Hispanic American Historical Review», 1939, N 3.
- Kossok M.* Historia de la Santa Alianza y la emancipación de América Latina. Buenos Aires, 1968.
- Kossok M.* El virreinato del Río de la Plata. Su estructura económica-social. Buenos Aires, 1959.
- Kramer-Kaske L.* Imlande Der Chibcha. Leipzig, 1967.
- Kubler Y.* The Great Revolt of Tupac Amaru.— «History of Latin American Civilization», ed. L. Hanke, v. 1. Boston, 1967.
- Lallement M.* Histoire de la Colombie. París, 1827.
- La Vega J.* La federación en Colombia. 1810—1912. Bogotá, 1952.
- Lecuna V.* Crónica razonada de las guerras de Bolívar, t. 1—3. New York, 1950.
- Levene R. A.* History of Argentina. Chapel Hill, 1937.
- Levene R. A.* Las Indias no eran colonias. Buenos Aires, 1951.
- Levene R. A.* Investigaciones acerca de la historia económica del virreinato de la Plata. Buenos Aires, 1952.
- Levene R. A.* El mundo de las ideas y la revolución hispanoamericana de 1810. [Santiago], 1956.
- Lewin B.* Los movimientos de emancipación en Hispanoamérica y la independencia de Estados Unidos. Buenos Aires, 1952.
- Lewin B.* La rebelión de Tupac Amaru. México, 1947.
- Lievano Aguirre I.* España y las luchas sociales del Nuevo Mundo. Madrid, 1972.
- Lievano Aguirre I.* Los grandes conflictos sociales y económicos de nuestra historia, v. I—IV. Bogotá, [1962].
- Lopez de Mesa L. E.* De como se ha formado la nación colombiana. Medellín, 1970.
- Lozano Cleves A.* Así se hizo la independencia, t. 1—2. Bogotá, 1959—1961.
- Lynch J.* The Spanish American Revolutions 1808—1826. London, 1973.

- Lynch J.* Spanish Colonial Administration. 1782—1810. New York, 1969.
- Machado Ribas L.* Movimientos revolucionarios en las colonias españolas de América, 2 ed. Buenos Aires, 1940.
- Madariaga S. de.* The Fall of the Spanish American Empire. New York, 1948.
- Madariaga S. de.* The Rise of the Spanish American Empire. London, 1947.
- Martínez Zulaica A.* La medicina del siglo XVIII en el Nuevo Reino de Granada. Tunja, 1973.
- Means P. A.* The Fall of the Inco Empire and the Spanish Rule in Peru. 1530—1780. New York, 1932.
- Mendoza Velez J. de.* Gobernantes de Colombia. 1810—1957. Bogotá, 1957.
- Molina G.* Las ideas liberales en Colombia. 1849—1914. Bogotá, 1971.
- Moreno M. M.* Génesis sociológica de la independencia Hispanoamericana. México, 1952.
- Moses B.* The Intellectual Background of the Revolution in South America 1810—1824. New York, 1926.
- Moses B.* South America on the Eve of Emancipation. New York, 1965.
- Mörner M.* La corona española y los foráneos en los pueblos de indios de América. Estocolmo, 1970.
- Mörner M.* The Political and Economic Activities of the Jesuits in the La Plata Region. Stockholm, 1953.
- Mörner M.* Problemas y controversias en torno a la «hacienda» hispanoamericana del siglo XVII.—«Anuario de Estudios Americanos». Sevilla, v. XXVIII, 1971.
- Mörner M.* Race Mixture in the History of Latin America. Boston, 1967.
- Navarro Garcia L.* Sublevación del jaqui de 1740. Sevilla, 1966.
- Nieto Arteta L. E.* Economía y cultura en la historia de Colombia, 2 ed. Bogotá, 1962.
- Novoa E.* Las sociedades económicas de amigos del país. Madrid, 1955.
- Ospina Vasquez L.* Industria y protección en Colombia. 1810—1930. Medellín, 1955.
- Ots-y-Capdequi J. M.* España en América. El regimen de tierras en el época colonial. México — Buenos Aires, 1959.
- Ots-y-Capdequi J. M.* El Estado español en las Indias. Buenos Aires — México, [1957].
- Ots-y-Capdequi J. M.* Los instituciones del Nuevo Reino de Granada al tiempo de la independencia. Madrid, 1958.
- Palacio Atard V.* Derrota, agotamiento, decadencia en la España del siglo XVII. Madrid, 1949.
- Palacio Fajardo M.* Bosquejo de la revolución en América Española. Caracas, 1953.
- Palacios Preciado J.* La trata de negros por Cartagena de Indias, t. I. Tunja, 1973.
- Parks E. T.* Colombia and the United States. 1765—1934. Durham, 1935.
- Paso L.* De la colonia a la independencia nacional. Buenos Aires, 1963.

- Pastore C.* La lucha por la tierra en el Paraguay. Montevideo, 1949.
- Peña Durán J.* Cartago y Santa Ana de los caballeros. Bogotá, 1945.
- Peralta Pizarro A.* El cesarismo en América Latina. Santiago de Chile, 1966.
- Pereyra C.* Historia de la América Española, t. 1—8. Madrid, 1925.
- Perez Sarmiento J. M.* Caucas célebres a los Precursores, v. 1—2. Bogotá, 1939.
- Periodistas de los albores de la República. Bogotá, 1936.
- Perpiña R.* De estructura económica y economía hispana. Madrid, 1952.
- Picon-Salas M.* De la conquista a la independencia. Tres siglos de historia cultural hispanoamericana. México — Buenos Aires, 1958.
- Plazas Olarte G.* El libertador Simón Bolívar en la batalla del Puente de Boyacá, el 7 de agosto de 1819.— «Repertorio Boyacense» (Boyaca), 1973, N 276—277.
- Pohl H.* Algunas consideraciones sobre el desarrollo de la industria hispanoamericana-especialmente la textil—durante el siglo XVII— «Anuario de Estudios Americanos» (Sevilla), 1971, v. XXVIII.
- Porras Troconis G.* Historia de la cultura en el Nuevo Reino de Granada. Sevilla, 1952.
- Posada F.* El movimiento revolucionario de los comuneros. (Bogotá), 1971.
- Prago A.* The Revolutions in Spanish America. The Independence Movements of 1808—1825. New York, 1970.
- Quimbaya A.* Primeras grandes jornadas de nuestra revolución comunera.— «Documentos políticos» (Bogotá), 1965, N 48.
- Raine P.* Rebeliones de los comuneros paraguayos.— «Cuadernos americanos», 1950, N 1.
- Rama C. M.* Los movimientos sociales en América Latina durante el siglo XIX.— «Atti del X congresso internazionale di scienze storiche». Roma, 1957.
- Readings in Latin American history. Selected articles from the Hispanic American historical review. Ed. by L. Hanke, v. 1—2. New York, 1966.
- Restrepo J. M.* Historia de la revolución de la República de Colombia, v. I—VII. Bogotá, 1942.
- Restrepo V.* Los Chibchas antes de la conquista española. Bogotá, 1895.
- Restrepo V.* Estudio sobre las minas de oro y plata de Colombia. Bogotá, 1952.
- Restrepo Canal C.* Causas de la independencia de los países hispanoamericanos e ideas de sus libertadores.— «Revista de Indias», 1968, N 111-112.
- Restrepo Canal C.* La libertad de los esclavos en Colombia. Bogotá, 1938.
- Restrepo Tirado E.* De Don Gonzalo Ximénez de Quesada a Don Pablo Morillo. París, 1928.
- Riaño C.* La campaña libertadora de 1819. Bogotá, 1969.
- Rippy J. F.* Historical evolution of Hispanic America. Oxford, 1932.
- Rivadeneira Vargas A. J.* Historia constitucional de Colombia. Bogotá, 1962.
- Rivas R.* Historia diplomática de Colombia. (1810—1934). Bogotá, 1961.
- Rivas Vicuna F.* Las guerras de Bolívar, t. 2. Bogotá, 1936.

- Robertson W.* The history of America, v. 1—2. London, 1777.
- Robertson W.* S. France and Latin-American Independence. New York, 1967.
- Robertson W.* S. Rise of the Spanish-American Republics. New York, 1961.
- Rodríguez Casado A.* La política y los políticos en el reinado de Carlos III. Madrid, 1962.
- Rodríguez Casado A.* La revolución burguesa en el siglo XVIII español. Madrid, 1951.
- Rodríguez Cruz O. P., Agueda M.* Historia de los Universidades Hispanoamericana. Período hispánico, v. 1—2. Bogotá, 1973.
- Rodríguez Plata H.* Los comuneros, t. 1. Bogotá, 1950.
- Salamanca G.* Los partidos en Colombia. Bogotá, 1961.
- Samper J. M.* Ensayo sobre las revoluciones políticas y la condición social de las repúblicas colombianas. Bogotá, [1942].
- Samper J. M.* La primera constitución colombiana.—«Universidad Pontificia Bolivariana» (Medellín), 1971, v. XXXII, N 112.
- Sanchez S. A.* Historia general de América, t. 1. Santiago de Chile, 1963.
- Schiappa-Pietra J. C.* Bolívar en la Gran Colombia.—«Revista Interamericana de Bibliografía», v. XXIII, 1973, N 1.
- Service E. R.* The Encomienda in Paraguay.—«The Hispanic American Historical Review», 1951, N 2.
- Silva Holguin R.* Valle del Cauca. 2 éd. t. 1—2. [s. l.], 1964—1965.
- Stoetzer O. C.* El pensamiento político en la América Española durante el periodo de emancipación. (1789—1825). Madrid, 1966.
- Suarez F.* La crisis política del antiguo régimen en España. Madrid, 1950.
- Suarez Verdeguer F.* Las tendencias políticas durante la guerra de la independencia. Zaragoza, 1959.
- Tascon T. E.* Historia del derecho constitucional colombiano. Bogotá, 1953.
- Tejado F. M.* Aspectos de la vida social en Cartagena de Indias durante el seiscientos. Sevilla, 1954.
- Tirado Mejía A.* Introducción a la historia económica de Colombia. Bogotá, 1972.
- Tisnés J. R. M.* Capítulos de Historia Zipaquireña. 1480—1830, v. 1. Bogotá, 1956.
- Tisnés J. R. M.* Movimientos pre-independientes grancolombianos. Bogotá, 1962.
- Torrente M.* Historia de la revolución hispanoamericana, t. 1—3. Madrid, 1829—1830.
- Torres Almeida L.* La rebelión de Galán el comunero. Bucaramanga, 1961.
- Torres Giraldo I.* Los inconformes. Resumen de la historia de los colombianos, t. 1. Medellín, 1967.
- Valderrama Benítez E.* Real de minas de Bucaramanga. 1547—1945. Bucaramanga, 1947.
- Urrutia F. Y.* Los Estados Unidos de América y las repúblicas hispano-americanas de 1810 a 1830. Madrid, 1918.
- Valcárcel D.* La rebelión de Tupac Amaru. México, 1947.
- Valcárcel D.* Rebeliones indígenas. Lima, 1946.
- Valdes Vergara F.* Historia de Chile. Santiago de Chile, 1952.

- Valois Arce D.* Departamento del Chocó. Medellín, 1945.
- Vargas T. R.* Visiones de historia. Bogotá, 1946.
- Vargas Jurado J. A.* La patria boba. Bogotá, 1962.
- Vargas Ugarte R.* Historia del Perú. Virreinato. Lima, 1956.
- Velázquez M. del C.* Nueva estructura social en Hispanoamérica después de la independencia.— «Jahrbuch für Geschichte von Staat, Wirtschaft und Gesellschaft Lateinamerikas», Bd. 5, 1968.
- Vergara-y-Velasco F. J.* 1818. Guerra de Independencia, 2 ed. Bogotá, 1960.
- Vergara-y-Velasco F. J.* República de Colombia, t. 1. Bogotá, 1902.
- Vergara-y-Vergara J. M.* Historia de la literatura en Nueva Granada (1538—1820). Bogotá, 1958.
- Villoro L.* El proceso ideológico de la revolución de independencia, 2 éd. México, 1967.
- Vicens Vives J.* Historia social y económica de España y América, t. IV, v. 1. Barcelona, 1958.
- West R. C.* Colonial placer mining in Colombia. Baton Rouge, 1952.
- Whitaker A. P.* The United States and the Independence of Latin America. 1800—1830. New York, 1962.
- Zavala S.* Ensayos sobre la colonización española en América. Buenos Aires, 1944.
- Zavala S.* El mundo americano en la época colonial, t. 1—2. México, 1967.
- Zubieta P.* Apuntaciones sobre primeras misiones diplomáticas de Colombia. Bogotá, 1924.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Агилера М. 33, 34, 130, 131, 158, 291, 294, 297
 Агирре Х. Б. 120
 Аймерич 220—223, 285
 Айяла Х. 118, 137
 Алегре 119
 Алмейда (семья) 35, 113, 229, 264
 Алмейда А. 159, 255, 264, 267—271, 274
 Алмейда В. 267—271, 274
 Алмейда Г. 264
 Алмейда Тереса 264
 Алмейда Тринидад 264
 Алмейда Р. 264
 Алмейда Сумалаве Р. 264
 Альба 171, 174
 Альба Х., де 91
 Альварес М. Б. 184, 198, 216, 222, 224, 254
 Алькантус Л. 89, 108
 Альперович М. С. 16, 46, 48, 63, 64, 209, 210
 Альсате А. 120
 Амадор М. 245
 Амадор Х. А. 165, 239, 244
 Амадор Э., де 115, 138
 Амайя Х. С. 267
 Амар-и-Бурбон А. 10, 65, 148, 153, 155—159, 163, 164, 168, 169, 170, 172—174, 176, 177, 179
 Ангиано М., де 245
 Ансоатеги 36, 279—282, 284
 Арболеда Х. 13, 125
 Арболеда Льюренте Х. М. 54, 66, 67
 Ардила И. 88
 Ардила П. 88
 Ардила Х. Ф. 166
 Арельяно Ф. 268
 Арельяно Морено А. 7, 60, 69, 72, 73
 Арисменди Р. 54, 55
 Аркос Х. М. 267, 268
 Армеро Л. 184
 Арнаде Ч. 22
 Арока Х. 261
 Арредовно А. 263, 271
 Артеага Х., де 103
 Аррубла Г. 121, 138, 139, 145, 180, 188, 201, 209, 211, 215—217, 224, 234, 236, 241, 248, 251, 256, 257, 272, 275, 286, 287, 291, 294
 Арсиньегас Х. 39
 Арчила С., де 90
 Асеведо-и-Гомес Х. 10, 157, 160, 170, 173, 206
 Асеро П. 267
 Асин 218
 Асуола Л. Э. 189, 206
 Асуола Х. Л., де 133, 144
 Аумада Х. А. 119
 Барайа (семья) 35, 264
 Барайа А. 159, 170, 174, 187, 188, 202—208, 254
 Байер Х. 246, 248, 263
 Баргальо М. 52, 59, 74
 Барейро 37, 276, 277, 280—284
 Баррера Х., де ла 93
 Бахамар 142
 Башэлл Д. 44
 Белалькасар С., де 50
 Бельтран М. 88
 Бенитес Э. 254
 Бербео Х. Ф. 92, 94, 96—98, 102, 105, 107, 109
 Бермудес Ф. 209, 238—240, 244
 Бернате Ф. 261
 Бернет Х. 106, 107

- Блас де Сориа 165
 Блоссом Т. 44, 45, 85, 124, 125, 128, 129, 132, 138—140, 146, 159, 183, 192, 199, 201, 204, 205, 207, 208, 212, 213, 216—220, 222, 223, 254, 290, 293
 Бовес 41, 222
 Боливар С. 9, 13—15, 17, 36, 37, 41, 44, 122, 195, 209, 210, 222, 224—227, 237, 271, 274, 275, 278—289, 292, 296
 Бонплан Э. 120, 122
 Боркес 270
 Ботони Ф. 120
 Браун 249
 Брито Фигероа Ф. 139
 Бустаманте 119
 Буэнавентура Н. 25, 39—41, 64—67, 82, 110, 299
 Бэкон Ф. 119

 Валенсуэла Э. 5
 Валенсуэла К. 254
 Вальдес Х. 166
 Вальдес (семья) 255
 Ванегас Ф. Х. 176
 Варгас П. Ф., де 5—7, 12, 38, 59, 61, 70, 87, 111, 112, 115, 122, 124, 126—129, 131—135, 140, 141, 144, 146—148
 Варлета Ф. 246, 251
 Васкес М. А. 271
 Васкес Х. М. 51, 65
 Васко-и-Варгас Х. 94
 Васконселос Х. 22
 Велес Ладрон де Гевара Ф. А. 8
 Веллингтон А. У. 231
 Вергара Ф. 98
 Вергара-и-Веласко Т. Х. 275
 Видауррасага А. 234—235
 Вильявисенсио А. 163, 165, 169, 234, 241, 248, 254
 Вилья Орельяна 155
 Вискардо-и-Гусман П. 120
 Вольтер М. Ф. 119, 123, 125

 Галавис Э. 94
 Галан Х. А. 9, 39, 77, 94, 95, 102, 103, 105, 107—110, 172
 Гальвес Х. 96, 106, 125
 Галеа Х. 263, 268, 271
 Галеано А. 268
 Гарсиласо де ла Вега И. 120
 Гарсия М. 176, 177, 185, 193

 Гарсия дель Рио Х. 15, 237, 238, 240, 242, 244, 245
 Гарсия де Толедо Х. М. 225, 239, 245
 Гарсия Ровира К. 224, 234, 247, 251, 254
 Гассенди 119, 120
 Гевара 119
 Гибсон У. М. 189, 291, 292
 Гизо Ф. П. 27
 Гириор 70
 Гоббс Т. 28, 119
 Годой М. 15, 142, 149, 150, 153, 185
 Гомес Лауреано 22, 26
 Гомес Луис 134
 Гомес М. Т. 166
 Гомес Ф. Х. 176
 Гомес Ойос Р. 9, 26—30, 33, 62, 76, 86, 88, 89, 92, 93, 96, 98, 100, 105, 109, 139, 148
 Гомес Уртадо А. 22
 Гонионский С. А. 9, 32, 49, 51
 Гонсалес Л. 270
 Гонсалес М. 83
 Григулович И. Р. 70
 Гроот П. 193, 194, 199
 Гроот Х. М., де 18—21, 29
 Гуаль М. 139, 147
 Губер А. А. 48
 Гумбольдт А. 58, 73, 120, 122
 Гутьеррес (семья) 35, 264
 Гутьеррес П. 176
 Гутьеррес Х. Ф. 9, 10, 77, 80, 86, 88, 92, 103, 104, 106—110
 Гутьеррес де Пиньерес Г. 195, 209, 225, 226, 239
 Гутьеррес де Пиньерес С. 195, 226, 239, 240
 Гутьеррес де Пиньерес Х. Ф. 8, 9, 85—89, 91, 94, 95, 102, 106, 109, 165, 195, 201, 226, 239

 Даса П. И. 270
 Декарт 119, 120
 Дельгадильо Х. 88
 Дельгадо А. 42, 43, 51, 52, 78, 86, 108
 Диас М. С. 268
 Диас Гранадос М. 225, 245
 Диас де Гамарра Х. Б. 119, 120
 Диас-Диас О. 34, 35, 47, 113,

- 144, 158, 159, 229, 233, 235, 238, 241, 242, 245, 247—253, 255, 256, 260—264, 266—270, 275, 276
- Дидро Д. 119, 125
 Д'Орбиньи Г. А. 59, 60, 72
 Домингес Х. М. 190, 194
 Дуран Х. М. 134
 Дьос Амадор Х., де 226, 227
- Екатерина II 120
 Ермолаев В. И. 48
- Жозеф Бонапарт 151
- Ибаньес П. М. 13
- Кабаль Х. М. 137, 235, 251, 254
 Кабальеро-и-Гонгора А. 5, 6, 74, 82, 94, 96, 97, 105, 106, 109—111, 120
 Каво А. 119
 Кадена В. 158, 159, 164
 Кайседо (семья) 27, 112, 255, 264
 Кайседо Д. 267
 Кайседо Л. 118, 157—159, 170
 Кайседо Х. 132, 133, 188
 Кальво И. 262
 Кальво С. 262
 Кальдас (семья) 27
 Кальдас Ф. Х., де 5, 10, 16, 38, 75, 122, 144, 145, 168, 192, 249, 254
 Кальсада С., де 12, 241, 242, 246, 249, 284, 285
 Камачо Х. 5, 145, 160, 170, 206, 224, 254
 Кампос М. 184
 Кампусано Х. М. 84, 93
 Карабаньо (братья) 209, 246
 Карабаньо М. 210
 Карбонель Х. М. 27, 122, 170, 172, 174—177, 182, 185, 193, 194, 199, 204, 205, 254
 Карденас Агоста П. Э. 8, 9, 85—90, 94, 96, 102, 103, 106, 109, 110
 Карл III 40, 42, 45, 46, 58, 81—85, 95, 125, 126
 Карл IV 127, 131, 151, 153, 185
 Карл V 50
 Карлос (инфант) 257
 Каро М. А. 21, 22
- Кастилья Р., де 155
 Кастильо-и-Рада (семья) 27
 Кастильо-и-Рада М. 217, 225—227, 237—240, 245, 254
 Кастильо-и-Рада Х. М. 189, 206, 211, 224, 225, 250, 252, 290
 Кастро 119
 Кастро М. Б., де 204, 205
 Кастро Х. И., де 158, 160
 Кахигаль 223
 Кимбайя А. 38, 39
 Кирога 156
 Клавихеро 119, 120
 Кольменарес Г. 70, 83
 Конетцке Р. 56
 Коперник 120, 123
 Корона К. 127, 130, 131
 Корраль Х., дель 214
 Кортасар Р. 14
 Кортес Кампоманес 209, 210, 217
 Кристанчо Р. 88
 Крус Сантос А. 31, 32, 112, 113, 145, 146, 163, 294—298
 Куаутемок 119
- Лабатю 209—211
 Лаврецкий И. Р. 37, 48
 Лавров Н. М. 48
 Лаллеман М. 80, 109, 202, 205, 208—210, 212, 225, 238, 239, 242—244, 268, 284, 286, 287
 Лас Касас Б., де 53
 Латгоре М. 246, 249, 250, 252, 253, 261, 285
 Левене Р. 22
 Лейбниц 119
 Лейва 222
 Лейтон А. 261
 Леметр Э. 15, 143, 165, 184, 187, 196, 197, 201, 209, 211, 226, 227, 236, 237, 245, 246, 272, 273, 286, 287
 Ленин В. И. 300
 Ливерпуль (лорд) 138
 Линаре Э. 261
 Линней К. 120, 123
 Лино де Помбо 15, 38
 Линч Дж. 45—47, 82
 Локк Д. 28, 119
 Лопес М. А. 15, 283, 287
 Лопес Э. 244
 Лопес Микельсен А. 22
 Лосано (семья) 255, 264

- Лосано Х. Т. 124, 133, 144, 160, 189—191, 193, 194, 211, 254
 Лосано-и-Лосано Ф. 36, 37, 275, 277, 280—282, 284, 288
 Лосано Клевес А. 36, 227, 234, 235, 238, 247, 250, 282, 283, 287
 Льевано Агирре И. 22—28, 39, 40, 67, 80, 84—86, 158, 159, 169, 170, 172, 173, 176, 177, 180—182, 184—186, 193, 194, 198, 199, 204—209, 212, 215, 217—220, 222—227, 231, 233, 238, 240, 241, 244, 247—250, 253, 254
 Льоренте 169, 170
 Мадрид Х. Ф. 144, 206, 211, 224, 247—251
 Макгрегор 278
 Манрике Х. А. 276
 Маньин 120
 Мариатеги Х. К. 51—53, 68
 Мариньо И. 263, 268
 Мария-Луиза 149
 Маркс К. 51, 54, 56, 63, 69, 151, 222, 273
 Мартинес А. 248
 Мартинес Б. Х. 140
 Мартинес Делгадо Л. 5, 120, 124, 144, 145, 169, 189
 Мартинес Сулаика А. 121, 122, 129
 Маруфо Э. 268
 Мендинуэта П. 140, 142, 143, 148, 231
 Мендоса К., де 105
 Месер Х. 44
 Мехиа Л. 251, 252, 254
 Мишняно Б. 156, 159, 160
 Мирамон А. 38, 125, 134, 138, 139
 Миранда Ф. 139, 140, 147—149, 203, 223
 Мирафлорес 155
 Мирошевский В. М. 47, 48
 Молано Даса Л. 8, 9, 86, 88, 98, 99, 133, 196, 214, 288, 289
 Молина А. 88, 92
 Молина И. 88, 91—95, 108
 Молина Х. 140
 Мон Х. А. 112
 Монсальве П. 235
 Монсанарес А. 22
 Монтальво Ф. Д. де 5, 226, 245, 256, 271—273
 Монтеверде 41, 203
 Монтес Т. 9, 12, 164, 165, 215, 219, 222, 223
 Монтескье 119
 Монгуфар К. 235, 251
 Мора Х. И. 261—262
 Моралес (семья) 35, 264
 Моралес (братья) 169, 170
 Моралес А. 156, 160, 169, 222, 235, 237, 242, 243, 282
 Морено А. 261
 Морено-и-Эскандон Ф. А. 7, 88, 90, 118, 176
 Морильо П. 13, 36, 37, 41, 231—238, 241—248, 252—256, 259, 261, 262, 271, 276, 278, 284—286
 Москера И., де 118
 Муньос И. 195, 225, 226
 Мутис С. 135, 170
 Мутис Х. С. 120—123, 129, 133, 135, 137, 142, 146
 Мюрат И. 150
 Наполеон Бонапарт 3, 22, 149—155, 185, 214, 217, 231
 Нарваэс А., де 155, 165
 Нариньо А. 12, 13, 16, 18, 19, 24, 28, 29, 33, 37, 38, 44, 45, 113, 122, 124—129, 131—134, 136—140, 142, 146—148, 156—160, 164, 170, 183—185, 189, 191—195, 197—208, 211—223, 229, 235, 289, 290, 293
 Нариньо А. (младший) 217
 Нариньо Г. 200
 Нонато Перес Р. 263, 267, 271
 Ньютон И. 119, 120
 Овьедо Б. В., де 7, 8
 Олавиде П., де 142
 Олайя (семья) 255
 Олайя А. 263
 Оманья Н. М., де 195
 Оре 278
 Ортега Рикаурте Э. 9
 Ортис М. 88, 108
 Осорио Х., де 93
 Оспина М. 38, 124
 Оспина Васкес Л. 31, 47, 66, 67, 70—75, 82, 114, 115
 Отеро Муньос Г. 123, 172

- Отс-и-Капдеки Х. М. 43, 44, 51, 66, 72, 82, 83, 114—116
- Паласиос Ф. 227
- Пардо 194
- Паэс 41
- Пеньюэла К. Л. 13, 232, 234, 237, 244, 246, 249, 252, 256, 263, 280, 285
- Перес М. Б. 201
- Перес Сармьенто Х. М. 13
- Писко А. 80, 95, 96, 109
- Питт В. 138, 147
- Плата С. 88, 91, 107—109
- Плата Х. Л. 166
- Помбо М., де 170
- Помбо Х. И. 113
- Посада Э. 10, 11, 13
- Прадиля П. 133, 137
- Прието М. 141
- Пэй Х. Б. 170
- Пэй Х. М. 23, 160, 170, 172, 185, 225, 241
- Реаль Идальго Х. М., дель 201
- Рестрепо В. 58—61, 73—75, 112
- Рестрепо Х. М. 5, 9, 16—20, 75, 77, 78, 85, 106, 108, 110, 142, 143, 145, 148, 153—158, 164, 169, 173, 176, 177, 183, 184, 186—188, 190, 194, 198, 201, 202, 206—208, 211, 214, 216—220, 223—227, 231, 233—236, 238, 240—247, 249—258, 262, 263, 268—273, 275—278, 280—285, 288, 295, 296
- Рестрепо Х. Ф., де 38, 75, 123, 124
- Рестрепо Каналь К. 13, 125, 133, 135, 183, 191, 194, 203, 215
- Рестрепо Тирадо Э. 13
- Рианьо К. 36
- Ривас Р. 37, 38
- Ривера Р. 261
- Рикаурте (семья) 35, 113, 255, 264
- Рикаурте А. 137
- Рикаурте Х. 158, 175, 202, 204, 206, 241
- Риэго Р. 286
- Родригес (семья) 35, 264
- Родригес Х. И. 215, 218, 220, 221, 263, 264
- Родригес Касадо А. 127
- Родригес Плата О. 11, 38, 168
- Родригес Торисес М. 115, 209, 211, 224, 225, 241, 249, 254
- Родриго Бастидас 50
- Росильо А. 12, 38, 157, 158, 160, 172, 174, 184, 200, 201
- Росильо Ф. 107, 108
- Росильо Х. М. 158, 159, 164
- Россио Х. 289
- Руис Д. 246
- Руис Х. И. 262
- Руссо Ж. Ж. 28, 119, 123, 125
- Рье Л., де 12, 129, 134, 137
- Рэйес Р. К. 119, 120, 142
- Сабараин А. 267, 268
- Сакристан Х. Б. 199
- Салайда 155
- Салас Д. 261
- Салинас 156
- Сальвариета В. Б. 264
- Сальвариета П. 35, 36, 264—268
- Сальгар К. 159, 164
- Сальседо Ф. М. 114
- Самано Х. Д., де 9, 12, 170, 215—219, 235, 247, 251, 252, 255—257, 271, 273, 276, 277, 283, 284, 286
- Сампер Х. М. 19, 20, 31
- Санльоренте Х. 153, 154
- Санта Крус-и-Эспехо Ф. К. Э. 120, 125—127, 132, 136, 141, 223
- Сантамариа М. 144, 146
- Сантамариа Х. С., де 170, 204
- Сантандер Ф. де П. 13, 14, 36—38, 41, 44, 45, 122, 125, 206, 242, 247, 250, 252, 262, 275—278, 280—282, 284, 285, 288, 289, 293, 296
- Сантистебан М. де 7, 60, 72
- Сантос Ф. 261
- Сантос Молано Э. 125
- Сантос Плата А. 38
- Сан-Хорхе (маркиз) 65, 90, 94, 97, 98, 109, 133, 144, 157, 160, 192
- Сан-Хорхе (маркиза) 253
- Саеа Ф. А. 126, 127, 133, 137, 142, 288
- Севилья Р. 15
- Сельва Алегре, де 126, 155, 156
- Семенов С. И. 48

- Сервье М. 215, 217, 235, 241, 248, 250, 251
Серда М., де ла 120
Серрано Ф. 252
Сехудо А. 142
Сильвестре Ф. 78, 79, 83
Сифуэтес Б. 133, 137
Слэзкин Л. Ю. 48
Смит А. 123
Созина С. А. 51
Сокорро М., дель 128, 129
Суарес Х. М. 28, 29, 268
Сублетте К. 242, 279
Сукре 41
- Тадео Гомес М. 171
Такон М. 9, 11, 12, 41, 187, 188, 202
Телло М. 261
Тирадо Мехиа А. 63, 64, 66, 68, 70, 71, 84
Тиснес Х. Р. М. 33, 34, 38, 110, 122, 126—129, 132—136, 139, 141—143, 146, 148, 156, 166, 277, 280
Тольра К. 251, 252, 270, 271, 284
Тольра Х. 268—270, 280
Торрес Г. 245, 286
Торрес К. 10, 18, 23, 25, 27, 38, 115, 122, 124, 144, 155, 160, 161, 163, 170, 182, 184, 192, 197, 198, 200, 206, 223, 241, 247, 249, 254
Торрес Алмейда Л. 9, 86, 88—96, 98, 102, 103, 105, 107—109
Торрес-и-Веласко Г. 15, 236, 245, 272, 273
Торрес-и-Пенья Х. А., де 14, 88, 152, 155, 157, 164, 166, 171, 176
Торрес Ларраин 120
Торрихос Х. М. 231
Тупак Амару 87, 103, 141
Тьерри О. 27
- Уайтекер А. 22
Ульоа А. 65, 144, 254
Уманья Э. 133, 137
Урданета Р. 224, 242, 247
Урибе М. М. 75
Урибе П. 134
- Федерманн Н. 50, 51
- Фердинанд VII 15, 150—153, 155, 156, 159, 163, 168, 172—176, 184, 185, 198, 222, 231, 255, 257, 273
Фернандес П. И. 166
Фернандес Ф. М. 276
Флорес 86, 106, 108, 116
Флоридабланка 154
Фома Аквинский 28, 29, 33
Фореро М. Х. 8, 38, 122, 124, 133, 134, 151, 153, 154, 164, 168, 173, 176—178, 185, 198, 199, 205, 208, 216, 223—225, 237, 251, 253, 254
Франклин Б. 45
Фриас 170, 174
Фриде Х. 55
Фроэс М. А. 137
Фурлонг Г. 22, 28
- Хаген В. 254
Харамильо Урибе Х. 32, 33, 56, 59, 60, 62, 69, 112, 117, 118
Хиль М. 174
Хименес де Кесада Г. 50, 51
Хуан Х. 65
- Чакон де Луна А. 86
- Штрахов А. И. 16, 48
- Элиас Ортис С. 5, 12, 120, 124, 144, 145, 168, 169, 172, 173, 176, 177, 189
Эльгерро Х. 22
Энао Х. М. 121, 138, 139, 145, 180, 188, 201, 209, 211, 215—217, 224, 234, 236, 241, 248, 251, 256, 257, 272, 275, 286, 287, 291, 294
Энгельс Ф. 51, 56, 63, 69, 151, 222, 273
Эприле П. 237, 238, 253, 254, 259
Эрнандес де Альба Г. 10, 13
Эрнандес де Альба Х. 137
Эрредиа П., де 50
Эррера И., де 12, 176, 184, 193, 198
Эсгерра М. Х. 266
Эспанья Х. М. 139
Эспелета Х., де 74, 125, 127, 231
Эспиноса Д., де 132
Эспиноса Х. М. 16
Эстебан Рамирес Х. 260

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I	
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НОВОЙ ГРАНАДЫ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ	50
Испанская колонизация в XVI—XVII вв.	50
Экономическое развитие колонии в XVIII в.	58
ГЛАВА II	
ВОССТАНИЕ КОМУНЕРОС — ПРОЛОГ ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ В НОВОЙ ГРАНАДЕ	81
Реформы Карла III и их влияние на социально-политические процессы в колонии	81
Начало восстания комунерос	87
Предательство креольской верхушки	92
Углубление социального характера движения комунерос	102
Поражение восстания	106
ГЛАВА III	
УГЛУБЛЕНИЕ КРИЗИСА ИСПАНСКОГО КОЛОНИАЛЬНОГО ГОСПОДСТВА В НОВОЙ ГРАНАДЕ	111
Экономическое положение колонии после восстания комунерос	111
Идеологическая подготовка войны за независимость	118
Антииспанский заговор 1794—1796 гг. и его последствия	131
ГЛАВА IV	
ВОССТАНИЕ 20 ИЮЛЯ 1810 ГОДА В САНТАФЕ И СОЗДАНИЕ КОРОЛЕВСТВА КУНДИНАМАРКА	149
Французская оккупация Испании и Новая Гранада	149
Переворот в Кито и углубление политических противоречий в колонии	155
Восстание 20 июля 1810 г. и провозглашение Верховной правительственной хунты	164
	325

Создание правительственных хунт в городах. Обострение классовых противоречий в провинциях	178
Образование королевства Кундинамарка	186
ГЛАВА V	
БОРЬБА ФЕДЕРАЛИСТОВ ПРОТИВ ЦЕНТРАЛИСТОВ	191
Создание Конфедерации Соединенных провинций Новой Гранады	191
Провозглашение независимости Кундинамарки	201
Поражение радикального крыла патриотов в Сантафе и Картахене	215
ГЛАВА VI	
ИСПАНСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ КОЛОНИАЛЬНОГО РЕЖИМА	228
Новая Гранада в канун испанской интервенции	228
Осада Картахены	235
Раскол в лагере патриотов. Захват испанцами Сантафе	247
Восстановление колониальных порядков	252
ГЛАВА VII	
НОВЫЙ ПОДЪЕМ БОРЬБЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ. СОЗДАНИЕ РЕСПУБЛИКИ КОЛУМБИЯ	260
Возникновение партизанского движения	260
Антииспанский заговор в Сантафе в августе 1817 г. Нарастание партизанского движения	266
Новая Гранада накануне похода Боливара	271
Поход Боливара	278
Создание Республики Колумбия	287
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	295
БИБЛИОГРАФИЯ	301
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	319

НИНА ГЕОРГИЕВНА ИЛЬИНА

**КОЛУМБИЯ: ОТ КОЛОНИИ К НЕЗАВИСИМОСТИ
1781—1819 гг.**

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
Академии наук СССР

Редактор издательства Н. Ф. Лейн
Художник Н. Б. Старцев
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор С. Г. Тихомирова
Корректор Г. И. Сурова

Сдано в набор 22/IV 1976 г.
Подписано к печати 24/VI 1976 г.
Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага типографская № 2
Усл. печ. л. 17,64.
Уч.-изд. л. 18,3
Тираж 2800.
Т-09041
Тип. зак. 558
Цена 1 р. 17 к.

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21
2-я типография издательства «Наука»,
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер. 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
206	10 св.	федералистической	федералистской
244	11 св.	1915 г.	1815 г.
251	19 св.	С востока	С севера

Зак. 558. Н. Г. Ильина. Колумбия